

ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2016. Том 4, № 3

GOLDEN HORDE REVIEW
2016. Vol. 4, no. 3

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории
им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан»

Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А.Усманова

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Журнал основан в апреле 2013 г.

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИЯ:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная),
292 00 19

Подписной индекс в каталоге
«Каталог Российской Прессы» – **31999**

ЖУРНАЛ ИНДЕКСИРУЕТСЯ В:

Российском индексе научного
цитирования (РИНЦ)
Международной базе данных Ульрих
Научной электронной библиотеке
открытого доступа КиберЛенинка

Academic Journal

FOUNDER:

State Institution
«Sh.Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences»

Usmanov Center for Research
on the Golden Horde and Tatar Khanates

Certificate of registration in the mass media
ПИ № ФС77–54682 given by Roskomnadzor
on 9 July 2013

Journal was founded in April 2013

Published 4 times a year

EDITORIAL OFFICE:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception),
292 00 19

Subscription index in the «Catalogue
of the Russian Press» – **31999**

THE JOURNAL IS INDEXED BY:

Russian Science Citation Index Database
International databases of
the Ulrich's Periodicals Directory
Scientific Electronic Open Access
Library CyberLeninka

<http://goldhorde.ru>

E-mail: zolutayaorda.centri@mail.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2016

© Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, 2016

© «Золотоордынское обозрение», 2016

Главный редактор:

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Халил Иналджик, Ph.D. (история), профессор университета Билкент (Анкара, Турция)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., профессор, член Института нумизматики Центральной Азии Кембриджского университета (Кембридж, Великобритания)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванович, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исхаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почекаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Редактор английских текстов:

Роман Хаутала, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; исследователь исторического отделения гуманитарного факультета Университета Оулу (Оулу, Финляндия)

Технический редактор:

Л.С. Гиниятуллина, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Editor in chief:

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde History and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive editors:

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Council:

D.V. Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Halil İnalçık, Ph.D. (History), Professor, Bilkent University (Ankara, Turkey)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Professor, Member of the Central Asian Numismatic Institute, Cambridge University (Cambridge, UK)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

English texts editor:

Roman Hautala, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Postdoctoral researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland)

Technical editor:

L.S. Giniyatullina, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

- Ильясова З.С., Сабитов Ж.М.** Сведения «Нухбат ад-дахр
фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр» ад-Димашки
о тюркских племенах Дешт-и Кипчака 474
- Хаутала Р.** От Бату до Джанибека: Военные конфликты
Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) 485
- Sayfetdinova E.G.** To the Question of the Use of the Ethnic Term
“Tatars” in Arab Historical Literature 529
- Зайончковский Ю.В.** Джучид Бек-Булат по данным
письменных и нумизматических источников 534
- Пенской В.В., Пенская Т.М.** Набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея
на «берег» летом 1533 г. 552
- Ivanics M.** Memories of Statehood in the Defter-i Genghis-name 570
- Якушечкин А.В.** К вопросу об обстоятельствах прихода
к власти Хаджи-Гирея 580
- Рустемов О.Д.** Проблемы в изучении крымских
судебных реестров XVII–XVIII вв. 602
- Сейт-Маметов Ш.Э.** Перспективы изучения источников
по истории Крымского ханства в архивах Турции 616
- Виноградов А.В.** Дипломатическая документация
Крымского ханства в XVI веке (1515–1596):
к вопросу о современном состоянии публикации 626

Дискуссия

- Стенограмма Круглого стола «Право Казанского ханства»
(Казань, 20 ноября 2015 г.) 648

Наследие

- Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (1) 668

Рецензии

- Миргалеев И.М.** «Кыпчакское» наследие.
О новом издании А.Н. Гаркавца 681
- Аксанов А.В.** О книге А.Н. Курата «Тюркские племена и государства
в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв.»
(Собрание сочинений. Книга 2) 685

Хроника

- Гатин М.С.** Международный научный симпозиум
«Россия и тюрко-мусульманский мир: историко-культурные связи»
(Елабуга, 21–22 апреля 2016 г.) 688

CONTENTS

Publications

Z.S. Il'yasova, Zh.M. Sabitov. Information of “Nukhbat al-dahr fi 'aja'ib al-barr wa-al-bahr” by ad-Dimashqi about the Turkic Tribes of Dasht-i Kipchak	474
R. Hautala. From Batu to Janybek: Military Conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (2)	485
E.G. Sayfetdinova. To the Question of the Use of the Ethnic Term “Tatars” in Arab Historical Literature	529
Yu.V. Zayonchkovskiy. Reign of Jochid Khan Bek-Bulat according to Written and Numismatic Sources	534
V.V. Penskoi, T.M. Penskaya. Raid of Islam Giray and Safa Giray on the “Bank” in Summer 1533	552
M. Ivanics. Memories of Statehood in the “Defter-i Genghis-name”	570
A.V. Yakushechkin. To the Question about the Circumstances of Haji Giray’s Coming to Power	580
O.D. Rustemov. Problems in the Study of the Crimean Court Registries of the 17 th –18 th centuries	602
Sh.E. Seit-Mametov. Current State and Prospects of Studying Sources on the History of Crimean Khanate in Turkish Archives	616
A.V. Vinogradov. Diplomatic Documentation of the Crimean Khanate in the 16 th century (1515–1596): To the Question about the Current State of Publishing	626

Discussion

Transcript of the Round-table “Legal System of the Kazan Khanate” (Kazan, November 20, 2015)	648
---	-----

Legacy

Rashid al-Din. Shu’ab-i panjganah. 2. The Mongols and Turks (1)	668
---	-----

Reviews

I.M. Mirgaleev. The “Kypchak” Heritage. On the New Publication of A.N. Garkavets	681
A.V. Aksanov. On the Book by A.N. Kurat “Turkic Tribes and States in the Volga and Northern Black Sea Regions in the 4 th –18 th centuries” (Collected Writings”. Book 2)	685

Chronicle

M.S. Gatin. International Scientific Symposium “Russia and the Turkic-Muslim World: Historical and Cultural Relations” (Yelabuga, April 21–22, 2016)	688
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 930.2

**СВЕДЕНИЯ «НУХБАТ АД-ДАХР ФИ АДЖАИБ
АЛ-БАРР ВА-Л-БАХР» АД-ДИМАШКИ
О ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕНАХ ДЕШТ-И КИПЧАКА****З.С. Ильясова¹, Ж.М. Сабитов²**^{1,2} *Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
010008, Астана, Казахстан*¹ *E-mail: zita.08@mail.ru,* ² *E-mail: babasan@yandex.ru*

Цель статьи: ввод в научный оборот сведений исторического источника «Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр» («Выборка времени о диковинах суши и моря») о тюркских племенах и кипчакских родах Дешт-и Кипчака. **Материалом исследования** выступил данный источник. Основным **научным результатом** стал перевод данного труда на русский язык с научными комментариями. Автор данного труда – Шейх Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад Абу Талиб ал-Ансари ас-Суфи ад-Димашки. Некоторые ученые ошибочно путают его с другим летописцем по имени Шихаб ад-Дин Ахмед ибн Йахья ибн Фадлаллах ал-Омари ад-Димашки. Широко распространено ошибочное мнение, что ад-Димашки, говоря о кипчакских родах и тюркских племенах, пользовался данными такого автора как Мухаммад ибн Ибрахим ибн Йахья ал-Ансари ал-Кутуби ал-Варрак ал-Ватват, известного также как Ахмед ат-Тини. Изучив сообщения ат-Тини и ад-Димашки, мы не заметили связи этих двух авторов касательно сведений о кипчакских родах и тюркских племенах Дешт-и Кипчака. Изучив эти сведения, мы выдвинули версию, что 16 этнонимов, которых раньше отождествляли с кипчакскими родами, на самом деле являются 8 кипчакскими родами и 8 тюркскими народами. Касаясь **научной новизны**, стоит отметить, что в статье приведены извлечения из «Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр» о географии Дешт-и Кипчака и стран, где живут тюрки. В статье даны описания таких рек как Джейхун (Амударья), Сейхун (Сырдарья), Итиль (Волга), Хазарского и Хорезмского морей (Каспийское и Аральское моря). Кроме этого в статье перечислены такие тюркские народности как ал-харлухийя (карлуки), ал-хиргазийя (кыргызы), ал-каймакийя (кимаки), ал-гуззийя (огузы), ал-бажанакийя (печенеги), ал-тугузгузийя (уйгуры), ал-хулхийя (карлуки), ал-каладжийя (халаджи), ал-гурийя (гурийцы), ал-куманийя (куманы), ал-туркишийя (тюркеши), ал-азкашийя (азкиши), ал-хазар (хазары), ал-булгар (булгары), ал-буртас (буртасы). Из них частично описаны такие народы как хазары, булгары и кипчаки. В статье также приведен список авторов, чьи сведения использовал ад-Димашки.

Ключевые слова: ат-Тини, ад-Димашки, кипчаки, тюрки, кипчакские рода.

Для цитирования: Ильясова З.С., Сабитов Ж.М. Сведения Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр ад-Димашки о тюркских племенах Дешт-и кипчака // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 474–484.

Шейх Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад Абу Талиб ал-Ансари ас-Суфи ад-Димашки, автор труда «Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр» («Выборка времени о диковинах суши и моря»), оставил очень ценные сведения о средневековых тюрках и кыпчаках. К сожалению, извлечения из этого сочинения не были введены в научный оборот. Многие ученые довольствовались отсылками к факсимиле данного произведения, что породило несколько ошибок, исходящих из неправильного понимания некоторых частей данного сочинения. Стоит также отметить, что иногда из-за одинаковой нисбы некоторые ученые путают двух арабских авторов: Шейха Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад Абу Талиб ал-Ансари ас-Суфи ад-Димашки и Шихаба ад-Дин Ахмад ибн Йахья ал-Омари ад-Димашки [1; 5, с. 425; 8, с. 23]. Шамс ад-Дин ад-Димашки родился в 1256 году и умер в 1327 году [7, с. 382]. Ал-Омари, имевший полное имя Шихаб ад-Дин Ахмед ибн Йахья ибн Фадлаллах ал-Омари ад-Димашки родился в 1301 году и умер в 1349 году [7, с. 405]; извлечения из его сочинения были опубликованы В.Г. Тизенгаузенем [4, с. 168–189].

Как писал И.Ю.Крачковский: «В конце XVIII века шведский ориенталист Норберг М. (1747–1826) дал небольшие извлечения из него (1798–1799) и думал подготовить полное издание. Когда в 1819 г. одна рукопись поступила в Азиатский музей в составе коллекции Руссо, Х.М. Френ заинтересовался памятником, что уже в следующем году вошел в Академию с представлением о его напечатании. Печатание было фактически начато, но когда оно было доведено до 312-й страницы, пожар уничтожил ряд готовых листов. Через 15 лет в 1866 году сохранившиеся листы были сброшюрованы и выпущены на правах рукописи в количестве ста экземпляров с французским титульным листом, без всякого пояснения. Космография ад-Димашки уже с 1860-х годов доступна в издании (1866, 1923) и хорошем французском переводе (1874) датского арабиста Мерена» [7, с. 382–386].

Книга с арабским текстом сочинения «Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр» была издана в 1866 году в издательстве Императорской Академии наук в городе Санкт-Петербург [9]. Ниже приведены извлечения из данного издания¹ и комментарии к ним:

1. Четвертая река Сейхун – это река Шаш. Эта река разделяет Тулан (Туран?), также называемый как Хайтал или страна Мавераннахр, и Фергану, которая называется страна Туркестан. Хаукал писал, что его начало – от некоторых рек, которые собираются в пределах тюрок и становятся одним столпом, который течет, пока не появится в пределах Узгенда в стране Фергана. В нее впадает еще другие реки, так она увеличивается и обогащается, потом течет до Фараба. Когда достигает Фараба, она течет по суше, по сторонам которой живут тюрки ал-Газнийя в Газне. Она проходит и впадает в реку Джейхун (Амударья). Между его впадением в эту реку и Хорезмским озером (Аральское море) – 10 дней, и течет она с Джейхуном 2 мила, и когда течет, одна длина ее – 20 мархала².

Среди рек страны Фергана, которые впадают в Джейхун: Фамир, река Тохаристана, река Рашт. Все эти реки исходят из стран Хирхиз. Сейхун сильно

¹ Перевод осуществлен З.С. Ильясовой, комментарии Ж.М. Сабитова.

² Один переход (мархала) в зависимости от рельефа местности колеблется между 25–36 км.

течет, в ней великие чудеса, на его земле большие скалы, поэтому судна по ней не проходят. На ней – большой высокий мост, которым она известна. Сейхун проходит по странам Согд, Самарканд и Бухара, орошая их. Потом расходится и собирается и впадает с Джейхуном в Хорезмское озеро. Ахмед ат-Тини сказал, что страна Согд до их освоения была покрыта лесами, орошенными водой, которая протекает с реки Сейхун. Лишняя вода собирается, и большая река течет, которая называется река Харамкам. Эта река проходит по Бухаре и когда ее достигает, она впадает с востока в Хорезмское озеро. Когда река Харамкам достигает земли Бухары, она впадает в место недалеко от Джейхуна, которое называется Хашхун. Там она образует большое озеро длиной 20 фарсахов³ и шириной от 5 фарсахов и больше, и все, что остается от озера, впадает в Джейхун. Говорят, что по стране Согд от Сейхуна проходило 12 тысяч рек по количеству армии Александра. Об этом будет сказано ниже [10, с. 94].

2. Тюркская река Итиль – большая река с большим потоком, выходит из пустынь и гор Кибджаков. Она соединяется рудниками, реками, которые вытекают из-за Булгара, и [она] впадает в море ал-Хазар (Каспийское море). С места начала Итиля до его конца в море ал-Хазар – 700 фарсахов, и проходит она по территории Булгара мусульманского⁴. Эта река замерзает зимой, толщина льда – 10 шибр⁵, на его берегах роют колодцы во льду, из них берут воду. Когда усиливается мороз, поверхность трясется, из их трещин выходит вода, которая замерзает сразу, создавая холмы из замерзающей воды. И тогда в нем появляются трещины, которые дают треск как молния. После того как люди услышат это, (Хазарское море) остается замершим сто дней. Автор «Тухфат ал-гара'иб» писал, что в этой реке живет животное похожее на человека, черного цвета, длинного роста, его трудно ловить веревкой, и в ней также обитает соболь, а также на его берегах обитает животное ал-джундбадестар (бобр). Далее река Сакалиба, ар-Рус – это большая река, которая выходит из гор Саксин и с гор ал-Каллабийя, и в нее впадают реки (из стран Башкыр, Мажар, Сурдак (Судак?)). Она также замерзает зимой еще больше, чем река Итиль [10, с. 106].

3. Из этого моря выходит залив шириной 10 миль, длиной 30 миль, который впадает в море Сурдак, Саксин и Кибджак, который является круглым морем шириной 200 миль, на нем находятся город Сурдак, город Кафа, город Крым (на его берегах – народы из тюрок как ал-Азкаш, ал-Алан, Буртас, ал-Каллабия). Автор «Тухфат ал-гара'иб» писал, что на территориях ал-Лан находится серебро, которому нет аналога на земле.

Шестая часть. Описание о Хазарском море, о Хорезмском озере (Аральское море) и о приливах и отливах в них. Об этом сказали ученые, что Бахр ал-Хазар не связан с какими-либо морями, круглое. Его длина с юга до севера, ширина с востока до запада. Оно – широкое море, имеет сложный ландшафт, в него впадают пресные реки, которые насчитывают около 20 рек. Его длина – 280 фарсахов, ширина – 200 фарсахов. В нем 4 острова: остров Сякук недалеко от Джуржана, в котором живет народ из тюрок, которые охотятся за птицами; остров ал-Буркан, из которого выходит огонь из высоких

³ 1 фарсах примерно равен 3 милям, или 6–8 км.

⁴ Данный эпитет, по всей видимости, используется для отличия данного Булгара от Дунайской Болгарии.

⁵ Шибр – пядь (мера длины, равная 22,5 сантиметрам).

гор; остров Схилан, в котором не плодородная земля; остров ал-Фууа напротив Баб ал-Абуаб, земля которого плодородна, в нем много рек, которые приходят из моря Джуржан, который есть – Бахр ал-Хазар, моря Табаристан, моря Муган, который тюрки называют морем Карзам ал-Кандас. Ал-Кандас – это кожа животного, похожа на маленькую собаку, рождает в воде, живет в воде и на суше. В море ал-Хазар также и на его берегах ал-джунд бадестра (бобр). Он похож на водную собаку, его также называют соболь, который похож на лису красного цвета. На востоке с этого моря на расстоянии 20 мархала находится Бухайрат ал-Хуаризм, диаметр которого – сто фарсахов, как было сказано выше. Все море проливается и отливается, кроме ал-Хазар. Природа океана требует этого отлива и прилива, то же самое как живот человека, когда вдыхает и выдыхает [10, с. 146–147].

4. Ибн ал-Асир сказал, что два сына Марманус – Басил (Василий) и Константин, которые были королями Константинополя, просили помощи у короля русских против их врага и женили его на своей сестре. Но она отказалась выйти замуж за человека иной религии. Тогда этот человек принял христианство. Это было появлением христианства среди русских. Когда он принял христианство, она вышла за него замуж. Это было в 375 году хиджры. Рядом с этим народом располагались ал-Лан, ал-Бурджан (говорят, что оба брата), Азкаш. Все они христиане. Рядом с ними – армяне, которые восходят к Арману ибн Лабти ибн Юнан ибн Яфис. Они – братья Рума. К ним относится Армения. Они разные группы – ас-Савардийа, ас-Сарийа, ал-Кардж, ал-Канз. Все они – христиане. А тюрки являются сыновьями Турка ибн Абур ибн Суайд ибн Яфис. Это мнение большинства историков. Есть мнение, что они – сыновья Турка ибн Тудж ибн Афридун. Это неправильно, так как Афридун был Вали (правитель, губернатор) в эпоху тюрков. Об этом говорится в истории персов. Третьи говорят, что тюрки – сыновья Ибрагима ал-Халила. Их мать была служанкой у Ибрагима ал-Халила. Ее называют Кайтура. Ее отец был арабом по имени Мантур. В хадисе упомянуты люди Кайтура. И толковали это, что имеется в виду тюрки, что Кайтура родила Ибрагиму 8 детей, 3 из них жили в Мавераннахре – это были тюрки, согд (согдийцы) и киргизы. Таким образом, они становятся сыновьями Сама. Тюрки – люди с жестоким сердцем и жесткими привычками и упрекающими душами. Среди них есть те, кто живет в городах, и кто живет в горах и степях. Они передвигаются по временам в поиске пастбищ с лошадьми, коровами, овцами и баранами. Живут в домах из волос. У них нет работы, кроме охоты, и они кушают любую птицу и любого зверя. У них нет ни религии, ни веры [10, с. 262].

5. Они руководствуются рисунками, которые оставили их цари. Среди них племена – ал-харлухийа, ал-хиргазийа, ал-каймакийа, ал-гуззийа, ал-бажанакыйа, ат-тугузгузийа, ал-хулхийа (карлуки), ал-каладжийа, ал-гурийа. Автор книги «Нузхат ал-Муштак» (ал-Идриси) включил к ним еще племена – ал-куманийа, ал-туркишийа, ал-азкашийа. Автор книги «Ал-Андалус»⁶ к ним отнес – ал-хазар, ал-булгар, ал-буртас. Ал-хазар живут на море ал-Хазар, которое сейчас называется морем ал-Карзам. Ибн Асир сказал, что ал-хазар – это ал-кардж. Но это не точно, так как они из Армян, у них религия – христи-

⁶ Абу Убайд Абдаллах ал-Бакри ал-Куртуби – испанско-арабский энциклопедист, литератор и географ (ум. 1094).

анство, имеют 4 города (Калмиж, Баланджар, Самандар и Итиль). Говорят, что все они построили Ануширван. Они – 2 группы: джунд – они мусульмане и евреи. Они – ар-Раийа, которые раньше не имели религии, как тюрки.

Ибн ал-Асир писал, что царь Константинополя в период Харуна ар-Рашида выслал всех евреев из его царства. Они направились в страны ал-Хазар. Там нашли разумных и наивных людей. Они (евреи) предлагали им (хазарам) свою религию, и видели, что она лучшая, и ее приняли. Там жили они долго. Их (хазар) завоевали из Хорасана (Хорезма?). Ибн ал-Асир пишет также, что они приняли ислам в 254 году хиджры, так как тюрки завоевали их, и хазары просили у людей Хорезма помощь. Им ответили, что они иноверцы, если примите ислам, будем вам помогать. Они приняли ислам, кроме их короля. Тогда люди Хорезма им помогли и убрали тюрок. Потом принял ислам их король. Среди них были хаканы (цари), чей дом правил хазарами. Но Хакан ничем не управлял. О нем известно, что его благославляли и ему поклонялись. Когда с ними (хазарами) что-то случалось, к ним выходил хакан. Никто его не видел, ни тюрки, ни иноверцы. Он от них скрывался и с ними не встречался. Когда (хакан) умирал и его хоронили, все кто проходил мимо его могилы, должны были снять обувь и спешиться («высадиться со своего животного»). Они глубоко слушались царя. Если одного из них приговорили к убийству, он уходит домой и сам себя убивает...

А что касается болгар, то они относятся к Сака (Сакалиба?). Они мусульмане. Приняли ислам при халифе Муктадире. Их царь обратился к Муктадиру с просьбой направить факиха, который им объяснил нормы ислама. Муктадир удовлетворил просьбу [10, с. 263].

6. Прибыла в Багдад группа Булгаров с целью хаджа, им приготовили лошадей и места проживания. Их спросили, как называется ваш народ, и кто такие Булгары? Ответили: болгары – это народ из тюрок и сакалиба, а Буртас – это община, которая живет на реке, носящей такое же название и впадает в реку Итиль. Они живут в домах из дерева, живут на расстоянии 15 дней, у них особый язык, а что касается кибджак, то они живут в горах и степях за Дарбанд Ширван после Бахра ар-Рус. Там город, который основал Сурдак. Море так же называется. Торговцы стремятся в этот город, так как там продается одежда и отсюда приобретают гарем и мамлюков, кандас и буртас. Аллах так велел, что эта община остановилась в Египте и Шаме.

Стихи:

Народ, если с ними воевать, они бывают ангелами,
а когда они воюют, становятся джинами.

Кибджак – общины, все они из тюрок: барку, токсоба, йтуба, барат, ал-арс, буржуглу, манкуроглу, ймак. Они стали хуаразмиты (Хорезмийцами). Из них еще есть другие поменьше племена таг, башкут, куманку, базанки, бажна, караборуклу (карабуклу), уз (уз), жортан и другие.

Что касается татар, то о них мало говорили люди, так как они находились близко к Китаю. И между их странами и мусульманскими странами находятся земли ал-Хата (Каракитай), которая называется Туркестан. Хата захватили Мавераннахр и обладали им несколько лет. Когда Ала ад-Дин Мухаммад ибн Хорезмшах захватил Хорасан, он направился в Мавераннахр, и отобрал его, и между ними шла война, в которой он одержал победу и взял все земли, что были под их рукой. Когда Туркестан освободился от Хата, его

захватили татары и стали их врагами. Между ними шли войны. Когда татары захватили их территорию, они смотрели на другие исламские государства, которые были близко. Аллах так велел, что они овладели этими территориями. Против них воевал Хорезмшах, но потерпел поражение, и за ним они следовали до острова в Бахр ал-Хазар (Каспийском море) за Табаристаном, и там он умер в 617 году хиджры. С этого времени они вышли из своих земель, и их значение и влияние увеличилось, и они захватили Хорасан, Персию, Билад ал-Джабал (город в Северном Иране) и Азербайджан, Армению, Ирак и Шам (Сирию). Они убили граждан этих стран. Аллах направил против них армию из египетских земель, состоящую из тюрков, которые их разгромили и взяли все земли, что под их рукой [10, с. 264–265].

Комментарии к переводу:

Из источников, которыми пользовался ад-Димашки (помимо указанных в тексте), когда писал о тюрках, сам автор называет следующие имена: Ибн Хаукаль (X век), Ахмед ат-Тини (1235–1318). Также он называет три сочинения: «Нузхат ал-Муштак», «Тухфат ал-гара'иб», «Ал-Андалус». Автором первого является ал-Идриси. Про второе сочинение информации нет. Вполне возможно, второе сочинение – это «Тухфат ал-гара'иб мансуб ба» Мухаммада б. Аййуб ал-Ха-сиб Табари. Автор третьего сочинения – Абу Убайд Абдаллах ал-Бакри ал-Куртуби (умер в 1094 году).

Ранее, список кыпчакских племен из сочинения ад-Димашки переводился следующим образом:

С.М. Ахинжанов приводит свой вариант племен кыпчаков на основе сведений ад-Димашки: «*К крупным племенам и родам он относит баргу, токсоба, итоба, барат, ильарас, бурджоглы, манкуроглы, йемек, а к мелким – таг, башкурт, куманку, бузанку, баджна, караборикли, уз, шортан*» [2, с. 263].

Б.Е. Кумеков приводит свой перевод: «*борили, токсоба, иетиоба, дурт (дуртоба), аль-арс, бурджоглы, манкуроглу, имек (про имеков Кумеков Б.Е. пишет (на основе сведений ад-Димашки): они (имеки) уже стали хорезмийцами), среди мелких подразделений: таг, башкурт, куманлу, базанак (баджанак), баджна, карабориклу, уз, джортан*» [5, с. 426–427].

Широко распространенным является следующий тезис: «*в сочинениях арабских ученых ат-Тини (1235–1318) и ад-Димашки (1301–1349) содержатся конкретные данные о родоплеменном составе кыпчаков Восточного улуса*» [5, с. 425]. Здесь стоит отметить, что нигде не приведены ни название труда ат-Тини (лучше использовать это общепринятое написание, а не ат-Тыни), ни какие-нибудь извлечения или переводы, а также не указаны ссылки на лист сочинения ат-Тини, откуда были взяты сведения о кыпчаках. И.Ю. Крачковский предположил, что ал-Ватват и Ахмад ат-Тини ал-Варрак, на которого ссылался ад-Димашки в своей космографии, – одно и то же лицо. Мухаммад ибн Ибрахим ибн Йахйя ал-Ансари Джамал ад-дин ал-Ватват ал-Кутуби ал-Варрак родился в 632/1235 году и умер в 718/1318 году. Его труд назывался: «*Мабахидж ал-фикар ва манахидж ал-'ибар*» («*Красоты мыслей и пути вразумлений*») [6, с. 173–174].

В описании труда ад-Димашки сказано, что «*Источники свои ад-Димашки частично называет, частично они угадываются по своему содержанию и передаче. Упомянут автор Ахмад ал-Варрак с его книгой «ал-*

Мабахидж», в котором, по нашему мнению, надо видеть Мухаммада ибн Ибрахима ибн Йахиу ал-Ансари ал-Кутуби ал-Варрака ал-Ватвата (1235–1318), а в сочинении «ал-Мабахидж» – книгу названного Мухаммада ал-Варрака «Мабахидж ал-фикар ва манахидж ал-'ибар» («Красоты мыслей и пути вразумлений»). Ошибка, вероятно, была вызвана тем, что Мухаммад ал-Варрак имел еще второе имя и нисбу, возможно, как псевдоним, а именно – Ахмад ат-Тини» [6, с. 291–293].

При этом стоит отметить, что Ан-Нувейри, также писавший о кыпчакских племенах, был знаком с трудом ат-Тини: *«Книга ан-Нувайри, как уже ясно, написана на основании сочинений его предшественников. В отрывках, посвященных Африке, он ссылается на сочинения Мухаммада ибн Ибрахима ал-Ватвата ал-Кутуби ал-Варрака»* [6, с. 382].

Также И.Ю. Крачковский, говоря об идентичности ат-Тини и ал-Варрака ал-Ватвата, писал: *«считать работу ад-Димашки только извлечением из труда этого автора, как иногда высказываются, все же нет оснований»* [7, с. 384]. В связи с тем, что существовала научная традиция, считавшая сочинение ад-Димашки полной компиляцией ат-Тини, а также в связи с отсутствием каких-либо ссылок на текст или страницу сочинения ат-Тини, где он писал про кыпчакские племена, можно сомневаться в существовании сообщения ат-Тини о кыпчакских племенах. Кроме этого можно сомневаться в том, что Шамс ад-Дин писал только о кыпчаках восточного Дешт-и Кыпчака, а западные кыпчаки отличались от восточных.

Питер Голден привел свой список кыпчакских племен из сообщения ад-Димашки: *Брт (Барат/Берет/Барак), Бурджоглу, Бзанки, Джиртан (Джортан, Озун Джортан), Итба (Итоба), Каракориклу, Куманку (Куманлу), Минкузоглы, Беджене, Токсоба, Таг Йаскут (Таг Башкурт), аль-Урус, Имек* [3, с. 26–30]. Здесь стоит отметить отличия от более ранних прочтений. Питер Голден объединяет два слова в один этноним (у С.М. Ахинжанова и Б.Е. Кумекова – два племени Таг и Башкурт; у П.Голдена – одно племя Таг Башкурт; у С.М. Ахинжанова и Б.Е. Кумекова – два племени Уз и Джортан; у П.Голдена – одно племя Озун Джортан). Скорее всего, здесь П. Голден не прав, и читать надо эти этнонимы отдельно.

Если вчитаться в вышеуказанный перевод ад-Димашки, станет ясно, что, вполне возможно, последние 8 наименований не имеют отношения к кыпчакам: *«Кибджак – общины, все они из тюрок... Они стали хуаразмиты (хорезмийцы). Из них еще есть другие поменьше племена».*

Слово из них, можно понимать не как «из Кыпчаков», а как «из Хорезмийцев» или как «из Тюрков»; тогда становится ясным, что, вполне возможно, перечисленные 8 этнонимов были не кыпчакские рода, а отдельные народы, которые размером были меньше, чем кыпчаки (башкурт, уз (или ас), печенеги, черные клобуки и др.). Также «они стали хорезмийцами», судя по переводу, касается не столько племени имака, а сколько всех кыпчаков, вместе взятых (точнее их 8 перечисленных родов). Под хорезмийцами мы, конечно, подразумеваем не жителей Хорезма, а остатки армии Хорезмшаха и Джалал ад-Дина, которая долгое время играла важную роль на Ближнем Востоке и в Малой Азии.

Таким образом, мы можем утверждать, что ад-Димашки описывает 8 кыпчакских племен, а также называет другие народы, которые вошли в со-

став хорезмийцев. Тезис о 8 больших и 8 маленьких кыпчакских племенах ошибочен и основан на неправильном понимании текста ад-Димашки.

Кыпчакские племена, согласно ад-Димашки

Написание ад-Димашки	Возможные интерпретации
<i>Барку</i> برکوا	Баргу (С.М. Ахинжанов) Борили (Ильбари) (Б.Е. Кумеков) Баргу – перекочевавшее в Дешт-и Кыпчак племя Байырку (Баргут) (Ж.М. Сабитов)
<i>Токсоба</i> طقسبا	Токсоба (девять родов) (Б.Е. Кумеков) Тухсиоба (род Тухси) (П. Голден)
<i>Йтуба</i> ایتبا	Иетиоба (семь родов) (Б.Е. Кумеков) Итоба («сын собаки») (П. Голден)
<i>Барат</i> برت	Барат, Бурет, Барак (П. Голден) Возможно, искаженное Дурут (Ж.М. Сабитов)
<i>ал-Арс</i> الأرس	Асы, родственники Алан (Б.Е. Кумеков) Урусоба (ал-урус) (П. Голден)
<i>Буржуглу</i> برج أعلوا	Бурджоглы
<i>Манкураглу</i> مبکور أعلوا	
<i>Имак</i> يمک	Имак (Имек, Кимак)

Тюркские народы, согласно ад-Димашки

Написание ад-Димашки	Возможные интерпретации
<i>Таг</i> طغ	Таг – огузское племя (Б.Е. Кумеков)
<i>Башкут</i> بشقوط	Башкурт (С.М. Ахинжанов, Б.Е. Кумеков) Таг Башкурт (П. Голден)
<i>Куманку</i> قمنکوا	Куманлу (Б.Е. Кумеков)
<i>Базанки</i> بزانیکی	Берендеи (Рашоньи) Баджанак (Печенег) (Б.Е. Кумеков)
<i>Бажна</i> بچنا	Баджна (входил в печенежский союз с Базанки и Башкурт) (Б.Е. Кумеков)
<i>Уз</i> از	Уз – Огуз (племя Огуз) (Б.Е. Кумеков) Аз – Ас (племя Ас – Яс)
<i>Жортан</i> رطن □	Джортан (от слова «щука») (Б.Е. Кумеков) Озун Джортан (П. Голден)
<i>Карабуклу</i> قرابوکلوا	Черные клобуки

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдимомынов Н.Т.* Кыпчакский фактор в этнополитической истории Золотой Орды и египетских мамлюков [Электронный ресурс]. Адрес доступа: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Istoria/2_84668.doc.htm
2. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 287 с.
3. *Голден П.Б.* К вопросу о происхождении племенных названий кыпчаков // Сборник материалов международной научной конференции «Кыпчаки Евразии: история, язык и письменные памятники» посвященный 1100-летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры. Астана, 2013. С. 22–36.
4. История Казахстана в арабских источниках. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
5. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 1. Алматы, 1996. 544 с.
6. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Арабские источники XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2002. 400 с.
7. *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М.: Восточная литература, 2002. 919 с.
8. *Кумеков Б.Е.* Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1987. 42 с.
9. *Шамс ад-Дин Мухаммед ибн Абу Талиб ад-Димашики* (ас-Суфи). Нухбат ад-дахр фи 'аджаиб ал-барр ва-л-бахр. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1865. 381 с.
10. *Mehren A.F.* Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ad-Dimichqui / Text, arabe, publié d'après l'édition commencée par M. Fraehn. St. Petersburg, 1866 [Электронный ресурс]. Адрес доступа: http://books.google.ru/books?id=CQ0ZAAAAYAAJ&pg=PT6&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false

Сведения об авторах: Зибатуль Сулейменовна Ильясова – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (010008, ул. Мунайтпасова, 5, Астана, Казахстан). E-mail: zita.08@mail.ru

Жаксылык Муратович Сабитов – Ph.D. (философия), доцент кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (010008, ул. Мунайтпасова, 5, Астана, Казахстан). E-mail: babasan@yandex.ru

Поступила 10.06.2016 г.

Принята к публикации 19.08.2016 г.

INFORMATION OF “NUKHBAT AL-DAHR FI 'AJA'IB
AL-BARR WA-AL-BAHR” BY AD-DIMASHQI
ABOUT THE TURKIC TRIBES OF DASHT-I KIPCHAK

Z.S. Ilyasova¹, Zh.M. Sabitov²

^{1, 2} L.N. Gumilev Eurasian National University
Astana 010008, Kazakhstan

¹ E-mail: zita.08@mail.ru, ² E-mail: babasan@yandex.ru

This article introduced into academic circulation information of such a historical source as “Nukhbat al-dahr fi 'aja'ib al-barr wa-al-bahr” (Excerpts of Time on the Marvels of the Land and Sea) on Kipchak clans and Turkic tribes of Dasht-i Kipchak. The material of the study is drawn from this source. Main scientific result of this work was the source's translation into Russian accompanied by scientific comments. Sheikh Shams al-Din Abu Abdallah Muhammad Abu Talib al-Ansari al-Sufi al-Dimashqi was the author of this work. Some scholars have mistakenly confuse him with another chronicler named Shihab al-Din Ahmad ibn Yahya Ibn Fadlallah al-Omari al-Dimashqi. There is a widespread misconception that while writing on Kipchak clans and Turkic tribes al-Dimashqi used the data of such an author as Muhammad ibn Ibrahim ibn Yahya al-Ansari al-Qutub al-Warraq al-Vatvat, also known as Ahmad al-Tini. After had studying the manuscripts of al-Tini and al-Dimashqi, we did not notice the connection between these two authors regarding their information about Kipchak clans and Turkic tribes of Dasht-i Kipchak. After had studying the information about Kipchak clans and Turkic tribes of Dasht-i Kipchak, we put forward the theory that 16 ethnonyms previously identified as Kipchak clans, are actually the ethnonyms of eight Kipchak clans and eight Turkic tribes. The article also contains the extraction from “Nukhbat al-dahr fi 'aja'ib al-barr wa-al-bahr” regarding the geography of Dasht-i Kipchak and the countries inhabited by the Turks. The following data are unique in this source: 1. The text describes such rivers as Ceyhun (Amu Darya), Seyhun (Syr Darya), Itil (Volga), as well as Khorezm and Khazar Seas (Aral and Caspian Seas). 2. Additionally, this text lists the following Turkic peoples: al-Kharlukhiya (Karluks), al-Khircgaziya (Kyrgyz), al-Kaymakiya (Kimaks), al-Guzziya (Oguz), al-Bazhanakiya (Pechenegs), al-Tuguzguziyya (Uighurs), al-Khulkiya (?), al-Kaladzhiya (Khaladzhi), al-Guri (Gurians), al-Kamaniya (Cumans), al-Turkishiya (Turgishes), al-Azkashiya (Azkishes), al-Khazar (Khazars), al-Bulgars (Bulgars), al-Burtas (Burtases). 3. From among these people the Khazars, Bulgars and Kipchaks are partly described. The article also provides a list of those authors who used the al-Dimashqi's information in their researches.

Keywords: al-Tini, al-Dimashqi, Kipchaks, Turks, Kipchak tribes.

For citation: Ilyasova Z.S., Sabitov Zh.M. Information of “Nukhbat al-dahr fi 'aja'ib al-barr wa-al-bahr” by ad-Dimashqi about the Turkic Tribes of Dasht-i Kipchak. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 474–484.

REFERENCES

1. Abdimomynov N.T. *Kypchakskiy faktor v etnopoliticheskoy istorii Zolotoy Ordy i egipetskikh mamlyukov* [Kipchak Factor in the Ethno-Political History of the Golden Horde and the Egyptian Mamluks]. Available at: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Istoria/2_84668.doc.htm (In Russian)
2. Akhinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Alma-Ata, 1989. 287 p. (In Russian)

3. Golden P.B. K voprosu o proiskhozhdenii plemennykh nazvaniy kypchakov [On the Origin of Kipchak Tribal Names]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Kypchaki Evrazii: istoriya, yazyk i pis'mennyye pamyatniki" posvyashchenny 1100-letiyu Kimekskogo gosudarstva v ramkakh Dney tyurkskoy pis'mennosti i kul'tury* [Proceedings of the International Research Conference "Eurasian Kipchaks: History, Language and Written Monuments" Dedicated to the 1100th Anniversary of the Kimek State in the Framework of the Days of Turkish Literature and Culture]. Astana, 2013, pp. 22–36. (In Russian)

4. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in the Arab Sources]. Vol. 1. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. 711 p. (In Russian)

5. *Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dney v pyati tomakh* [History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day in Five Volumes]. Vol. 1. Almaty, 1996. 544 p. (In Russian)

6. *Drevnie i srednevekovye istochniki po etnografii i istorii Afriki yuzhnee Sakhary*. Vol. 4. *Arabskie istochniki XIII–XIV vv.* [Ancient and Medieval Sources on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa. Vol. 4. Arab Sources of the 13th–14th centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 400 p. (In Russian)

7. Krachkovskiy I.Yu. *Arabskaya geograficheskaya literatura* [Arab Geographical Literature]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 919 p. (In Russian)

8. Kumekov B.E. *Arabskie i persidskie istochniki po istorii kypchakov VIII–XIV vv.* [Arab and Persian Sources on the History of Kipchaks of the 8th–14th centuries] Alma-Ata, Nauka Publ., 1987. 42 p. (In Russian)

9. Shams al-Din Muhammad ibn Abu Talib al-Dimashqi (as-Sufi). *Nukhbat al-dahr fi 'aja'ib al-barr wa-al-bahr*. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1865. 381 p. (In Arabic)

10. Mehren A.F. *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ad-Dimichqui*. Texte arabe, publié d'après l'édition commencée par M.M. Fraehn. St. Petersburg, 1866. Available at: http://books.google.ru/books?id=CQ0ZAAAAYAAJ&pg=PT6&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (In Arabic)

About the authors: Zibagul S. Ilyasova – Cand. Sci. (History), Associate Professor, L.N. Gumilev Eurasian National University, Department of Oriental Studies (5 building, Munaytpasov Str., Astana 010008, Kazakhstan). E-mail: zita.08@mail.ru

Zhaksylyk M. Sabitov – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, L.N. Gumilev Eurasian National University, Political Science Department (5 building, Munaytpasov Str., Astana 010008, Kazakhstan). E-mail: babasan@yandex.ru

Received June 10, 2016

Accepted for publication August 19, 2016

УДК 930.23

**ОТ БАТУ ДО ДЖАНИБЕКА: ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ
УЛУСА ДЖУЧИ С ПОЛЬШЕЙ И ВЕНГРИЕЙ (2)*****Р. Хаутала**^{1,2}¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация*² *Университет Оулу
90014, Оулу, Финляндия
E-mail: virisequisque@hotmail.com*

Цель: автор настоящей статьи рассматривает ряд военных конфликтов Улуса Джучи с Венгрией и Польшей, последовавших за первым вторжением татар в эти земли в 1241 году.

Материалы исследования: По большей части анализ автора основывается на сведениях синхронных латинских источников, сопоставленных с информацией, которая содержится в русских летописях и мамлюкских хрониках. Помимо венгерских, польских и германских хроник, автор прибегает к рассмотрению содержания папских посланий в Восточную Европу, которые предоставляют как наиболее достоверную информацию о военных конфликтах, так и сведения о мерах папской курии по усовершенствованию обороны восточных границ Латинского мира от набегов татар.

Результаты и научная новизна: В период правления Бату латинские источники выказывают чрезвычайную озабоченность в отношении возможного возобновления западной экспансии татар несмотря на то, что в действительности татарская военная активность на восточных границах католической Европы имела крайне незначительный характер. В период правления Берке, напротив, татары осуществили крайне разрушительный набег на Малую Польшу. Однако дальнейшая татарская экспансия была прервана неожиданным распадом Монгольской империи. Последующее правление хана Менгу-Тимура отличалось относительной напряженностью в отношениях с католической Европой, но действительные нападения на Венгрию и Польшу были осуществлены только при ханах Туда-Менгу и Тула-Буга.

В дальнейшем, при ханах Токте и Узбеке, напряжение в отношениях между Золотой Ордой и католической Европой значительно ослабло, что, в частности, позволило Венгрии начать территориальную экспансию в Молдавию. Однако конец правления хана Узбека был охарактеризован резким обострением отношений между Золотой Ордой и Польшей, что было связано с началом войны за Галицкое наследство. Анализ хода этой войны показывает очевидное ослабление влияния Золотой Орды на земли бывшего Галицко-Волынского княжества, которое способствовало последующей экспансии Польши и Литвы на территории современной Украины.

Ключевые слова: Золотая Орда, католическая Европа в Средневековье, татарские инвазии, папская курия, анти-татарские крестовые походы, латинские источники.

Для цитирования: Хаутала Р. От Бату до Джанибека: Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 485–528.

* Конец статьи. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 272–313.

Вторжения Ногая и Тула-Буги в Венгрию и Польшу

Упомянутые выше свидетельства о посольствах, направленных Белой IV для умиротворения джучидских правителей, указывают на то, что венгерское королевство находилось под постоянной угрозой татарского вторжения. Так, в 1265 году венгерский монарх информировал папскую курию о возобновлении угрозы инвазии и обратился к папе Клименту IV с очередной просьбой о помощи. В ответном послании, адресованном в июне 1265 года архиепископам Эстергома и Калочи, понтифик санкционировал проповедование анти-татарского крестового похода: «как нам сообщил через своего специального посланца возлюбленный сын наш Б[ела], славный король Венгрии, недавно ему стало известно посредством заслуживающего доверия донесения, что упомянутые тартары с присоединившимися к ним другими язычниками, их приспешниками, собрали множество своих войск и задумали напасть в скором времени на граничащие с ними земли христиан упомянутого королевства [Венгрии] и Польши, чтобы подчинить их себе по их обыкновению и чтобы продвинуться – боже упаси! – далее, если только не встретят стойкого сопротивления: по этой причине этот же король как католический правитель, стремящийся к сохранению веры и правоверных, дабы они не смогли привести в замешательство христианский народ; предложил, ведомый помощью божественной силы как мужественно выйти им навстречу, так и оказать мощное сопротивление ... вам, нашим братьям, мы вменяем апостольским посланием, строго повелевая, дабы вы и другие, для того достойные, проповедовали нашими полномочиями и со всем усердием слово креста в Венгрии, Богемии, Польше, Штирии, Австрии, Каринтии и марке Бранденбурга против упомянутой свирепости тартар и других язычников, к ним примкнувших»¹.

Таким образом, Климент IV всерьез рассматривал угрозу татарской инвазии в Центрально-Восточную Европу и впервые откликнулся на многочисленные призывы венгерского монарха о предоставлении помощи. Сложно сказать, насколько эффективным оказалось дальнейшее проповедование этого крестового похода, поскольку татарское вторжение, против которого оно было развернуто, не состоялось. Аналогично, здесь остается только догадываться, было ли отложено это нападение по причине подготовки крестового похода или в результате своевременной выплаты дани со стороны Белы IV? Как бы то ни было, в 1270 году татары напали на венгерское королевство, воспользовавшись, согласно продолжателю хроники минорита из Эрфурта, периодом междуцарствия после смерти Белы IV: «В год Господень 1270 умер

¹ sicut Carissimus in Christo filius noster B. Ungarie Rex Illustris nobis exposuit per nuntium specialem, nuper ad ipsum relatu fidedigno pervenit, quod Tartari memorati, associatis sibi quibusdam aliis Paganis eis adherentibus et diversis suis exercitibus congregatis, in terris christianorum predictis regno et Polonie conterminas in brevi proponunt insultum facere, illosque sibi more solito subiugare, processuri, quod absit, ulterius, nisi eis viriliter resistatur: propter quod idem Rex velut Princeps catholicus et in conservatione fidei ac fidelium studiosus, eis in prefati regno confinio, ne in confusionem christiani populi possint ulterius proficisci, previo divine virtutis auxilio, proponit et obviare viriliter et repugnare potenter ... fraternitati vestre per apostolica scripta firmiter precipiendo mandamus, quatenus in Ungaria, Boemia, Polonia, Stiria, Austria, Carinthia et Marchionatu Brandeburgensi, per vos et alios ad hoc ydoneos contra dictorum sevitiam Tartarorum et aliorum paganorum eis adherentium auctoritate nostra verbum crucis cum omni diligentia predicetis [107, I, no. 513, p. 280; см. также: 73, p. 213].

король Венгрии по имени Бела, и тартары ранили в войне его брата [sic!] Иштвана, убив много тысяч в войне в Венгрии»². Согласно одной дарственной грамоте короля Андраша III 1291 года, татары нападали на Венгрию и после смерти Иштвана V (1272), воспользовавшись несовершеннолетием его сына, короля Ласло IV: «И не оставим без внимания того, что, поскольку господин король Ласло, наш брат, пребывал в юном возрасте, тартары в королевство Венгрии ... часто вторгались, и отцы и братья некоторых знатных персон нашего королевства были убиты, защищая королевство; дарения за их заслуженную службу, справедливо и законно сделанные этим же королем Ласло, в согласии с советом архиепископов, епископов и наших советников мы вменим сохранить по всему королевству»³.

В свою очередь, к моменту совершеннолетия Ласло IV королевство Венгрии оказалось подвержено внутренним волнениям куманов, недовольных внедрением программы насильственной христианизации венгерских кочевников и одновременными посягательствами венгерского монарха на их политическую автономию. Восстание куманов началось в 1280 году, но двумя годами позже Ласло IV удалось нанести крупное поражение мятежникам в битве при озере Худ [45, р. 146–147; 27, с. 152]. После разгрома значительная часть куманов бежала к татарам, и, согласно своду венгерских хроник XIV века, вследствие происков именно этих беженцев Ногай и Тула-Буга приняли решение о нападении на Венгрию, масштабы которого уступали только инвазии Бату 1241 года: «Наконец, после этого немногие из этих куманов, которые спаслись, бежали к тартарам, и по их наущению в год Господень 1285 тартары во второй раз приблизились к Венгрии, вторглись в Венгрию и все прискорбно сожгли вплоть до Пешта»⁴.

Тем не менее реакция татар заставила себя ждать почти три года, и более вероятной причиной их нападения были не происки куманов, а вторжение Ласло IV в венгерско-татарское пограничье в попытке вернуть беженцев-куманов в свои владения [73, р. 204]. Погоня за куманами упоминается в королевской грамоте от 27 июня 1286 года (точнее, в ее подтверждении за 25 августа 1291 года): «Итак, мы, кто по обязанности принятого нами управления должны охранять права всех без исключения, и от кого ожидается возвращать всем им причитающееся, за похвальную верность и заслуживающую признательности покорность этих же Иоанна и Бенедикта, которые они выказали нам и королевству во многих экспедициях, общих и отдельных, в особенности за Альпами,

² Anno Domini 1270 rex Ungariae Bela nomine mortuus est, et Tartari fratrem suum Stephanum in bello vulneraverunt et multa milia in bello occiderunt in Ungaria [51, p. 213; см. также: 27, с. 135].

³ Nec huc praetermittimus, quod, quia Dominus Rex Ladislaus, Frater noster, in aetate tenera fuerat constitutus, et regnum Hungariae Tartari ... frequenter inuaserunt, et quorundam Nobilium regni nostri patres et fratres in defensione regni sunt interempti; donationes pro eorum seruitiis meritoriis, per eundem regem Ladislaum iuste et legitime factas, iuxta consilium Archiepiscoporum Episcoporum et Consiliariorum nostrorum, per Regnum deputatorum, conservari faciemus [60, VII/2, no. 402, p. 141; см. также: 73, p. 204].

⁴ Tandem postea pauci de ipsis Cumanis, qui evaserant, ad Tartaros fugientes, quorum instinctu Tartari anno Domini M-o CC-o LXXX-o V-o secunda vice in Hungariam advenerunt intraverunt in Hungariam et usque Pesth universa miserabiliter combusserunt [106, I, p. 472; см. также: 73, p. 204].

на тартарской границе ...»⁵; как и в более поздней грамоте за 1288 год: «к тому же упомянутый магистр Томас выказал нам верную службу, когда для возвращения куманов, тайно сбежавших из нашего королевства, мы, собрав множество баронов и знати нашего королевства, подошли за Альпами к границам и пределам тартар, которые никто из наших предшественников не пересекал»⁶. По мнению Виктора Спинае и Питера Джексона, эти «границы и пределы тартар, которые не пересекал никто из предшественников» Ласло IV, располагались на север от Дуная, на территории будущей Валахии [102, р. 308; 73, р. 204]; что не совсем соответствует действительности, поскольку эти земли принадлежали династии Арпадов до нашествия Бату, согласно дарственной грамоте 1222 года короля Андраша II, предоставившего там тевтонским рыцарям земли «вплоть до Дуная»⁷. Более достоверной поэтому кажется версия Павла Параски [21], предположившего, что венгерские войска вторглись на территорию современной Северо-Западной Молдовы, вызвав своими действиями ответное нападение татар.

Согласно малым анналам Аугсбурга, татары вторглись в Венгрию 2 февраля 1285 года и пребывали там в течение последующего Великого поста: «1285. В этом году тартары вторглись в Венгрию на праздник Сретения [Девы Марии] и, овладев силою землей, в течение всего Великого поста они убили бесчисленное множество людей»⁸; хотя возможно, что подразделения Ногая оставались в Трансильвании вплоть до июня [73, р. 205]. Венгрия была подвержена одновременному нападению армии Ногая с юга и войск Тула-Буги с востока. В отношении действий Ногая синхронное послание эстергомского пресвитера Бенедикта (в копии 1297 года) указывает на то, что военные операции имели исключительно карательный характер и были направлены против сельских жителей, поскольку татары не пытались брать штурмом каких-либо укрепленных городских центров: «тартары, дошедшие вплоть до Пешта в их бесчисленном множестве, полностью опустошили землю, начиная от Семиградья вплоть до Дуная. Однако из знати и способных к оружию они смогли убить очень немногих. Но из простых людей, а именно, крестьян, слабых и больных, они предали острию меча добрых 7 тысяч человек»⁹. Королева Елизавета, жена Ласло IV, имела возможность обозревать со стен Буди авангард обоих татарских армий, соединившихся под Пештом; о чем сви-

⁵ Nos igitur, qui ex officio suscepti regiminis nostri, vnicuique in suo iure conseruare, et vnicuique quod suum est, restituire debemus et tenemur, commendabilem fidelitatem et grata obsequia eorumdem Ioannis et Benedicti, quae nobis et regno in diuersis expeditionibus, tam generalibus quam particularibus, specialiter vltra alpes, in confinio Tartarorum, impenderunt ... [60, V/3, p. 316; см. также: 27, с. 152].

⁶ praeterea etiam cum pro reducendis Cumanis, qui clandestine de regno nostro aufugerant, de finibus et terminis Tartarorum, quos nemo praedecessorum nostrorum peragrauerat, vltra alpes collecta multitudine Baronum et Nobilium regni nostri accessissemus; dictus Magister Thomas nobis fidelia exhibuit seruitia [59, no. 340, p. 485].

⁷ usque ad Danubium [113, no. VI, s. 170].

⁸ 1285. Hoc anno Tartari Ungariam invaserunt circa purificationem, et terram per totam quadragesimam potenter occupantes, infinitos populos occidunt [38, p. 10].

⁹ (tartari usque ad pest cum eorum multitudine infinita venientes fere a VII castris) a VII castris incipiendo fere (?) usque ad danubium totam terram deuastarunt; attamen de nobilibus et armis uti ualentibus paucissimos occidere potuerunt; sed de humilibus personis, puta rusticis, debilibus et infirmis bene VII mila hominum ceci ore gladij extiterunt [81, II, no. 434, p. 419].

детельствует ее синхронная дарственная грамота: «Ибо, принимая во внимание похвальную верность и покорное служение упомянутых сыновей комита Александра, которые они славно выказали с неутомимым усердием господину Ласло, нашему возлюбленному супругу и славному королю Венгрии во многих кампаниях его королевства, и нам в разных, возложенных на них миссиях; и в наибольшей степени и в особенности, когда в страхе перед тартарами мы заперлись в крепости Буды вместе с верными баронами и юношами нашего дома, как и с гражданами Буды, обозревая глазами нашего величества их бросившимися на тартар, смертельных врагов нашего королевства, насколько не побоявшись смертельной опасности»¹⁰.

Разграбив окрестности Пешта, татары стали возвращаться обратно, и обе армии направились назад порознь, следуя по тому же пути, которым они вторглись в королевство. В ходе возвращения армия Ногая понесла определенные потери от войск следовавшего за ним по пятам Ласло IV [27, с. 153]. Однако наиболее серьезный урон Ногай понес от трансильванских секеев, валахов и немецких колонистов [73, р. 205], показавших, насколько небезопасным может оказаться оставлять у себя в тылу нетронутыми крепости противника. В частности, уже упомянутый пресвитер Бенедикт сообщал в своем послании, что: «теперь, однако, эти тартары, в стремлении не попасть в бегстве в руки венгерских гарнизонов, достигли Семиградья; но секеи, валахи и саксонцы заполнили или заперли все свои дороги засеками»¹¹; а «Рочник Траски» описывал существенные потери, понесенные войсками Ногая при попытке атаковать христианские укрепления на обратном пути: «В этом же году тартары вторглись в землю Венгрии, которую называют Семиградьем, и взяли в плен и убили многих христиан. Однако Христос, защитник христиан, ниспослал на них великий голод и чуму. Услышав об этом, жители Семиградья одержали с Богом победу, говоря: 'Лучше погибнуть от меча, чем сгинуть от голода в городах из-за тартар'. Клятвы исполняет дело. Услышав об этом, тартары окружили себя [пленными] христианами, сделав из них как бы хоровад, чтобы увидевшие их христиане пожалели своих братьев и по этой причине не мешали этим язычникам сражаться. Но христиане говорили: 'Лучше пусть кто-нибудь из наших будет освобожден, чем мы умрем все вместе с ними'. И, в конце концов, с Божьей помощью, они одолели язычников и вернулись с победой, освободив пленников»¹². Победы трансильванских войск

¹⁰ Nos siquidem consideratis meritorys obsequys et obsequiosis seruitys praedictorum filiorum Comitis Alexandri, quae Domino Ladislao carissimo Consorti nostro, Illustri Regi Vngariae in diuresis expeditionibus Regni sui et nobis in varys et multiplicibus legationibus defferendis, maxime autem et specialiter cum in Castro Budensi inclusae propter metum Tartarorum fuissemus, simul cum fidelibus Baronibus ac Iuuenibus domus nostrae, ac ciuibus Budensibus, intuentibus nostrae maiestatis oculis, irruentes contra Tartaros Regni nostri capitales inimicos, mortis periculum nullatenus formidantes studio indefessae fidelitatis laudabiliter impenderunt [60, VII/2, no. 377, p. 110–111].

¹¹ nunc autem ipsi tartari presidio fuge manus euadere cupientes vngarorum, usque ad VII castra peruenerunt; sed siculi, olachi et Saxones omnes vias ipsorum cum indagibus stipauerunt siue girauerunt [81, II, no. 434, p. 419].

¹² Eodem anno Tarthari terram Ungarie, que dicitur de Septemcastris, intraverunt et multos christianos captivaverunt et occiderunt. Christus autem tutor christianorum, magnam famem in eos et pestilenciam inmisit; quod audientes Septemcastrenses Deo victoriam commiserunt dicentes: Melius est gladio perire quam fame in castris et in civitatibus propter Tartharos

упоминаются и в ряде дарственных грамот Ласло IV и Андраша III; и в частности, грамота 1290 года содержит благодарность за «десять голов тартарских князей, предоставленных королю Ласло IV в знак победы над ними»¹³.

Но несмотря на все эти упоминания, урон Ногая, вероятно, был незначительным; и утверждение пресвитера Бенедикта о том, что «из тартар же в отдельных сражениях венграми и другими в королевстве Венгрии, при поддержке духов-хранителей, были убиты около 26 тысяч тартар»¹⁴, кажется излишне оптимистичным. Более достоверным, однако, это утверждение может оказаться применительно к отступлению войск Тула-Буги, понесших большие потери по причине крайне неблагоприятных климатических условий. Так, «Нидеральтайхские анналы» сообщают по этому поводу следующее: «во время короля Венгрии Ласло, сына короля Иштвана, тартары в огромном множестве вторглись в Венгрию, так что говорилось, что их войско занимало одиннадцать миль. Наконец, они погибли не человеческим содействием, а Божьим гневом. Ибо нахлынули на них град, снег и ливни в большом количестве, так что они не могли сдвинуться с места. И так, окруженные христианами, они были убиты, и праведные завладели доспехами нечестивых»¹⁵. «Ипатьевская летопись», в свою очередь, дополняет эти сведения указанием на голод, свирепствовавший среди армии Тула-Буги; хотя ее утверждение о том, что из всей своей армии Верецкий перевал смог пересечь только сам Тула-Буга «с женой и кобылой», следует признать неправдоподобным преувеличением [11, стб. 891].

Таким образом, нападение татар на Венгрию в 1285 году подробно описано разнородными венгерскими источниками, польскими и германскими хрониками, «Ипатьевской летописью» и даже мамлюкскими авторами. В отношении последних, однако, здесь следует прояснить одно недоразумение. Рукн ад-Дин Бейбарс предоставляет следующее описание совместной кампании Ногая и Тула-Буги¹⁶: «В 686 году Тулабуга стал царствовать вместо дяди своего Туданменгу, снарядился в поход и отправился с войсками своими в землю Краковскую (Крулевскую?) для опустошения ее и войны с жителями ее. Он послал (также) к Ногаю, приказал ему двинуться с находящимися у него войсками, чтобы сообща напасть на землю Краковскую. Ногай отправился с теми десятками тысяч, которые были у него. Сошлись они оба в

interire. Vota complent opere. Quod audientes Tarthari, christianis si cingunt facientes de ipsis quasi coream, ut videntes christiani fratrum suorum miserentur et propter hoc ipsos paganos non impediunt ut pugnarent, sed inquiunt christiani: Melius carere est unicuique nostrum ne pereamus simul cum illis. Et tamen Deo opitulante paganos su[p]eraverunt et captivis liberatis cum victoria remeaverunt [82, II, p. 850; см. схожий текст в: 82, III, p. 183].

¹³ in signum victoriae decem capita Principum de ipsa gente perfida ipsi Regi Ladizlao presentavit [112, XII, no. 413, o. 497; см. также: 60, V/3, p. 394, 399, 452–453; 40, p. 57; 67, p. 718].

¹⁴ de tartaris uero in bellis particularibus per vngaros et alios in regni vngarie lares fouentibus circiter XXVI milia tartarorum sunt interempti [81, II, no. 434, p. 419].

¹⁵ tempore Ladizlai regis Ungarie, filii regis Stephani, Tartari in tanta multitudine intraverunt Ungariam, quod dicebantur cum exercitu suo undecim miliaria occupare. Qui tandem non humano auxilio, set divino iudicio perierunt. Supervenit enim grando, nix et pluvia in tanta quantitate, quod se de loco movere non poterant; et sic a christianis in circuitu positus sunt occisi, et iusti tulerunt spolia impiorum [57, p. 414; см. также: 71, I, p. 257, 297–298; 38, p. 10].

¹⁶ Ан-Нувайри заимствует отчет Рукн ад-Дин Бейбарса [26, с. 156].

предположенном месте, разлили повсюду опустошение, грабили что хотели, убивали, кого хотели, и (затем) вернулись. Между тем уже настала зима, выпало множество снега и стали затруднительны пути. Ногай с бывшими при нем (войсками) отделился от него (Тулабуги), отправился в свои зимовья и невредимо добрался (до них) со всеми своими. Тулабуга же пошел по бесприютным пустыням и непроходимым степям и сбился с главной дороги. Его (самого) и войско его постигли чрезвычайное затруднение и бедствие; большая часть их погибла от сильной стужи и недостатка сил. Уцелели лишь немногие из них» [26, с. 84, 106].

В данном отрывке Рукн ад-Дин Бейбарс датирует описываемую кампанию временем последующего вторжения Ногай и Тула-Буги в Польшу; но, вдаваясь в детали инвазии, мамлюкский автор приводит описание именно татарского нападения на Венгрию в 1285 году, уделяя особое внимание злощастному возвращению армии Тула-Буги через восточную Венгрию. Упоминание в двух местах «Краковской земли» является следствием неправильного прочтения арабского текста его редактором и переводчиком – Владимиром Тизенгаузенем: на месте «Краковской земли» должно читаться «Билад ал-Кирал», «королевская земля», то есть владения венгерского короля [12, с. 96, прим. 43; см. также: 73, р. 227, nota 85].

В отношении причин татарского вторжения в Малую Польшу, последовавшего за нападением на Венгрию, было высказано предположение, что оно было следствием неудачного исхода предыдущей инвазии 1280 года [27, с. 154]. Данная инвазия, в свою очередь, была организована по инициативе галицкого князя Льва Даниловича, попытавшегося завладеть малопольским княжеством после смерти Болеслава V Стыдливого в 1279 году. В преддверии вторжения в Малую Польшу Лев Данилович обратился за военной поддержкой к Ногаю, полностью поддерживавшему инициативу галицкого князя. Ногай выслал ему на помощь довольно ограниченные военные подкрепления во главе с татарскими военачальниками Кончаком, Козейем и Кубатаном. Важнее, однако, было повеление Ногай принять участие в планируемой кампании, адресованное литовскому и волынским князьям. В феврале 1280 года [82, II, р. 847, nota 1] объединенные галицко-волынские войска вторглись в Малую Польшу при поддержке татарских и литовских подкреплений и, миновав Завихост, приблизились к Сандомиру. Здесь союзные войска разделились. Волынские войска остались у Сандомира, не предприняв серьезных попыток его завоевания за все время своего пребывания на малопольских территориях. Лев Данилович, в свою очередь, вторгся вместе со своими татарскими и литовскими союзниками в Краковскую землю, где он пребывал до сентября того же года, не достигнув каких-либо существенных успехов. Наконец, вновь избранный малопольский князь Лешек Черный принял решение перейти в контрнаступление, сигналом к которому послужила неожиданная победа малопольских войск под Госличем, согласно красноречивому описанию Траски: «1280. В первый год с избрания князя Лешека пришел Лев, князь Руси с многочисленным войском тартар, литовцев и рутенов, желая иметь княжество Кракова и Сандомира. В пятницу, накануне дня апостола Матфея, им навстречу пришли к Госличу краковчане и сандомирцы, а именно, Петр, сын Альберта Краковского, Януш, палатина [sic!] Сандомира, Варш, кастеллан Кракова, с 600 людьми под рукой и повергли поразительное

множество тартар, литовцев и рутенов в победе, данной Господом небес. Лев же на следующий день бежал из земли в крайнем ошеломлении, и его 15 дней преследовал князь Лешко с 30 тысячами всадников и двумя тысячами пеших воинов, и он чудесным образом разграбил его землю и разрушил крепости Руси. Он вернулся с почетом в свою землю, никем не тревожимый»¹⁷.

Естественно, Ногай не могли не раздражать как потери среди личного состава татарских подразделений, так и общая неудача военной кампании. Однако татарская реакция заставила себя ждать более семи лет. Поэтому более вероятным поводом для татарского вторжения послужило нападение Лешека Черного на галицкие территории во время последующей татарской инвазии в Венгрию в 1285 году, помешавшее Льву Даниловичу принять участие во вторжении в венгерское королевство в составе армии Тула-Буги (или предоставившее галицкому князю веские основания для того, чтобы уклониться от исполнения воинской повинности) [11, стб. 888; см. также: 23, с. 282].

Согласно «Житию Святой Кунигунды», татарские войска вторглись в Малую Польшу 6 декабря 1287 года и пребывали на ее территории до 11 февраля следующего года: «Тартары вторглись в землю Польши и пребывали там с праздника Святого Николая до начала Великого поста ... Тогда князь Лешек, не способный им сопротивляться, удалился в Венгрию»¹⁸. Как и во время венгерской кампании, армии Ногай и Тула-Буги двигались порознь, не встречая открытого сопротивления на пути своего следования. Тула-Буга пересек с определенными трудностями замерзшую Вислу и приблизился к Сандомиру. Попытка взять Сандомир штурмом оказалась неудачной, и, отказавшись от его осады, золотоордынский хан принял решение двинуться в сторону Кракова. Однако на полдороге Тула-Буга узнал, что Краков уже был осажден войсками Ногай, прибывшего туда другой дорогой через Перемышль примерно к Рождеству, согласно датировке «Познаньского рочника» [83, VI, р. 130]. Получив эти известия, Тула-Буга быстро вернулся в Сандомирию и проследовал далее в Галицию, основательно разорив как оккупированные польские территории, так и союзнические земли князя Льва Даниловича [11, стб. 893–895; см. также: 10, с. 191]. Также и Ногай должен был удовлетвориться опустошением окрестностей Кракова, поскольку попытки штурма малопольской столицы встретили энергичное сопротивление ее жителей. Позже, в благодарность за отпор, оказанный татарам, Лешек Черный вознаградил краковчан дарственной грамотой, освобождавшей их от сбора налогов: «1288. В Кракове. Да будет известно всем, кто в настоящем или будущем

¹⁷ 1280. primo anno electionis ducis Lestconis venit Leo dux Rusie cum exercitu copioso Thartarorum et Litwanorum et Ruthenorum volens possidere ducatum Cracovie et Sandomirie. Cui occurrerunt Cracovienses et Sandomirite in vigilia Mathie apostoli feria 6. circa Goslicz, videlicet Petrus filius Alberti Cracoviensis, Ianussius palatini Sandomirie, Varso castellanus Cracoviensis ad manum cum 600 hominibus et prostraverunt Thartarorum Litwanorum Ruthenorum admirabilem multitudinem, domino celi victoriam conferente. Ipse autem secundo die fugit de terra valde confusus, quem post 15 dies secutus est dux Lestco habens secum 30 milia equitum et duo milia peditum et spoliavit eius terram mirabiliter et castra subvertit Rusie. Reversusque est ad propria in pace et cum gloria [82, II, p. 847; см. также: 82, III, p. 364; 42, p. 429; 11, стб. 881–882; 73, p. 202; 29, с. 122–123; 25, с. 235–236; 23, с. 301; 10, с. 190].

¹⁸ Tartari terram Polonie invaserunt et moram ibidem a festo sancti Nicolai usque ad carnesprivium traxerunt ... Tunc dux Lesco non valens resistere eis, in Hungariam secessit [82, IV, p. 715; см. также: 73, p. 205].

ознакомиться с этой грамотой, что мы, Лешко, Божьей милостью князь Кракова, Сандомира и Серадза ... в подобающее вознаграждение верности, которую похвально выказали нам и нашей земле наши граждане Кракова, сражаясь против свирепейшего народа тартар и одержав победу над ними ...»¹⁹.

Рассмотрение этой кампании в общих чертах оставляет впечатление, что ее главной целью был карательный набег на польские территории. С другой стороны, отдельного замечания заслуживает несогласованность в проведении военных операций обоими татарскими армиями, следствием которой была неудача в осаде Сандомира и, в особенности, Кракова. Столица Малой Польши, очевидно, должна была стать ключевым пунктом военных операций, где должны были сойтись обе армии, двигавшиеся к этой цели по-отдельности. Однако «великая нелюбовь», определявшая, согласно «Ипатьевской летописи» [11, стб. 892], в это время отношения между Ногаем и Тула-Бугой, помешала наладить совместные действия обоих татарских армий. Венгерский король Ласло IV, напротив, поспешил предоставить полякам своевременную помощь и направил против татар войска под командованием Дьордя, сына Шимона, которые нанесли поражение одному из подразделений Ногая, согласно содержанию дарственной грамоты венгерского монарха 1288 года: «Когда совсем недавно упомянутый народ тартар вторгся в королевство Польши для его разорения, и этот же князь Лешек, не веря, что сможет противиться мощи этих тартар, бежал от них и получил защиту и поддержку в нашей земле; упомянутый М. Дьордь, действуя вдали от нас, по собственному почину и выказывая верность нам и королевству, двинулся в необычную пору ночной тишины, и, добываясь наших почестей, как предприимчивый муж не побоявшись положиться на неведомые жребии фортуны, он напал на более чем тысячу человек из тартар около крепости Сандеча, и, сразившись с ними, он убил их предводителя и правителя и уничтожил многих из них, освободив, таким образом, своим войском из плена этих тартар почти бесчисленное множество людей из жителей той земли»²⁰.

От хана Токты до войны за Галицкое наследство

Внутренний конфликт между Тула-Бугой и Ногаем, последовавший за кампанией 1287–1288 гг., привел к резкому снижению татарской активности на границах католического мира [73, p. 205]. В дальнейшем, в связи с консо-

¹⁹ 1288. Cracovie. Notum sit vniuersis presentibus et futuris, presentem paginam inspecturis, Quod Nos Lestco dei gracia Dux Cracoviensis, Sandomiriensis et Syradiensis ... in retributionem condignam obsequi[orum, que nobis et terris] nostris Ciues nostri Cracouienses pugnando contra seuissimam gentem Tartarorum et victoriam in eisdem obtinendo laudabiliter [osten]derunt ... [75, no. 2, p. 4].

²⁰ quum nouissime dicta gens Tartarica ipsum regnum Polonie iniisset vastaturus, idemque Dux Leznek non credens, se posse resistere potencie ipsorum Tartarorum, ante eos terga vertens, se in terram nostram defensionis praesidio recepisset; sepe dictus M. Georgius, nobis agentibus in remotis, motu proprio, pro fidelitate nobis et regno impendenda, eundo intempestiue noctis silencio, sicut vir strenuus, seque pro honore nostro dubiis fortune casibus exponere non reformidans, ultra mille homines de Tartaris circa castrum Zandech inuasit, cum quibus preliando, ducem et principem eorum interfecit; ex eis eciam pluribus interhemptis; et sic quasi innumerabiles personas ex ipsius terre incolis de captiuitate ipsorum Tartarorum per suam militiam liberauit [60, V/3, p. 395; см. также: 73, p. 205; 27, с. 155–156].

лидацией внутренней ситуации в Улусе Джучи в период правления Токты, татары произвели относительно серьезный набег на Сандомирскую землю в 1293 году, воспользовавшись конфликтом Владислава Локетекса с богемским королем Вацлавом II: «наконец, нахлынуло огромное войско тартар, разделенное на несколько полчищ, и, устремившись только к Сандомиру, вернулось в тартарские степи, откуда оно изверглось, уводя с собой великое множество добычи и людей обоих полов, взятых в плен и низведенных в рабство»²¹. Любопытно отметить, что в преддверии этого нападения татары направили свое посольство к богемскому монарху [67, р. 718], по всей видимости, стремясь заручиться нейтралитетом Вацлава II в будущем конфликте или даже пытаясь наладить военное сотрудничество [73, р. 200].

Татары, очевидно, уже стали рассматриваться как потенциальные союзники в междоусобных конфликтах христианских правителей. В частности, согласно «Малопольскому рочнику», в 1302 году Владислав Локетек воспользовался помощью рутенов и татар для нападения на Малую Польшу: «1302. Князь Владислав вместе с рутенами и тартарами разорил Сандомирию»²². Это нападение, однако, оказалось безуспешным для союзников, и в ходе последовавшего контрнаступления малопольских войск галицкий князь Юрий I Львович потерял Люблин: «1302. В тот же год вошли краковские и сандомирские воины в Руссию, а именно, в новый Люблин, который рутены удерживали много лет. Они напали на него и после этого сразились в малом количестве с множеством рутенов, литовцев и тартар, восторжествовав над всеми ними вспомоществованием Господа. Вернувшись после этого, они завладели самой крепостью Люблина»²³.

В ходе обоих набегов татары располагали значительно меньшими военными силами по сравнению с предыдущим вторжением Тула-Буги и Ногая, и данное наблюдение предполагает заметное снижение интереса золотоордынских правителей к развертыванию военных действий на территории Польши и Венгрии. В частности, в правление Токты татары совершили единственный значительный набег на владения королевства Венгрии, напав в 1293 году на юго-западный регион Мачва, согласно тексту дарственной грамоты Андраша III от 10 ноября того же года: «когда зимой, на второй год после нашей коронации, неверный народ тартар пришел для грабежа одной небольшой части нашего королевства, называемой Мачва»²⁴. По всей видимости, более поздняя королевская грамота 1296 года упоминает этот же набег [60, VII/4, no. 244, р. 237; см. также: 73, р. 206]. Другое татарское нападение на словац-

²¹ *Supervenit tandem Thartarorum ingens exercitus in aliquot agmina divisus et nonnisi a(d) Sandomiriam grassatus, correpta preda et hominum utriusque sexus magna multitudine capta et servituti mancipata in Thartaricos campos, unde ebulliverat, rediit* [70, VII, р. 277; см. также синхронные, но очень короткие упоминания татарского набег в рочниках Траски и Малой Польши в: 82, II, р. 852, III, р. 184].

²² 1302. *Dux Wladislaus cum Ruthenis et Tartaris Sandomiriam vastavit* [82, III, р. 186].

²³ 1302. *Eodem anno inierunt milites Cracovienses et Sandomirienses Russiam, videlicet Lublin novum, quod Rutheni occupaverunt pluribus annis, expugnaverunt, deinde in paucis cum multitudine Ruthenorum et Litwanorum ac Tartharorum pugnauerunt, et Domino cooperante de omnibus triumphaverunt. Postea reversi ipsum castrum Lublin optinuerunt* [82, II, р. 853; см. также: 8, с. 128; 29, с. 142; 31, с. 18; 73, р. 202].

²⁴ *cum perfida gens Tartarorum post coronationem nostram secundo anno circa yemen quandam particulam regni nostri Macho vocatam venisset ad spoliandum* [92, no. 3951, р. 125].

кую область Лелес в 1305 году, вероятно, не имело существенных последствий [73, р. 206, 226, nota 75]. И поэтому крайне пессимистичная оценка состояния Венгрии, выраженная папой Бонифацием VIII в письме, которое он адресовал богемскому королю 17 октября 1301 года, была, скорее, следствием дезинформации венгерского монарха, а не отражением действительного положения дел: «Но, увы, сегодня столь благородное, столь славное королевство разрушено как в духовном, так и мирском смысле. Оно как будто отдано на расхищение и полностью сведено в ни во что из-за враждебных набегов куманов, тартар, схизматиков и язычников»²⁵.

В свою очередь, приемники Бонифация VIII подвергали сомнению утверждения венгерских совранов о чрезвычайной опасности, которую представляли татары для безопасности их королевства. Так, в 1325 году папа Иоанн XXII тактично отклонял требование Шаробера о предоставлении ему церковных доходов из соседних христианских государств в связи с агрессивными намерениями многочисленных врагов Венгрии, включая и хана Узбека: «Воистину, возлюбленный сын, этим же письмом, среди прочего, ты умолял нас, дабы в обуздании неверных народов, соседствующих с твоим королевством, с которыми тебе часто приходится бороться, и для поправления их высокомерия и порочности мы сочли бы достойным предоставить тебе определенную помощь из некоторых других близлежащих королевств. Мы не хотим скрывать от королевской предусмотрительности, что, хоть мы и одаряем тебя и упомянутое королевство прерогативой особой благосклонности и охотно предоставляем в отцовской любви все то, что может оказаться тебе и этому королевству выгодным и почетным; однако мы не имеем обыкновения предоставлять никакому королю помощи за пределами его королевства. Мы не способны в нашей благопристойности принять твою петицию и просим поэтому королевское величество простить нас по этому поводу»²⁶.

В другом письме в ответ на указание Шаробера, что Венгрия десятилетиями подвергалась набегам татар, папа ограничился предоставлением пленарной индульгенции всем христианам, которые погибли бы, защищая королевство: «Всем верноподданым Христа, проживающим в королевстве Венгрии ... в сострадании к вам и другим правоверным Римской церкви в других краях, близлежащих с королевством Венгрии, по поводу нападений, опустошений, плена, рабства, узниц и множества других мук и мучений, причиняемых схизматиками, тартарами и другими язычниками из различных неверных народов, которые вы не можете избежать и которым вы сами не в силах соп-

²⁵ Sed heu hodie Regnum tam nobile, tam preclarum et in spiritualibus et in temporalibus est collapsum, et quasi datum predam, et per Cumanorum, Tartarorum, Scismaticorum et paganorum hostiles incursus fere ad nichilum est deductum [59, no. 444, p. 557; см. также: 73, p. 201].

²⁶ Sane, fili carissime, cum per easdem litteras inter cetera nobis duxeris supplicandum, ut ad refrenandam nationum infidelium tuo regno vicinarum, contra quas te pugnare frequenter oportet, superbiam et maliciam conterendam certum tibi subsidium in certis aliis regnis propinquis concedere dignaremur, Regalem providentiam volumus non latere, quod licet te dictumque regnum tuum prerogativa favoris precipui prosequamur, libenter ad ea, que tuum et ipsius regni commodum et honorem respiciunt, paternis affectibus intendentes; quia tamen nulli Regi subsidium extra regnum suum concedere consuevimus, tue petitioni huiusmodi annuere cum nostra decentia non valemus; quare nos habeat Regia magnificentia super hoc, quesumus, excusatos [107, I, no. 771, p. 501; см. также: 73, p. 214].

ротивляться ... вам всем и остальным верноподданным Христа, кто участвует или будет участвовать в войне или сражениях для защиты католической веры в королевстве Венгрии, других землях правоверных и краях, близлежащих к упомянутому королевству или с ними соседствующих, против схизматиков, тартар, язычников и других упомянутых смешанных народов неверных ... мы предоставляем полное отпущение грехов»²⁷. Эта духовная привилегия подтверждалась и более поздней буллой Иоанна XXII от 11 июля 1334 года, как и папой Бенедиктом XII в 1339 году [37, no. 143, p. 266; 35, no. 36, p. 70–71; см. также: 73, p. 214].

В действительности, татары не подвергали серьезным нападениям королевство Венгрии и в течение правления Узбека, что позволило Шароберу активизировать свою внешнюю политику в юго-восточном направлении. В частности, в 1323 году, во время своего пребывания в Трансильвании, Шаробер направил военные силы на неопределенные татарские территории во главе со своим приближенным, Финтой Мендийским; о чем свидетельствует королевская грамота от 12 августа 1324 года (в копии от 10 октября того же года): «мы [направили] упомянутого Финту, отличившегося наиболее непоколебимой верностью, в землю этих тартар вместе с некоторыми другими нашими верноподданными для усиления охраны нас и нашего королевства, пока мы пребывали в упомянутых трансильванских краях»²⁸. Вылазки на татарские территории имели место и позже в связи с благодарностью, выраженной в 1325 году папой Иоанном XXII венгерскому королю за посылку в Авиньон двух пленных татарских юношей: «Мы с благодарностью приняли остальную часть королевской добычи, нам посланной, а именно, двух тартарских юношей; вследствие чего мы отвечаем твоему величеству с обильными благодарностями: со своей стороны, мы намереваемся наставить этих юношей и воспитать так, чтобы они знали и почитали Бога и веру»²⁹.

Татарская инвазия 1326 года, отображенная прусским анналистом Петром из Дусбурга в крайне преувеличенном масштабе, очевидно, была ответом на эти нападения: «Об опустошении земли Венгрии и умерщвлении 30 тысяч тартар. В год Господень 1326 король Венгрии убил 30 тысяч из войска тар-

²⁷ *Universis Christi fidelibus per regnum Ungariae constitutis ... vos et Ecclesiae Romanae fideles aliarum partium regno Ungariae adjacentium a schismaticis, Tartaris, paganis aliisque permixtis infidelium nationibus in pugnationes, depopulationes, captivitates, servitutes et carceres, et alias diversorum generum poenas et cruciatus multiplices patiamini, quibus nec obviare potestis nec resistere per vos ipsos ... vobis omnibus caeterisque Christi fidelibus, quos pro defensione Catholicae fidei in bello seu pugna in regno Ungariae aliisque fidelium terris et partibus eidem regno adjacentibus supradictis, aut vicinis eisdem, habitis contra schismaticos, Tartaros, paganos aliasque perversas nationes infidelium supradictas ... plenam concedimus veniam peccatorum* [с неправильной датой: 39, XXIV, a. 1314, § 13, p. 21; см также: 73, p. 214].

²⁸ *praedictum Phynta constantia fidelitatis praepollentem in terram ipsorum Tartarorum cum quibusdam aliis fidelibus nostris pro adhibenda nobis et regno nostro custodia, quamdiu in praedictis partibus Transilvanis moram traximus* [109, I, no. 427, s. 388–389; см. также: 21, прим. 95].

²⁹ *Ceterum de preda Regia partem nobis missam, duos videlicet iuvenes Tartaros, gratanter recepimus, et inde tue celsitudini gratiarum referimus uberes actiones: quos quidem iuvenes, ut deum per fidem cognoscant et diligant, facere intendimus dirigi ac etiam erudiri* [107, I, no. 772, p. 501–502].

тар, которые разорjali его королевство»³⁰. Тем не менее венгерские войска продолжили нападения на татар, и в 1331 году их лично возглавил Шаробер, согласно поздравлениям, выраженным понтификом венгерскому королю в августе 1331 года: «Прибывший к нам недавно любимый сын Иоанн, провинциальный министр Ордена меньших братьев в Венгрии, представитель твоего величества, [представил] нам королевское письмо, посредством которого королевское величество сообщило нам о счастливом королевском преуспевании и славном триумфе, достигнутом против тартар, врагов католической веры, и о несчастном случае, уготовленном тебе и твоим людям при возвращении по причине коварных засад»³¹.

В свою очередь, отношения Польши с Золотой Ордой временно обострились вследствие внезапной смерти в 1323 году галицкого князя Андрея Юрьевича и его брата, волынского князя Льва II. Как следует из послания, адресованного Владиславом Локетекком папе Иоанну XXII 21 мая 1323 года, польский король рассматривал обоих рутенских князей в качестве надежной защиты восточных пределов собственного королевства. Андрей и Лев, очевидно, пользовались обширной политической автономией в рамках Улуса Джучи и добились сближения с Тевтонским орденом и, впоследствии, Литвой для того, чтобы противопоставить эти военные союзы татарским посягательствам на их автономию [7, с. 143; 29, с. 153; 73, р. 209; 3, с. 94]. Однако после скоропостижной смерти рутенских князей, положившей конец правлению династии Романовичей в Галиции и Волыни, Владислав Локетек выражал папе опасения по поводу выбора их наследников и просил Иоанна XXII санкционировать проповедование крестового похода в связи с потенциальной возможностью столкновения Польши и Золотой Орды (указывая, одновременно, на то, что победа польского монарха способствовала бы латинизации рутенского населения): «с болью сообщаем с чрезвычайным почтением вашему святейшеству извещением настоящего письма, что два последних князя рутенов, народа схизматиков, которые были непосредственно для нас непреодолимым щитом против жестокого народа тартар, ушли из этого света. По причине их смерти близкие к нам и нашим землям тартары, в чем мы уверены без всяких сомнений, землю рутенов, смежную с нашими пределами, из которой они имели обыкновение получать ежегодную дань, угрожают захватить неописуемым потрясением, если только не окажет помощь всемогущий Бог и ваша милость. Поэтому мы, по обыкновению преданного сына, взываем к милосердию вашего святейства, не покидающего никого в бедствии, и умоляем дабы ... вы сочли достойным помочь нам скорейшим образом в проповедовании святого креста и другим вспомоществованием, которое вашему святейству покажется уместным, против упомянутого народа тартар, чтобы они не завладели упомянутой землей рутенов и не вторглись к нам вслед-

³⁰ De vastacione terre Ungarie et XXX milium Tartarorum interfectione. Anno domini mcccxxvi rex Ungarie de exercitu Tartarorum, qui regnum suum depopulaverant, xxx mila interfecit [98, I, s. 213; см. также: 73, р. 212].

³¹ Ad nostram nuper veniens presentiam dilectus filius Iohannes fratrum ordinis minorum in Ungaria provincialis minister, tue celsitudinis nuncius, nobis regias litteras, per quas progressum felicem Regium et triumphum gloriosum obtentum contra Tartaros fidei catholice inimicos ac casum sinistrum, qui contigit proditoriis tibi et gentibus tuis paratis in regressu insidiis, excellentia nuntiavit regia [59, no. 491, р. 617; см. также: 73, р. 212].

ствии этого ... зная, святейший отец, что, если вы в скорости предоставите это нам в вашем милосердии, церковь и народ правоверной веры преуспеет в своем увеличении»³².

Понтифик, занятый борьбой с императором Людвигом IV, дал согласие на проповедование анти-татарского крестового похода только в 1325 году в булле, текст которой совпадал с параллельным посланием Иоанна XXII, адресованном подданным венгерского королевства: «в сострадании к вам и другим правоверным Римской церкви в других краях, близлежащих к королевству Польши, по поводу нападений, опустошений, плена, рабства, узниц и множества других мук и мучений, причиняемых схизматиками, тартарами и другими язычниками из различных неверных народов, которые вы не можете избежать и которым вы сами не в силах сопротивляться ... вам всем и остальным верноподданным Христа, кто участвует или будет участвовать в войне или сражениях для защиты католической веры в королевстве Польше, других землях правоверных и краях, близлежащих к упомянутому королевству или с ними соседствующих, против схизматиков, тартар, язычников и других упомянутых смешанных народов неверных ... мы предоставляем полное отпущение грехов»³³. Однако к этому времени внешнеполитический кризис был уже преодолен утверждением во главе Галиции мазовецкого принца Юрия II Болеслава [73, р. 209]. Вокняжение Юрия-Болеслава было следствием нахождения компромисса между Владиславом Локетекем и литовским князем Гедимином [31, с. 34]. Важнее, однако, что выбор нового галицкого князя был одобрен и ханом Узбеком, пытавшимся учесть литовские и польские интересы в Рутении при обязательном условии сохранения получения дани с Галицко-Волынского княжества [87, р. 307–308; 3, с. 94]³⁴.

К этому же периоду относится краткосрочная попытка Гедимины сблизиться с Авиньонской курией путем личного принятия католичества. В част-

³² sanctitati vestrae insinuatione praesentium cum dolore reverentius intimamus, quod duo ultimi principes Ruthenorum de gente schismatica, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, decesserunt ex hac luce: ex quorum interitu nobis et terris nostris ex vicinitate Tartarorum, quos de certo credimus, terram Ruthenorum nostris metis contiguam, de qua annua tributa percipere consueverunt, occupare, perturbatio indicibilis, nisi Dei omnipotentis et vestra gratia affuerit, imminet. Ea propter sanctitati vestrae, quae nullum in tribulatione despicit, suam misericordiam implorantem, filii devoti more supplicamus, quatenus ... in praedicatione sanctae crucis et aliis subsidiis, quae beatitudini vestrae videbuntur opportuna, contra gentem Tartarorum supradictam, ne occuparent terram Ruthenorum praedictam et per consequens nos invadant, celeriter succurrere dignemini oculo pietatis ... scientes, sanctissime pater, se his per vestram misericordiam breviter intenderitis, ecclesia et gens fidei orthodoxae in suis proficient incrementis [1, no. 4, с. 152].

³³ vos et alii Ecclesiae Romanae fideles aliarum partium regno Poloniae adiacentium, a schismaticis, Tartaris et paganis aliisque permixtis infidelium nationibus impugnationes, depopulationes, captivitates, servitutes et carceres et alias diversorum generum poenas et cruciatus multiplices patiamini, quibus nec obviare potestis nec resistere per vos ipsos ... vobis omnibus ceterisque christifidelibus, quos pro defensione catholicae fidei in bello seu pugna in regno Poloniae aliisque fidelium terris et partibus eidem regno adiacentibus supradictis aut vicinis eisdem habitis et habendis contra schismaticos, Tartaros, paganos aliasque permixtas nationes infidelium supradictas ... plenam concedimus veniam peccatorum [37, no. 79, p. 162; ср. с: 39, XXIV, а. 1314, § 13, p. 21].

³⁴ Ян из Чарнкова ясно указывает на факт выплаты Юрием-Болеславом ежегодной дани хану Узбеку [82, II, р. 622; см. также: 73, р. 209–210].

ности, в своем письме от 1 июня 1324 года папа Иоанн XXII благодарил литовского князя за дружественное послание, в котором Гедимин объяснял понтифику, что единственным препятствием для внедрения латинской веры в его княжестве была непримиримая вражда с Тевтонским орденом: «Направленное нам письмо твоего величества, исполненное набожности и укрепленное словами ... разъясняющее нам, что один твой предшественник, Миндовг, был обращен вместе со всем своим королевством в веру, но они отступились от нее по причине жестоких и враждебных несправедливостей со стороны любимых сыновей, магистра и братьев Иерусалимского ордена [госпиталя] Святой Марии Тевтонской ... так и тебе приходится по этой причине до сегодняшнего дня, хоть и против воли, пребывать таким образом в грехе; и в дальнейшем ты отметил множество обвинений против тех же магистра и братьев в этом же письме ... добавив, что ты никоим образом не нападаешь на христиан и не хочешь уничтожить христианскую веру, но защищаешь себя от своих врагов, как поступают короли и князья других христиан, и что при тебе есть братья из Орденов проповедников и миноритов»³⁵. Далее понтифик сообщал в своем письме, что Гедимин направил в Авиньон второе послание вслед за первым, в котором он признавал примат Апостольского престола, выражал личное желание креститься и просил понтифика способствовать распространению католичества в его владениях. Вследствие этого папа извещал литовского князя о том, что он направил к нему двух своих легатов – Бартоломея, епископа Але, и Бернарда, аббата монастыря Святого Теофреда в епархии Аникии.

Однако из отчета папских представителей следует, что по их прибытию к великокняжескому двору Литвы в ноябре 1324 года, «намерение Гедимины изменилось настолько, что он никоим образом не хотел принимать веры Христа»³⁶. В ходе официального приема представителей понтифика литовский князь указывал на религиозную толерантность, практикуемую в его владениях, и выказывал явное непонимание весомости причин, которые должны были бы подтолкнуть его к отказу от ритуалов своих предков: «и христианам позволено поклоняться своему Богу, рутенам – согласно их ритуалу, полякам – согласно их обыкновению. А мы поклоняемся Богу согласно нашему ритуалу. И у всех у нас – один Бог»³⁷. И только при общении с местными францисканцами папские представители смогли узнать, что истинной причиной, побудившей Гедимины изменить свои намерения, был резкий протест, выра-

³⁵ *Missa nobis tuae magnitudinis littera, devocione referta verbisque succincta ... declarans nobis, quod quondam predecessor tuus Mindowe cum toto suo Regno fuit ad fidem Christi conversus, sed propter atroces et inimicabiles iniurias dilectorum filiorum Magistri et fratrum ordinis [hospit.] S. Marie Theotonicorum Ierosolimitani a fide huiusmodi recesserunt ... sicut et te oportet propterea usque in hodiernum diem, licet invitum, in errore huiusmodi permanere, ac subsequenter quamplures articulos contra eosdem Magistrum et fratres in eisdem litteris annotasti ... subnectens, quod tu nequamquam christianos impugnas, tamquam fidem velis destruere christianam, sed defendis te ab inimicis tuis, ut faciunt Reges et principes alii christiani, et quod Predicatorum [et] Minorum ordinum fratres tecum habes [108, I, no. 293, p. 193].*

³⁶ *propositum suum esset mutatum, ita quod nequamquam vellet recipere fidem Christi [20, no. 67, c. 45].*

³⁷ *et christianos facere deum suum colere secundum morem suum, ruthenos secundum ritum suum, polonos secundum morem suum et nos colimus deum secundum ritum nostrum, et omnes habemus vnum deum [20, no. 67, c. 46].*

женный жематийской знатю, обеспокоенных угрозой латинизации княжества: «[тевтонские] братья из Пруссии дали множество одеяний и ценной вещей самогитской знати для того, чтобы те восстали бы против короля. И те говорили, что если король примет веру, они пожелают напасть на него, его детей и всех его сторонников и вместе с братьями из Тевтонского дома изгнать из его королевства и полностью искоренить»³⁸. Данный отчет также интересен упоминанием параллельного татарского посольства, вероятно, прибывшего к Гедимину для урегулирования недавних столкновений между литовцами и ордынцами на Киевской земле и в Галиции. Гедимин, очевидно, придавал большее значение приему послов хана Узбека, отказав папским представителям в приватной беседе: «король не мог говорить с нами обособленно, поскольку он был занят с тартарами»³⁹.

Хан Узбек, таким образом, придерживался довольно пассивной позиции по отношению к королевству Польши, не посягая на автономное правление Юрия-Болеслава в Галиции и довольствуясь взиманием ежегодной дани с рутенских земель. Более того, Узбек благосклонно относился и к появлению католических миссионеров и купцов в собственно джучидских владениях, вследствие чего Авиньонская курия адресовала многочисленные благодарственные письма золотоордынскому хану⁴⁰. В основном латинские источники демонстрируют позитивное восприятие хана Узбека. В частности, швейцарский минорит Иоанн Винтертурский подчеркивал благосклонное отношение Узбека к европейцам, несмотря на сохранение прежних геополитических амбиций монгольских правителей: «Также говорили, что в эти времена [ок. 1338] император или великий царь тартар отличался настолько необыкновенным могуществом, что распоряжался пятьюстами княжествами, из которых самое малое могло поистине сравниться с королевством Богемии. Он имел обыкновение говорить торговцам, в то время прибывавшим со своими товарами из христианских регионов в регионы его империи: ‘Римский император и король Франции должны де юре признать свои владения в моем феоде, и, поскольку пренебрегают тем, чтобы это сделать, они владеют ими на ложном основании, допуская великое беззаконие по отношению ко мне’»⁴¹.

³⁸ fratres de prusia dederunt multas tunicas et bona potencioribus de sameytis, ita quod ipsi insurrexerunt contra regem, dicendo, si ipse reciperent fidem ipsi vellent eum, filios et omnes sibi adherents expugnare et vna cum fratribus de domo theuthonica expellere de suo regno et totaliter exstirpare [20, no. 67, c. 47].

³⁹ rex ad partem non poterat loqui nobiscum; nam cum tartaris erat impeditus [20, no. 67, c. 47; см. также: 31, c. 31].

⁴⁰ Папа Иоанн XXII посылал Узбеку свои письма 28 марта 1318 года [65, III, p. 44, 178–179; 46, no. 317, p. 148] и 27 сентября 1323 года [65, III, p. 179–180; 39, XXIV, a. 1323, § 2–3, p. 202–203]. Бенедикт XII, в свою очередь, адресовал хану свои послания 13 июня [65, IV, p. 252] и 31 октября 1338 года [65, IV, p. 260] и 17 августа 1340 года [65, III, p. 181, IV, p. 227–228; 47, no. 124, p. 77–78].

⁴¹ Item fertur, quod in iis temporibus [c. 1338] inperator seu rex magnus Tartarorum tam excellentis potenciae fuit, quod quingentos principatus concedere habuit, quorum minimus regno Boemiae veraciter comparari valebat. Qui ad mercatores solitus erat tunc temporis venientes de regionibus Christicolis ad regiones imperii sui causa mercacionis dicere: “Imperator Romanorum et rex Francorum deberent de jure a me in regnis suis infeodari et, quia facere hoc contempnunt, malo titulo ea possident cum injuria mea magna” [65, II, p. 146].

Однако в конце своего правления хан Узбек стал проявлять определенное беспокойство в отношении экспансионистских претензий польского и венгерского правителей и принял решение прибегнуть к посредничеству папы для разрешения приграничных конфликтов: весной 1340 года Узбек направил в Авиньон францисканца Элиаша из Венгрии, приближенного своего старшего сына Тинибека, вместе с письмом, в котором золотоордынский хан призывал понтифика оказать давление на католических правителей для стабилизации их отношений с улусом Джучи. В своем ответном послании от 17 августа 1340 года Бенедикт XII уверял хана, что он приложит все свои усилия для удовлетворения его просьбы: «Кроме того, поскольку, как мы узнали, между твоими людьми и служивыми и подданными возлюбленнейших во Христе сыновей наших, светлейших королей Венгрии и Польши, на границах твоей империи и королевств упомянутых королей часто случается разжигание распрей и войн, следствием которых являются гибель людей, ущерб имуществу и еще более горько оплакиваемая опасность для душ; твоему величеству хотелось бы воздержаться от вторжения в упомянутые королевства. Так что, если упомянутые короли причинят тебе или твоим людям незаслуженные несправедливости или ущерб, и ты отправишь нам об этом извещение, мы позаботимся, насколько мы сможем это сделать с Божьей помощью, чтобы эти короли сделали тебе и твоим людям разумное возмещение»⁴². Ответ понтифика, однако, не отличался чистосердечием, поскольку за полмесяца до этого Бенедикт XII провозгласил проповедование анти-татарского крестового похода в Польше, Венгрии и Богемии [35, no. 48, p. 102–104, см. также: 73, p. 213–214], как будет показано ниже.

Поводом для беспокойства хана Узбека была неожиданная смерть князя Юрия-Болеслава, отравленного около 7 апреля 1340 года⁴³ местными боярами за попытку латинизации галицкой церкви, если принять на веру утверждение Иоанна Винтертурского: «Пока он крепко держал бразды правления в королевстве в течение многих лет, число латинян там, как и их ритуал, приумножились, что не нравилось рутенам. И в конце концов, они отравили его настолько сильным ядом, что его тело разложилось на части»⁴⁴. Согласно рочнику Траски, польский король Казимир III немедленно воспользовался смертью галицкого князя и с небольшим войском захватил Львов, чтобы повторить нападение в июне того же года со значительно большими силами, ре-

⁴² Et insuper, cum, sicut intelleximus, inter tuos et carissimorum in Christo filiorum nostrorum Hungariae et Poloniae regum officiales et subditos in confiniis imperii tui et regnorum regum praedictorum quandoque suscitari contingat dissensiones et guerras, ex quibus strages hominum, lapsus rerum et animarum amarius deploranda pericula subsequuntur, velit tua sublimitas ab invasione regnorum praedictorum desistere, quia, si reges praedicti inferrent tibi vel tuis iniurias indebitas vel offensas et id nobis duxeris intimandum, haec per reges ipsos praecabimur facere, quantum cum Deo poterimus, tibi et tuis rationabiliter emendari [47, no. 124, p. 78].

⁴³ Рочник Траски ясно указывает на то, что Юрий-Болеслав был отравлен на праздник Благовещения Святой Марии, то есть около 7 апреля 1340 года: “Anno Domini 1340 Bolezlaus filius Troydeni ducis Mazovie, princeps Ruthenorum a suis inopocinnatus circa festum annunciacionis beate Marie, ex hac vita migravit” [82, II, p. 860; см. также: 31, с. 37].

⁴⁴ Qui dum regni gubernacula per plura annorum curricula strennue gessisset, tandem cum numerum et ritum Latinorum illic multiplicasset et hoc Ruthenis displicuisset, ipsum intoxicabant per venenum tam forte, quod dissiliit in plures partes [50, p. 184; см. также: 61, p. 430].

зультатом которого было, по всей видимости, завоевание Перемышля: «В год Господень 1340 Болеслав, сын Тройдена, князя Мазовии, правитель рутенов, отравленный своими на праздник Благовещения Святой Марии, ушел из этой жизни ... Услышав, что тот так ушел из жизни, Казимир, король Польши, вошел в Россию с малым числом на Пасху и христиан и купцов, которые приняли его в крепости Львова, увел в свое королевство с женами, детьми и имуществом, спалив крепость. Он присвоил себе там сокровища предыдущих князей, состоящее из множества серебра, золота и драгоценностей ... Взяв все это, он вернулся к себе. В тот же год, на праздник Иоанна Крестителя этот же король Казимир собрал сильное войско из примерно 20 тысяч и вошел снова в Россию, где, разрушив некоторые их крепости и укрепления, он их успешно себе подчинил»⁴⁵. Кроме того, Казимир своевременно заключил соглашение о разделе Рутении с венгерским королем Шаробером, войска которого, в свою очередь, вторглись во главе с палатином Виллермом в Галицию меньше чем через месяц после смерти Юрия-Болеслава [см. меморандум от 15 мая 1340 года, указывающий на отправление в Рутению палатина Виллерма и представителей рода Розгоньи: 54, IV, no. 20, o. 26–27; а также: 4, с. 47–48, 51–52; 29, с. 163]. Согласно посланию капитула церкви Святого Мартина в Спише, Шаробер направил свои войска на помощь Казимиру и позже, во время последующего татарского вторжения: «король, наш господин, отправил войско в Польшу для борьбы с тартарами»⁴⁶.

Предвидя реакцию хана Узбека, Казимир поспешил обратиться за помощью к папе Бендикту XII, о чем свидетельствует ответное послание понтифика от 1 августа 1340 года, одобрявшего проповедование анти-татарского крестового похода. Следует отметить, что папа предоставлял всем потенциальным участникам будущей военной кампании те же пленарные индульгенции, которые предназначались для христиан, принявших крест во вспомоществование Святой земле; что, в свою очередь, отражало серьезное беспокойство понтифика в отношении назревающего военного конфликта: «Воистину, недавно твоя светлость своим письмом раскрыла нашему апостолату, что неверный народ тартар, бродящий среди тьмы и лишенный света католической веры, вынашивает нечестивые мысли в отношении твоего королевства Польши, заселенного правоверными и располагающегося в крайних пределах христиан, из-за чего оно подвержено нападению этих же тартар. Согласно их кощунственному замыслу, путь туда кажется более легким, поскольку он лишен преграды из других католических правителей и правоверных, отчего они задумали в своих безудержных сердцах вторгнуться и уничтожить упо-

⁴⁵ Anno Domini 1340 Bolezlaus filius Troydeni ducis Mazovie, princeps Ruthenorum a suis inopocinnatus circa festum annunciacionis beate Marie, ex hac vita migravit ... Audiens Kazimirus rex Polonie, quod ita vita decessisset, Russiam circa festum pasche in parvo numero intrans, christianos et mercatores, qui se in castro Liwow receperant, castro cremato cum uxorbis, pueris et rebus eorum usque in regnum suum deduxit. Ubi spolia multa in argento, auro et gemmis, thesaurum ducum antiquorum tollens ... Hiis omnibus sublati ad propria est reversus. Eodem anno circa festum Iohannis baptiste idem rex Kazimirus congregans exercitum validum prope 20 milium, iterum Russiam intravit, ubi castella et municiones aliquot ipsorum destruens ipsos sibi in profectu subiecit [82, II, p. 860–861; см. также аналогичный отчет Малопольского рочника: 82, III, p. 199–200; а также: 73, p. 210].

⁴⁶ dominus noster rex exercitum misisset in Poloniam contra Tartaros pugnaturum [81, III, no. 625, p. 473–474].

мянутое королевство и его христианских обитателей. Так что до твоего слуха дошло достоверное сообщение, что упомянутые тартары, не способные скрывать под замком молчания задуманное коварство и приводящие при случаях нелепые оправдания, публично угрожают, что они собрали силы своей мощи и через короткое время враждебно поспешат вторгнуться и разрушить упомянутое королевство и разорить правоверных, в нем же проживающих, как и осквернить католическую веру ... мы позволяем нашим письмом проповедовать крест в помощь тебе и упомянутому королевству ... в том же королевстве Польши, как и в королевствах Венгрии и Богемии ... посредством упомянутого письма мы предоставляем индульгенцию, которая дается Апостольским престолом отправляющимся на помощь Святой земле»⁴⁷. По словам богемского хрониста Франтишека из Праги, пропаганда крестового похода оказалась чрезвычайно эффективной: «Благодаря этому многие христиане, вооружившись, чтобы сразиться с тартарами, отдельными отрядами пришли в Польшу»⁴⁸. Однако сам понтифик в своем более позднем письме, адресованном в июне 1341 года краковскому епископу, признавал, что польский король не получил достаточной помощи⁴⁹.

По словам Яна из Чарнкова, главным поводом для последовавшей татарской инвазии было рутенское посольство к Узбеку боярского ставленника в Галиции Дмитра Дедько и волынского служебного князя Даниила Острожского, уверившее золотоордынского хана в том, что в намерения Казимира входили не только оккупация Рутении, но и отказ от выплаты ежегодной дани джучидскому правителю. Вследствие этого татарская армия вторглась на территорию Малой Польши в начале 1341 года⁵⁰, но была оставлена польскими войсками на Висле: «после того как упомянутый Юрий, князь всей Руссии ... погиб, отравленный ядом рутенами, Казимир, упомянутый король

⁴⁷ Sane, nuper tua serenitas per tuas litteras nostro apostolatu patefecit, quod gens perfida Tartarorum, in tenebris ambulans carensque lumine catholice veritatis, prophana cogitatione considerans, quod regnum tuum Poloniae, quod a fidelibus habitatur, est in ultimis christianorum finibus constitutum et quod propterea ad impugnationem regni praefati eisdem Tartaris, absque catholicorum principum et aliorum fidelium obice, iuxta prophanos conceptus ipsorum, facilius via patet, dictum regnum et christianos habitatores ipsius invadere et destruere feris et feribundis animis conceperunt, ita quod ad tuum fidedigna relatione pervenit auditum, quod dicti Tartari huiusmodi conceptus iniquos continere sub clave silentii nequeutes, praetensis occasionibus frivolis, publice comminantur, quod ipsi, ad invasionem et destructionem regni praefati et desolationem fidelium habitantium in eodem et religionem catholicam inibi prophanandam, conflatis potentiae suae viribus, infra breve tempus hostiliter properabunt ... praedicationem Crucis in auxilium tuum et regni praefati per nostras litteras duximus concedendam ... in eodem Poloniae ac Ungariae et Boemiae regnis ... per dictas litteras veniam duximus indulgentiam, quae conceditur per Sedem Apostolicam transfrentantibus in subsidium Terrae Sanctae [35, no. 48, p. 103–104].

⁴⁸ Huius rei gracia multi christiani armis muniti contra eos pugnatu turmatim Poloniam processerunt [61, p. 430].

⁴⁹ dictus rex diligenter attendens, quod ad huiusmodi prosequendum negotium catholicorum principum vicinorum necessariam assistentiam, licet ipsam postulaverit, non habebat [35, no. 53, p. 112; см. также: 73, p. 215].

⁵⁰ Швейцарский минорит Иоанн Винтертурский утверждал, что татарское вторжение имело место в Великий пост 1341 года: “Anno dominice incarnationis MCCCXLI. in quadragesima tanta multitudo Tartarorum et aliorum paganorum famis inedia compulsa terram regis Gragowie et Ungarie ingressa est” [50, p. 181].

Польши, вошел с большой силой своего народа в королевство Руссии в желаниии отомстить за убийство своего кровного родственника. Неспособные противостоят его мощи, рутенские князья, бароны, комиты и остальная знать подчинились вместе со своими господину Казимиру по доброй воле, преданно признав его своим господином и клятвенно заверив его в своей верности. Однако после этих событий, когда король Казимир счастливо вернулся к себе и пребывал в королевстве Польши, один наихудший наемник по имени Дедько, владевший крепостью Перемышль, вместе с неким Даниилом из Острога, тайно, о чем также не знали и другие из русской знати, сообщил императору тартар о том, что Казимир, король Польши, вторгся [в Руссию], захватил ее и также запретил отдавать дань, которую рутены имели обыкновение давать тартарам. В силу их обвинения император тартар направил в сторону Руссии великое войско, повелев, чтобы они враждебно вторглись в Польшу вместе с рутенами и жестоко ее разорили. Когда они дошли до реки Висла, им навстречу вышел упомянутый король Казимир со своими войсками, оказав им же мужественное сопротивление и не позволив им перейти через упомянутую реку, потеряв одного отважнейшего воина по имени Челей, сандомирского палатина, который испустил там же дух, пронзенный тартарской стрелой. Возвращавшиеся же назад тартары силились взять боем крепость Люблин, построенную в то время только из дерева. Но им оказали всевозможное сопротивление защитники крепости и своей силою отбросили их атаку»⁵¹.

Согласно «Свентокшискому рочнику» (с неправильной датой), неудача в осаде Люблина при отступлении татар была обусловлена гибелью их военачальника: «В год Господень 1337 тартары с рутенами окружили крепость Люблин и, с силой нападая на нее двенадцать дней и ночей, опустошили всю его территорию. Но после этого был убит предводитель тартар стрелой, пущенной из крепости, и они сразу же удалились со скорбью»⁵². Однако больше доверия внушает указание Франтишека из Праги на то, что татары были вы-

⁵¹ dicto Georgio totius regni Russiae duce ... veneno per Ruthenos intoxicatus interierat, Kazimirus rex Poloniae praelibatus cum magna potentia gentis suae regnum Russiae potenter ingressus, de nece consaguinei sui vindictam sumere volens. Cujus potentiae Ruthenorum principes, barones, comites ac caeteri nobiles resistere non valentes, ultronea voluntate domino Kazimiro se et sua commiserunt, ipsum in suum dominum fideliter suscipientes, sibi que fidelitatis homagia juramentis firmantes. His autem peractis, rege Kazimiro feliciter ad propria redeunte et in regno Poloniae moram trahente, quidam pessimus baro Datko nomine, castrum Przemisl habens, cum quodam Daniele de Ostrow, clam, etiam aliis nobilibus Russiae id ignorantibus, imperatori Tartarorum intimarunt, regem Kazimirum Poloniae [Russiam] invasisse et occupasse, tributaque per Ruthenos Tartaris dari consueta reddi prohibuisse. Ad quorum delationem imperator Tartarorum maximum exercitum versus Russiam destinavit, mandans, ut cum Ruthenis Poloniam hostiliter invaderent et crudeliter devastarent. Quibus ad Wyslam flumen venientibus Kazimirus rex praefatus cum suis exercitibus occurrens, eisdem viriliter resistit eosque flumen praedictum transire non permisit, uno milite strenuissimo Czeley nomine, palatino Sandomiriensi perduto, qui telo tartarico percussus ibidem expiravit. Tartari autem redeuntes castrum Lublin, quod tunc tantummodo de lignis fuerat constructum expugnare nitebantur. Quibus castrenses pro posse suo resistentes, eosdem ab impugnatione sui potentialiter amoverunt [82, II, p. 620–622; см. также: 82, II, p. 860–861, III, p. 200; 83, VI, p. 130; 35, no. 53, p. 112; 50, p. 184; 71, II, p. 218; а также: 7, p. 210; 29, c. 163–164; 31, c. 38; 22, c. 391].

⁵² Anno domini 1337 Tartari cum Ruthenis castrum Lyblyn vallaverunt, duodecim diebus et noctibus fortiter impugnantes, totum territorium illud vastaverunt. Sed postquam dux Tartarorum per sagittam de castro est occisus, statim recesserunt cum planctu [82, III, p. 78].

нуждены отступить из-за голода и морозов: «Царь же тартар занял почти всю восточную часть королевства Польши ... он ушел, гонимый голодом и холодом»⁵³. В данном контексте особого внимания заслуживает предположение Иоанна Винтертурского о том, что татарское вторжение не было вызвано политическими причинами, но было следствием природного катаклизма внутри Золотой Орды: «Об этих язычниках ходил такой слух, что в их областях им не хватало необходимого пропитания и средств к существованию и что там свирепствовал жесточайший голод из-за прожорливости саранчи, о которой я упоминал выше ... Также об этих народах говорилось, что они вышли со своими женами, детьми и овцами из своих границ к пределам христиан и пожирали друг друга по причине нехватки еды. Поэтому из-за них земля правоверных во многих местах была разграблена и сильно разорена»⁵⁴. Далее Иоанн Винтертурский утверждал, что татары вторглись и в Венгрию, по всей видимости, под влиянием тех же слухов о татарских агрессивных намерениях по отношению к владениям Шаробера, которые параллельно достигли и Венецианского сената [85, no. 149, p. 79; см. также: 73, p. 212]. Как бы то ни было, описание мнимого татарского вторжения в Венгрию можно с определенной долей уверенности отнести к действительному нападению на Польшу, где Иоанн Винтертурский предоставляет ценные сведения о том, что польский король применил тактику «выжженной земли», будучи хорошо осведомленным о недостатке пропитания у татарской армии: «Они заняли пределы короля Венгрии с обеих сторон Дуная, вдоль и поперек. А именно, как саранча, покрывая лицо земли, они пагубно ее опустошили. Король Венгрии не был в силах сопротивляться их великому множеству и приказал всему своему народу, который еще не был затронут и не понес ущерба, дабы они разогнали своих овец и сожгли дома; лишь бы сильно изголодавшимся врагам, которые должны были нахлынуть как смерч, не осталось ничего из пропитания, и гонимые столь крайней нуждой, они покинули бы землю и остались бы в своих землях или родных областях. И пока они безжалостно разрушали таким образом землю Венгрии, многие правоверные собрались вместе из разных приграничных мест и, воодушевленные и воспламененные религиозным рвением и приняв крест, они обрушились на язычников в великом гневе, убили большую часть из них на острие меча и обратили в бегство оставшихся, энергично их преследуя»⁵⁵.

⁵³ Rex vero Tartarorum quasi ob oriente partem regni Polonie occupavit ... fame et frigore recessit compulsus [61, p. 429; см. также: 61, p. 431; а также: 73, p. 210].

⁵⁴ De hiis paganis talis oppinio volavit, quod alimonia et victus necessaria in regionibus suis ipsis defecerant et fames crudelissima illic prevaluerat propter locustarum voracitatem, quarum supra mencionem habui ... De hiis eciam gentibus recitabatur, quod cum suis uxoribus et liberis ac peccoribus de finibus suis ad christianorum terminos exierunt et deficientibus victualibus se mutuo devorabant. Per eos ergo terra fidelium in multis locis grassata est et graviter desolata [50, p. 181].

⁵⁵ Terminos regis Ungarie ex utraque parte Danubii longe lateque occupaverunt. Nam sicut locuste super faciem terre illius se diffundentes perniciose ipsam vastabant. Quorum multitudine grandi rex Ungarie resistere non valens populo suo universo nondum tacto et dampnificato precepit, ut peccora sua fuge darent et domos suas concremarent, ut, dum hostibus superventuris in modum turbinis valde famelicis alimenti nichil remaneret, et comodi necessitate compulsi tali tam urgenti terram illico desererent et ad terras suas vel regiones nativas remearent. Dum itaque terram Ungarie sine misericordia dissiparent, multi fidelium de diversis locis finitimis zelo fidei animati et

По завершению этого набега хан Узбек сконцентрировался на военных походах против Византии и Чагатайского улуса, и вследствие последующей смерти хана татары не смогли помешать усилению влияния польского короля в Галиции [73, р. 210]. Фактическим правителем Галиции оставался посадник Дмитр Дедько, вынужденный, однако, вскоре признать формальное подчинение Казимиру при условии сохранения православного обряда [31, с. 38–39]. Казимир, по всей видимости, был доволен временным исходом военных действий. Однако он попытался оправдаться в глазах папы за краткосрочную приостановку латинизации Рутении, что следует из содержания послания Бенедикта XII, адресованного краковскому епископу 29 июня 1341 года: «Среди прочего, в связи с некоторыми соглашениями и пактами упомянутый король клятвенно обещал во всем поддерживать упомянутых капитана [Дедько] и народ, сохранив их ритуал, права и обычаи. Правда, упомянутый король сомневался, как он утверждал, не поступил ли он нечестно по отношению к воле Господа, и умолял нас смиренно, чтобы по этому поводу мы милосердно сочли достойным предусмотреть для него спасительное лекарство ... мы поручаем тебе и повелеваем апостольским посланием, дабы ты ослабил нашей властью силу этой клятвы, поскольку она была представлена упомянутым королем в связи с незаконными пактами и соглашениями, наложив на этого короля наказание спасительного раскаяния из-за упомянутой опрометчивой клятвы»⁵⁶.

Период правления Джанибека

Тем не менее война за Галицию не утихла, и Казимир был вынужден повторно обратиться за помощью к Авиньонской курии. В 1343 году папа Климент VI предоставил польскому королю на четыре года десятину от доходов архиепископа Гнезно и его суффраганов, обосновывая свое решение непрекращающимися набегами татар, рутенов и литовцев на новые территориальные приобретения Казимира: «Итак, поскольку ... нас достигло твое сообщение, как и других заслуживающих доверия лиц, и сама очевидность фактов ясно показывает, что упомянутые язычники и неверные, а именно, тартары, рутены и литовцы, враги христианской веры, во множестве вторгаются в твое королевство и часто нападают на твоих подданных, упомянутых выше, и причиняют этому королевству и подданным много вреда, насилия и несправедливостей ... ты просил у нас смиренно ... десятину от всех церковных доходов ... склоняясь перед твоими мольбами, посоветовавшись с братьями нашего совета, десятину тебе ... предоставляем»⁵⁷.

accensi cruce se signantes convenerunt et cum furore ingenti in paganos irruentes magnam partem ex eis in ore gladii occiderunt, reliquos vero fugarunt, ipsos acriter persequendo [50, p. 183].

⁵⁶ Inter quae quidem conventiones et pacta praefatus rex praestito iuramento promisit, quod capitaneum et gentem praedictas in omnibus tueri debebat ipsosque in eorum ritibus, iuribus et consuetudinibus conservare. Verum, quia dictus rex, sicut asserit, dubitabat se in hiis praevicasse Domini voluntatem, Nobis humiliter supplicavit, ut providere sibi super hiis de salutari remedio misericorditer dignaremur ... per apostolica scripta committimus et mandamus, quatenus huiusmodi iuramentum, quantum ad huiusmodi pacta et conventiones illicita per regem praestitum supradictum, auctoritate nostra relaxes, iniungens ipsi regi pro dicto iuramento temerario poenitentiam salutarem [35, no. 53, p. 112].

⁵⁷ Cum itaque ... tua et aliorum fidedignorum relatione pervenit, et facti etiam evidentia manifestat, prefati pagani et infideles, videlicet Tartari, Rutheni et Litfani, hostes fidei christiane Regnum tuum et subditos prelibatos aggrediantur multipliciter et frequenter impugnent, ac ipsis

Параллельно Климент VI попытался восстановить дружественные взаимоотношения между Авиньонской курией и новым ханом Золотой Орды, Джанибеком, отправив к нему упомянутого выше минорита Элиаша Венгерского с посланием, датированным 24 июня 1343 года, в котором понтифик подчеркивал благосклонность к католикам предшественников Джанибека: «Апостольского престола очень часто достигали многие заслуживающие доверия сообщения о том, что твои родоначальники, императоры тартар, по причине врожденной и вдохновленной Богом милости в предыдущие времена заботились о том, чтобы благосклонно и гуманно обходиться с христианами в тобой управляемой империи; и как внушаемые божественной любовью, так и из почитания упомянутого престола они благочестиво поддерживали и лелеяли их в вольностях, защищая от незаслуженных притеснений, насилия и беззаконий и также позволяя католическим священникам служить там же божественные службы и исполнять церковные таинства, а христианским и другим народам – слушать желающих свободно проповедовать слово Божье. Вследствие этого сам престол и наши предшественники, Римские понтифики, наполненные из-за этого росой радостей и ликований, посланников этих императоров всякий раз, как они прибывали к тому же престолу, принимали с мягкостью и также упреждали их милостями и благосклонностью, направляя в большом количестве упомянутым императорам благодарственные, наставляющие и дружественные письма»⁵⁸. Далее понтифик призывал Джанибека последовать примеру его предшественников и предлагал хану в конце послания возобновить дипломатические сношения: «мы полагаемся на Того, кто никогда не лишает своих благословенных милостей, что, похвально идя по следам твоих вышеназванных родоначальников в их отношении к этим христианам, ты не прекратишь таким же образом предоставлять им же в изобилии покровительство и милости. Ибо мы верим, что от твоего величества не скрыто то, что в землях и владениях некоторых возлюбленнейших во Христе сыновей наших, христианских королей, проживают бесчисленные тысячи сарацин и других, не почитающих христианскую веру, которых эти же короли содержат и лелеют, как и защищают каждого из них от беззаконий и притеснений. И ни один из самих сарацин или же из тех, кто не чтит их же веру, не принуждается силой, устрашением или насилием отречься от своего обряда или принимать христианскую веру ... Поэтому вопрошаем твое вели-

Regno et subditis multa dampna, violentias et iniurias atroces intulerunt ... nobis humiliter supplicasti ... decimam omnium ecclesiasticorum proventuum ... tuis supplicationes inclinati, de fratrum nostrorum concilio tibi decimam ... duximus concedendam [108, I, no. 605, p. 468–469; см. также: 73, p. 214].

⁵⁸ Ad sedem apostolicam saepius extitit multorum relatibus fide dignis perductum, quod progenitores tui Tartarorum imperatores ex innata et a Deo sibi inspirata clementia Christianos in tuo degentes imperio tractare praeteritis temporibus favorabiliter et humaniter curaverunt, eos tam divinae pietatis intuitu quam reverentia dictae sedis pie manutenendo et confovendo in suis libertatibus ac ab oppressionibus indebitis, violentiis et iniuriis defendendo, permittendo quoque sacerdotes catholicos divina ibidem celebrare officia ac ministrare sacramenta ecclesiastica et tam christianis populis quam aliis audire volentibus praedicare libere verbum Dei. Propter quod sedes ipsa et praedecessores nostri Romani pontifices, ex his gaudii et exultationis rore perfusi, nuncios imperatorum ipsorum quandoque venientes ad sedem eandem receperunt placabiliter eosque gratiis et favoribus praevenerunt, regratatorias, directivas et amicales litteras plerumque praefatis imperatoribus dirigendo [47, no. 214, p. 128].

чество и побуждаем, дабы упомянутым христианам, проживающим в твоей вышеназванной империи, по образу тех твоих родоначальников ты предоставил протекцию, защищая их от незаслуженных беззаконий и притеснений и позволяя любому из священников проводить упомянутые божественные службы и также беспрепятственно провозглашать слово Божье всем тем, кто хочет его слушать. Мы же примем благосклонно твоих посланников и письма, если ты их пошлешь к нам, и также охотно выслушаем то, что они позаботятся представить с твоей стороны»⁵⁹.

Если опасения папы по поводу изменения толерантного отношения золотоордынской администрации к католикам внутри улуса Джучи оказались необоснованными, поскольку именно в период правления Джанибека францисканцам было позволено основать епархию Сарая (в 1352 году) [94, р. 160]; то последняя просьба понтифика о возобновлении дипломатических обменов была оставлена без ответа. Джанибек, очевидно, разуверился в способности папы оказать влияние на польского короля или, что было более вероятным, в искренних намерениях понтифика урегулировать отношения хана с Казимиром с соблюдением интересов Золотой Орды. Однако позже Казимир, по-видимому, согласился на начало непосредственных дипломатических сношений с золотоордынским ханом. Так, согласно «Меховскому рочнику», в 1349 году Казимир вел переговоры с татарскими послами, результатом которых было польское завоевание «Руссии», то есть всей Галиции и основной части Волыни: «В год Господень 1349 таргарские послы прибыли к королю Польши ... И в конце этого же года король Казимир завладел землей Руссии»⁶⁰. Условия этого дипломатического пакта между Казимиром и Джанибеком остаются неясными. По всей видимости, польский король заручился нейтралитетом татар во время его военной кампании против литовцев, осуществленной в этом же году. В свою очередь, Джанибек, вероятно, получил гарантии выплаты традиционной дани с рутенских территорий, несмотря на то что они перешли под протекторат польского монарха. Во всяком случае, в своем более позднем письме, адресованном Казимиру 24 января 1357 года, папа Иннокентий VI упрекал польского короля за то, что: «за определенную часть земли схизматиков-рутенгов, которую ты присвоил себе пролитием крови многих христиан, ты

⁵⁹ sperantes in eo, qui nunquam cessat a benedictionibus gratiarum, quod tu laudabilia progenitorum tuorum praedictorum vestigia imitando super his erga Christianos eosdem exuberare favores et gratias huiusmodi non cessabis. Tuam siquidem credimus magnificentiam non latere, quod in terris et ditionibus nonnullorum carissimorum in Christo filiorum nostrorum regum christianorum innumera Saracenorum et aliorum, qui fidem christianam non colunt, millia commorantur, qui ab eisdem regibus tolerantur et confoventur ac ab iniuriis et oppressionibus quorumlibet defenduntur, nec aliquis Saracenorum ipsorum et fidem eandem non colentium vi, metu vel violentia ritum suum abnegare aut fidem christianam suscipere cogitur ... Rogamus itaque celsitudinem tuam et hortamur, quatenus praefatos christianos in tuo praedicto commorantes imperio ad instar eorumdem progenitorem tuorum habeas commendatos, ipsos defendendo ab iniuriis et oppressionibus indebitis quibuscumque sacerdotibusque permittendo praedictos divina officia peragere proponereque libere quibusvis audire volentibus verbum Dei. Nos autem nuncios tuos et litteras, si ad nos miseris, recipiemus favorabiliter et libenter ac ea, quae pro parte tua coram nobis exponere curaverint, audiemus [47, no. 214, p. 128].

⁶⁰ Anno Domini 1349. nuncii Thartarorum venerunt ad regem Polonie ... Et in fine eiusdem anni rex Kazimirus terram Russie obtinuit [82, II, p. 885; см. также: 31, с. 49; 73, p. 210].

выплачиваешь царю тех же тартар неумеренный ежегодный налог с имущества, став его данником»⁶¹.

Вероятно, Казимир нестрого придерживался условий заключенного пакта, поскольку двумя годами позже татары заключили военный союз с литовцами, согласно содержанию послания папы Климента VI, адресованного польским прелатам 14 марта 1351 года с повелением предоставить польскому королю десятины еще на четыре года. Любопытно отметить упоминание в булле понтифика обращения в католичество некоего «могущественного князя» в рутенских землях, под которым Климент VI, по всей видимости, имел в виду одного из сыновей литовского князя Кориата [7, с. 145]; свидетельствуя тем самым разногласия внутри литовского стана: «со стороны возлюбленнейшего во Христе сына нашего Казимира, славного короля Польши, было сообщено нам через некоторых его представителей, что этот же король посредством Божественной помощи и не без тяжелых усилий и издержек уже подчинил своей власти и домену земли неверных рутенов или княжества, на которых могут существовать и быть созданными семь обширных епархий вместе с их митрополитом; и что один из могущественных князей упомянутых земель вместе со своим народом и окружением, склоненный к этому тем же королем, был обращен в католическую веру, приняв таинство крещения; и что тартары, враги христианского имени, которые ранее господствовали над теми же рутенами, побуждаемые случившимся, заключили союз с литовцами, врагами той же веры, которые граничат с теми же рутенами и которые, после завоевания их земель, постоянно враждебно вторгаются в упомянутые земли. По каковой причине, для препятствования проникновению в упомянутые земли, вышеназванному королю требуется содержать по необходимости наемников ... и сооружать фортификации, как и укреплять их. И если не держать там же постоянно наемников для охраны и защиты упомянутых земель, и если фортификации не будут укреплены и снабжены, несомненно, не говоря об этих землях, также и вся Польша будет разорена и опустошена силой и нападением вышеназванных тартар и литовцев ... десятину от всех доходов и сборов духовников, пребывающих в упомянутом королевстве, в течение четырех лет ... пусть приложат усилия предоставить с неизменным усердием»⁶².

⁶¹ pro certa parte terre Ruthenorum scismaticorum, quam tibi cum multa Christianorum effusione sanguinis vendicasti, eorundem Tartarorum Regi in non modici annui census prestatione tributarium te fecisti [108, I, no. 776, p. 581].

⁶² pro parte Carissimi in Christo filii nostri Cazimiri Regis Polonie Illustris per certos ipsius nuncios propositum extitit coram nobis, idem Rex, divino mediante auxilio, non sine gravibus sumptibus et expensis infidelium Ruthenorum terras sive Ducatus, in quibus possunt constutui et creari septem diffusi Epatus cum suo Metropolitano, sue potestati et dominio iam subiecit, et quod unus ex pocioribus Ducibus dictarum terrarum cum sua gente et commitiva ad Catholicam fidem, eodem Rege ad hoc ipsum inducente, conversus ceperit baptismatis sacramentum, et quod Tartari, chrisitani nominis inimici, qui Ruthenis dominabantur eisdem, occasione huiusmodi provocati, facta confederatione cum Litwanis eiusdem fidei inimicis, qui eisdem Ruthenis confinant, post captionem ipsarum terrarum continue hostiliter dictas terras invadunt, propter quod eisdem infidelibus prohibendo dictarum terrarum ingressum, prefatum Regem oportet stipendiarios de necessitate tenere ... et fortalitia fortificare et etiam communire, et quod nisi stipendiarii ibidem pro custodia et defensione dictarum terrarum continue teneantur, ac fortalitia fortificentur et muniantur, pro certo nedum dicte terre, sed etiam tota Polonia per potentiam et insultum Tartarorum et Litwanorum predictorum vastari poterunt et etiam desolari

По словам Генриха Таубе из Зельбаха, в марте следующего года татары вторглись в Малую Польшу: «В год Господень 1352, в марте месяце, язычники тартары и рутены с множеством вооруженных легионов вошли в Польшу против короля Краковии, завоевали один город и разорили землю и людей. В конце концов, многие из вооруженных воинов были убиты, и они вернулись в свою землю»⁶³. В свою очередь, сведения «Меховского рочника» позволяют предположить, что этим завоеванным городом был Люблин⁶⁴; а продолжатель хроники Матиаса из Нойенбурга указывает на то, что основная часть войск, вторгнувшихся в Польшу, состояла из литовцев: «Также в этот же [13]52 год король Литвы при помощи тартар пересек с бесчисленным войском Руссию, которую он почти полностью разрушил, с намерением разрушить Краковию. И после того как он заполучил своего брата, плененного ранее, и все соседние земли поспешили оказать ему сопротивление, он удалился в Пруссию, упорствуя в неверии»⁶⁵. Вследствие этого нападения папа Климентий VI санкционировал проповедование крестового похода в поддержку Польши буллой, адресованной 4 ноября 1354 года прелатам Гнезно, Кракова и Братиславы [107, II, no. 18, p. 10–11], текст которой воспроизводил почти дословно предыдущую буллу Бенедикта XII от 1 августа 1340 года [35, no. 48, p. 102–104], но с упоминанием литовцев наравне с татарами в качестве объектов организуемой военной кампании.

Однако к моменту издания этой буллы Казимир уже заключил перемирие с литовцами, заручившись их нейтралитетом в случае повторного нападения татар на Польшу [7, с. 145]. Польский король, очевидно, сделал все возможное для того, чтобы расторгнуть военный союз между литовцами и татарами. Так, в 1353 году он отправил в качестве посла к «тартарским народам» своего приближенного, Яна Пакослава, согласно содержанию королевской грамоты от 19 января 1354 года [55, no. 119, p. 209–210]. Более того, более позднее послание Казимира, адресованное 2 января 1363 года папе Урбану V, упоминало многократное посещение Пакославом «цезаря неверных тартар для заключения перемирий»⁶⁶.

К 1356 году Казимир уже мог похвастаться военным союзом с «семью тартарскими князьями» в своем призыве принять участие в планируемой военной кампании против Литвы, обращенном к хохмейстеру тевтонских рыцарей: «Вам, дражайшим друзьям, сообщаем к особой радости, что семь князей тартар с обильным множеством людей пришли к нам на помощь против ли-

... decimam omnium redditum et proventuum ecclesiasticorum in dicto Regno consistentium per quadriennium ... student sedulitate continua providere [108, I, no. 702, p. 531–532].

⁶³ Anno Domini MCCCLII. de mense Marcii Tathari et Rutheni pagani cum multis legionibus armatorum contra regem Cracovie intrant Poloniam et unam civitatem vicerunt et terram et homines devastant. Tandem armatorum multi sunt occisi, et reversi sunt ad terram suam [49, p. 102–103; см. также: 53, p. 4].

⁶⁴ Thartari vastaverunt terram Lublinensem [82, II, p. 885; см. также: 73, p. 210].

⁶⁵ Item eodem anno l.ii rex Lytovie cum auxilio Tartarorum, cum exercitu innumerabili per Russyam, quam quasi destruxit, transiens animo Cracoviam destruendi, cum rehauisset fratrum suum captive dudum et cum omnes vicine terre ad eius resistenciam properarent, recessit in Prussiam in perfidia perseverans [62, IV, p. 284].

⁶⁶ in ambassiatibus nostris ad cesarem Tartarorum infidelium eum fatigavimus mittendo pro treugis faciendis [84, no. 421, p. 400; см. также: 7, с. 145]. Пользуясь случаем выразить благодарность Владиславу Гулевичу за предоставление текста этого важного документа.

товцев, жестоко проливающих кровь христиан. Мы уже послали к ним на встречу наших специальных послов, как подобает, с дарами; поскольку в следующую субботу ... мы, наконец, лично направим стопы наши из Кракова в экспедицию против упомянутых литовцев. Поэтому мы просим, взывая к вашим дружественным чувствам, на которые мы полностью полагаемся и к которым мы уже часто взывали, чтобы вы лично пришли к нам на помощь, если это будет вам удобно и если вы хотели бы направить вашу силу против тех же неверных литовцев, не по причине нужды или поддержки, но чтобы дружба между нами и вашим Орденом, давно заключенная, этим литовцам показалась еще более лучистой и ясной»⁶⁷.

В свою очередь, тевтонские рыцари, сблизившиеся к этому времени с литовцами, послали в Авиньон обвинения Казимира в заключении союза с татарами и в выплате им ежегодной дани в обмен на владение рутенскими землями [73, р. 211]. Иннокентий VI, соответственно, обратился с упреком к польскому королю, содержащемся в послании от 24 января 1357 года, в котором понтифик не скрывал своего возмущения тем фактом, что Казимир стал руководствоваться исключительно прагматичными интересами для удержания своих недавних территориальных приобретений: «Недавно любимые сыновья ... магистр и братья Иерусалимского госпиталя Святой Марии позаботились высказать нам жалобу, что ты без всякой рациональной причины стремишься к их подавлению и причинению ущерба. И для того чтобы быть способным подавить и опустошить их земли с большей силой, ты снова заключил мир и конфедерацию с неверными литовцами, главными врагами упомянутых магистра и братьев, как и католической веры. И в не меньшей степени тот же магистр и братья открыто обвинили тебя в том, что с татарами, врагами той же веры, которые, как утверждалось, в давности опустошили большую часть королевства Венгрии в своем чудовищном и бесчисленном множестве, ты заключил союз и вступил с ними в лигу. [Они обвиняли тебя] также в том, что за определенную часть земли схизматиков-рутен, которую ты присвоил себе пролитием крови многих христиан, ты выплачиваешь царю тех же татар неумеренный ежегодный налог с имущества, став его данником. По причине всего вышесказанного гнев неверных разгорается с еще большей силой не только против тех же магистра и братьев, но и против всех христианских жителей тех краев. Из-за чего они боятся того, что эти неверные причинят им великий вред, и эта опасность становится вероятной»⁶⁸.

⁶⁷ *Amice karissime notificamus vobis ad gaudium speciale Quod VII. Principes Thartarorum in multitudine hominum copiosa venerunt nobis in subsidium contra Litwanos crudeles christiani sanguinis effusores quibus nuncios nostros speciales cum donis ut decuit iam misimus in occursum, Et quia personaliter a die sabbati proximo ... de Cracovia ad expeditionem contra Litwanos predictos finaliter movebimus gressus nostros. Ideo rogamus amicitiam vestram de qua fiduciam gerimus pleniorum prout iam sepius rogavimus, quatinus nobis in subsidium personaliter si comode potestis venire, aut vestram potenciam transmittere contra eosdem infideles Litwanos velitis, non racione indigencie, aut subsidii sed ut amicitia inter nos et ordinem vestrum dudum coniuncta ipsis Litwanis lucidius appareat et clarescat [56, no. 83, s. 107; см. также: 73, р. 211].*

⁶⁸ *Nuper dilecti filii ... Magister et fratres hospitalis sancte Marie Theonicorum Iherosolimitani nobis cum querela significare curarunt, quod tu absque ulla rationabili causa ad ipsorum oppressiones et dampna aspirans, ut ipsos et eorum terras fortius suppressere valeas et vastare, cum infidelibus Letwinis, dictorum Magistri et fratrum ac catholice fidei capitalibus*

Венгерское королевство, со своей стороны, воспользовалось ослаблением давления Золотой Орды для того, чтобы нанести крупное поражение молдавским татарам, совершавшим непрерывные набеги на секейские земли в Трансильвании. По словам анонимного минорита, секейские и венгерские войска вторглись в татарские владения около 2 февраля 1345 года, взяв в плен и казнив местного татарского князя по имени Атламош, близкого родственника самого хана Джанибека: «Также в год Господень 1345, на третий год после коронации короля Лайоша, на праздник Сретения Пресвятой Девы Марии секеи с немногими венграми, которые тогда пребывали среди них, выйдя против тартар, помощью Бога поразили острием меча бесчисленное множество тартар в их земле. Там же был взят живым в плен и позже обезглавлен их князь, очень могущественный, по имени Атламош, второй после хана, женатый на сестре самого хана. Чтобы его выкупить, тартары обещали почти беспредельные деньги. Но венгры их отвергли, позаботившись о будущем, привезя в свою землю также их знамена, как и многих пленников и чрезвычайно много добычи золотом и серебром, вещами из татарской ставки, а также драгоценностями и ценными одеяниями. И длилось сражение между ними три дня непрерывно»⁶⁹.

Иоанн Кюкюллеи, в свою очередь, уточняет, что главная часть войска во время этой вылазки состояла из венгров во главе с секейским, брашовским, бестерским и медьешским ишпаном Андрашом Лацкфи (ошибочно именуемом Иоанном воеводой Трансильвании); и указывает на последующие нападения на закарпатских татар со стороны секев, вынудивших мигрировать кочевников в причерноморские области: «Также, поскольку народы тартар, свирепствующие в королевстве Венгрии, часто угрожали границам трансильванских краев и секеям, этот король направил против тартар отважного и воинственного мужа Андраша, сына Лацкфи, трансильванского воеводу вместе с секеями, знатью и сильными воинами. Войдя с войском в землю, где обитали тартары, они победили их князя по имени Атламош, выйдя тартарам навстречу с великим войском, чтобы оказать им сопротивление на поле боя. Они обезглавили этого князя и послали королевскому величеству в Вышеград много знамен и плен-

inimicis pacem, et confederationem noviter inivisti, et nichilominus eisdem Magistro et fratribus aperte cominatus es, quod cum Tartaris eiusdem fidei hostibus, quorum, ut asserentur, immanis et innumerabilis multitudo ab olim vastavit regni Ungarie magnam partem, fedus et ligam inies et firmabis, quodque iam pro certa parte terre Ruthenorum scismaticorum, quam tibi cum multa Christianorum effusione sanguinis vendicasti, eorundem Tartarorum Regi in non modici annui census prestatione tributarium te fecisti, ex quibus predictorum omnium infidelium rabies non solum contra Magistrum et fratres eosdem, sed contra omnes partium illarum Christicolas ferventius invalescit, magnaue ab ipsis infidelibus timentur ex hoc dampna et pericula verisimiliter eventura [108, I, no. 776, p. 581].

⁶⁹ *Item anno domini millesimo trecentesimo quadagesimo quinto, post coronationem regis Lodouici terci, circa festum Purificationis beate virginis Marie, Siculi cum paucis Hungaris, qui tunc in medio eorum existebant, contra Tartaros procedentes deo auxiliante, innumerabilem multitudinem Tartarorum in terra ipsorum in ore glady percusserunt. Ubi eciam princeps eorum valde potens nomine Othlamus, secundus post Kanum, qui habebat in uxorem sororem ipsius Kani, viuis captus est, sed postea decollatus: pro cuius redemptione quasi infinitam pecuniam promittebant. Sed hungari spreuerunt precauentes futura; vexilla eciam eorum portantes in terram suam, multosque captiuos, et spolia multa nimis in auro et argento, curialibus, necnon gemmis et vestibus preciosis, duravitque bellum inter eos tribus continuis diebus [69, p. 151–152; см. также: 2, с. 24].*

ных тартар. После этого секеи также часто нападали на тех же тартар, возвращаясь к себе с великой добычей. Те же из тартар, которые остались в живых, бежали в отдаленные приморские края к другим тартарам»⁷⁰.

Также и анонимный минорит говорит о последующем триумфе секеев на поле боя в 1346 году: «Также и в другое время, а именно, в год Господень 1346 упомянутые секеи одни вошли в огромном множестве в вышеназванную землю тартар, где они вступили в сражение, и небесной милостью, даровавшей им победу, они умертвили бесчисленное множество тартар. Они завладели там большим числом очень ценного оружия, беспредельной добычей как животными, так и драгоценностями и дорогими камнями. И так вернувшись, они прославляли Бога, который даровал им победу»⁷¹. Но несмотря на обе победы, Трансильвания продолжала оставаться уязвимой для татарских набегов; и в частности, королевская грамота Лайоша I от 13 ноября 1348 года указывает на столкновение «в одном конфликте со свирепым народом тартар, тиранически попытавшемся вторгнуться в пределы нашего королевства»⁷².

Интересным также представляется отсутствие каких-либо сведений о попытке хана Джанибека отомстить за смерть своего близкого родственника. Несомненно, в это время Джанибек был занят войной с генуэзцами в Крыму. Однако более вероятной причиной, помешавшей Джанибеку организовать карательную экспедицию, была эпидемия чумы, разразившаяся в Золотой Орде в 1346 году [15, с. 217; см. также: 28, с. 100; 32, с. 687]. Так, тот же анонимный минорит утверждает, что в этот год Золотая Орда была настолько ослаблена последствиями эпидемии, что Лайош I смог беззаботно оставить свое королевство и направиться со своими войсками в Неаполитанское королевство: «ибо этому королевству Венгрии угрожала великая опасность враждебности и непримиримости от тартар и сарацин. Однако Господь Бог дал и облегчение, способствуя благоприятному исходу, так как Он подверг их такому бичеванию, что не нужно было испытывать перед ними страх и ужас. А именно, в год Господень 1346 Господь Бог ниспослал на них чуму, которая распространилась среди них настолько, что в течение немногих месяцев, как говорят, она повалила и поглотила триста тысяч тартар»⁷³.

⁷⁰ Item cum gentes tartarorum in regnum Hungarie seuiantes confinia partis Transsiluaniensis et siculos sepe infestarent, rex ipse strenuum et bellicosum virum Andream filium Lachk vayuodam transsiluaniensem contra ipsos tartaros cum siculis nobilibus et valida gente destinavit, qui terram in qua habitabant potenter subintrantes cum principe eorum nomine Athlamos ad resistendum eidem cum magno exercitu in campo obuiantes debellarunt, et ipsum principem eorum decapitauerunt, ac multa banderia et captiuos tartaros regie maiestati in Vysegrad transmiserunt. Post hec eciam siculi eosdem tartaros sepius inuaserunt, et cum magna preda ad propria redierunt. Qui autem ex ipsis tartaris remanserunt, ad partes maritimas longe distantes ad alios tartaros fugerunt [69, p. 167–168; см. также: 2, с. 23–24].

⁷¹ Alio quoque tempore, videlicet anno domini millesimo trecentesimo quadragesimo sexto predicti siculi soli cum ingenti multitudine ad predictam terram tartarorum intrantes, ibique prelio commisso, superna eis gracia victoriam concedente innumerabilem multitudinem tartarorum trucidarunt. Ubi multa arma valde preciosa recipientes, spoliaque infinita, tam in animalibus, quam eciam in gemmis et lapidibus preciosis, sicque reuertentes glorificabant deum, qui dedit eis victoriam [69, p. 152; см. также: 2, с. 25].

⁷² specialiter in quodam conflictu contra sevam gentem tartarorum confinia regni nostri tyrannice invadere attentancium habito [54, V, no. 125, o. 248; см. также: 73, p. 212].

⁷³ maius enim hostilitatis et adversitatis periculum ipsi regni Hungariae a tartaris et saracenis imminebat. Sed dominus deus eciam cum attemtacione fecit prouentum, quia taliter

И в заключение здесь будет уместно привести следующий отрывок из хроники Маттео Виллани, сообщающий о столкновении весной 1352 года между некими «царем Прославии и великим царем тартар»: «Как один великий царь тартар пришел на царя Прославии. Случилось в этом году народу одного царя из рода тартар поссориться с неверным царем Прославии, который был подданным короля Венгрии. И после того как один народ причинил вред другому, упомянутый царь тартар, чувствуя себя в великой силе и ослепленный своим величием, или же для того, чтобы вывести народ из своей земли, в которой свирепствовал в это время величайший голод, вышел из своего царства с беспредельным числом пехоты и всадников и вошел в царство прославов. Царь прославов со своим народом вышел навстречу этому множеству для того, чтобы удержать их на определенной границе до тех пор, пока не получил бы помощи от короля Венгрии, который немедленно отправил туда 40 тысяч конных лучников: они, соединившись с воинами царя прославов, немедленно вступили в сражение с тартарами, которых они убили так много, что людям не хватало сил, мечам – острия, и лукам – стрел. Но из-за избыточного множества тартар венгры и прославы не были в силах рубить, и им пришлось оставить поле боя не без больших потерь среди их воинов. Побежденные тартары оказались победителями: но из-за недостатка еды и плохих погодных условий они сначала были вынуждены есть тела умерших. Услышав, что два короля сообща собирались вернуться на поле боя с большим и более сильным войском, из-за страха и недостатка, который тартары испытывали в еде, они вернулись назад в свою землю. Эту новость мы слышали многократно и в разных местах во Флоренции в месяце апреле 1352 года»⁷⁴.

Очевидно, что Маттео Виллани, находившийся вдали от описываемого события, получил эти сведения в крайне искаженном виде, которые, однако, должны были иметь в основе определенную подоплеку. Нет особенных сомнений в том, что речь в этом фрагменте шла о продвижении татарских войск на северо-запад для того, чтобы принять участие в совместном с литовцами набе-

eos flagellavit, ut ipsorum terrorem timere et formidare non oporteret. Nam anno domini millesimo trecentesimo quadragesimo sexto dominus deus misit pestilenciam in eos, que tantum in eos deseuyt, quod infra paucos menses, ut dicitur, trecentena millia tartarorum prostravit et consumpsit [69, p. 148; см. также: 73, p. 216].

⁷⁴ Come un gran re de' Tartari venne sopra il re di Proslavia. Avvenne in quest'anno, che un re del lignaggio de' Tartari, avendo avuta la sua gente briga col re di Proslavia infedele, avegnachè suddito al re d'Ungheria, e fatto danno l'una gente all'altra, il detto re de' Tartari sentendosi di grande potenza, per prosunzione della sua grandezza, ovvero per trarre la gente del suo paese che aveano a quel tempo grandissima fame, uscì del suo reame con infinito numero di gente a piè e a cavallo, ed entrò nel regno de' Proslavi. Il re de' Proslavi colla sua gente si fece incontro a quella moltitudine per ritenerli a certe frontiere, tanto che avesse il soccorso dal re d'Ungheria, il quale di presente vi mandò quarantamila arceri a cavallo: e aggiuntosi colla gente del re de' Proslavi, di presente commisono la battaglia co' Tartari, de' quali tanti n'uccisono, che la lena mancò agli uomini, e lo taglio alle spade, e le saette agli archi. Ma per la soprabbondante moltitudine de' Tartari, non potendoli gli Ungheri e i Proslavi più tagliare, convenne che abbandonassono il campo, non senza grande danno della loro gente. I Tartari vinti rimasono vincitori: ma per disagio di vivande, e per la corruzione dell'aria, costretti prima a manicare de' corpi morti, sentendo che per li due re si faceva apparecchiamento di ritornare in campo con maggiore e più potente esercito, per paura, e per lo gran difetto che i Tartari aveano di vittuaglia, si tornarono addietro in loro paese. Questa novella avemmo da più e diverse parti in Firenze del mese d'aprile 1352 [58, II, lxxii, p. 197–198].

ге на Малую Польшу. С не меньшей долей уверенности можно сказать, что под Прославией в данном контексте понимается Подолия или, точнее, ее западная часть [7, с. 145; см. также: 9]. Под «царем Прославии», названным «неверным», но ясно противопоставленным татарам, по всей видимости, понимается местный литовский правитель и, скорее всего, один из сыновей литовского князя Кориата [7, с. 145; см. также: 31, с. 41–42]. Существенные сомнения, однако, вызывает достоверность сведений о посылке венгерским королем крупного военного подразделения на помощь литовскому правителю, поскольку подобный военный конфликт не упоминается в венгерских источниках. Поэтому следует признать наиболее правдоподобным предположение Иштвана Вашари, что под венгерской армией, направленной на помощь «царю Прославии», имелась в виду военная экспедиция Лайоша I, направившаяся к крепости Белз в это же время, но не имевшая отношения к описанному Виллани конфликту [2, с. 25, 27–28; см. также: 73, р. 210–211; 29, с. 172].

Благодарности

Выражаю особую благодарность Владиславу Гулевичу, не пожалевшему своего ценного времени для того, чтобы тщательно вычитать черновик данной статьи и указать на ряд неточностей, допущенных ее автором. Разумеется, исключительно автор настоящей статьи остается целиком и полностью ответственным за те потенциальные ошибки, которые могут быть выявлены после ее публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов и исследований. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. 334 с.
2. *Вашари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. Вып. 3. С. 22–30.
3. *Войтович Л.В.* Король Данило Романович: політик і полководець // Доба Короля Данила в науці, мистецтві, літературі (Матеріали міжнародної наукової конференції. 29–30 листопада 2007 р. Львів). Львів, 2008. С. 22–97.
4. *Волощук М., Стасюк А.* Про похід палатина Віллерма in Ruteniam у квітні. 1340 р. // Вісник Прикарпатського університету. Історія. Івано-Франківськ: Прикарпатський Національний Університет, 2010. Вип. 17. С. 46–54.
5. *Горский А.А.* Александр Невский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.a-nevsky.ru/library/gorskiy-aleksandr-nevskiy.html>
6. *Горский А.А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusNevskiy/4.htm>
7. *Гулевич В.* Тука-Тимуриди і західні землі улусу Джучі в кінці XIII–XIV ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць / Відп. ред. Г. В. Боряк. Упорядники: В. В. Томазов, І. К. Хромова. Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2013. Число 22–23. С. 138–178.
8. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 40. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 201 с.
9. *Дашкевич Я.* Угорська експансія на золотоординське Поділля 40-х – 50-х рр. XIV ст. // Україна в минулому. Київ, Львів, 1994. Вип. V. С. 32–65.

10. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: «Наука», 1985. 245 с.
11. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 2 / Шахматов А.А. (ред.). М.: Издательство восточной литературы, 1962. 638 с.
12. История Казахстана в арабских источниках. Т. 1. Алматы: Изд-во «Дайк-Пресс», 2005. 711 с.
13. *Костюков В.П.* «Железные псы» Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2008. № 1. С. 43–96.
14. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 1 / Карский Е.Ф. (ред.). М.: Издательство восточной литературы, 1962. 267 с.
15. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Том 10. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1885. 244 с.
16. *Майоров А.В.* Монголы, Никея и Рим в середине XIII столетия // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. Вып. 5. С. 193–208.
17. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и крестовый поход в Пруссию // Русин. Международный исторический журнал. Кишинев: Общественная организация «Русь», 2011. № 4/26. С. 26–43.
18. *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа // Серия: Studiorum Slavicorum Orbis. Вып. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 800 с.
19. *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестonosцы и Русь. Конец XII – 1270 г. М.: Индрик, 2002. 488 с.
20. *Напьерский К.Е.* Русско-ливонские акты = Russisch-Livländische Urkunden. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. xxiii + 462 с.
21. *Параска П.Ф.* Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства // Historylib.org, 1975 [Электронный ресурс]. Адрес доступа: http://historylib.org/historybooks/pod-red--G-S--Grosula_Karpato-Dunayskie-zemli-v-Srezhnie-veka/4
22. *Пауцто В.Т.* Образование литовского государства. М., АН СССР, 1959. 531 с.
23. *Пауцто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 331 с.
24. *Сарновский Ю.* Противостояние Немецкого ордена монголам и туркам // Европа. Тюмень, 2008. Вып. VIII. С. 39–47.
25. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в политической системе Джучиева улуса (Орды). Диссертационная работа на соискание ученой степени доктора исторических наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. 595 с.
26. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 579 с.
27. *Узелац А.* Под сенком пса. Татары и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд.: Утопија, 2015. 324 с.
28. *Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А.* Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и ее последствия // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. № 4. С. 96–112.
29. *Черкас Б.* Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.) / Відп. ред. В.А. Смолій. Київ: НАН України, Інститут історії України, 2014. 387 с.
30. *Черкас Б.* Синьоводська битва 1362 року: історичний нарис. Київ: Інститут історії України, 2012. 127 с.

31. *Шабильдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 183 с.
32. *Шамильоглу Ю.* Черная смерть и ее последствия // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 686–690.
33. *Щавелева Н.И.* К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье. М.: «Наука», 1979. С. 307–314.
34. Acta Alexandri P.P. IV (1254–1261) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Haluscynskyj Th.T., Wojnar M.M. (eds.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III, Vol. IV/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1960–1966. xxviii + 162 p.
35. Acta Benedicti P.P. XII (1334–1342) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Täutu A.L. (ed.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VIII. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1958. xvi + 260 p.
36. Acta Innocentii P.P. IV (1243–54) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Haluscynskyj Th.T., Wojnar M.M. (eds.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III, Vol. IV/1. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1962. xlv + 226 p.
37. Acta Ioannis P.P. XXII (1317–1334) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Täutu A.L. (ed.) // Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis. Series III. Vol. VII/2. Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1966. xix + 302 p.
38. Annales Augustani minores // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. X / Pertz G.H. (ed.). Stuttgart: Monumenta Germaniae Historica, 1852. P. 8–11.
39. Annales ecclesiastici Caesaris Baronii. 37 Vols. / Raynaldus O., Laderchii J., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis: L. Guerin, 1864–1883.
40. Annales S. Stephani Frisingenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. XIII / Waitz G. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1881. P. 50–60.
41. Annales Sancti Rudberti Salisburgenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. IX / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1851. P. 760–810.
42. Annales Sandivogii // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. XXIX / Waitz G. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1892. P. 424–430.
43. Annales Wratislavienses antiqui et annales magistratus Wratislaviensis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. XIX / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1866. P. 526–531.
44. *Benedictus Polonus.* Relatio / Van den Wyngaert A. (ed.) // Sinica Franciscana. Vol. I. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1929. P. 135–143.
45. *Berend N.* At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and «Pagans» in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2001. xvii + 340 p.
46. Bullarium Franciscanum. Vol. 5. Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta / Eubel C. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. xlii + 643 p.
47. Bullarium Franciscanum. Vol. 6. Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta / Eubel C. (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902. liv + 687 p.
48. *C. de Bridia.* Hystoria Tartarorum / Önnorfors A. (ed.). Berlin: de Gruyter, 1967. x + 44 p.

49. *Chronica Heinrici Surdi de Selbach* = Die Chronik Heinrichs Taube von Selbach / Bresslau H. (ed.). Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1922. lxxvii + 167 p.
50. *Chronica Iohannis Vitodurani* = Die Chronik Johans von Winterthur / Baethgen F., Brun C. (eds.). Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1924. xxxvii + 332 p.
51. *Chronica minor auctore minorita Erphordiensi* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XXIV / Waitz G. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1879. P. 178–213.
52. *Chronicon fratris Salimbeni de Adam* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XXXII / Holder-Egger O. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1913. P. 1–652.
53. *Chronicon Moguntinum* / Hegel K. (ed.). Hannoverae: impensis bibliopolii Hahniani, 1885. xxi + 103 p.
54. *Codex Diplomaticus Hungaricus Andegavensis* = Anjoukori okmánytár. 7 Vols. / Nagy I. (ed.). Budapest: A Magyar tudományos akadémia, 1878–1891.
55. *Codex diplomaticus Poloniae quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Lituaniae bullae pontificum nec non jura a privatis data ab antiquissimis inde temporibus usque ad annum 1506* = *Kodex dyplomatyczny Polski*. Vol. I / Helcel A.Z., Muczkowski A., Rzyszczewski L. (eds.). Varsaviae: Strąbski, 1847. xxiii + 367 p.
56. *Codex diplomaticus Prussicus*. Vol. 3 / Voight J. (ed.). Königsberg: Bornträger, 1848. xxiv + 200 p.
57. *Continuatio Altaheensis* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XVII / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1861. P. 408–416.
58. *Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll'aiuto dei testi a penna*. Vol. 5 / Gherardi Dragomanni F., Moutier I. (eds.). Milano: Borroni e Scotti, 1848. 594 p.
59. *Documente privitoare la istoria Românilor*. Vol. I. 1199–1345 / Hurmuzaki E., Densușianu N. (eds.). București: Ed. Academiei Române, 1887. xxx + 701 p.
60. *Fejér Gy. Dissertationes in res Hungariae veteris historico-criticae*. 11 Vols. Budae: Typis typogr. Regiae Vniversitatis Vngaricae, 1829–1844.
61. *Fontes rerum Bohemicarum = Prameny dějin českých*. Vol. 4 / Emler J. (ed.). Praha: Nákl. Nadání Františka Palackého, 1884. xxviii + 571 p.
62. *Fontes rerum Germanicarum = Geschichtsquellen Deutschlands*. 4 Vols. / Böhmmer J.F., Huber A. (eds.). Stuttgart: J.G. Cotta'scher Verlag, 1843–1868.
63. *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli* / Daffinà P., Leopardi Cl., Lungarotti M.C., Menestò E., Petech L. (eds.). Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1989. viii + 522 p.
64. *Gładysz M. Forgotten Crusaders: Poland and the Crusader Movement in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2012. xxv + 433 p.
65. *Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. 5 Vols. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927.
66. *Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itinerarium)* / Chiesa P. (ed.). Torino: Arnoldo Mondadori Editore, 2011. xcvi + 530 p.
67. *Heinrici de Heimburg annales* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XVII / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1861. P. 711–718.
68. *Hermanni Altaheensis annales* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XVII / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1861. P. 381–408.
69. *Historiae Hungaricae fontes domestici*. P. 1. *Scriptores*. Vol. 3 / Florianus M. (ed.). Quinque-Ecclesiis [Pécs]: Taizs, 1884. v + 276 p.
70. *Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*. Vol. VII–VIII. Varsaviae: Wydawn. Nauk. PWN, 1975. 431 s.

71. *Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum*. 2 Vols. / Schneider F. (ed.). Hannoverae, Lipsiae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909–1910.
72. *Jackson P.* Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars (1245–1255) // *The Cambridge Companion to Francis of Assisi* / Robson M.J.P. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 224–239.
73. *Jackson P.* *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, UK: Pearson Longman Publishing, 2005. xxxiv + 414 p.
74. *Jackson P.* *The Dissolution of the Mongol Empire* // *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1978. № 22. P. 186–244.
75. *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa*. Vol. I. Krakowie: Nakl. Akademii Umiejetnosci Krakowskiej, 1879. lxxx + 370 s.
76. *Luard H.R.* *Annales monastici*. 5 Vols. London: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1864–1869.
77. *Lupprian K.-E.* *Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels*. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1981. 328 s.
78. *Maier Ch.T.* *Preaching the Crusades: Mendicant Friars and the Cross in the Thirteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. x + 202 p.
79. *Melloni A.* *Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della Cristianità come Regimen Unius Personae*. Genova: Casa Editrice Marietti, 1990. x + 311 p.
80. *Menkonis chronicon* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. Vol. XXIII / Pertz G.H. (ed.). Hannover, München: Monumenta Germaniae Historica, 1874. P. 523–561.
81. *Monumenta ecclesiae Strigoniensis*. 4 Vols. Strigonii, Budapestini: Typis descripsit Aegydius Horák, Archivum Primatiale, 1874–1999.
82. *Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski*. 6 Vols. / Bielowski A. (wyd.). Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1960–1961.
83. *Monumenta Poloniae historica, Series nova = Pomniki dziejowe Polski, Seria 2*. Kraków: Polska Akademia Umiejetności, 1946–.
84. *Monumenta Poloniae Vaticana*. Vol. 3 *Analecta Vaticana: 1202–1366* / Ptaśnik J. (ed.). Cracoviae: Academia Litterarum Cracoviensi, 1914. lvi + 572 p.
85. *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*. Vol. 2. Zagrabiae: Župan (Albrecht et Fiedler), 1870. xxxvi + 464 p.
86. *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellenschriften deutscher Geschichten des Mittelalters*. Band 2. Berlin: Weidmann, 1877.
87. *Pelensky J.* *The Contest between Lithuania and the Golden Horde in the fourteenth century for Supremacy over Eastern Europe* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1982. № 2. P. 303–320.
88. *Pelliot P.* *Les Mongols et la Papauté* // *Revue de l'Orient chrétien*. Paris: Bureau des oeuvres d'Orient, 1931. № 8/28. P. 3–84.
89. *Preußisches Urkundenbuch*. Bd. 1. *Die Bildung des Ordensstaates. Hälfte 1* / Philippi R. (hrsg.). Königsberg i. Pr.: Hartung, 1882. 240 s.
90. *Preußisches Urkundenbuch*. Bd. 1. *Die Bildung des Ordensstaates. Hälfte 2* / Seraphim A. (hrsg.). Königsberg i. Pr.: Hartung, 1909. xiii + 724 s.
91. *Rachewiltz Igor de.* *Papal Envoys to the Great Khan*. London: Faber, 1971. 230 p.
92. *Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica = Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke*. II. Köt. 4. Füz. 1290–1301 / Szentpétery I., Borsa I. (eds.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987. 336 p.
93. *Les Registres d'Urbain IV*. 4 Vols. / Guiraud J. (ed.). Paris: De Boccard, 1899–1901.
94. *Richard J.* *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome: École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p.

95. *Richard J.* Sur le pas de Plancarpin et de Rubrouck: La lettre de Saint Louis a Sartaq // *Journal des Savants*. Paris: Académie des inscriptions & belles-lettres, 1977. P. 49–61.

96. *Rodenberg C.* Epistolae saeculi XIII regestis pontificum romanorum selectae. 3 Vols. München: Monumenta Germaniae Historica, 1982.

97. *Salimbene di Adam.* Cronica / Nobili C.S. (ed.). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2002. xxviii + 1215 p.

98. *Scriptores rerum Prussicarum.* Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. 5 Vols. / Hirsch Th., Töppen M., Strehlke E.G.W. (eds.). Leipzig: Hirzel, 1861–1874.

99. *Sinor D.* John of Plano Carpini's Return from the Mongols: New Light from a Luxemburg Manuscript // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1957. № 3–4. P. 193–206.

100. *Sinor D.* Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV // *Cahiers d'Histoire Mondiale*. Paris: Librairie des Meridiens, 1956. № 3. P. 39–62.

101. *Soranzo G.* Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Milano: Vita e pensiero, Pubblicazioni dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. xii + 624 p.

102. *Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2009. xvii + 545 p.

103. *Spuler B.* Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland 1223–1502. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965. xviii + 638 s.

104. *Strayer J.R.* The Political Crusades on the Thirteenth Century // *A History of the Crusades*. Vol. II. The Later Crusades, 1189–1311 / Setton K.M., Wolff R.L., Hazard H.W. (eds.). Madison: University of Wisconsin Press, 1969. P. 343–375.

105. *Szcześniak B.* Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relation and the Vinland Map // *Journal of the American Oriental Society*. New Haven: American Oriental Society, 1966. № 86/4. P. 373–376.

106. *Szentpétery I.* Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum. 2 Vols. Budapestini: Academia litter. hungarica atque Societate histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938.

107. *Theiner A.* Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia. 2 Vols. Romae: Typ. Vaticanis, 1859–1860.

108. *Theiner A.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita. 4 Vols. Romae: Typis vaticanis, 1860–1864.

109. *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen.* 2 Vols. / Zimmermann F., Warner C. (eds.). Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2007.

110. *The Vinland Map and the Tartar Relation* / Skelton R.A., Marston Th.E., Painter G.D. (eds.). New Haven: Yale University Press, 1965. xii + 291 p.

111. *Voegelin E.* The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245–1255 // *The Collected Works of Eric Voegelin*. Vol. 10. Published Essays 1940–1952 / Sandoz E. (ed.). Columbia and London: University of Missouri Press, 2000. P. 76–125.

112. *Wenzel G.* Codex diplomaticus Arpadianus continuatus = Árpádkori új okmánytár. 12 Vols. Pest: Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1860–1874.

113. *Zimmermann H.* Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung. Köln: Böhlau Verlag, 2011. xi + 246 s.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу (Historia, PL 1000, 90014, University of Oulu, Finland). E-mail: virisequisque@hotmail.com

Поступила 27.06.2016 г.

Принята к публикации 25.08.2016 г.

**FROM BATU TO JANYBEK: MILITARY CONFLICTS
OF THE ULUS OF JOCHI WITH POLAND AND HUNGARY (2)***

R. Hautala^{1,2}

¹ *Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu 90014, Finland
E-mail: virisequisque@hotmail.com*

Research objective: The author of this article examines a number of military conflicts between the ulus of Jochi and both Hungary and Poland followed the first invasion of the Tatars in these lands in 1241.

Research materials: For the most part, the author's analysis is based on information of synchronous Latin sources in comparison with information contained in Russian and Mamluk chronicles. In addition to the Hungarian, Polish, and German chronicles, the author resorts to the use of the contents of the papal letters to Eastern Europe, which provide both the most reliable information about military conflicts and information on the Papal Curia's measures to improve the defense of eastern borders of the Latin world from the Tatar raids.

Research results and novelty: During the reign of Batu, Latin sources indicate extreme concern about the possible resumption of the western expansion of the Tatars in spite of the fact that, in reality, Tatar military activity on the eastern borders of Catholic Europe had an extremely minor character. On the contrary, during the reign of Berke, Tatars carried a very destructive raid on Lesser Poland. However, further Tatar expansion was interrupted by an unexpected collapse of the Mongol Empire. The subsequent reign of khan Mengu-Timur was distinguished with relative tension with the Catholic Europe. However, the actual attack on Hungary and Poland took place only under the khans Tuda-Mengu and Tula-Buga.

Later, under the khans Tokhta and Uzbek, the tension between the Golden Horde and Catholic Europe weakened considerably, which, in particular, allowed the beginning of the Hungarian territorial expansion into Moldova. However, the end of the reign of khan Uzbek was characterized by a sharp deterioration of relations between the Golden Horde and Poland, which was associated with the beginning of the war of Galician succession. Analysis of the course of this war shows the apparent weakening of the influence of the Golden

* The end of the article. See the beginning in: Golden Horde Review. 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 272–313.

Horde in the former Galicia-Volyn principality, which contributed to the further expansion of Poland and Lithuania on the territory of modern Ukraine.

Keywords: Golden Horde, Catholic Europe in the Middle Ages, Tatar invasions, Papal Curia, anti-Tatar Crusades, Latin sources.

For citation: Hautala R. From Batu to Janybek: Military Conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (2). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 485–528.

Thanks

I express my special gratitude to Vladislav Gulevich who did not spare his valuable time both to carefully check the draft of this article and point to a number of inaccuracies committed by its author. Of course, only the author of this article remains fully responsible for those potential errors that can be identified after its publication.

REFERENCES

1. Boleslav-Yuriy II, knyaz' vsey Maloy Rusi. *Sbornik materialov i issledovaniy* [Boleslaw-Yuri II, Prince of the Whole Lesser Russia. Collection of materials and studies]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1907. 334 p. (In Russian, Latin)
2. Vásáry I. Tatarskie pokhody vengerskogo korolya Layosha Velikogo [Tatar Campaigns of the Hungarian King Lajos the Great]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History, 2010, Iss. 3, pp. 22–30. (In Russian)
3. Voytovich L.V. Korol' Danilo Romanovich: politik i polkovodets' [King Danilo Romanovich: Politician and Commander]. *Doba Korolya Danila v nautsi, mistetstvi, literaturi* (Materiali mizhnarodnoï naukovoï konferentsii. 29–30 listopada 2007 r. L'viv) [The Age of King Danylo in Humanities, Art, Literature (Proceedings of the International Conference. 29–30 November, 2007, Lviv)]. Lviv, 2008, pp. 22–97. (In Russian)
4. Voloshchuk M., Stasyuk A. Pro pokhid palatina Villerma in Ruteniam u kvitni. 1340 r. [On the Campaign of Palatine Villerm to Rutenia in April, 1340]. *Visnik Prikarpat's'kogo universitetu. Istoriya* [Bulletin of the Precarpathian University. History]. Ivano-Frankivsk, Prikarpat's'kiy Natsional'nyy Universitet, 2010, Iss. 17, pp. 46–54. (In Ukrainian)
5. Gorskiy A.A. Aleksandr Nevskiy [Alexander Nevsky]. *Internet publication*. Available at: <http://www.a-nevsky.ru/library/gorskiy-aleksandr-nevskiy.html> (In Russian)
6. Gorskiy A.A. Dva «neudobnykh» fakta iz biografii Aleksandra Nevskogo [Two «Inconvenient» Facts of Alexander Nevsky's Biography]. *Internet publication*. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/rusNevskiy/4.htm> (In Russian)
7. Gulevich V. Tuka-Timuridi i zakhidni zemli ulusu Dzhuchi v kintsi XIII–XIV st. [Tuqa-Timurids and Western Lands of the Ulus of Jochi at the end of the 13th – 14th centuries]. *Spetsial'ni istorichni distsiplini: pitannya teorii ta metodiki. Zbirka naukovikh prats'* [Special Historical Subjects: Theory and Methods Issues. Collection of research papers]. Vidp. red. G.V. Boryak. Uporyadniki: V.V. Tomazov, I.K. Khromova. Kyiv, NAN Ukraïni, In-t istorii Ukraïni, 2013, Iss. 22–23, pp. 138–178. (In Ukrainian)
8. Gustynskaya letopis' [Chronicle of the Gustynsky Monastery]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 40. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2003. 201 p. (In Russian)
9. Dashkevich Ya. Ugors'ka ekspansiya na zolotoordynske Podillya 40-kh – 50-kh rr. XIV st. [Hungarian Expansion in the Golden Horde Podolie in the 1340–50s]. *Ukraïna v minulomu* [Ukraine in the Past]. Kyiv, Lviv, 1994, Iss. V, pp. 32–65. (In Ukrainian)

10. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 245 p. (In Russian)
11. Ipat'evskaya letopis' [Hypatian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Shakhmatov A.A. (ed.). Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 638 p. (In Russian)
12. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in the Arab Sources]. Vol. 1. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. 711 p. (In Russian)
13. Kostyukov V.P. «Zheleznye psy» Batuidov (Shiban i ego potomki v voynakh XIII v.) [«Iron Dogs» of the Batuids (Shiban and his descendants in the wars of the 13th century)]. *Voprosy istorii i arkhologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan]. Ural'sk, 2008, no. 1, pp. 43–96. (In Russian)
14. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Karskiy E.F. (ed.). Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 267 p. (In Russian)
15. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Compilation Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 10. St. Petersburg, Tipografiya ministerstva vnutrennikh del, 1885. 244 p. (In Russian)
16. Mayorov A.V. Mongoly, Nikeya i Rim v seredine XIII stoletiya [The Mongols, Nicaea, and Rome in the middle of the 13th century]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History, 2012, Is. 5, pp. 193–208. (In Russian)
17. Mayorov A.V. Daniil Galitskiy i krestovyy pokhod v Prussiyu [Daniil Galitsky and the Crusade to Prussia]. *Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal* [Rusin: International historical journal]. Kishinev, Obshchestvennaya organizatsiya «Rus'», 2011, no. 4/26, pp. 26–43. (In Russian)
18. Mayorov A.V. *Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa* [Rus', Byzantium, and Western Europe]. Seriya: Studiorum Slavicornum Orbis. Vyp. 1. St. Petersburg, «Dmitriy Bulanin», 2011. 800 p. (In Russian)
19. Matuzova V.I., Nazarova E.L. *Krestonostsy i Rus'. Konets XII – 1270 g.* [Crusaders and Rus'. End of the 12th – 1270]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 488 p. (In Russian)
20. Nap'erskiy K.E. *Russko-livonskie akty = Russisch-Livländische Urkunden.* St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1868. xxiii + 462 p. (In Russian, German, Latin)
21. Paraska P.F. Politika Vengerskogo korolevstva v Vostochnom Prikarpat'e i obrazovanie Moldavskogo feodal'nogo gosudarstva [The Policy of the Hungarian Kingdom in the Eastern Carpathians and the Moldavian Feudal State]. *Historylib.org*, 1975. Available at: http://historylib.org/historybooks/pod-red--G-S--Grosula_Karpato-Dunayskie-zemli-v-Srezhnie-veka/4 (In Russian)
22. Pashuto V.T. *Obrazovanie litovskogo gosudarstva* [Formation of the Lithuanian State]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1959. 531 p. (In Russian)
23. Pashuto V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Essays on the History of the Galicia-Volyn Rus']. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1950. 331 p. (In Russian)
24. Sarnovskiy Yu. Protivostoyanie Nemetskogo ordena mongolam i turkam [The German Order's Confrontation with the Mongols and Turks]. *Evropa* [Europe]. Tyumen, 2008, Iss. VIII, pp. 39–47. (In Russian)
25. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v politicheskoy sisteme Dzhuchieva ulusa (Ordy).* *Dissertatsionnaya rabota na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Russian Princes in the Political System of the Ulus of Jochi (Horde). Thesis for the degree of Doctor of Historical Studies]. Voronezh, Voronezh State Universitet Publ., 2014. 595 p. (In Russian)

26. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Tom 1. *Izvyecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Volume 1. Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1884. 579 p. (In Russian)

27. Uzelac A. *Pod senkom psa. Tatari i juzhnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka* [Under the Shadow of the Dog: Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Beograd, Utopija, 2015. 324 p. (In Serbian)

28. Khaydarov T.F., Dolbin D.A. *Vtoraya pandemiya chumy v Zolotoy Orde i ee posledstviya* [Second Plague Pandemic in the Golden Horde and Its Consequences]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History, 2014, no. 4, pp. 96–112. (In Russian)

29. Cherkas B. *Zakhidni volodinnya Ulusu Dzhuchi: politichna istoriya, teritorial'no-administrativniy ustriy, ekonomika, mista (XIII–XIV st.)* [Western Possessions of the Ulus of Jochi: Political History, Territorial-Administrative Structure, Economics, Cities (13th–14th centuries)]. Vidp. red. V.A. Smoliy. Kyiv, NAN Ukraïni, Institut istorii Ukraïni, 2014. 387 p. (In Ukrainian)

30. Cherkas B. *Sin'ovods'ka bitva 1362 roku: istorichniy naris* [The Battle of Blue Waters in 1362: A Historical Sketch]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni, 2012. 127 p. (In Ukrainian)

31. Shabul'do F.M. *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [The Southwestern Rus' Lands within the Grand Duchy of Lithuania]. Kyiv, Naukova dumka, 1987. 183 p. (In Russian)

32. Shamil'oglu Yu. *Chernaya smert' i ee posledstviya* [The Black Death and Its Consequences]. *Istoriya tatar*. Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda)*. XIII – seredina XV v. [History of the Tatars. Vol. III. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th – the middle of the 15th centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History, 2009, pp. 686–690. (In Russian)

33. Shchhaveleva N.I. *K istorii vtorogo nashestviya mongolo-tatar na Pol'shu* [To the History of the Second Tatar Invasion of Poland]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 307–314. (In Russian)

34. *Acta Alexandri P.P. IV (1254–1261) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Haluscynskij Th.T., Wojnar M.M. (eds.). *Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis*. Series III, Vol. IV/2. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1960–1966. xxviii + 162 p. (In Latin)

35. *Acta Benedicti P.P. XII (1334–1342) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Täutu A.L. (ed.). *Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis*. Series III. Vol. VIII. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1958. xvi + 260 p. (In Latin)

36. *Acta Innocentii P.P. IV (1243–54) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Haluscynskij Th.T., Wojnar M.M. (eds.). *Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis*. Series III, Vol. IV/1. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1962. xlv + 226 p. (In Latin)

37. *Acta Ioannis P.P. XXII (1317–1334) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Täutu A.L. (ed.). *Fontes. Pontificia commissio ad redigendum codicem juris canonici orientalis*. Series III. Vol. VII/2. Romae, Typis pontificae universitatis gregorianae, 1966. xix + 302 p. (In Latin)

38. *Annales Augustani minores. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. X. Pertz G.H. (ed.). Stuttgart, Monumenta Germaniae Historica, 1852, pp. 8–11. (In Latin)

39. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii*. 37 Vols. Raynaldus O., Laderchii J., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis, L. Guerin, 1864–1883. (In Latin)

40. *Annales S. Stephani Frisingenses. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XIII. Waitz G. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1881, pp. 50–60. (In Latin)

41. *Annales Sancti Rudberti Salisburgenses. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. IX. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1851, pp. 760–810. (In Latin)
42. *Annales Sandivogii. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XXIX. Waitz G. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1892, pp. 424–430. (In Latin)
43. *Annales Wratislavienses antiqui et annales magistratus Wratislaviensis. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XIX. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1866, pp. 526–531. (In Latin)
44. Benedictus Polonus. *Relatio.* Van den Wyngaert A. (ed.). *Sinica Franciscana.* Vol. I. *Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV.* Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1929, pp. 135–143. (In Latin)
45. Berend N. *At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and «Pagans» in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300.* Cambridge, New York, Cambridge University Publ., 2001. xvii + 340 p.
46. *Bullarium Franciscanum.* Vol. 5. *Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta.* Eubel C. (ed.). Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. xlii + 643 p. (In Latin)
47. *Bullarium Franciscanum.* Vol. 6. *Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta.* Eubel C. (ed.). Romae, Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902. liv + 687 p. (In Latin)
48. C. de Bridia. *Hystoria Tartarorum.* Önnersfors A. (ed.). Berlin, de Gruyter, 1967. x + 44 p. (In Latin)
49. *Chronica Heinrici Surdi de Selbach = Die Chronik Heinrichs Taube von Selbach.* Bresslau H. (ed.). Berlin, Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1922. lxxvii + 167 p. (In Latin, German)
50. *Chronica Iohannis Vitodurani = Die Chronik Johannis von Winterthur.* Baethgen F., Brun C. (ed.). Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1924. xxxvii + 332 p. (In Latin, German)
51. *Chronica minor auctore minorita Erphordiensi. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XXIV. Waitz G. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1879, pp. 178–213. (In Latin)
52. *Chronicon fratris Salimbeni de Adam. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XXXII. Holder-Egger O. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1913, pp. 1–652. (In Latin)
53. *Chronicon Moguntinum.* Hegel K. (ed.). Hannoverae, impensis bibliopolii Hahniani, 1885. xxi + 103 p. (In Latin)
54. *Codex Diplomaticus Hungaricus Andegavensis = Anjoukori okmánytár.* 7 Vols. Nagy I. (ed.). Budapest, A Magyar tudományos akadémia, 1878–1891. (In Latin, Hungarian)
55. *Codex diplomaticus Poloniae quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Lituaniae bullae pontificum nec non jura a privatis data ab antiquissimis inde temporibus usque ad annum 1506 = Kodex dyplomatyczny Polski.* Vol I. Helcel A.Z., Muczkowski A., Ryszczewski L. (eds.). Varsaviae, Strąbski, 1847. xxiii + 367 p. (In Latin, Polish)
56. *Codex diplomaticus Prussicus.* Vol. 3. Voight J. (ed.). Königsberg, Borntäger, 1848. xxiv + 200 p. (In Latin)
57. *Continuatio Althahensis. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* Vol. XVII. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1861, pp. 408–416. (In Latin)
58. *Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll'aiuto dei testi a penna.* Vol. 5. Gherardi Dragomanni F., Moutier I. (eds.). Milano, Borroni e Scotti, 1848. 594 p. (In Italian)

59. *Documente privitoare la istoria Românilor*. Vol. I. 1199–1345. Hurmuzaki E., Densușianu N. (eds.). București, Ed. Academiei Române, 1887. xxx + 701 p. (In Latin, Romanian)
60. Fejér Gy. *Dissertationes in res Hungariae veteris historico-criticae*. 11 Vols. Budae, Typis typogr. Regiae Vniversitatis Vngaricae, 1829–1844. (In Latin)
61. *Fontes rerum Bohemicarum = Prameny dějin českých*. Vol. 4. Emler J. (ed.). Praha, Nákl. Nadání Františka Palackého, 1884. xxviii + 571 p. (In Latin, Czech)
62. *Fontes rerum Germanicarum = Geschichtsquellen Deutschlands*. 4 Vols. Böhmer J.F., Huber A. (eds.). Stuttgart, J.G. Cotta'scher Verlag, 1843–1868. (In Latin, German)
63. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli*. Daffinà P., Leopardi Cl., Lungarotti M.C., Menestò E., Petech L. (eds.). Spoleto, Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1989. viii + 522 p. (In Italian, Latin)
64. Gładysz M. *Forgotten Crusaders: Poland and the Crusader Movement in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2012. xxv + 433 p.
65. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. 5 Vols. Quaracchi, Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1906–1927. (In Italian, Latin)
66. Guglielmo di Rubruk. *Viaggio in Mongolia (Itinerarium)*. Chiesa P. (ed.). Torino, Arnoldo Mondadori Editore, 2011. xcvi + 530 p. (In Italian, Latin)
67. Heinrici de Heimburg annales. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XVII. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1861, pp. 711–718. (In Latin)
68. Hermanni Althahensis annales. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XVII. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1861, pp. 381–408. (In Latin)
69. *Historiae Hungaricae fontes domestici*. P. 1. *Scriptores*. Vol. 3. Florianus M. (ed.). Quinque-Ecclesiis [Pécs], Taizs, 1884. v + 276 p. (In Latin)
70. *Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*. Vol. VII–VIII. Varsaviae, Wydawn. Nauk. PWN, 1975. 431 p. (In Latin)
71. *Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum*. 2 Vols. Schneider F. (ed.). Hannoverae, Lipsiae, Impensis bibliopolii Hahniani, 1909–1910. (In Latin)
72. Jackson P. Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars (1245–1255). *The Cambridge Companion to Francis of Assisi*. Robson M.J.P. (ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 224–239.
73. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, UK, Pearson Longman Publishing, 2005. xxxiv + 414 p.
74. Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire. *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1978, no. 22, pp. 186–244.
75. *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa*. Vol. I. Krakowie, Nakl. Akademii Umiejetnosci Krakowskiej, 1879. lxxx + 370 p. (In Latin, Polish)
76. Luard H.R. *Annales monastici*. 5 Vols. London, Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1864–1869. (In Latin)
77. Lupprian K.-E. *Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13. Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels*. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1981. 328 p. (In German, Latin)
78. Maier Ch.T. *Preaching the Crusades: Mendicant Friars and the Cross in the Thirteenth Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. x + 202 p.
79. Melloni A. *Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della Cristianità come Regimen Unius Personae*. Genova, Casa Editrice Marietti, 1990. x + 311 p. (In Italian)
80. Menkonis chronicon. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. Vol. XXIII. Pertz G.H. (ed.). Hannover, München, Monumenta Germaniae Historica, 1874, pp. 523–561. (In Latin)

81. *Monumenta ecclesiae Strigoniensis*. 4 Vols. Strigonii, Budapestini: Typis descripsit Aegydius Horák, Archivum Primatiale, 1874–1999. (In Latin)
82. *Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski*. 6 Vols. Bielowski A. (wyd.). Warszawa, Państwowe Wydawn. Naukowe, 1960–1961. (In Latin, Polish)
83. *Monumenta Poloniae historica, Series nova = Pomniki dziejowe Polski, Seria 2*. Kraków, Polska Akademia Umiejętności, 1946–. (In Latin, Polish)
84. *Monumenta Poloniae Vaticana*. Vol. 3 *Analecta Vaticana: 1202–1366*. Ptaśnik J. (ed.). Cracoviae, Academia Litterarum Cracoviensi, 1914. lvi + 572 p. (In Latin).
85. *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*. Vol. 2. Zagrabiae, Župan (Albrecht et Fiedler), 1870. xxxvi + 464 p. (In Latin)
86. *Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften deutscher Geschichten des Mittelalters*. Band 2. Berlin, Weidmann, 1877. (In German, Latin)
87. Pelensky J. The Contest between Lithuania and the Golden Horde in the fourteenth century for Supremacy over Eastern Europe. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1982, no. 2, pp. 303–320.
88. Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. *Revue de l'Orient chrétien*. Paris, Bureau des oeuvres d'Orient, 1931, no. 8/28, pp. 3–84.
89. *Preußisches Urkundenbuch*. Bd. 1. *Die Bildung des Ordensstaates*. Hälfte 1. Philippi R. (hrsg.). Königsberg i. Pr., Hartung, 1882. 240 p. (In German, Latin)
90. *Preußisches Urkundenbuch*. Bd. 1. *Die Bildung des Ordensstaates*. Hälfte 2. Seraphim A. (hrsg.). Königsberg i. Pr., Hartung, 1909. xiii + 724 p. (In Latin, German)
91. Rachewiltz Igor de. *Papal Envoys to the Great Khan*. London, Faber, 1971. 230 p.
92. *Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica = Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke*. II. Köt. 4. Füz. 1290–1301. Szentpétery I., Borsa I. (eds.). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1987. 336 p. (In Latin, Hungarian)
93. *Les Registres d'Urbain IV*. 4 Vols. Guiraud J. (ed.). Paris, De Boccard, 1899–1901. (In Latin, French)
94. Richard J. *La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p. (In French)
95. Richard J. Sur le pas de Plancarpin et de Rubrouck: La lettre de Saint Louis a Sartaq. *Journal des Savants*. Paris, Académie des inscriptions & belles-lettres, 1977, pp. 49–61. (In French)
96. Rodenberg C. *Epistolae saeculi XIII regestis pontificum romanorum selectae*. 3 Vols. München, Monumenta Germaniae Historica, 1982. (In Latin)
97. Salimbene di Adam. *Cronica*. Nobili C.S. (ed.). Roma, Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2002. xxviii + 1215 p. (In Italian, Latin)
98. *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. 5 Vols. Hirsch Th., Töppen M., Strehlke E.G.W. (eds.). Leipzig, Hirzel, 1861–1874. (In Latin, German)
99. Sinor D. John of Plano Carpini's Return from the Mongols: New Light from a Luxemburg Manuscript. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1957, no. 3–4, pp. 193–206.
100. Sinor D. Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV. *Cahiers d'Histoire Mondiale*. Paris, Librairie des Meridiens, 1956, no. 3, pp. 39–62. (In French)
101. Soranzo G. *Il Papato, l'Europa cristiana e i Tartari*. Milano, Vita e pensiero, Pubblicazioni dell'Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. xii + 624 p. (In Italian)
102. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden, Boston, Brill Academic Publishers, 2009. xvii + 545 p.
103. Spuler B. *Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland 1223–1502*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1965. xviii + 638 p. (In German)

104. Strayer J.R. The Political Crusades on the Thirteenth Century. *A History of the Crusades*. Vol. II. *The Later Crusades, 1189–1311*. Setton K.M., Wolff R.L., Hazard H.W. (eds.). Madison, University of Wisconsin Press, 1969, pp. 343–375.

105. Szcześniak B. Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relation and the Vinland Map. *Journal of the American Oriental Society*. New Haven, American Oriental Society, 1966, no. 86/4, pp. 373–376.

106. Szentpétery I. *Scriptores rerum hungaricarum tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum*. 2 Vols. Budapestini, Academia litter. hungarica atque Societate histor. hungarica in parten impensarum venietibus, typographiae Reg. universitatis litter. hung. sumptibus, 1937–1938. (In Latin)

107. Theiner A. *Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia*. 2 Vols. Romae: Typ. Vaticanis, 1859–1860. (In Latin)

108. Theiner A. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita*. 4 Vols. Romae, Typis vaticanis, 1860–1864. (In Latin)

109. *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*. 2 Vols. Zimmermann F., Warner C. (eds.). Hildesheim, Zürich, New York, Georg Olms Velrag, 2007. (In Latin, German)

110. *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Skelton R.A., Marston Th.E., Painter G.D. (eds.). New Haven, Yale University Press, 1965. xii + 291 p.

111. Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245–1255. *The Collected Works of Eric Voegelin*. Vol. 10. *Published Essays 1940–1952*. Sandoz E. (ed). Columbia and London, University of Missouri Press, 2000, pp. 76–125.

112. Wenzel G. *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus = Árpádkori új okmánytár*. 12 Vols. Pest, Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1860–1874. (In Latin, Hungarian)

113. Zimmermann H. *Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung*. Köln, Böhlau Verlag, 2011. xi + 246 s. (In German, Latin)

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); Postdoctoral researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Historia, PL 1000, 90014, University of Oulu, Finland). E-mail: virisequisque@hotmail.com

Received June 27, 2016

Accepted for publication August 25, 2016

УДК 94

**TO THE QUESTION OF THE USE OF THE ETHNIC TERM
“TATARS” IN ARAB HISTORICAL LITERATURE¹*****E.G. Sayfedinova****Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences**Kazan 420014, Russian Federation**E-mail: adulya2@yandex.ru*

Reconstruction of the ethnogenesis of the peoples inhabited the Golden Horde is one of the issues being studied intensively in modern historical scholarship. Medieval Arab sources play an important role in studying the history of the peoples of the Golden Horde. Study of contemporary Arab authors' historical researches where medieval Arab chronicles are analyzed in greater detail, is necessary to understand their importance.

Objective: study of the Arab historical literature regarding the issue of the use of the ethnic term “Tatars”.

Some contemporary Arab historical researches are used as materials for this research. For example, Muhammad Sahil Takkush calls the Golden Horde – “Magul-Kypchak”, and Iran – “Magul-Faris” in his book “History of the Mamluks in Egypt and Syria”. Qasim Abdel Qasim, the author of the book “Era of the Mamluk Sultans”, calls the Golden Horde “bilad al-kypchak”. In his work “The Mamluks”, Shaydiyaz al-Garini calls Berke the “khan of the Golden Horde tribe” and the Golden Horde inhabitants – “at-tatar al-kypchak”, i.e. the “Kypchak Tatars”. Of particular interest is the book of Egyptian historian Muhammad Abdelgani al-Ashqar “Salar – the Tatar Muslim Emir (Naib of the Mamluk Sultan in Egypt, 1260–1310)”. It describes the reign of Sultan al-Malik an-Nasir Muhammad who was in close friendly relations with the Golden Horde khan Uzbek. It is known that the Golden Horde Muslims prayed for Sultan al-Malik al-Nasir mentioning his name after khan Uzbek. Long-term friendship between the Golden Horde and Egypt eventually led to the conclusion of a dynastic marriage between Egyptian Sultan an-Nasir and the Golden Horde princess Tulunbay.

As a result, the study of the use of the ethnic term “Tatars” in Arab historical literature remains relevant and requires a review of some of the preconceived ideas about the ethnic history of the Tatar people in the Arab world in favor of the in-depth study of this problem.

Keywords: Golden Horde, term, Tatars, Mongols, Mamluks, Arab historiography.

For citation: Sayfedinova E.G. To the Question of the Use of the Ethnic Term “Tatars” in Arab Historical literature. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 529–533.

Medieval Arab sources equated the ethnic term “Tatars” with the word “Mongols”. Chronicles describing the era of the Mamluk sultans indicate that Egypt constantly had to fend off the Tatar onslaught. Later, this tradition was continued, and the term “Tatars” was used by an Egyptian scholar Amin al-Hawley. Already E.A. Belyaev drawn attention to the use of the ethnic term “Tatars” in the work of al-Hawley in the preface to his book “Relations between the Nile and the Volga in the 13th–14th centuries”: he calls the Mongols – “Tatars”, and the Golden Horde –

¹ English translation by R. Hautala.

the “Tatar State”[2, p.3]. However, we must bear in mind that Amin al-Hawley was not a historian but a philologist. As a literary scholar, he relied in his book on medieval Arab sources: chronicles of al-Maqrizi, Ibn Tagriberdi, Ibn Hajar, Ibn Iyas et al., in which the Mongol State was seen as “biladat-tatar” (the “country of the Tartars”). Al-Hawley calls the population living on the Golden Horde territory the “northern Tartars” and, for example, when referring to the Oirats he uses the term “eastern Tartars”. Amin al-Hawley did not analyze the origin of the “Tatar” term since his aim was to describe the relations between the Nile and Volga in the 13th–14th centuries.

Contemporary Arab historians name the Golden Horde in different ways. So, in his book “History of the Mamluks in Egypt and Syria”[10], Muhammad Sahil Takkush calls the Golden Horde “Magul-Kypchak”, and Iran – “Magul-Faris”. Qasim Abdel Qasim, the author of the book “Era of the Mamluk Sultans”[4], calls the Golden Horde “bilad al-kypchak”. In his work “The Mamluks”[11], Shaydiyaz al-Garini calls Berke the “khan of the Golden Horde tribe” and the Golden Horde inhabitants – “at-tatar al-kypchak”, i.e. the “Kypchak Tartars”. According to I.M. Mirgaleev, although these terms “are not historical names, but the result of a simple technical connection of known terms, yet they do not strongly distort reality”[6, p.83]. However, one cannot argue that contemporary Arab historians do not resort to a critical review and analysis. For example, an Egyptian historian Qasim Abdel Qasim writes in his “Era of the Mamluk Sultans”: “At the same time, in proper Mongolia they are called as the Tartars”. Thus, contemporary Arab historians use more accurate wordings while describing the Golden Horde and its population.

Of particular interest is the book of Egyptian historian Muhammad Abdelgani al-Ashqar “Salar – the Tatar Muslim Emir (Naib of the Mamluk Sultan in Egypt, 1260–1310)”[7]. It describes the reign of Sultan al-Malik an-Nasir Muhammad who was in close friendly relations with the Golden Horde khan Uzbek. It is known that the Golden Horde Muslims prayed for Sultan al-Malik al-Nasir mentioning his name after khan Uzbek. Long-term friendship between the Golden Horde and Egypt eventually led to the establishment of family ties.

When al-Malik al-Nasir came to the throne, he was still a child. Emir Salar who came from the country of Tartars, from the clan of Oirats, became his tutor. The Oirats is a group of the Mongol-speaking tribes. In the 13th century, Oirats resisted the army of Genghis Khan. But soon the chief of Oirats, Qutuqa Beki, came voluntarily to submit himself to Genghis Khan. Genghis Khan praised this action and thereafter allowed to intermarry the houses of Genghis Khan and Qutuqa Beki. As a result of marriages between the sons, daughters, and descendants of Genghis Khan and Qutuqa Beki, there formed the entire dynasty, within which is difficult to define the direct descendants of one or another people. For example, the Golden Horde khan Mengu-Timur married Oghul Qaimish, a daughter of Qutuqa Beki. The Oirats belong to a group akin to the Mongol peoples and medieval Muslim and Old Russian sources call them the Kalmyks (Kalmaks) and Dzhungars (Zyungary). Rashid ad-Din mentions their tribe in his chronicles, where he writes that “in Iran and Turan there were and are many people from among the emirs of Oirat tribe. But it is unknown, to which branch each of them belongs. Only they, among themselves, know their origins”[9]. Most likely the same family ties existed in China and Golden Horde as well. This suggests that the Oirats were numerous and they spread in different countries. With reference to chronicle of al-

Maqrizi and Ibn Tagriberdi, Muhammad Abdelgani al-Ashqar writes: "the Oirats or Hayrats lived in the Tatar territory, where Salar came from. In 1295 they fled to Egypt from brutal rule of Ghazan and embraced Islam"[7, p.71]. Amin al-Hawley writes: "the Oirats, or eastern Tatars, came to Egypt by thousands and settled in the quarter al-Huseyniyya. Al-Maqrizi tell a lot about this quarter, one of the richest areas of Cairo. According to al-Maqrizi, it was inhabited by beautiful people. The Arabs willingly married the Tatar women"[1]. However, Salar himself arrived in Egypt after he was captured during a battle of Baybars with the Tartars. S.G. Klyashtorny writes in his work on the formation of the main ethno-political characteristics of the Tatar ethnonym, where he proves that the State of the Tatars appeared long before the Mongol era: "The earliest stages of the Tatar history are inextricably linked with the history of other steppe tribes of Central Asia (Mongolia and East Turkestan). For the first time information about the Tatars appear on the pages of sources shortly after the collapse of the Han Empire (3rd century AD) and the Hunnish Power (3rd–4th centuries AD). Other information about the Tatars belongs to the era preceding the emergence of the Empire of Genghis Khan"[5, p. 22]. D.M. Iskhakov notes in the book "The Tatars: Popular Ethnography": "Based on the analysis of written sources, we can definitely say that the ruling elite of the nobility of the Great Mongol State (Eke Mongol Ulus) preferred to call themselves the "Mongols" ... Apparently, by the name of "Tatars" were called the remnants of the defeated nations, gathered in the special forces"[3, p. 30]. It is possible that Salar was among these mingled groups. He was not a Mongol because Mamluk sultans could not bring closer the person with whom they were at war. Al-Ashqar writes that "most of the Mamluks were from the Kypchak lands and their language was Turkic".

According to the assumption of E.N. Najip, some Kypchak groups called themselves the Tatars: "historians report that during the reign of Sultan Baybars (1259–1277) in Egypt arrived a significant number of Tatar emirs with obviously Turkic names. The Tatar emirs who came to Egypt in the time of Baybars, were natives of Kypchak steppes. Consequently, the tribes who called themselves the Tatars, lived in the Dasht-i Kipchak also before the arrival of the Mongols in this area" [8, p.86].

It is unlikely that Salar was native of Kypchak steppes. However, the fact that Salar was one of the few (in fact, he and Kitbuga, ruling the Mamluk Sultanate in 1295–1297) who could had risen to the rank of emir, says that Salar was a loyal subject of the Mamluk sultans. Salar was an ardent follower of Islam and as al-Ashqar writes: "even khan Ghazan himself was surprised that Salar was willing to die in the struggle for the ideals of Islam"[7]. Probably therefore, Mamluk sultans entrusted him with leading post of the head of the State apparatus, which was called the "deputy" of Sultan – Naib, otherwise Sultan Mukhtasar (in Arabic – "small Sultan"), from among the emirs. He also was in charge of external relations. Salar was vested with such powers in 1299. In this capacity Salar served until 1309. When al-Malik al-Nasir Muhammad in the third time came to the throne, he executed an impostor-Sultan Baybars II, who previously, as Salar, played the role of "tutor" of the Sultan. Salar sided with al-Malik al-Nasir Muhammad, but he did not believe him accusing Salar in the plot. He locked him in prison, where Salar died of hunger. Despite this sad end, Salar was buried in a stone mausoleum, which has been preserved until now and represents one of the many medieval monuments

in Egypt. This implies that the Tatar emir Salar at the time played de facto an equally important role in the history of Mamluk Egypt as beklyaribek Nogay did in the Golden Horde history. He not only took part in the events of that time but he directed the course of history.

In general, the study of the use of the ethnic term “Tatars” in Arab historical literature remains relevant and requires a review of some of the preconceived ideas about the ethnic history of the Tatar people in the Arab world in favor of the in-depth study of this problem.

REFERENCES

1. Amin al'-Kholi. *Svyazi mezhdu Nilom i Volgoy v XIII–XIV vv.* Kazan, 2002, 49 p. (In Russian)
2. Belyaev E.A. Predislovie. Amin al'-Kholi. *Svyazi mezhdu Nilom i Volgoy v XIII–XIV vv.* Moscow, 1962, 49 p. (In Russian)
3. Iskhakov D.M. *Tatary: populyarnaya etnografiya.* Kazan, 2005, 159 p. (In Russian)
4. Kasim Abdel' Kasim. *Epokha mamlyukskikh sultanov.* Cairo, 2004. 378 p. (In Arabian)
5. Klyashtornyy S.G. Drevnee gosudarstvo tatar v Tsentral'noy Azii. *Golden Horde Review.* 2013, no. 1, pp. 22–35. (In Russian)
6. Mirgaleev I., Nuraneev L. Perelistyvaya istoriyu sultanata mamlyukov. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov.* 2003, no. 1/2, p. 183-186. (In Russian)
7. Mukhammad Abdel'gani al'-Ashkar. Salar – tatarskiy emir-musul'manin (naib mamlyukskogo sultana v Egipte (1260–1310 gg.). Cairo, 2000. 94 p. (In Arabian)
8. Nadzhip E.P. Ocherk istoriko-kul'turnoy obstanovki v XIV–XV vv. Moscow, 1976, 291 p. (In Russian)
9. Rashid ad-din. Sbornik letopisey. Available at: http://www.vashaktiv.ru/texts/r/rashid_sb_let_kn1_ukaz_r2.php (In Russian)
10. Takkush Mukhammad Sakhil' *Istoriya mamlyukov v Egipte i Sirii (1250–1517).* Beyrut, 1998. 599 p. (In Arabian)
11. Shaydiyaz al'-Garini. *Mamalik.* Cairo, 2001. 287 p. (In Arabian)

About the author: Elmira G. Sayfetdinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

Received June 14, 2016

Accepted for publication August 31, 2016

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОГО ТЕРМИНА
«ТАТАРЫ» В АРАБСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Э.Г. Сайфетдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: adulya2@yandex.ru*

Реконструкция этногенеза народов, населявших Золотую Орду является одной из интенсивно изучаемых проблем в современной исторической науке. При изучении истории народов Золотой Орды важную роль сыграли и средневековые арабские источники. Для понимания их значимости необходимо изучение современных исторических исследований арабских авторов, в которых средневековые арабские летописи рассмотрены более детально. **Цель:** изучение арабской исторической литературы в вопросе применения этнического термина «татары». **Материалами исследования** являются некоторые современные арабские исторические исследования. Например, Мухаммад Сахил Таккуш «История мамлюков в Египте и Сирии» в книге Золотую Орду называет Магул-Кыпчак, а Иран – Магул-Фарис», Касим Абдел Касим автор книги «Эпоха мамлюкских султанов» Золотую Орду называет «билад ал-кыпчак», Шайдияз ал-Гарини в работе «Мамлюки» Берке называет ханом золотоордынского племени, а жителей Золотой Орды – «ат-татар ал-кыпчак», т.е. «кыпчакские татары». Особый интерес вызывает книга египетского историка Мухаммада Абделгани ал-Ашкар «Салар – татарский эмир-мусульманин (наиб мамлюкского султана в Египте (1260–1310 гг.)). Речь идет о временах правления султана ал-Малика ан-Насира Мухаммада, с которым сложились тесные дружеские отношения у золотоордынского хана Узбека. Известно, что в Золотой Орде молились за султана ал-Малик ал-Насира, помяная его имя после хана Узбека. Многолетняя дружба Золотой Орды и Египта, в конце концов, привела к заключению династического брака между египетским султаном ан-Насиром и золотоордынской царевной Тулунбай.

Результаты и научная новизна: исследование применения этнического термина «татары» в арабской исторической литературе остается актуальной и требует пересмотра некоторых уже устоявшихся представлений об этноистории татарского народа на арабском Востоке в пользу углубленного изучения этой проблемы.

Ключевые слова: Золотая Орда, термин, татары, монголы, мамлюки, арабская историография.

Для цитирования: Sayfedinova E.G. To the Question of the Use of the Ethnic Term "Tatars" in Arab Historical literature // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 529–533.

Сведения об авторе: Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила 14.06.2016 г.

Принята к публикации 31.08.2016 г.

УДК 94(477.75)

ДЖУЧИД БЕК-БУЛАТ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Ю.В. Зайончковский

*Харьковский национальный университет строительства и архитектуры
61002, Харьков, Украина
E-mail: zyv_kharkov@mail.ru*

Правление золотоордынского хана Бек-Булата, несмотря на частую встречаемость имени этого Джучида на страницах исторических и нумизматических исследований и наличие посвященных ему и его монетам отдельных научных статей, до сих пор является предметом дискуссий.

В предлагаемой работе ставится **цель** проанализировать политическую карьеру Бек-Булата по данным письменных и нумизматических источников, а также задача аргументировано предложить хронологию его правления (в т.ч. рассматривается проблема его «первого» царствования).

Материалы исследования: приведены качественные увеличенные фотоизображения дангов этого хана с метрологией (большинство из которых впервые вводится в научный оборот), используемые как источники для реконструкции (или верификации реконструкции) исторических событий; выделены основные типы серебряных монет Бек-Булата, среди которых неизвестный ранее тип дангов этого хана с обозначением места чеканки Сарай ал-Джадид. Анализируется тип дангов азакского двора с написанием имени хана как «Булад», дата на нем прочитана как 793 г.х., сама же эта эмиссия отнесена к началу царствования Бек-Булата.

Результаты и научная новизна: Оглан Бек-Булат командовал войсками Токтамышы в 1386 и 1391 годах, а после разгрома золотоордынской армии в сражении на реке Кундурче, летом 1391 г. Бек-Булат был провозглашен ханом. Последовавшая затем война между Токтамышем и Бек-Булатом заняла довольно продолжительный отрезок времени и закончилась гибелью последнего в Крыму.

Автор предлагает датировать правление Бек-Булата 793–794 г.х. (примерно: середина 1391 – середина 1392 г.). Другие даты, называемые учеными, основываются на некорректном использовании нумизматических материалов. Вопрос о существовании «первого» царствования Бек-Булата остается пока открытым.

Ключевые слова: Джучиды, нумизматика, Бек-Булат, Токтамыш, данг, Сарай ал-Джадид, Азак, Орду, Орду ал-Джадид.

Для цитирования: Зайончковский Ю.В. Джучид Бек-Булат по данным письменных и нумизматических источников // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 534–551.

«Бек-Булат – личность известная», написал А.Г. Мухамадиев в 1983 году [9, с. 98]. И с этим утверждением нельзя не согласиться.

Основные типы серебряных монет Бек-Булата были опубликованы в 1826 году Х.М. Френом в его «Recensio numorum Muhammedanorum» [25, с. 357–359]. За прошедшие со времени выхода в свет этого фундаментального труда почти два века, описанные Х.М. Френом данги Бек-Булата регулярно появля-

лись на страницах нумизматических трудов, а в 2013 г. К.К. Хромов посвятил монетам этого хана отдельную статью (что для джучидской нумизматики пока еще редкость), где свел все известные ему типы с фотоизображениями и штемпельными прорисовками [22].

О Бек-Булате упоминали почти все историки, рассматривавшие войны Токтамыша с Тамерланом; в частности, М.Г. Сафаргалиев в своей монографии «Распад Золотой Орды», изданной в 1960 г., достаточно глубоко и основательно проанализировал его политическую карьеру [17]. И, наконец, в 2004 г. была опубликована специальная статья И.М. Миргалеева «К вопросу о Бек Булате – Бек Пуладе», целиком посвященная этому хану [8], – так Бек-Булат стал одним из немногих монархов Золотой Орды, удостоившихся и отдельной публикации современного историка.

Казалось бы недлинная (в общем-то) политическая карьера этого Джучида с учетом сказанного выше должна уже быть полностью исследована и не оставлять простора для новых изысканий. Но это, увы, не так.

Несмотря на то что о Бек-Булате написано много, до сих пор нет даже общепринятой датировки времени его ханствования.

П.С. Савельев в 1857 году датировал правление Бек-Булата 1390–1396 годами [16, с. 139]. К.К. Хромов в упомянутой статье фактически принял такую датировку, утверждая, что наиболее подробно монеты Бек-Булата были опубликованы П.С. Савельевым, которым также были даны «ссылки на другие источники с попыткой определить место Бек-Пулада на исторической сцене», и что «на данный момент нам не известно никаких вновь открывшихся сведений об истории правления этого хана, поэтому к исторической справке, приведенной Савельевым нам нечего добавить» [22, с. 38]. Обратившись к труду П.С. Савельева «Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелаирские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша», легко увидеть, что великий русский нумизмат из всей имеющейся информации письменных источников использовал только сведения, содержащиеся в ярлыках хана Токтамыша, изданных И.Н. Березиным [16, с. 138].

Несколько забегаю вперед, замечу, что для реконструкции политических событий, связанных с Бек-Булатом, в XXI веке появился и новый письменный источник, впервые опубликованный А.Л. Пономаревым; поэтому с процитированным выше утверждением киевского нумизмата об исчерпывающей полноте «исторической справки, приведенной Савельевым» совсем нельзя согласиться.

А.К. Марков в «Инвентарном каталоге мусульманских монет Императорского Эрмитажа», изданном в 1896 году, датировал правление Бек-Булата 792–794 г.х. (1389–1391 гг. по Р.Х.), основываясь, вероятно, на упомянутой им в каталоге (без приведения прорисовки) под № 1225 серебряной монеты чекана Орду ал-Джадид, дату на которой великий нумизмат прочел как 792 г.х [7, с. 491]. Автору данги Бек-Булата, датированные 792 г.х. не известны; если они действительно существуют, то представляется, что на основании сведений письменных источников, о которых речь будет идти ниже, логично будет объяснить их существование либо использованием штемпеля реверса предыдущего царствования (такие примеры иногда имеют место в джучидской нумизматике), либо последнюю «двойку» в дате просто дал износ штемпеля, которым она чеканилась.

В.В. Похлебкин (2000 г.) утверждал, что Бек-Булат царствовал с июня по август 1391 года [11, с. 23].

Ю.Е. Пырсов в «Каталоге джучидских монет Саратовского областного музея краеведения» (2002 г.) никак не аргументируя приведенные даты, называл 1391–1392 гг. [14, с. 38].

Ж.М. Сабитов (2008 г.) писал, что Бек-Булат «правил в 1386–1392 гг.» [15, с. 286].

Стивен Альбум в 3-м издании своего «Checklist of Islamic Coins» (2011 г.) указывал для его ханствования даты 792–794 г.х. (1390–1392 гг.) [24, с. 199].

И, наконец, А.Л. Пономарев в 2011 году утверждал, что этот «несомненный потомок Джучи... небезуспешно оспаривал трон у Токтамыша в 1391–1392 гг. (793–794 г.х.)», но это было уже его второе царствование – в первый раз Бек-Булат взшел на престол в 1386 году [10, с. 20].

А.Г. Гаев в своей очень основательной статье «Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи» [2] (2002) вообще не упоминает имя такого «нумизматически зафиксированного правителя Улуса Джучи» как Бек-Булат. Объясняется это, наверное, тем, что, по словам Ж.М. Сабитова, Бек-Булатова «генеалогия не известна» [15, с. 286].

Ю.В. Селезнев пишет по этому поводу: «Термин «оглан» говорит о принадлежности Бек-Пулада к правящему роду Джучидов. Однако прямых полных совпадений имени в родословных не встречается. Анализ хронологических и биографических данных о ряде Чингизидов с именем Пулад позволяет предполагать отождествление Бек-Пулад-оглана с Пуладом – четвертым сыном Тимур-бека, второго сына Кутлук-Тимура, сына Нумкана (Томгана), второго сына Абая, второго сына Кин-Тимура (Уз-Тимура), четвертого сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана» [20, с. 182–183].

Приведенная цитата была воспроизведена лишь из научной добросовестности; строго говоря, для понимания политической карьеры Бек-Булата вполне достаточно констатировать, что, говоря словами средневекового арабского историка Ибн Халдуна, «был Оглан Булат, один из родичей» Токтамыша [18, с. 392], т.е. по праву рождения от Чингиз-хана Бек-Булат имел право взойти на престол Золотой Орды. Тому, как он это право реализовывал, и посвящена предлагаемая статья.

Автор ставит задачу проанализировать политическую карьеру Бек-Булата по данным письменных и нумизматических источников, аргументировано предложить хронологию его царствования. Особое внимание уделено нумизматическим памятникам, несущим на себе имя Бек-Булата. Нужно констатировать, что довольно часто историки не критично подходят к использованию нумизматических данных, делают серьезные выводы на основании простого упоминания какой-либо монеты без ее детального изучения и даже без достоверного установления факта самого существования этой монеты. В предлагаемой статье будут приведены качественные увеличенные фотоизображения джучидских дангов с метрологией (большинство из которых впервые вводятся в научный оборот), используемые как источники для реконструкции (или верификации реконструкции) исторических событий.

Все фотоизображения, воспроизведенные в этой работе, выполнены автором или предоставлены коллегами, благодарность которым выражена в конце статьи, или взяты из электронной базы восточных монет zeno.ru (в последнем случае указан номер монеты в этой базе) [26].

Предваряя изложение основного материала, необходимо ответить на один критически важный вопрос: являются ли известные по письменным источникам «Бекбулат» / «Оглан Булат» и упоминаемый на монетах «Бик Булад хан» (в русском написании этого имени П.С. Савельевым [16, с. 139]) одним и тем же лицом? Автор принимает вывод о принадлежности этих именованных одному лицу, сделанный И.М. Миргалеевым: «Итак, рассмотрев и письменного, и нумизматического Бек Булата, мы видим, что это один и тот же человек. В дальнейшем в историографии нужно писать это имя только как Бек Булат, так как в официальном документе он назван именно Булатом. Под Бек Булатом нужно подразумевать и письменного Бек Булата – Бек Пулада, и нумизматического Бек Булада – Бек Булата» [8, с. 147]. А.Л. Пономарев согласился с вариантом, предложенным И.М. Миргалеевым, и именовал этого «императора» Бек Булатом [10, с. 18]. Именно это написание имени джучидского хана автор принял за правильное, полагая также, что все джучидские имена, состоящие из нескольких частей, целесообразно писать через дефис для акцентирования факта целостности их восприятия.

Первое известное автору упоминание о Бек-Булате в письменных источниках относится к 780 г.х. (1378–1379 гг.). Тимуридский историк XV века Абд ар-Раззак Самарканди сообщил, что когда Тамерлан возвращался из военного похода, «из Сыгнака пришло известие, что Бек-Булад сразился с Токтамыш-ханом и что Токтамыш, ища убежища у его величества (Тимура), находится вблизи. Тимур выслал ему навстречу нойона Тимура с подарками и приношениями...» [19, с. 191]. Как видим, здесь Бек-Булад выступает противником Токтамыша, командуя войсками, посланными против него.

Следующее сообщение письменного источника говорит о Бек-Булате уже как о полководце хана Токтамыша – тимуридский историк Шереф ад-Дин Йезди в «Книге побед» пишет, что зимой 1385–1386 гг. «...Токтамыш-хан через Дербенд отправил к Тебризу огромную армию, приблизительно 9 туманов, большей частью язычников, все безжалостных и злых, с 12 огланами Джучиева рода, во главе, с Бек-Буладом... Пройдя Ширван, они вошли в Азербайджан и заняли окрестности Тебриза. В городе не было солидного правителя, который в случаях подобного рода мог бы что-нибудь сделать. Подданные и жители тамошние... стали упорно отражать неприятеля... и почти целую неделю занимались сопротивлением и стычками. Наконец, то вероломное войско силою и превосходством овладело городом... Воины стали грабить и разбойничать и совершали такие насилия, бесчинства, беззакония и злодеяния, какие только возможно представить себе. Сокровища и имущества, разные драгоценности (и) все, что в таком городе годами накопилось, в течение 10 дней было разметано и погребено... В ту же самую зиму, собрав все награбленное и забрав пленных, они ушли тою же дорогою, которою пришли» [19, с. 151].

В 1386 году Бек-Булат вновь появляется на страницах письменных источников. Теперь уже западных. Речь идет о записи в бухгалтерской книге казначейства Кафы за 1386–1387 года, обнаруженной лишь в конце 1970-х

годов в фонде генуэзского архива, содержащего корсиканские документы. Этот фрагмент был опубликован А.Л. Пономаревым в 2011 году в его статье «Солхатская война» и «император» Бек Булат» [10]. Один из счетов Массарии 1386 года гласит: «Государь император Бек Булат и два других оглана, находящихся с ним в войске под Кафрой, а также владетель Солхата Кутулбуга бей получили из казны согласно счету на листе 241 в картулярии предыдущей массарии... 333 соммо 37 саджо 12 каратов...» [10, с. 20]. А.Л. Пономарев комментирует эту запись так: «употребление титула «imperator» в генуэзском делопроизводстве регламентировалось крайне строго: даже захвативший Константинополь султан Мехмед II был простым «королем Турок», «гех Теусогум», тогда как зависимые Гирей, унаследовав часть территории Золотой Орды, унаследовали и латинский титул, подобавший только ханам из рода Джучи, василевсам из династии Палеологов и трапезундским Великим Комнинам» [10, с. 20].

На основании сказанного российский нумизмат и историк предлагает следующую реконструкцию событий «Солхатской войны». В 1386 году Бек-Булат провозгласил себя ханом в первый раз [10, с. 21]. «В 1386-м же году генуэзцы должны были выбрать, кем будет для них Бек Булат, представлявший интересы соседних беев, – законным сюзереном и союзником или же мятежником и противником. Практичные коммерсанты выбрали первое, а вместе с ним – «дистанционную» войну со все понимающим наместником Токтамыша. Мятеж крымских баронов длился не больше года» [10, с. 20]. После того, как чаша весов склонилась на сторону сил Токтамыша, генуэзцы заключили 12 августа 1387 года мирный договор с Ордой, завершавший «Солхатскую войну» 1386–1387 гг. А.Л. Пономарев делает вывод: «Странная «Солхатская война» родилась, таким образом, вне русла международных отношений, она была лишь отголоском смуты, гаснувшей и разгоравшейся в Орде вновь и вновь. Сориентировавшись дважды (оба раза правильно) под защитой первоклассных укреплений, генуэзцы минимизировали экономические риски и потери, вовремя и заранее приняв сторону Токтамыша – победителя в войне реальной» [10, с. 21].

Интерпретация записи Массарии Кафы о Бек-Булате А.Л. Пономаревым согласуется с предшествующими событиями. В 1386 г., как уже было сказано выше, победоносный полководец – потомок Джучи – вернулся с богатой добычей из закавказского похода. И был провозглашен ханом. Такое развитие событий представляется вполне возможным.

Однако в июне 1391 г. Бек-Булат, по информации письменных источников, снова является полководцем Токтамыша, который в битве на реке Кундурче, по словам средневекового историка, «украсил центр и фланги своего войска царевичами Джучиева рода» – в том числе и Бек-Булатом [19, с. 168].

Вполне можно предположить, что взошедший на престол Токтамыш для консолидации своей власти мог простить полководца Бек-Булата, воевавшего против него в 780 г.х. по приказу хана. В этом нет ничего необычного. Но могли Токтамыш простить Бек-Булата, провозглашенного ханом в 1386 году, и вновь сделать его одним из своих полководцев?

А.Г. Юрченко, изучавший идеологические представления элиты Монгольской империи делает вывод: «Представители монгольской элиты расценивали измену государю как тяжкое преступление, поскольку заговорщик

стремился к насильственному изменению сложившейся иерархии власти, будучи сам важной фигурой в иерархии» [23, с. 9]. Историк приводит пример наказания за измену, когда с изменника срезали мясо и втыкали тому в рот, пока он не умирал, ибо «единожды обретя место в имперской иерархии, т.е. признав верховенство хана, нельзя было избежать смертной казни, отказавшись от обязательств» [23, с. 225].

Если приведенные тезисы А.Г. Юрченко истинны, то допустить, что Бек-Булат был прощен и вновь возглавил войска Токтамышша, вряд ли возможно.

И.М. Миргалеев также говорит о «первом» мятеже Бек-Булата, только датируя его 1389 г.: «На Закавказском фронте войсками командовал Бек Булат, который вскоре поднял мятеж... Возможно, после победы Токтамышша над Мамаем он получил улус в бывшей Орде последнего.... Возможно, вокруг него объединилась какая-то часть татарской аристократии Ак Орды, из бывших сторонников Мамаю... Вероятно, к концу 1389 г. Бек Булат был выбит из предкавказских степей и с Нижнего Поволжья подоспевшим Токтамышем» [8, с. 147].

Из текста статьи не ясно, что послужило И.М. Миргалееву основанием для рассуждений о «первом» мятеже Бек-Булата – как об источниках в данном контексте он говорит только о дангах этого Джучида, выбитых во время его «второго» мятежа.

И.М. Миргалеев полагает, что «Токтамыш-хан в 1389–1390 годах находился в сложном политическом положении. Поэтому правительство пошло на определенные уступки в централизаторской политике. Между Токтамышем и Бек Булатом был найден компромисс». Поэтому «Бек Булат в 1390 году признал над собой верховную власть Токтамышша и участвовал в битве» [8, с. 147] на Кундурче.

Если принимать во внимание гипотезы А.Л. Пономарева и И.М. Миргалеева, то карьера Бек-Булата в конце 1380-х гг. была буквально головокружительной и выглядела примерно так:

- зима 1385–1386 гг.: полководец Токтамышша;
- 1386 г.: «император»;
- 1388 г.: Бек-Булат опять воюет с Токтамышем;
- 1390 г.: опять полководец Токтамышша.

Приведя бытующие в историографии точки зрения, отметим, что вопрос о действиях Бек-Булата в конце 1380-х гг. нуждается в дальнейшем исследовании. Бесспорные же факты пока таковы: Бек-Булат командовал войсками Токтамышша в 1386 и 1391 гг.

18 июня 1391 г. на реке Кундурче состоялось генеральное сражение войск Токтамышша с трехсоттысячным [4, с. 24] экспедиционным корпусом Тамерлана, закончившееся полным разгромом золотоордынской армии.

Возможно, что одной из главных причин этого поражения татар была измена некоторых его командиров. Два года спустя Токтамыш напишет Ягайло: «...во время битвы прежде те дурные люди ушли с места, отчего и народ ушел с места» [1, с. 51]. «Ярлык Тохтамышша на западно-русском наречии» добавляет еще одну подробность – главным предателем здесь назван Бек-Булад: «...Бекбулат, наш враг, нас выдал и побегл о нас. Коли тои лихи Бекбула побегл тогда вси люди вся рать на бег повернулись» [1, с. 21–22]. Арабский историк Ибн Халдун подтверждает слова Токтамышша, говоря, что «Ти-

мур вошел в сношения с ним («Оглан Булатом») и с некоторыми из эмиров его, так что Токтамыш заподозрил их» [18, с. 391–392].

Патриаршая летопись сообщает, что «Бек-Булатов улус» располагался на Дону и там «стада же Татарския видехом толико множество, якоже ум превосходящ: овцы, козы, волы, верблюды, кони» [6, с. 96]. М.Г. Сафаргалиев полагает, что именно туда «он удалился после сражения на реке Кундурче и объявил себя ханом. Это подтверждают и монеты, выбитые в 1391 г. «в Орде», т.е. в его улусе, еще до захвата им Сарая...» [17, с. 158]. Нужно заметить, что логично будет предположить, что именно в свой улус и бежал претендент на престол, чтобы собрать там силы для дальнейшей борьбы за власть в Золотой Орде; однако данги с обозначением места чеканки как Орду не обязательно выпускались в «Бек-Булатовом улусе»: они могли биться в любом месте, где располагалась его ставка-орда.

Р.Ю. Почекаев на основании изучения права Золотой Орды делает вывод, что хан в обязательном порядке должен был избираться на специальном курултае, после которого проводился обряд его ритуального возведения на трон. Эта норма соблюдалась неукоснительно, «даже в периоды смут («Великой замятни» 1358–1381 гг. и последующего распада Орды в первой пол. XV в.), когда на трон одновременно претендовало по 3–5 кандидатов, каждый из них созывал некое подобие курултая и провозглашал себя ханом в соответствии с действующим законодательством» [12, с. 126]. Немецкий солдат и путешественник Иоганн Шильтбергер, посетивший Золотую Орду в начале XV века, в своих воспоминаниях описал подробности ритуального возведения хана на трон: при избрании «короля» татары «сажают его на белый войлок и поднимают три раза. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и дают ему в руку золотой меч; после чего он должен присягать по их обыкновению» [13, с. 55].

Представляется, что летом 1391 г. Бек-Булат провел такой курултай и был поднят на белом войлоке, что придавало ему статус суверенного правителя. Два века спустя, в первой половине 1580-х гг., когда османский паша от имени султана объявил о низложении крымского хана Мехмеда II, он услышал от этого Гирея гордый ответ: «Я падишах, господин хутбе и монеты – кто может смещать и назначать меня?» [3, с. 309]. В свете этой декларации представляется маловероятным, что Бек-Булат вззошел на белый войлок ранее лета 1391 г. Здесь нужно указать и тот факт, что монеты этого хана, выпущенные ранее 1391 года, не известны.

После коронации, собрав силы, по данным письменных источников, Бек-Булат захватил Сарай. Арабский историк Ибн Халдун записал: «Потом смутился также Тимур и возвратился в свои земли, а Оглан Булат пошел в Сарай, овладел им и напал на имущество Токтамыша и домочадцев его. Разбрелись в разные стороны эмиры, с которыми Тимур входил в сношения» [18, с. 393]. Этот фрагмент подтверждает мысль М.Г. Сафаргалиева о возможности ухода Бек-Булата для сбора сил в свой улус перед захватом столицы; также важно упоминание об отсутствии поддержки Бек-Булата со стороны эмиров, которые были противниками Токтамыша, но, по разным причинам, не стали сторонниками вновь провозглашенного хана («разбрелись в разные стороны»).

Теперь рассмотрим имеющийся в наличии нумизматический материал, относящийся к началу правления Бек-Булата.

Можно согласиться с А.Г. Мухаммадиевым, писавшим, что «монеты Бик-Булата чеканены после разгрома Тамерланом Токтамыша на реке Кундурче 18 июня 1391 г.» [9, с. 99], и достаточно уверенно отнести начало его достоверно установленного правления к 793 г.х. (лето 1391 г.).

В «Инвентарном каталоге мусульманских монет Императорского Эрмитажа» А.К. Маркова сарайские эмиссии этого хана не упомянуты [7, с. 491], отсутствуют они и в названной выше статье К.К. Хромова. И.М. Миргалеев в 2004 году так же не знал о существовании дангов Бек-Булата с обозначением места чекана как Сарай ал-Джадид [8, с. 146].

По положению на 2015 г. автору известны четыре экземпляра такого типа дангов (Рис 1), отчеканенных одной парой штемпелей. Строго говоря, до накопления необходимого для надежных заключений нумизматического материала, нельзя утверждать, что эти монеты бились именно в Сарае, ибо, как правильно заключил Л.Б. Добромыслов, «существует две атрибуции у каждой монеты – формальная (почерпнутая из прочтения монетных легенд) и фактическая (уточняющая истинное место, а иногда и время чеканки, и даже эмитента)» [5, с. 28]. Однако «формальная атрибуция», которая в данном случае пока не опровергнута «фактической», позволяет на данном этапе утверждать, что сведения письменных источников о захвате Бек-Булатом Сарая получают и нумизматическое подтверждение.

Рис. 1. Данг хана Бек-Булата с обозначением места чекана Сарай ал-Джадид.
В = 1,17 г; Д = 17 мм; zeno.ru #105437.

793 г.х. датированы данги «чекана Орду ал-Джадид», неоднократно описанные в литературе, в т.ч. и К.К. Хромовым. Данг этого типа воспроизведен на Рис. 2.

Рис. 2. Данг хана Бек-Булата с обозначением места чекана Орду ал-Джадид
и датой 793 г.х. В = 1,15 г; Д = 16,5 × 14,5 мм.

Монеты Бек-Булада, чеканенные в Орду, в недавней статье К.К. Хромова отсутствуют, но упомянуты (без прорисовок) в классических трудах Х.М. Френа [25, № 2, с. 357] и А.К. Маркова [7, № 1229, с. 491]. Поэтому необходимо не только воспроизвести фотоизображение этого типа, но и расписать легенды реверса. На Рис. 3 приведен экземпляр этого типа.

Рис. 3. Данг хана Бек-Булата с обозначением места чекана Орду и датой 793 г.х.

Легенда его реверса выглядит так:

Rs. ضرب/ اوردو/ في سنة ٧٩٣

Перевод: ЧЕКАН ОРДУ В ГОДУ 793.

Существует еще один тип дангов, имеющий отношение к рассматриваемым событиям (Рис. 4).

Рис. 4. Данг хана Булата, отчеканенный в Азаке ал-Махруса.
В = 1,4 г; Д = 17 × 15,7 мм.

Этот тип известен с XIX века – он был опубликован еще Х.М. Френом (без прорисовки) и атрибутирован им как монета Бек-Булата. Великий нумизмат прочел год на монете как 716 и предположил, что это 796 год [25, № 9, с. 359]. П.С. Савельев расписал легенды этого монетного типа и также предложил прочтение года как 796 (по единственной сохранившейся на монете цифре) [16, с. 141]. В каталоге А.К. Маркова этот тип отсутствует [7, с. 491], Ю.Е. Пырсов разместил этот данг под № 395, называет его почему-то не опубликованным и датирует 794 г.х. [14, № 395, с. 38]. Здесь же под номером 394 размещена еще одна монета, которая приписана Бек-Булату – «Чекан/ Азак ал-Махруса/ 497» [14, № 394, с. 38]. Судя по приведенной прорисовке, такая атрибуция ошибоч-

на, на самом деле Ю.Е. Пырсов с преобладающей вероятностью прорисовывал данг хана Шадибека чекана Азак ал-Джадид.

На Рис. 5 дано увеличенное изображение даты на нижней части реверса одного из дангов рассматриваемого типа. Автор склонен видеть в крайней правой цифре «тройку», развернутую влево, – на приведенном изображении различим средний «зубчик» арабской цифры. То есть на этом типе указана дата 793 г.х., как и на дангах, битых в Орду и Орду ал-Джадид.

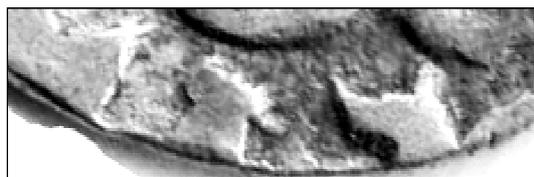

Рис. 5. Увеличенное изображение даты на одном из дангов хана Бек-Булата, отчеканенных в Азаке ал-Махруса.

В рассматриваемой эмиссии есть еще одна загадка, которая требует детального осмысления. П.С. Савельев совершенно правильно, по мнению автора, реконструировал легенду аверса этих монет (приведена ниже по строкам) и предложил ее перевод [16, № 327, с. 141].

Av. ن
 اللط لعا
 بولاد خان
 خلد الله ملكه

Перевод: СУЛТАН ПРА[ВОСУДНЫЙ]/ БУЛАД ХАН/
 ДА ПРОДЛИТ БОГ ЦАРСТВО ЕГО.

Х.М. Френ рассматривал как теоретически возможный вариант, что последнее слово второй строки может быть искаженным بك [25, № 9, с. 359], но изучение нумизматического материала практически исключило такую возможность.

Таким образом, имя хана на этой эмиссии приведено как بولاد, тогда как на других монетах, приписываемых Бек-Булату, оно написано как بيك بولاد. В научной литературе этот казус не нашел должного рассмотрения.

Впрочем, автор полагает, что отнесение дангов с именем хана «Булад» к выпускам Бек-Булата вполне оправданно. Эта азакская эмиссия 793 г.х. характеризуется определенной «небрежностью» выпуска и большим количеством отчеканенных монет (из всех типов монет Бек-Булата именно этот является сегодня наиболее часто встречаемым). Можно предположить прямую связь между этими двумя обстоятельствами – азакскому двору было необходимо срочно (для выплаты войскам, к примеру) осуществить значительную по объему эмиссию. Вполне возможно, что производство организовывалось вскоре после восшествия «оглана Булата» на престол, и его имя было написано на монетах так, как оно было известно администрации монетного двора.

Необходимо заметить, что на джучидских монетах имеют место разного рода казусы с написанием имени правящего хана. Так, к примеру, на Рис. 6

приведен данг хана Тимур-Кутлуга чекана Орду ал-Джадид 802 г.х., где имя хана *تيمور قو تلو* написано как *تيمور قو*. Известны и данги 801 г.х. с таким вариантом написания имени.

Рис. 6. Данг хана Тимур-Кутлуга, отчеканенный в Орду ал-Джадид в 802 г.х.
В = 1,1 г; Д = 15 × 17 мм.

Таким образом, данги азакского двора с написанием «Булад» могут быть датированы 793 г.х. и отнесены к началу царствования Бек-Булата.

Подводя предварительный итог, можно сказать, что сведения нумизматических источников о начале правления Бек-Булата в целом согласуются с данными письменных источников.

Дальнейшие события, по Ибн Халдуну, развивались так.

«Токтамыш пришел в Сарай и опять завладел им. Оглан Булат бежал в Крым и овладел им. Токтамыш выступил против него с войсками и осадил его (Крым). Вслед за тем явился в Сарай сын Урусхана и овладел им. Тогда Токтамыш возвратился (туда) и вырвал его (Сарай) из рук его. Войско его (Токтамыша) продолжало идти в Крым и возобновило осаду его, пока наконец не овладело им. Он (Токтамыш) одержал верх над Оглан Булатом и убил его» [18, с. 393].

Нумизматические данные подтверждают и дополняют эти сведения.

На Рис. 7 воспроизведен данг с обозначением места выпуска как «Ал-Махруса Крым». Монета датирована на лицевой стороне 794 г.х. (29 ноября 1391 – 16 ноября 1392), что коррелирует с рассказом Ибн Халдуна.

Рис. 7. Данг хана Бек-Булата с обозначением места чекана Крым ал-Махруса и датой 794 г.х. В = 1,11 г; Д = 16 × 15 мм.

Война между Токтамышем и Бек-Булатом в Крыму, как свидетельствуют письменные источники, заняла довольно продолжительный отрезок времени. Это, как видится, отражено и на монетах. На Рис. 8 дано фотоизображение монеты Бек-Булата, «чеканенной в области» с титулом «султан» на аверсе. Штемпелем ее лицевой стороны бились и данги с обозначением места чеканки Крым ал-Махруса.

Рис. 8. Данг хана Бек-Булата с титулом «султан», датой 794 на аверсе и легендой на реверсе «отчеканено в области». В = 1,19 г; Д = 16 × 15 мм.

На Рис. 9 воспроизведен данг, также «чеканенный в области», но титул Бек-Булата на его аверсе дан как «султан справедливый».

Рис. 9. Данг хана Бек-Булата с титулом «султан справедливый» и легендой на реверсе «отчеканено в области». В = 1,17 г.

Лицевым штемпелем данга на Рис. 9 бился и редкий монетный тип, воспроизведенный на Рис. 10. Здесь на реверсе отсутствует обозначение места чекана и приведен текст мусульманского символа веры.

Рис. 10. Данг хана Бек-Булата с титулом «султан справедливый» и мусульманским символом веры на реверсе. В = 1,17 г.

Как понимать этот тип? Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что «помещение религиозных надписей на монетах Токтамышша было связано с какими-то централизаторскими устремлениями Токтамышша, пренебрегшего на монетах городским началом и выпускавшего собственно ханско-мусульманские монеты» [21, с. 26]. Применительно к ситуации, в которой Бек-Булат оказался в Крыму, говорить о его каких-то централизаторских устремлениях вряд ли возможно – просто не до того ему было в борьбе с войсками Токтамышша – поэтому ими нельзя объяснять факт существования «ханско-мусульманских» монет Бек-Булата.

Как вариант объяснения можно предположить, что данги, помещенные на Рис. 7–10 чеканились от имени Бек-Булата на территории Крыма на одном монетном дворе, который вынужденно перемещался по полуострову вместе с ханом в связи с ходом военных действий. По ряду соображений писать «чекан Орду» (т.е. кочевой ставки хана) не хотели, отсюда – и мусульманский символ веры на одном из типов монет Бек-Булата.

Хан Токтамыш писал в ярлыке Ягайло: «Бог нас пожаловал, предал нам враждующих Угланов и Беков, из коих главные Бекбулат, Ходжа Медин, Бекгич и Турдучак Берди Давуд» [1, с. 51]. «Ярлык Тохтамышша на западно-русском наречии» и здесь добавляет подробности: «Бог нас пожаловал опять, наши неприятели-ворози, дал нам всех у наши руки. Мы их сказнили так, што опять не будут нам пакостити» [1, с. 22].

Процитированные фрагменты можно понимать так, что Бек-Булат не был убит в бою в ходе осады или захвата города, а именно захвачен и «сказнен» Токтамышем. Если это так, то ярлык Токтамышша подтверждает высказанную выше версию о чеканке дангов на Рис. 4–7.

В настоящее время Л.Б. Добромысловым производится изучение дангов Бек-Булата методом поштемпельного анализа; результаты этой работы, когда/если они будут опубликованы, могут подтвердить, подкорректировать или, наоборот, опровергнуть высказанные выше соображения.

И.М. Миргалеев полагает, что Бек-Булат «был ликвидирован» весной 1392 года [8, с. 147]. М.Г. Сафаргалиев не называл точной даты «ликвидации» Бек-Булата, но выдвинул предположение, что «сохранившийся ярлык Тохтамышша, данный 10 сентября 1392 г. одному из крымских феодалов Бек-Хаджию, позволяет нам раскрыть более подробно обстоятельства, обеспечившие победу Тохтамышша над новым ханом». Токтамышу пришлось раздавать тарханные ярлыки местной крымской аристократии, чтобы привлечь ее на свою сторону путем предоставления им разных льгот. «Образцом подобных грамот может служить ярлык Тохтамышша на имя Бек-Хаджи, по которому он «отныне и вперед» освобождался от всех государственных повинностей и делался «вольным тарханом» [17, с. 159]. Впрочем, можно предположить, что Токтамыш раздавал тарханные ярлыки своим сторонникам в знак благодарности уже после победы над противником.

Подводя итог анализа политической карьеры Бек-Булата, на основании имеющихся на настоящий момент в нашем распоряжении письменных и нумизматических источников правление этого хана надежно датируется 793–794 гг.х. (примерно: середина 1391 – середина 1392 г.). Другие даты, называемые учеными, основываются на некорректном использовании нумиз-

матических материалов. Вопрос о существовании «первого» царствования Бек-Булата остается пока открытым.

В заключение автор выражает благодарность нумизматам-исследователям В.Г. Шапошнику (Харьков), К.М. Петрунину (Москва), Л.Б. Добромыслову (Москва) и А.А. Свиридову (Воронеж) за предоставленные для изучения данги и высококачественные изображения монет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березин И.Н.* Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш хана к Ягайлу. Казань: Типография Н. Коковина, 1850. 72 с.
2. *Гаев А.Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов: Нумизматический сборник. Вып. IV. Т. 3. М.: Информелектро, 2002. С. 9–55.
3. *Гайваронский О.* Повелители двух материков. Т. 1. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев: Майстерня книги, 2010. 400 с.
4. *Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б.* Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 21. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 3–24.
5. *Добромыслов Л.Б.* Штемпельный анализ монет Токтамыша в Орду и Орду ал-Му'аззам в последнем десятилетии XIV века // Нумизматика Золотой Орды. Научный ежегодник. 2014. № 4. С. 22–31.
6. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.
7. *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 879 с.
8. *Миргалеев И.М.* К вопросу о Бек Булате – Бек Пуладе // Научный Татарстан. 2004. №. 1/2. С. 145–149.
9. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 166 с.
10. *Пономарев А.Л.* «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Вып. 2. Казань, 2011. С. 18–21.
11. *Похлебкин В.В.* Татары и Русь: 360 лет отношений, 1238–1598 гг. Справочник. М.: Международные отношения, 2000. 192 с.
12. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
13. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 1. Одесса: Типография Л. Нитче, 1867. 156 с.
14. *Пырсов Ю.Е.* Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 64 с.
15. *Сабитов Ж.М.* Генеалогия Торе. 3-е изд., доп. и перераб. Астана, 2008. 326 с.
16. *Савельев П.С.* Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Выпуск второй. СПб., 1858. 340 с.

17. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 278 с.

18. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. [Сост. В. Тизенгаузен]. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 563 с.

19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений / [сост. и обраб. В. Тизенгаузен, А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин]. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. 307 с.

20. Селезнев Ю.В. Золотоордынские военачальники конца XIV – начала XV вв. и их родственные связи // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 2. Казань: Фэн, 2009. С. 181–185.

21. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

22. Хромов К.К. Серебряные монеты с именем Бек-Булада // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Ч. 3. Улус Джучи, Крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. Киев: Логос, 2013. С. 38–44.

23. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

24. *Album S.* Checklist of Islamic Coins. 3rd edition, 2011. 324 p.

25. *Fraehn Ch.M.* Recensio numorum Muhammedanorum. Academiae imp. scient. Petropolitanae. Petersburg, 1826. 745 p.

26. zeno.ru – Oriental Coins Database [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.zeno.ru>

Сведения об авторе: Юрий Валентинович Зайончковский – доцент кафедры украиноведения Харьковского национального университета строительства и архитектуры (61002, ул. Сумьска, 40, Харьков, Украина). E-mail: zyv_kharkov@mail.ru

Поступила 13.06.2016 г.

Принята к публикации 05.08.2016 г.

REIGN OF JOCHID KHAN BEG PULAD ACCORDING TO WRITTEN AND NUMISMATIC SOURCES

Yu. V. Zayonchkovskiy

Kharkov National University of Construction and Architecture

Kharkov 61002, Ukraine

E-mail: zyv_kharkov@mail.ru

The Golden Horde khan Bek-Bulat's reign is still representing the subject of debate despite both the fact that the name of this Jochid often occurs in the pages of historical and numismatic researches and the existence of separate research articles devoted to him and his coins.

The **purpose** of this paper is to analyze the political career of Bek-Bulat according to written and numismatic sources. Its *objective* is to reasonably present the chronology of his reign (including consideration of the issue of his "first" reign).

Materials and methodology of the present study. The article contains high-quality enlarged images of the dangs of this khan with metrology (most of these images have been introduced into the academic circulation for the first time). The author uses these images as sources for reconstruction (or reconstruction's verification) of historical events and identifies the main types of Bek-Pulad's silver coins including a previously unknown type of this khan's dangs with a designation of minting place in Saray al-Jadid. The author analyzes the type of Azak mint's dangs with spelling of the khan's name as "Bulad". He reads their date as 793 AH and dates this emission back to the beginning of Bek-Bulat's reign

Results of the study. Oglan Bek-Bulat commanded the Tokhtamish's troops in 1386 and 1391. After the defeat of the Golden Horde army in the Battle of the Kondurcha River, in summer 1391 Bek-Bulat was proclaimed a khan. The ensuing war between Tokhtamish and Bek-Bulat lasted quite a long time and ended with the death of the latter in the Crimea.

Conclusions. The author dates the reign of Bek-Pulad back to 793–794 AH (approximately the middle of 1391 – mid–1392 AD). Other dates indicated by scholars are based on the incorrect use of numismatic material. The question of the "first" reign of Bek-Bulat still remains open.

Keywords: Jochids, numismatics, Bek-Pulad, Tokhtamish, dang, Saray al-Jadid, Azak, Ordu, Ordu al-Jadid.

For citation: Zayonchkovskiy Yu.V. Reign of Jochid Khan Beg Pulad according to Written and Numismatic Sources. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 534–551.

REFERENCES

1. Berezin I.N. *Khanskie yarlyki. I. Yarlyk Tokhtamysh khana k Yagaylu* [The Khans' Yarlyks. I: Khan Tokhtamish's Yarlyk to Jagiello]. Kazan, Tipografiya N. Kokovina Publ., 1850. 72 p. (In Russian)
2. Gaev A.G. Genealogiya i khronologiya Dzhuchidov. K vvyasneniyu rodosloviya numizmaticheski zafiksirovannykh praviteley Ulusa Dzhuchi [Genealogy and Chronology of the Jochids. Clarification of Genealogy of the Numismatically Recorded Rulers of the Jochid Ulus]. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov: Numizmaticheskiy sbornik* [Antiquities of the Volga and Other Regions: Numismatic Collection]. Is. IV. Vol. 3. Moscow, Informelektro Publ., 2002, pp. 9–55. (In Russian)
3. Gayvaronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov*. Vol. 1. *Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasledstvo Velikoy Ordy* [Lords of the Two Continents. Vol. 1: The Crimean Khans of the 15th–16th centuries and the Struggle for the Legacy of the Great Horde]. Kyiv, Maysternya knigi, 2010. 400 p. (In Russian)
4. Grigor'ev A.P., Telitsin N.N., Frolova O.B. Nadpis' Timura 1391 g. [Timur's Inscription of 1391]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of History of Asia and Africa]. Is. 21. St. Petersburg, St. Peterburg State Institut. Publ., 2004, pp. 3–24. (In Russian)
5. Dobromyslov L.B. Shtempel'nyy analiz monet Toktamysya v Ordu i Ordu al-Mu'azzam v poslednem desyatiletii XIV veka [Stamp Analysis of the Tokhtamish's Coins in Ordu and Ordu al-Mu'azzam in the last decade of the 14th century]. *Numizmatika Zolotoy Ordy. Nauchnyy ezhegodnik* [Golden Horde Numismatics. Research Annual]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History, 2014, no. 4, pp. 22–31. (In Russian)
6. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoy letopis'yu. [The Chronicle Collection Called Patriarch or Nikon Chronicle] *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1897. 254 p. (In Russian)

7. Markov A.K. *Inventarnyy katalog musul'manskikh monet Imperatorskogo Ermitazha* [Inventory Catalog of Muslim Coins of the Imperial Hermitage]. St. Petersburg, 1896. 879 p. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M. К вопросу о Bek Bulate – Bek Pulade. [To the Question of Bek Bulat – Bek Pulad]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. Kazan, 2004, no. 1/2, pp. 145–149. (In Russian)
9. Mukhamadiev A.G. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv.* [Bulgar-Tatar Monetary System of the 12th–15th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 166 p. (In Russian)
10. Ponomarev A.L. «Solkhatskaya voyna» i «imperator» Bek Bulat [The “Solkhatskaya War” and “Imperator” Bek Bulat] *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy», posvyashchennaya pamyati M.A. Usmanova. Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [Golden Horde Legacy. Proceedings of the Second International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde” Dedicated to the Memory of M.A. Usmanov. Kazan, March 29–30, 2011]. Is. 2. Kazan, 2011, pp. 18–21. (In Russian)
11. Pokhlebkina V.V. *Tatary i Rus': 360 let otnosheniy, 1238–1598 gg. Spravochnik* [Tatars and Russia: 360 Years of Relations, 1238–1598. Directory]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2000. 192 p. (In Russian)
12. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [The Law of the Golden Horde]. Kazan, Fen Publ., 2009. 260 p. (In Russian)
13. *Puteshestviya Ivana Shil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike, s 1394 goda po 1427 god* [Johann Schiltberger's Travels through Europe, Asia and Africa, from 1394 up to 1427]. Perevel s nemetskogo i snabdil primekhaniyami F. Brun. Zapiski imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta. Vol. 1. Odessa, Tipografiya L. Nitche, 1867. 156 p. (In Russian)
14. Pырsov Yu.E. *Katalog dzhuchidskikh monet Saratovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Catalog of Jochid Coins of Saratov Regional Museum of Local History]. Kazan, Kazan State Institut. Publ., 2002. 64 p. (In Russian)
15. Sabitov Zh.M. *Genealogiya Tore* [Genealogy of Tore]. 3-e izd., dop. i pererab. Astana, 2008. 326 p. (In Russian)
16. Savel'ev P.S. *Monety Dzhuchidskie, Dzhagatayskie, Dzhelairidskie i drugie, obrashchavshiesya v Zolotoy Orde v epokhu Tokhtamysha* [Jochid, Chaghataid, Jalayrid and Other Coins Circulated in the Golden Horde during the Era of Tokhtamish Khan] Is. 2. St. Petersburg, 1858. 340 p. (In Russian)
17. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [Dissolution of the Golden Horde]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe Publ., 1960. 278 p. (In Russian)
18. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Vol. 1. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Volume 1. Extracts from Arab Writings]. [sost. V. Tizengauzen]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1884. 563 p. (In Russian)
19. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Vol. 2. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Volume 2. Extracts from Persian Writings]. [sost. i obrab. V. Tizengauzen, A.A. Romashevich, S.L. Volin]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 307 p. (In Russian)
20. Seleznev Yu.V. *Zolotoordynskie voenachal'niki kontsa XIV – nachala XV vv. i ikh rodstvennyye svyazi* [Golden Horde Generals of the end of the 14th – beginning of the 15th centuries and Their Family Ties] *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected Papers]. Is. 2. Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 181–185. (In Russian)
21. Fedorov-Davydov G.A. *Denezhnoe delo Zolotoy Ordy* [Monetary Industry of the Golden Horde] Moscow, Paleograf Publ., 2003. 352 p. (In Russian)

22. Khromov K.K. Serebryanye monety s imenem Bek-Pulada [Silver Coins with the Name of Bek-Pulad]. *Vostochnaya numizmatika v Ukraine. Sbornik publikatsiy*. Part 3. *Ulus Dzhuchi, Krymskoe khanstvo i sopredel'nye gosudarstva v XIII–XVIII vv.* [Oriental Numismatics in Ukraine. Collected Papers. Part 3: The Jochid Ulus, the Crimean Khanate and the Neighboring Countries in the 13th–18th centuries]. Kyiv, Logos Publ., 2013, pp 38–44. (In Russian)
23. Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: Time for Holidays, Time for Executions] St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 432 p. (In Russian)
24. Album S. *Checklist of Islamic Coins*. 3rd edition, Santa Rosa, CA, Stephen Album Rare Coins, 2011. 324 p.
25. Fraehn Ch. M. *Recensio numorum Muhammedanorum*. Academiae imp. scient. Petropolitanae. Petersburg, 1826. 745 p. (In Latin)
26. zeno.ru – *Oriental Coins Database*. Available at: <http://www.zeno.ru>

About the author: Yuriy V. Zayonchkovskiy – Associate Professor, Department of Ukrainian Studies, Kharkov National University of Construction and Architecture (40, Sumska Str., Kharkov 61002, Ukraine). E-mail: zyv_kharkov@mail.ru

Received June 13, 2016

Accepted for publication August 5, 2016

УДК 94(47).042

НАБЕГ ИСЛАМ-ГИРЕЯ И САФА-ГИРЕЯ НА «БЕРЕГ» ЛЕТОМ 1533 Г.

В.В. Пенской¹, Т.М. Пенская²

^{1,2} *Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

308015, Белгород, Российская Федерация

¹ *E-mail.ru: penskoy@bsu.edu.ru*, ² *E-mail.ru: penskaya@bsu.edu.ru*

Убийство ногайскими мирзами крымского хана Мухаммед-Гирея I в Астрахани в 1523 г. и последовавшее за этим опустошении ногаями Крыма нарушили хрупкий баланс сил и интересов влиятельных крымских кланов и привели к долгой и кровопролитной крымской «замятне», которая продлилась полтора десятка лет.

Цель: проанализировать набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на русские земли летом 1533 г.

Материалы исследования: акты, относящиеся к истории Западной Сибири, русские летописи, литовско-белорусские летописи, разрядные книги.

Результаты и научная новизна: в своем военном походе Ислам-Гирей и Сафа-Гирей опирались не только на поддержку расколовшейся на враждебные группировки крымской аристократии, но и на помощь Стамбула, Вильно и Москвы. Последние стремились использовать крымскую усобицу в собственных интересах, стравливая враждующие крымские «партии» и пытаясь направить их энергию вовне, на своих противников. В результате целеустремленная до этого внешняя политика Крымского ханства утратила свою цельность и стала подобна флюгеру, поворачивающемуся вслед за дуновением ветров. Тактические соображения, погоня за сиюминутной выгодой пришли на смену достаточно четкому и уверенному внешнеполитическому курсу Менгли-Гирея I и Мухаммед-Гирея I.

Как итог, никто из соседей Крыма не был застрахован от внезапного нападения со стороны почувствовавших волю татарских «кланов, князей и мурз» и их людей, готовых рискнуть своей свободой, а то и жизнью, ради богатой добычи, «животов» и ясыря, которые можно было взять в случае удачи у застигнутых врасплох соседей. На русско-литовско-крымском пограничье все эти годы постоянно клубились тучи, время от времени разражавшиеся грозой. Одной из таких гроз стал приход Ислам-Гирея и его двоюродного брата Сафа-Гирея на государеву Украину летом 1533 г.

Ключевые слова: Россия, Крым, русско-крымские отношения в 1-й пол. XVI в., Василий III, крымские Гиреи, русско-крымские войны.

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. Набег Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на «берег» летом 1533 г. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 552–569.

Лето 7041 г. от сотворения мира (1533 г. от рождества Христова) выдалось богатым на всякие неприятности, отмеченные русскими книжниками. 23 июня, во второй половине дня («в 11 час дни») на Москву обрушилась сильнейшая гроза, после которой, как писал пожелавший остаться неизвестным летописец, «не бысть дождя до сентября месяца, но засуха и мгла велия, акы дым горка,

леса выгореша и болота водные высохша, и солнце в 3 часа дни явльшеся красно, и луч сияше от него красен чрез весь ден». Новгородский же книжник к этому добавлял, что «множество изомроша скота по селам от жажды водныя, ... и во мнозех местех села выгореша и со скоты». Мгла от лесных и торфяных пожаров покрыла все и вся, и была порой столь густой, «якоже и птиц не видети по воздуху парящих, а человек человека в близи не узрит». Прошло несколько дней, и «явися на небеси звезда велика и испущаше от себе луч велик». И это было не последнее грозное предзнаменование этого года – «того же лета, августа в 19, в первом часу дни солнце гibly до шестого часа дни» [16, с. 551–552; 18, с. 283; 23, с. 266]. Подытоживая ожидания от всех этих природных явлений, летописец записал – «людие же поразсудив, и глаголаху в себе, яко быти во царстве пременению некоему...» [16, с. 553].

И в довершение всех бед «прииде к великому князю весть с Поля, месяца августа в 12 день (согласно Постниковскому летописцу – 11 августа, а Воскресенская летопись датирует это событие 14-м августа – В.П., Т.П.), за три дни до Оспожина дни, что к Рязани идут безбожнии татаровя крымские» [16, с. 552; 17, с. 17; 18, с. 283; 51. Ср.: 23, с. 266]. Воскресенская летопись, более словоохотливая по сравнению с другими летописями, сообщала, что вестником, принесшим новость о приближении татар, был служилый татарин Неболса Тулушыков. Возвращаясь из Валахии, куда он ездил с великокняжеской грамотой тамошнему воеводе, на Волчьих водах Неболса был перехвачен татарским дозором и доставлен к калге-наследнику крымского стола Ислам-Гирею [13, с. 264].

Оказывается, на пути великокняжеского гонца разбили свой лагерь калга и его двоюродный брат, бывший казанский «царь» Сафа-Гирей со своими нукерами, «а жжидаются с людми», намереваясь совершить набег на государеву украину. «И Ислам Неболсу издержал, – продолжал далее летописец, – а к великому князю вьскоре вести ради не отпусти, правду свою порушил, и измену учинил» [18, с. 283]. Лишь достигнув Северского Донца (на переправах через него?), Ислам отпустил татарина, который и поспешил на Москву с недоброй вестью. Помимо всего прочего, Небольса сообщил также, что «Ислам царь, и Сафа Кирей царь и иные царевичи крымские со всеми крымскими людми, да и прибылние с ними люди многие, идут на великого князя украину на Рязань» [18, с. 283].

Какую измену учинил Ислам-Гирей и какую правду перед Василием III он нарушил? И как оказались на Волчьих водах два татарских царевича? И почему они решили отправиться в жаркое и сухое лето 1533 г. войной на государеву Украину? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вернуться на несколько лет назад, в 1527 г., когда Ислам-Гирей, совершив неудачный набег на русское пограничье (и о котором мы писали прежде), вернулся обратно в Крым.

Этот неудачный поход положил конец шаткому перемирию, установившемуся было меж враждующих крымских «партий». Вскоре после возвращения калги из набега приугасшая было крымская «замятня» полыхнула снова, и как! Похоже, что Саадет-Гирей ждал, пока племянник оступится, и как только это произошло, не замедлил толкнуть падающего. Не ожидавший такого вероломства со стороны дяди, Ислам-Гирей был наголову побит, и, бросив свои «животы» на поживу победителям, сам-друг бежал к великому литовскому князю Сигизмунду I, рассчитывая на помощь его и бывшего хана

Большой Орды Шейх-Ахмеда, который на правах то ли гостя, то ли заложника обретался в Литве. Стоявшие за спиной Ислам-Гирея князь Мемеш, Айдешка-мурза и ряд других знатных татарских аристократов были схвачены и по приказу Саадет-Гирея казнены. Об этом хан не преминул сообщить в марте 1528 г. Василию III, настаивая на обмене «большими» послами и установлению дружеских отношений между Москвой и Кыркорм (не иначе, как Саадет-Гирей, опершись на «московскую» партию, рассчитывал теперь воспользоваться поддержкой Василия III в борьбе с непокорными князьями и племянником) [См.: 13, с. 251–252; 26, с. 59; 28, с. 107–108; 30, р. 453–454; 31, р. 68–69; 32, р. 469, 477, 478, 479, 480, 482, 488, 489, 490].

Однако Саадет-Гирей рано праздновал победу. Его племянник в борьбе за власть (за «столець господарьский, отъца своего отъчизный») и до этого проявил недюжинную изворотливость и настойчивость, не пренебрегая ничьей помощью и поддержкой ради достижения своей цели (эту бы энергию да на благие цели!). Не стал изменять своей натуре он и на этот раз. Ислам-Гирей фактически согласился стать вассалом Сигизмунда Старого (как говорилось в королевском наказе посланному к Ислам-Гирею великокняжескому гонцу М. Заморенку, «называючи собе господаря нашего отъцом», почему Сигизмунд и готов был принять беглого калгу «в ласку свою, как то отец сына своего» [32, р. 468]). А «ласка» эта выразилась прежде всего в том, что, во-первых, Сигизмунд ответил согласием на просьбу Ислам-Гирея дать ему людей «з делы» и наказал «знакомитому пану Михаилу Григоревичу» «со всех городов и волостей украинских» «собрати люди челновые», «немалыи почоть люди з гокавницами и з ручьныцами, и з иньшими бронями». А во-вторых, Сигизмунд Ислам-Гирею и его людям «кожухи на зиму подавал, а на лето сукъни», разрешив, помимо всего прочего, кочевать ему и его людям «подле Черькас», о чем и был в октябре 1528 г. послан соответствующий «лист» старому «знакомцу» царевича каневскому и черкасскому старосте О. Дашкевичу [1, с. 190; 32, р. 469, 477–478, 480].

Более того, вступив в переписку с Шейх-Ахмедом, Ислам-Гирей сумел договориться со злейшим врагом дома Гиреев о совместных действиях против своего дяди. Зимой 1527/1528 гг., как писал Шейх-Ахмед Сигизмунду позднее, «Осьламъ, царь, своего одного князя Бабая (сын покойного Мемеша – *В.П., Т.П.*) ко мьне присылал и рокъ (время сбора – *В.П., Т.П.*) положыл, ижъ мел я к нему быти весною». И Шейх-Ахмед, во исполнение договоренности, прибыл к Ислам-Гирею «з малыми людми», а именно с Ибаком-сеидом, князем Тохтамышем и князем Ямгурчи и другими «князи, вланы, всех на трыста». Более того, астраханский «царь» Касым отписывал Сигизмунду, что де «отъцу нашему Шыг Ахмату такъ ся повидело, што поехал, а нас тут на отъчизне зоставил. А мы тут поготову на конех седимъ, которая весть отъ него будетъ до нас, хочемъ его прыятелю прыятелем быти, а не прыятелю не прыятелем» [32, с. 488–489].

Одним словом, Ислам-Гирею удалось заручиться поддержкой Сигизмунда I и договориться о совместных действиях против дядюшки с Шейх-Ахмедом (и то, что Ахматович был наследственным врагом Гиреев, его совершенно не смущало – в борьбе за власть Ислам не собирался стесняться в выборе средств). При том, что в Крыму у него оставалось немало могущественных сторонников, шансы на успех в новом раунде противостояния у него

были, и немалые. И Саадет-Гирей это прекрасно понимал, почему и писал Василию III – «и ты бы татаром не верил, их правде... Татаровя бога ся не блюдут, и правды в них нет, на правде не стоят» [Цит. по: 26, с. 59].

Судя по всему, летом 1528 г. (украинский исследователь Б.В. Черкас датировал это событие следующим, 1529 г. [28, с. 108]) Ислам-Гирей нанес контрудар. Позднее он сообщал Сигизмунду, похваляясь своими успехами, что де «тыми разы, отца нашего, вашимъ счастьем, в Перекопъ уехавшы, Садеть Кгирея, царя, погромил и люди его многии поразившы и вышли». При этом, продолжал Ислам-Гирей, он не собирался оставлять дядюшку в покое, ибо «все тамошньнии люди нас хотятъ». Многие татарские аристократы со своими людьми, писал калга, переезжают к нему, Ислам-Гирею, и его «милости, отъцу нашему» на службу, как это сделал «Давълетъ уланов ь сынъ, солтанъ Кул уланъ у головах и з ынъшыими» и «князя Обрагимовъ братъ Бабъке муръза у головах з ынъшыими» [32, с. 479, 480].

Правда, одержать окончательную победу на Саадет-Гиреем и на этот раз Ислам-Гирей не сумел. В августе 1529 г. крымский «царь» писал Василию III, если раньше он чувствовал себя на «стольце господарьском» неуютно, ибо «земля мешалась», то теперь, когда буря миновала, он крепко держит бразды правления в своих руках. Ему удалось договориться (при посредничестве турецкого посла Айдар-бека [14, с. 193]) об очередном примирении с племянником («нехаи паньство наше не гинеть, а мы межы себе зъєднаймо ся»), который в обмен на лояльность получил во владение Очаков с Перекопом и отправил от себя Дашкевича с его людьми [26, с. 59; 28, с. 108–109; 32, р. 480, 482, 483].

Однако, поспешив согласиться на щедрое предложение дяди, Ислам-Гирей попал в ловушку. Шейх-Ахмет, прознав про то, что его союзник тайно договорился с Саадет-Гиреем, поспешил вернуться за Волгу, обратившись за помощью «людми добрыми, а к тому дел и ручниц» к Сигизмунду с тем, чтобы потом самостоятельно «отъчизни свое искати под перекопъскимъ». Да и Сигизмунд также остался недоволен тем, что его попытались обвести вокруг пальца, почему он закрыл глаза на «шалости» браславского и винницкого «врадниковъ» Миколая и Семена. Последние, явившись под Очаков «в тысячу конех», внезапно атаковали людей Ислам-Гирея, «которые были с конми на поли», и этих людей, общим числом 260, побили (в том числе 93 «добрых знаменитых» татарина, и вдобавок ко всему еще и «князя Мемешова брата а князя Алдиярова брата, а князя Хасенова брата, Кул Ахметева брата, а Такътомъшь муръзу, князя Кечубанова брата, князя Балдеевы три брата, князя Тибенековы два брата, Акишь муръзыны чотыры брата, князя Бокиевы два мамъчычы, Шырынъского князя Бабаевы два мамъчычы»), а коней угнали. Это нападение Сигизмунд объяснил тем, что де посланные на помощь Ислам-Гирею не были извещены о том, что калга примирился с Саадет-Гиреем, потому де и «людеи твоих (Ислам-Гиреевых – *В.П., Т.П.*) погъромили, довънимаючы, абы то были люди неприятели твоего». При этом Сигизмунд сильно обиделся, что ислам-гиреевы татары, сидевшие тем временем в «замъку» и узнавшие о побитии их «братьи и племени», напали на торжествовавших победу Миколая и Семена со товарищи, и «тых людеи нашихъ побили и поимали» [32, р. 480, 481, 482, 483. Польскую версию событий см., например: 33, s. 322–324].

Оставшийся без союзников, Ислам-Гирей на время присмирел – с немногими оставшимися верными ему людьми в открытую противостоять дяде он не мог. Ему оставалось только ждать, пока недовольные правлением Саадет-Гирея князья и мурзы (те же Ширины) не попытаются выступить против хана. Крымский же «царь» тем временем пытался договориться с Василием III о возвращении в Крым имущества побитых в Москве после набега Ислам-Гирея татарских послов и о высылке в Крым «поминков» в том же размере, что и прежде [13, с. 253]. Демонстрируя свою приязнь (и в расчете на выполнение своих требований), Саадет-Гирей в ноябре 1530 г. шертовал Василию III, обещая «быть им в дружбе и любви; единодушно стоять противу польских королей и Ахматовых детей; российских земель и украинских городов невоевать; послов не грабить...» [10, с. 15].

Василий, зная о затруднительном положении хана, не торопился с исполнением его просьб, рассчитывая воспользоваться благоприятно складывавшимися обстоятельствами для того, чтобы решить «казанский вопрос». Весной 1530 г. большая русская конная и судовая рать двинулась на Казань. С ходу взять город не удалось, однако правивший в Казани племянник Саадет-Гирея Сафа-Гирей был вынужден вступить с Москвой в долгие и сложные переговоры. Одновременно Москва, умело играя на противоречиях внутри казанской правящей элиты, смогла создать условия для дворцового переворота в Казани, который и случился в начале 1532 г. [См.: 25, с. 64–66].

Тем временем Саадет-Гирей, не получая «поминков» ни из Москвы, ни из Вильно, сквозь пальцы смотрел на «инициативы» отдельных князей и мурз, отправлявшихся разжиться «животами» к соседям. Так, летом 1530 г. 650 татар попытались ополониться в Литве. Однако их там уже ждали, и давно – еще в конце 1529 г. Сигизмунд писал Дашкевичу, что «тотъ непрятель нашъ царь перекопский на то бурыцца, скоро с Осламом помирившы ся, хотят под тыи замьки наши поити воевати» [32, р. 495]. Воевода киевский А. Немирович и уже известный нам пограничный «барон», староста черкасский О. Дашкевич, отправили в погоню за неприятелем гетмана князя И. Дубровицкого во главе 1,5 тыс. «жольнеров, пенезных людей (т.е. наемников – *В.П., Т.П.*)», которые разгромили татар и отбили взятый ими полон [12, с. 170, 192, 213, 236; 33, с. 328].

Более удачным был набег, предпринятый царевичем Бачкаком зимой 1531 г. «на одоевские места и на тульские» (похоже, что царевич не даром ходил вместе с Ислам-Гиреем на Москву в 1527 г.). Бежавший из крымского плена полоняник Трофимко Рудаков сообщил в конце января 1531 г., что татары намерены напасть на окрестности Стародуба, и Василий отправил воевод в Козельск. Однако Бачкак с 5 тыс. всадников (?) 20 февраля внезапно появился юго-западнее Тулы и «роспустил войну» в окрестностях Белева, Одоева и Тулы. Василий III отдал приказ командовавшему козельской ратью князю И.М. Воротынскому спешно идти на помощь тульским воеводам, однако воеводы замешкались, и в итоге Бачкак, нахватав по быстрому ясыря, сумел уйти невредимым. Разгневанный медлительностью своих военачальников, великий князь наложил опалу на обоих воевод Большого полка, на Воротынского и окольного И.В. Ляцкого, и на 1-го воеводу Передового полка князя И.Ф. Овчину Оболенского [13, с. 256; 19, с. 78; 20, с. 218, 219, 220].

И, похоже, к весне 1531 г. в Крыму сложилась ситуация, аналогичная той, что была четырьмя годами раньше. Саадет-Гирей и поддерживавшие его сторонники примирения с Москвой почувствовали, что их положение становится все более и более шатким. Василий III не торопился слать большие поминки, ограничиваясь одними обещаниями да перепиской (а между тем вел дело к тому, чтобы прибрать Казань к своим рукам). Попытки надавить на Сигизмунда успеха не имели – набеги на сигизмундовы владения отражались (а московские воеводы, в отличие от литовских, допустили досадный прокол, имевший, как показали дальнейшие события, далеко идущие последствия). Разозленный меньшими, чем ожидалось, размерами присланных из Москвы подарков, Саадет-Гирей приказал ограбить русского посла С. Злобина. Сделав это, он отправил в Москву гонца с упреками за недостаточные, с его точки зрения, «поминки», оправдывая при этом свои действия по отношению к Злобину убийством крымских послов в Москве в 1527 г. [13, с. 255–256].

Но беда не приходит одна – пока хан размышлял, а не попытаться ли снова заручиться дружбой со стороны Вильно, против него созрел заговор. Стоявший во главе Ширинов Бахтеяр-мурза и его брат Аулияр-мурза, по сообщению русского посла в Крыму С. Злобина, задумали убить Саадет-Гирей. Так ли это было, или же Бахтеяр-мурзу с братом подставили «царский» брат Сахиб-Гирей, вернувший себе звание калги, брат главы рода Ширинов Токузак-мурза и собственный сын мурзы Юнус – сегодня уже выяснить трудно. Однако Саадет-Гирей, уверенный в том, что Бахтеяр и Аулияр намерены, устроив переворот, возвести на трон Бачкак-Гирей, а его брата Юсуфа сделать калгой, решил воспользоваться приглашением главы Ширинов посетить его столицу, Старый Крым. Окружив себя османскими янычарами и спахи, взяв с собою артиллерию, хан отправился в гости. Исход этой поездки был печален. Бахтеяр, Аулияр, Бачкак и Юсуф были казнены вместе с детьми и теми ширинскими мурзами, кто не успел бежать из города, а Сахиб-Гирей тем временем изгоном напал на ширинские кочевья [3, с. 178–179; 13, с. 258; 26, с. 59; 28, с. 109; 30, р. 454]. Очевидно, что эти весенние события 1531 г. имели самое непосредственное отношение к известию, которое было получено в конце июля того же года в Москве. Все тот же С. Злобин писал, что старый астраханский «царь» Касым пропал безвестно, а на его место сел Ислам-Гирей [4, с. 114]. Очевидно, что бегство бывшего калги было связано с неудачной попыткой дворцового переворота и истреблением Ширинов Саадет-Гиреем.

Однако долго в Астрахани Ислам-Гирей не задержался. Не прошло и нескольких недель после его воцарения, как ему пришлось бежать из Астрахани, а Касым вернулся на свое место. И, видимо, беглецы, подобные Исламу и ширинским мурзам, стали причиной тревог, что неоднократно поднимались на государственной Украине летом 1531 г. [См., например: 20, с. 221–222]. Сам же Ислам-Гирей, оказавшись в крайне сложной ситуации, попытался разыграть одновременно и московскую, и литовскую карту, вступив в переговоры как с Василием III, так и с Сигизмундом I на предмет получения убежища и помощи против Саадет-Гирей. В конце 1531 г. он отправил к Василию «князя своего Кудодара Кудьярова сына Бангозина» с посланием, в котором предложил великому князю дать ему «место» в своей земле, а он, Ислам-Гирей, за это согласен считать себя «сыном» Василия и «неотступен хочет быти от великого князя и до своего живота» [18, с. 278–279].

Лишний татарский царевич никогда не помешает, решил Василий III, тем более что удел у него выпрашивал претендент на крымский стол, почему на просьбу Ислама великий князь ответил добром, «пожаловал, и в братстве учинился и сыном его назвал». Сам же Ислам-Гирей шертовал великому князю в том, что «ему от великого государя и от его сына от князя Ивана Васильевича неотступно быти, и великому князю Василию и его сыну Ивану и их украинам лиха никоторого не чинити» [18, с. 279]. Примечательно, что несколько позже, в самом начале 1532 г., Ислам-Гирей со своими людьми прикочевал под Канев и Черкассы, откуда вступил в переписку с Сигизмундом. Король в феврале 1532 г., обращаясь к панам рады Великого княжества Литовского, писал, что татарский царевич «к нам ся склоняет и пишет до нас, жедаючи о помоч напротивку Садеть-Кирея, цара Перекопского, будучи тое надеи, ажбы мог того столца, отчызны свое дойти». При этом Сигизмунд указывал, что при Исламе находится московский посол, и московский великий князь одарил бывшего калгу богатыми подарками и «к нему ся залецает, абы он до него склонность мел» [2, с. 4, 5].

Пока же паны рада судили и рядили, как поступить с Исламом, Саадет-Гирей, прознав про то, что его племянник обосновался под Черкассами, решил разобраться с ним раз и навсегда. Собрав верных ему людей и взяв с собою свою османскую гвардию (М. Бельский писал, что у Саадет-Гирея было 1,5 тыс. янычар и 50 пушек), в марте 1532 г. хан явился под Черкассы и осадил замок. Ислам-Гирей, по словам М. Бельского, успел уйти в московские пределы, а О. Дашкевич со своими людьми сел в осаду и держался против татар и турок 13 дней, пока из Киева Днепром не прибыла помощь, и Саадет-Гирей был вынужден снять осаду [Об обороне Черкасс см., например: 27, с. 63; 29, с. 1055–1056]. Пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, Саадет-Гирей вступил в переговоры с Дашкевичем и даже побратался с ним, рассчитывая при помощи старосты найти общий язык с Сигизмундом. Однако это не помогло хану. Неудача под стенами Черкасс дорого стоила ему. Можно предположить, что уцелевшая к тому времени крымская аристократия (клан Кипчаков во главе с Селимшахом?), добившись от Саадет-Гирея устранения его брата Сахиб-Гирея (последний, оговоривший Селимшаха и ряд других князей, был отправлен ханом в Стамбул осенью 1531 г.), наметнула «царю», лишившемуся поддержки в лице удаленного калги и последних своих сторонников, что его дальнейшее пребывание на троне становится слишком тягостным для крымской «земли». В итоге в мае 1532 г. Саадет-Гирей отказался от власти и уехал в Турцию.

Торжествующий Ислам-Гирей занял было опустевший отцовский стол, но затем призадумался. Как писал В.Д. Смирнов, «зная связи Сеадет-Гирея в Стамбуле, он (Ислам-Гирей – *В.П., Т.П.*), естественно, думал, что ему даром не пройдет торжество на Сеадетом, тем более, что не все же татары были его сторонниками (в самом деле, если Ислам-Гирей опирался на Ширинов, а его дядя – на тех же Кипчаков и, возможно Мангытов, то следовало ожидать, что Ширины попытаются взять реванш, а это, естественно, было не по вкусу бывшим сторонникам Саадет-Гирея – *В.П., Т.П.*). Тогда, не будучи уверен в прочности своего положения и не дожидаясь, пока султан предпримет что-нибудь против него, Ислам-Гирей сам послал султану просьбу назначить ханом в Крым того, кого он хочет» [24, с. 304].

После недолгого раздумья султан Сулейман I решил, кого ему угодно видеть на крымском столе, и отправил туда обретавшегося под султанской рукой Сахиб-Гирея, вручив тому знаки своего монаршего благоволения – грамоту-маншур, бунчук и барабан. А чтобы у Ислам-Гирея и его сторонников не возникало сомнений относительно того, на чьей стороне его султанское величество, то Сахиб-Гирея сопровождал немалый отряд капькулу. Крымские и османские хронисты писали, что Сулейман передал Сахиб-Гирею не много ни мало, а 1000 стрелков-секбанов, 300 латников-спахи, 60 пушкарей, не считая прочих, составлявших свиту хана. К тому же султан пожаловал Сахиб-Гирею на содержание всего это воинства еще и немалую сумму т.н. «псарных денег», «секбан акчеси» [5, с. 48; 24, с. 307]. Правда, это войско, по замечанию В.Д. Смирнова, выполняло функции не только и даже не столько эскорта хана, но и конвоя, присматривавшего за тем, чтобы поставленный султанской волей крымский правитель не забывал, кому он обязан властью. Но об этом Сахиб-Гирей узнает позже, а пока он, торжествуя победу, начал обживать в ханской резиденции. Ислам-Гирей был вынужден удовольствоваться статусом наследника-калги и удалился в Ферах-Керман, где начал вынашивать планы продолжения борьбы за власть. В крымской «замятне» начался новый этап.

Наблюдая за тем, что происходило в 1531–1532 гг. на литовской Украине, мы совсем упустили из виду развитие событий на Украине московской. Пересылки летом – осенью 1531 г. между Василием III и Саадет-Гиреем завершились тем, сперва из Крыма в Москву прибыл ханский гонец Айкиш, сообщивший Василию III о том, что де «царь» ратифицировал шертную грамоту и собирается с походом на Сигизмунда I. Затем, 30 марта 1532 г. в русскую столицу вернулся С. Злобин, а вслед за ним «приидоша послы к великому князю на Москву ис Крыма, от Саидет Гирея царя, Авелших с товарищи». Вместе с ними в русскую столицу была доставлена долгожданная ханская шертная грамота [13, с. 261; 18, с. 79]. Крымский «царь», снова неуютно почувствовавший себя на троне, не стал настаивать на своем требовании «Магмет-Киреевой дани» и в преддверии нового витка борьбы за власть попытался опередить племянника в попытках заручиться поддержкой Москвы, не только утвердив шерт, но и предложив Василию III военный союз против Сигизмунда. Однако, как было сказано выше, это Саадет-Гирею не помогло – неудачный поход на Черкассы положил конец его пребыванию на крымском троне.

Слухи о переменах в Крыму подтвердились в августе 1532 г., когда оттуда вернулся ездивший к хану великокняжеский посланник Р. Писарев. Он сообщил великому князю, что «Саидет Гирея царя крымского на царство не прочат», да и ханская грамота, доставленная им и просившая Василия не отправлять «великого посла» в Крым, а отослать поскорее татарских послов, говорила сама за себя [18, с. 279]. В Москве же при первых известиях об очередном обострении борьбы за власть в Крыму (а тут еще Ислам-Гирей прислал Василию грамоту, в которой сообщил – Саадет-Гирей де намерен напасть на государеву Украину [6, с. 380; 13, с. 262; 23, с. 265]) поспешили принять соответствующие контрмеры. В конце июля 1532 г. от Серпухова до Коломны на берегу стояли 33 воеводы с цветом московского воинства – по меньшей мере, 20–25 тыс. «сабель и пищалей». Они наглухо перекрыли все броды через Оку. Еще 12 воевод (около 8–10 тыс. «сабель и пищалей») несли

службу на Рязанщине, а 7 (5–6 тыс. ратных людей) – на Угре [См., например: 29, с. 229–233]. Впечатленный великолепием и многочисленностью государственной рати, неизвестный русский книжник писал потом, что великий князь, готовясь к отражению набега, отправил на берег многих воевод, а с ними «княжат и дворян двора своего и детей боярских изо многих городов безчислено много; а наряд был великой, пушки и пищали, и ставлены на берегу на вылозех, от Коломны и до Коширы, и до Сенкина, и до Серпухова, и до Колуги, и до Угры, добре много, столко и не бывало...» [23, с. 266].

Правда, на этот раз столь масштабные военные приготовления Василия III оказались излишними – хотя перемена власти в Крыму и прошла относительно спокойно, татарам было не до организации большого похода на «московского». И, по нашему мнению, А.А. Зимин был неправ, полагая, что, возможно, поход Саадет-Гирея не состоялся в том числе и потому, что Василий III выставил на берегу Оки огромную рать. Вне зависимости от того, в мае ли, в сентябре ли 1532 г. Саадет-Гирей отрекся от престола и покинул Крым, летом 1532 г. ему было не до организации сколько-нибудь крупного похода на Москву или куда-нибудь еще. Неудача под Черкассами поставила крест на его политической карьере [6, с. 380]. Держать же огромную, по меркам того времени, рать против отдельных, решивших показаться на свой страх и риск мурз, было неразумно, и осенью полки были распущены. На Коломне да на Осетре, в новопостроенной крепости «у Николы» (будущий Зарайск) остались 8 воевод (не больше 4–5 тыс. «сабель и пищалей»), на Рязани 1 воевода да 4 головы вместе с ним (1,5–2 тыс. «сабель и пищалей») да в Туле еще около 1 тыс. ратных людей во главе с 3-мя воеводами [См., например: 19, с. 81].

Однако почивать на лаврах было рановато. Вынудивший своего дядю удалиться в Стамбул, Ислам-Гирей поспешил отправить в Москву «своего человека Маимуша з грамотою», а в той грамоте новый крымский «царь» сообщал Василию об изгнании Саадет-Гирея и о том, что теперь в Крыму новый владыка [18, с. 281]. Особой радости от этого известия Василий III и его бояре не испытали – регулярные сношения Ислам-Гирея с Сигизмундом I ни для кого не были секретом, равно как и абсолютная беспринципность и ненадежность нового хана, с легкостью забывавшего о своих обещаниях. Тем не менее, по установившемуся обычаю, в Москве решил отправить в Крым посла В. Левашова с приличествующими случаю поздравлениями и подарками. Правда, пока посольство собиралась, в очередной раз все поменялось – от Ислам-Гирея приехал Будаи-мурза со товарищи, доставивший Василию ханскую грамоту, составленную в весьма высокомерных выражениях. Прибывший же из Крыма служилый татарин Т. Кадышев привез известие, что юридически Ислам-Гирей царем не является, поскольку отправил в Стамбул просьбу посадить на ханство своего дядю Сахиб-Гирея, а сам Ислам стоит в ожидании султанского решения на р. Самаре. Ну а раз так, то, решили в Москве, Левашова с подарками посылать не стоит. К Исламу был отправлен гонцом служилый татарин Я. Кожухов с грамотой, в которой великий князь поздравлял своего непутевого «сына» с обретением отцовского стола и выговором за неблагодарность – его в трудную минуту приютили, обогрели, поддержали, а он ответил такой неблагодарностью! При этом Москва намекнула Ислам-Гирею, что не стоит забывать о шерти, которую он дал полгода с небольшим назад князю М.И. Кубенскому.

Осторожность Василия III оказалась совсем не лишней. 10 июня 1533 г. в Москву из Крыма вернулся Я. Кожухов, принесший весть, что Ислам-Гирей теперь калга, а новым крымским «царем» султан сделал его дядю Сахиб-Гирея. Вместе со служилым татаринком к Василию III приехал от нового «царя» его посол князь Салтанъяр (и гонец от Ислам-Гирея). Новость, что и говорить, была не из приятных – Сахиб-Гирей пользовался славой непримиримого врага Москвы, и рассчитывать даже не на союз, а хотя бы на относительно мирные отношения с новым крымским правителем не стоило. Да и сам Сахиб-Гирей поспешил подтвердить эти предчувствия. В своей грамоте он более чем прозрачно намекнул, чтобы «московский» поторопился со знаками внимания и поминками, угрожая в противном случае большими неприятностями [13, с. 264; 18, с. 283].

И неприятностей этих долго ждать не пришлось. Известие, которое доставил в Москву Небольса Тулушыков (и с которого мы начали этот рассказ), судя по всему, было не единственным. Похоже, что перемещения татар в поле были обнаружены и русскими сторожами (видимо, они-то первыми, на несколько дней раньше Неболсы, и сообщили в Москву о нашествии [1, с. 186]), которые исчислили приближающуюся татарскую рать в 40 тыс. всадников [См., например: 21, с. 522]. Правда, численность неприятеля, как это обычно бывало, сторожи сильно преувеличили – представляется, что, смечая татарскую сакму, русские дозорные имели в виду, прежде всего, коней, а не людей, и тогда можно смело уменьшить данную цифру по меньшей мере в 2–3 раза. В пользу такого предположения косвенно говорит также и то обстоятельство, что сам поход не носил официального характера, о чем позднее писал Сахиб-Гирей Василию – он де отправлял племянников походом на Сигизмундовы владения, а они самовольством решили совершить набег на земли Василия [13, с. 265]. Правда, в переписке Сахиб-Гирея с Сигизмундом I есть упоминание о просьбе хана предоставить собравшимся в поход на Москву ширинским князьям охранный лист «до старосты Черкасского и Каневского (О. Дашкевича – В.П., Т.П.), абы им (мурзам – В.П., Т.П.) жадная ся шкода не становилась от казак...» [1, с. 186]. Отсюда и вопрос – насколько неофициален был поход Сафа-Гирея и Ислам-Гирея? Кстати, из послания хана великому князю хорошо просматривается и мотивация участников похода – Сахиб-Гирей был обижен тем, что прибывший из Москвы посланник доставил слишком бедные поминки, а его народ, по словам хана, привык кормиться саблею. Потому, дескать, если Василий желает мира, то пускай шлет поминки побогаче!

Любопытно, но создается впечатление, что Ислам-Гирей и на этот раз остался верен себе и вел двойную игру. С одной стороны, он со своими людьми принял участие в организуемом его двоюродным братом походе (а в том, что именно Сафа-Гирей был главным двигателем этого предприятия, нет практически никаких сомнений – уже после возвращения в Крым он сообщал Василию III, что «за все ми тебя воевати не перестати и совершенно тебе мстити хочу; и где будет твой недруг и яз с ним соединачуся. Так бы еси ведал» [Цит. по: 13, с. 266]) и задержал Небольсу, отпустив его лишь тогда, когда времени на принятие соответствующих контрмер у Василия III практически не оставалось. Но с другой стороны, Ислам-Гирей отправил Василию грамоту, в которой писал: «Идет на тобя крымской царь да казаньской, и яз, деи,

неволею иду — царь меня послал турьской, а отдал мне вотчину мою да 2 града придал мне свои. Иду яз, а тебе дружу» [11, с. 12].

Но вернемся обратно к набегу Сафа-Гирея и Ислам-Гирея. Сказать, что для Москвы эта новость прозвучала подобно грому среди ясного неба, нельзя. Печальный опыт свидетельствовал против чрезмерного благодушия, и потому с началом весны на крымской Украине были, как это стало уже традицией, развернуты государевы полки. Согласно разрядной росписи, датированной 11 мая 1532 г., 7 воевод (примерно 2,5–3 тыс. ратных людей) находились в Туле, 3 воеводы и 3 головы (около 2 тыс. ратников) — на Рязани. Еще 6 воевод со своими людьми (2–2,5 тыс. «сабель и пищалей») встали на засеке на р. Боброк под Белевым (спустя сто лет она выглядела следующим образом, и вряд ли картина в 30-х гг. XVI столетия существенно отличалась: «а по Боброку сечена лесом засека и надолбы к Оке реке поставлены были, и острог, и ров копан, и по воде по речке по Боброку честик-колье дубовое вострое в колоды ставлен» [8, с. 117]). Правда, если сравнить с прошлогодней росписью, то нетрудно заметить — эпицентр группировки русских войск был смещен «за реку» на юго-запад, да и сама численность государевой рати была небольшой — не больше 10 тыс. чел., 2/3 из которых собрались под Тулой. С чем это связано? При анализе разрядных записей за этот год обращает на себя внимание тот факт, что значительная группировка русских войск была развернута на Северщине — в районе Новгород-Северского и Путивля находились 10 воевод (4–5 тыс. «сабель и пищалей»), сибирский царевич Ак-Довлет б. Ак-Курт со своими людьми и служилые татары (примерно 1–1,5 тыс. «сабель») [19, с. 81–83; 20, с. 238–240; 23, с. 366]. И если эти полки развернулись здесь в преддверии похода на Киев (похоже, что в начале 30-х гг. Василий III вынашивал планы войны с Сигизмундом, почему и завязал дружеские отношения с валашским воеводой Петром Рарешом [См., например: 14, с. 210], а также активно переписывался с Саадет-Гиреем и приманивал на свою службу Ислам-Гирея. И, на наш взгляд, нельзя исключить того, что эта война не состоялась еще и потому, что Саадет-Гирей не сумел удержать в своих руках власть [Об этой планировавшейся войне см., например: 9, с. 16–17]), то собранные на тульском направлении войска могли стать 2-м эшелоном в случае, если этот план был бы реализован. Но при такой диспозиции коломенское направление оказывалось фактически открытым, а если еще учесть, что из-за засухи реки, и Ока в том числе, сильно обмелели, то вероятность повторения сценария 1521 г. только возрастала.

Почему Василий III и его бояре столь легкомысленно отнеслись к выстраиванию обороны по берегу в этом году (особенно если учесть, что и поминки, отправленные Сахиб-Гирею по случаю его восшествия на престол, были небогатыми) — решительно непонятно. Может, они полагали, что из-за политических неурядиц крымцам будет сложно организовать более или менее серьезное предприятие? Или рассчитывали, что московские доброты (да хоть и тот же Ислам-Гирей) сумеют вовремя дать весть о готовящейся атаке? [Любопытное свидетельство на этот счет см.: 1, с. 186]. Так или иначе, но в Москве были спокойны за состояние дел на южной границе, и великий князь «начать мыслити ехать во свою вотчину на Волк на Ламский на осень, да тешится» [16, с. 552]. И в самый разгар сборов на благородную государеву потеху — Не-

больша со своей вестью! Конечно, охоту пришлось отложить до лучших времен и спешно заняться организацией отпора приближающемуся врагу.

Любопытно понаблюдать за работой механизма по мобилизации сил для отпора надвигающемуся неприятелю. Немедленно после получения сведений о появлении татар Василий III «воскоре посла по братию свою, по князя Юрья Ивановича и по князя Андрея Ивановича», и сам великий князь «часа того учал наряжаться против царевичев» [15, с. 224; 18, с. 283]. Дворы великокняжеский и удельных князей собрать было проще и быстрее хотя бы потому, что немалая часть дворян уже несла посменную службу при князе и его братьях. Однако несколько сотен (а с их людьми и побольше) «кутазников и аргуначников» все же было недостаточно, потому от имени великого князя дьяки «розосла грамоты и гонцы по всем градом и повеле людям ити к собе, а иным людям на берег к воеводам» [15, с. 224]. Опять же напрашивается предположение, что городские дети боярские должны были выступать в поход по заранее намеченному плану, зная, где они должны были собраться – дальние «города» стягивались к Москве, а ближние (по отношению к Оке) сразу шли к берегу. Здесь их уже поджидали отправленные 14 августа из столицы же воеводы князя Д.Ф. Бельский, В.В. Шуйский, М.В. Горбатый, боярин М.С. Воронцов и окольный И.В. Ляцкий [7, с. 158; 15, с. 224; 18, с. 283]. Они должны были сорганизовать прибывающих ратников в «полки» и поддержать гарнизон Коломны, где в этом году наместничал брат Д.Ф. Бельского Иван со товарищи (3 воеводы, около 1–1,5 тыс. ратников) [20, с. 240]. Одновременно были посланы гонцы с грамотами к убывшим еще раньше, в июне 1533 г. на Мещеру (куда попытался изгоном наведаться Сафа-Гирей) С.Ф. Бельскому со товарищи (2 воеводы, около 1 тыс. «сабель») с приказом «возвратится вскоре на Коломну же с людми» [6, с. 338; 15, с. 224]. Наконец, готовясь к отбытию на «фронт», великий князь наказал «воеводам градским (московским – *В.П., Т.П.*) устроить в граде пушки и пищали, и градским людям животы возити во град (печальной памяти 1521 г. не прошел даром – теперь по подготовке столицы к осаде готовились заблаговременно, а не тогда, когда враг был уже у ворот – *В.П., Т.П.*)...» [18, с. 284].

Из всех этих сведений план кампании Василия III и его бояр выглядит более чем прозрачным – главная задача, которую должны были решить воеводы, заключалась в том, чтобы не допустить татар за Оку и надежно перекрыть броды через реку в районе Коломны. Рязанцы же должны были рассчитывать на собственные силы до тех пор, пока великий князь не соберет достаточное количество ратных людей с тем, чтобы выслать их на помощь Рязани.

В пятницу 15 августа, в «Оспожин день», после молебна в Успенском соборе, Василий III, получив благословение митрополита Даниила, выступил из Москвы вместе со своим братом Юрием в Коломенское. Здесь он намеревался ждать Андрея Старицкого и «воевод с многими людми» [18, с. 284]. Однако время было уже потеряно, «царевичи» на шаг опережали Василия III. По сообщению летописца, «безбожьнии татарове приидоша на Рязань месяца августа 15 день, в пяток на Оспожин день, и посады на Резани пожгоша, и ко граду приступаху...» [15, с. 224]. Судя по всему, татары, не имея соответствующей техники и подготовки, попытались взять Рязань изгоном, но, не преуспев в этом (рязанский наместник И.Ф. Бельский успел принять необходимые меры, собрал «детей боярских рязанцев» и подготовил город к осадному «сидению»),

рассыпались по рязанской округе «войной». Как писал летописец, «безбожьнии татарове жгуще, и в плен ведуще, и волости воююще» [15, с. 224].

Пока крымцы, пользуясь моментом, опустошали рязанские волости, Василий III собирал в Коломенском полки, и, по мере накопления сил, отправлял ратных в Коломну. 18 августа, согласно показаниям разрядных книг, на берег отправились одна за другой две рати, Ф.М. Мстиславского и И.В. Шемьяки Пронского со товарищи (всего 8 воевод, около 3,5–4 тыс. «сабель»). В Коломну же подошли и мещерские воеводы со своими людьми [20, с. 241], и, надо полагать, дети боярские с послужильцами прилегающих к Оке городов. Имея теперь под рукой не менее 10 тыс. «сабель», Д.Ф. Бельский мог чувствовать себя увереннее, чем пару дней назад, тем более что неприятель пока не показывал намерений атаковать на коломенском направлении. И Василий, дождавшийся подхода брата Андрея и наблюдавший затем, как в его лагерь в Коломенском «конно, людно и оружно» стекаются дети боярские, решил, что пора перейти к активным действиям. 18 же августа в Коломну был отправлен его наказ тамошним воеводам «самим за реку не ходить, а за реку с Коломны посылать на тех людей (татарских – *В.П., Т.П.*), которые в розгонех, лехких воевод...» [20, с. 240–241].

Выполняя государев наказ, Д.Ф. Бельский и его товарищи «послали за Оку воевод князя Ивана Феодоровича Оболенского Овчину, а в другое место князя Дмитрея князь Феодорова сына Палецкого, а в третье место князя Дмитрея княже Юриева сына Дрютцкого не с многими людьми» [18, с. 284]. Задача, стоявшая перед «лехкими» воеводами, была проста – добыть языков и погромить отдельные, оторвавшие в погоне за добычей, небольшие татарские отряды. Летописи сохранили в кратком пересказе «отписки» Д.Ф. Палецкого и И.Ф. Овчины о своих действиях. Палецкий, по словам летописца, «пришед» к «Николе к Зараскому на Осестре», где он узнал, что в 10 верстах, в селе Беззубово, «поместье Ларивонова», стоит татарский отряд. Князь немедля всел в седло и со своими людьми «потопташа их (татар – *В.П., Т.П.*), и многи же избиша, а иных живых изымаша и к великому князю отослаша» [15, с. 225; 23, с. 266].

Менее успешно действовал князь Овчина-Оболенский. Молодой и горячий воевода, действуя во главе отряда из детей боярских и дворян великого князя, сперва «доеде сторожеи татарских, и потопоша их, и поби». Обращенные в бегство крымцы, тем не менее, не потеряли головы, «и намчаша наших людеи на многие люди (татарских – *В.П., Т.П.*)...». Ситуация мгновенно переменилась, и охотник превратился в добычу – «и туто князя Ивана повстретиша и его с людами розтолкнули, а иных взяша» [15, с. 225; 23, с. 267]. Любопытно отметить, что ни в разрядах, ни в официальной Воскресенской летописи о неудачном поиске Овчины-Оболенского ничего не сказано, а весть об этом сохранилась в новгородских летописях.

Как бы то ни было, но успешные действия «лехких» воевод и, надо полагать, показания взятых в стычке с отрядом Оболенского языков, навели Сафа-Гирея и Ислам-Гирея на мысль, что пора собираться в обратную дорогу, пока не подошли на выручку рязанцам главные силы русского войска. И, как писал летописец, «царевичи» «побегоша борзо из украины великого князя вон» [18, с. 284]. Возможно, что все эти события произошли в промежутке между 19–20 августа, и свидетельство разрядной книги, что 21 августа Сафа-Гирей и его

двоюродный брат приходили на Рязань [20, с. 240], надо истолковать как указание, что именно в этот день крымцы повернули назад. Следовательно, «война» в окрестностях Рязани заняла у татар 5–6 дней. Д.Ф. Бельский отправил вдогон за татарами «лехких» воевод, но неприятель отходил так стремительно, что догнать и потрепать его посланным отрядам не удалось: «Воеводы же великого князя за ними (татарами – *В.П., Т.П.*) ходили, но не дошли их и возвратишася» [15, с. 225]. Правда, в собранных в конце XVIII в. архимандритом Иеронимом выписках из древних рукописей по истории Рязани и Рязанщины сообщается, что посланные повелением великого князя «лехкие» воеводы все же настигли татарские арьергарды на р. Проне и потрепали их [22, с. 40]. Однако насколько можно доверять этим сведениям – остается вопросом.

Получив известие о том, что противник ушел, 26 августа (согласно Воскресенской летописи – 21 августа) Василий III отпустил своих братьев в их уделы, распустил большую часть собравшегося в Коломне войска по домам (на Коломне остались 6 воевод – самое большее 2–2,5 тыс. «сабель») и поворотил в столицу [18, с. 284; 20, с. 241–242; 23, с. 267]. Так закончилось это жаркое и сухое лето 7041 года от сотворения мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической Коммиссиею. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. 442 с.
2. Архив Юго-Западной России, издаваемый коммиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Ч. 8. Т. V. Акты об украинской администрации XVI–XVII в.в. Киев, 1907. 723 с.
3. *Гайворонский А.* Повелители двух материков. Т. I. Киев-Бахчисарай, 2007. 367 с.
4. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. 303 с.
5. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. М., 2009. 304 с.
6. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. 452 с.
7. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 350 с.
8. Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950. 228 с.
9. *Кром М.М.* Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. 140 с.
10. *Лаишков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII в.в., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 9. Симферополь, 1890. С. 1–47.
11. *Левкеинский М.* Летописные записи Марка Левкеинского // Зимин А.А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. V. М.-Л., 1950. С. 9–14.
12. Летописи литовско-белорусские // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 35. М., 1980. 306 с.
13. *Малиновский А.Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 178–419.

14. *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. 669 с.
15. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. 368 с.
16. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. 690 с.
17. Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 8–30.
18. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. 302 с.
19. Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. 613 с.
20. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. 218 с.
21. Русский хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. 896 с.
22. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. 129 с.
23. Софийские летописи // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. 359 с.
24. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. I. М., 2005. 314 с.
25. *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. № 27. 1948. С. 18–66.
26. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.
27. *Черкас Б.В.* Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 53–67.
28. *Черкас Б.В.* Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2000. №1. С. 97–118.
29. *Bielski M.* Kronika Marcina Bielskiego. T. II. Sanok, 1856. 524 p.
30. *Inalchik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Saḥib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 445–466.
31. *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). Leiden-Boston, 2005. 1132 p.
32. Lietuvos Metrika. Kn. 15 (1528–1538). Vilnius, 2002. 446 p.
33. *Plewczyński M.* Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2011. 460 p.

Сведения об авторах: Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Поступила 13.06.2016 г.

Принята к публикации 05.08.2016 г.

**RAID OF ISLAM GIRAY AND SAFA GIRAY
ON THE “BANK” IN SUMMER 1533****V.V. Penskoi¹, T.M. Penskaya²**^{1, 2} *Belgorod National Research University**Belgorod 308015, Russian Federation*¹ *E-mail: penskoy@bsu.edu.ru*, ² *E-mail: penskaya@bsu.edu.ru*

The murder by Nogay Mirzas of the Crimean Khan Muhammad Giray I in Astrakhan in 1523 and the subsequent devastation by the Nogays of the Crimea violated the fragile balance of forces and interests of the Crimean influential clans and led to a long and bloody Crimean “zamyatnya” that lasted fifteen years.

Objective: To analyze the raid of Islam Giray and Safa Giray on Russian lands in the summer of 1533.

Research materials: acts relating to the history of Western Siberia, Russian chronicles, Lithuanian-Belarusian chronicles, books of noble families.

Research results and novelty: during their military campaign, Islam Giray and Safa Giray did not only rely on the support of the Crimean aristocracy that had been split into hostile groups, but also on the aid of Istanbul, Vilnius and Moscow. The latter tried to use the Crimean dissension in their own interests playing off the warring Crimean “parties” and attempting to channel their energy outward, against their opponents. As a result, the previously purposeful foreign policy of the Crimean Khanate lost its integrity and become like a weather vane that was turning following breeze. Tactical considerations and the pursuit of short-term profits replaced relatively clear and confident foreign policy of Mengli Giray I and Muhammad Giray I.

As a result, none of the neighbors of the Crimea was immune from a sudden attack of the Tatar “vlans, princes and murzas” and their people who felt the freedom and were willing to risk their lives for the sake of the rich booty, which could be seized in convenient opportunity from the neighbors caught by surprise. All these years, the clouds swirled constantly on the Russian-Lithuanian-Crimean borderlands and from time to time they bursted into thunder. One of those storms was the arrival of Islam Giray and his cousin Safa Giray on sovereign “Ukraine” in the summer of 1533.

Keywords: Russia, Crimea, Russian-Crimean relations in the first half of the 16th century, Vasily III, Crimean Giray dynasty, Russian-Crimean wars.

For citation: Penskoi V.V., Penskaya T.M. Raid of Islam Giray and Safa Giray on the “Bank” in Summer 1533. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 552–569.

REFERENCES

1. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu Kommissieyu*. Vol. II. 1506–1544 [Acts Related to the History of Western Russia Collected and Published by the Archeological Commission. Vol. II. 1506–1544]. St. Petersburg, 1848. 442 p. (In Russian)

2. *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavaemyy komissieyu dlya razbora drevnikh aktov, sostoyashchey pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom General-Gubernatore*. Ch. 8. Vol. V. *Akty ob ukrainskoy administratsii XVI–XVII v.v.* [Archive of Southwestern Russia Published by the Commission for Analysis of Ancient Acts under the Kiev, Podolsk and Volyn Governor-General. Ch. 8. Vol V. Acts of the Ukrainian Administration of the 16th–17th centuries]. Kyiv, 1907. 723 p. (In Russian)

3. Gayvoronskiy A. *Poveliteli dvukh materikov* [Masters of Two Continents]. Vol. I. Kyiv-Bakhchisaray, 2007. 367 p. (In Russian)
4. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, 2006. 303 p. (In Russian)
5. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov* [The Crimean Historiographical Tradition of the 15th–19th centuries]. Moscow, 2009. 304 p. (In Russian)
6. Zimin A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni (oчерki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.)* [Russia at the turn of Modern Time (essays on the Russian political history of the first third of the 16th century)]. Moscow, 1972. 452 p. (In Russian)
7. Zimin A.A. *Formirovanie boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV – pervoy treti XVI v.* [Formation of Boyar Aristocracy in Russia in the second half of the 15th – the first third of the 16th centuries]. Moscow, 1988. 350 p. (In Russian)
8. *Kniga Bol'shomu chertezhu* [Book of Great Drawing]. Moscow, Leningrad, 1950. 228 p. (In Russian)
9. Krom M.M. *Starodubskaya voyna (1534–1537). Iz istorii russko-litovskikh otnosheniy* [The Starodubskaya War (1534–1537). From the History of Russian-Lithuanian Relations]. Moscow, 2008. 140 p. (In Russian)
10. Lashkov F.F. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII v.v., khraryashchiesya v Moskovskom Glavnom Arkhive Ministerstva Inostrannykh Del [Monuments of Diplomatic Relations of the Crimean Khanate with Moscow in the 16th and 17th centuries Stored in Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of Tauride Scientific Archival Commission]. Is. 9. Simferopol, 1890, pp. 1–47. (In Russian)
11. Levkeinskiy M. Letopisnye zapisi Marka Levkeinskogo [Annalistic Records by Mark Levkeinsky]. Zimin A.A. *Kratkie letopisty XV–XVI vv.* [Brief Chroniclers of the 15th–16th centuries]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. Vol. V. Moscow, Leningrad, 1950, pp. 9–14.
12. Letopisi litovsko-beloruskie [Lithuanian-Belarusian Chronicles]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 35. Moscow, 1980. 306 p. (In Russian)
13. Malinovskiy A.F. Istoricheskoe i diplomaticheskoe sobranie del, proiskhodivshikh mezhdru rossiyskimi velikimi knyaz'yami i byvshimi v Krymu tatarskimi tsaryami s 1462 po 1533 god [Historical and Diplomatic Collection of Affairs that Occured between the Russian Grand Princes and Tatar Tsars Who Ruled in the Crimea from 1462 to 1533]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. V. Odessa, 1863, pp. 178–419. (In Russian)
14. Malinovskiy I. *Sbornik materialov, otosyashchikhsya k istorii panov-rady Velikogo knyazhestva Litovskogo* [Collection of Materials Related to the History of the Pans of Rada of the Grand Duchy of Lithuania]. Tomsk, 1901. 669 p. (In Russian)
15. Novgorodskaya letopis' po spisku P.P. Dubrovskogo [Novgorod Chronicle According to the P.P. Dubrovsky's Copy]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XLIII. Moscow, 2004. 368 p. (In Russian)
16. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod Fourth Chronicle]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. IV. Part. I. Moscow, 2000. 690 p. (In Russian)
17. Postnikovskiy letopisets [Postnikovsky Chronicler]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, 1978, pp. 8–30. (In Russian)
18. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Chronicle According to the Voskresensky Copy]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VIII. Moscow, 2001. 302 p. (In Russian)

19. *Razryadnaya kniga 1475–1598* [Book of the Noble Families 1475–1598]. Moscow, 1966. 613 p. (In Russian)
20. *Razryadnaya kniga 1475–1605* [Book of the Noble Families 1475–1605]. Vol. I. Part. II. Moscow, 1977. 218 p.
21. Russkiy khronograf [Russian Chronograph]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXII. Moscow, 2005. 896 p. (In Russian)
22. *Ryazanskie dostopamyatnosti, sobrannye arhimandritom Ieronimom s primechaniyami I. Dobrolyubova* [Ryazan Memorabilities Collected by Archimandrite Hieronymus with notes by I. Dobrolyubov]. Ryazan, 1889. 129 p. (In Russian)
23. Sofiyskie letopisi [Sofian Chronicles]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VI. St. Petersburg, 1853. 359 p. (In Russian)
24. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Otomanskoj Porty* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte]. Vol. I. Moscow, 2005. 314 p. (In Russian)
25. Smirnov I.I. *Vostochnaya politika Vasiliya III* [Eastern Policy of Vasily III]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. 1948, no. 27, pp. 18–66. (In Russian)
26. Syroechkovskiy V.E. *Mukhammed-Girey i ego vassal* [Muhammad Giray and His Vassals]. *Uchenye zapiski Mo-skovskogo ordena Lenina Gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova* [Proceeding of M.V. Lomonosov Moscow State University]. Is. 61. *Istoriya*. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71. (In Russian)
27. Cherkas B.V. *Ostafiy Dashkovich – cherkas'kiy i kanivs'kiy starosta XVI st.* [Ostafy Dashkovich – Starosta of Cherkasy and Kaniv in the 16th century]. *Ukrain's'kiy istorichniy zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. 2002, no. 1, pp. 53–67. (In Ukrainian)
28. Cherkas B.V. *Politichna kriza v Krim'skomu khanstvi i borot'ba Islam-Gireya za vladu v 20–30-kh rokakh XVI st.* [Political Crisis in the Crimea and Islam Giray's Struggle for Power in the 1420–30s]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Evropi (z naydavnishikh chasiv do kintsya XVIII st.)* [Ukraine in Central-Eastern Europe (from ancient times to the late 18th century)]. 2000, no. 1, pp. 97–118. (In Ukrainian)
29. Bielski M. *Kronika Marcina Bielskiego*. Vol. II. Sanok, 1856. 524 p.
30. Inalchik H. *The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I.* *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 445–466.
31. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century)*. Leiden-Boston, 2005. 1132 p.
32. *Lietuvos Metrika*. Kn. 15. (1528–1538). Vilnius, 2002. 446 p.
33. Plewczyński M. *Wojny i wojskowość polska w XVI wieku*. Vol. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2011. 460 p.

About the authors: Vitaly V. Penskoj – Dr. Sci. (History), Professor, Belgorod National Research University (85, Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Belgorod National Research University (85, Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Received 13 June, 2016

Accepted for publication August 5, 2016

УДК 94

**MEMORIES OF STATEHOOD
IN THE DEFTER-I GENGHIS-NAME*****Maria Ivanics***

*University of Szeged
Szeged 6722, Hungary
E-mail: res13986@helka.iif.hu*

The Turkic peoples of the Volga Region lost their statehood for centuries due to the Russian occupation of the Khanate of Kazan and Astrakhan in the mid-16th century. The memory of statehood among these peoples has been maintained and preserved for posterity through the oral historiography of the steppe. It comes as no surprise then that there has been an effort to create and strengthen the national identities in the post-Soviet Turkic republics with the successive publication of the latest editions of national epics and collections of historical stories.

Research objectives and materials: This investigation focuses on one such source that forms part of the oral historiography of the steppe, a Genghis-name compiled and recorded by an unknown author in the late 17th century. The chapter on Genghis Khan contains two stories that depict the various forms of organisational practices in nomadic states. The first was characteristic of the Golden Horde and the Nogai Horde at its zenith; it concerns the joint rule of the khan and the beglerbeg. The second depicts relations in the late Golden Horde and its successor states, in which the khan and the four chieftains constituted and led the country together. In the Genghis-name we could set the type of a super complex chiefdom headed by Temir Kutlu Khan with his four *karači biy*'s of the clans Kiyat, Kongrat, Cathay, Saldzhut.

Research results and novelty: It was possible to give an answer to the question why are so different the *karači biy*'s of the Great Horde of those in the other late Golden Horde states.

A historian can glean information from this story both on the age in which the source was created and on practices of nomadic rule: What stands out above all is that the clans had the right to resist and that they were able to shift away from their tyrannical rulers without any consequences and seek a new ruler for themselves. The steppe lacked the power of law that would have enabled the ruler to use force in such cases. The khan was only able to maintain his power over the chieftains through his generous gifts or by ensuring regular opportunities for booty. The khan came to be the leader of the society through the support of the chieftains but had no absolute power over them.

Keywords: Volga Region, Defter-i Genghis-name, oral historiographical tradition, Golden Horde, Great Horde, Temir Kutlu Khan, *karači biy*'s.

For citation: Ivanics M. Memories of Statehood in the Defter-i Genghis-name. *Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 3, pp. 570–579.

The Turkic peoples of the Volga Region lost their statehood for centuries due to the Russian occupation of the Khanate of Kazan in the mid-16th century. The memory of statehood among these peoples has been maintained and preserved for posterity through the oral historiography of the steppe. It comes as no surprise then that there has been an effort to create and strengthen the national identities in the

post-Soviet Turkic republics with the successive publication of the latest editions of national epics and collections of historical stories, the so-called Genghis-name, part of the oral historiographies of the steppe – which had previously been forbidden and considered to be ‘feudal in content’¹.

The oral historiography of the steppe, according to Judin’s definition, is the individual’s memory of his own past, a collection of stories of events he has experienced which have been strung together and written down. This is considered unique because it does not refer to a chronicle either recorded by *one* author or (perhaps) commissioned, but to a series of loosely linked stories that have preserved the collective historical consciousness of the nomadic peoples [10, p. 64–65]. The genre of the individual pieces within the collections is *qarī sōz* ‘the old word’. Historical research has only recently acknowledged this group of sources after Judin with his colleagues published the Genghis-name of Ötemiš Haǰǰī [10]. My investigation focuses on one such source that forms part of the oral historiography of the steppe, a Genghis-name compiled and recorded by an unknown author in the late 17th century [12]. The chapter on Genghis Khan contains two stories that depict the various forms of organisational practices in nomadic states. I will discuss these in the following. Although a number of motifs in the stories refer to the Secret History of the Mongols^[19], it must be emphasised that the Genghis Khan depicted in them is not identical to the historical figure who established the Mongol Empire. Instead, this figure represents the ideal ruler and his relationship to the chieftains. For those who are unfamiliar with the story, I will briefly summarise it:

The father of the most beautiful maiden in all the land intended her for the gods, so he had her locked up in a dark tower so the eyes of no man could behold her. At the urging of the maiden, her nanny opened the window and she fell pregnant from the ray of light that entered the room. In order to avoid shame, her parents locked her up in a boat and left her to her fate. A sharp-eyed archer, however, shot at the boat and tore off the sideboard, thus freeing the girl, whom he later married. During their wedding night, the girl proved to be a virgin despite her pregnancy. The child conceived supernaturally was born and was called Duyin-bayan, and when he grew up they bought him a wife. Three boys were born to his wife, Alango, but on his death bed Duyin-bayan considered none of them fit for leadership and thus promised his people that after his death a child would be born who would be worthy to be their ruler. There would be a sign: he would come down in the shape of a ray of light to the tent of his widowed wife and would exit the tent in the shape of a wolf. The child was indeed born, as it was foretold, and was called Genghis in the end because the wolf had shouted this name twice on leaving the tent.

Now the question arises, whether the story in the Genghis-name preserved an old Mongolian legend of origin or did rather the oral historiography of the steppe adapt the story included in the Secret History of the Mongols? If the version of Genghis Khan’s birth surviving in our sources would be known only from the steppe one might think about its adaptation. But exactly in the very same form as to be read in the Genghis-name, the story also appears on an ink wash drawing in a genealogy composed in the years 1426/1427 for the Timurid sovereign, Shahruh

¹ It was the fate of the Edige epic too [8, p. 247–254].

(1409–1447), from which a copy from the 16th-century survived². It is well known that in order to ensure his legitimacy Tamerlan went back in several forms to the Mongol traditions³. The genealogy compiled for his son, Shahruh, begins with the miraculous conception of Alan-koa. It was displayed on the drawing as follows: the tent in which Alan-koa was staying symbolized the circle. The square in the circle was referring to her bed, on which Alan-koa is represented kneeling. On her left shoulder lies the Moon. She follows the Wolf leaving the tent with her eyes, while spreading her hands as a sign of astonishment. Above of the drawing is the explanation in Persian and Turkī (in Uyghur script): Alan-quwa-ning oġlan-lar-ı-ning ŧu'bä-si buu yosun birl-ä. “The origin of the sons of Alan-koa [ocured] in this way.” (see the picture below).

The path of the posthumous child, Genghis, to the throne of the khanate, however, was not a straight one. His tyrannical elder brothers threatened his life, and he was forced to escape. This is where the chieftains enter the story. They turned their backs on the tyrannical brothers, and ten *biys* set out to find Genghis and invite him to be their ruler. Four chieftains, however, refused to go with them because they continued to support Genghis' brothers. After a long search, when the ten *biys* finally found Genghis, they were so happy that they let their horses go free. They therefore did not know how to bring Genghis home. So they made a wagon for Genghis to sit on, and they tied themselves to the front of the wagon for lack of horses. Since one of the *beys* was lame, he sat next to Genghis on the wagon and drove the “horses”, that is, the *beys* [12, fol. 19r].

A historian can glean information from this story both on the age in which the source was created and on practices of nomadic rule: What stands out above all is

² The ink wash drawing is from the manuscript *ŧu'b-i päñġänä* (*Baysunġur Album, Topkapı Sarayı Müzesi № 2152, fol. 42a*). It was first published by Z.V. Togan and Emel Esin [23; 11].

³ This can be observed in Timur's mausoleum in Samarkand. The genealogy on his sarcophagus – from them only a part is quoted – enough to Bodonchar, the ancestor of Genghis, and reflects the story broadly known from the Secret History of Mongols. “The father of this nobleman [i.e. of Bodonchar] is unknown, his mother is Alan Qo'a. One says Alan Qo'a was inherently loyal and pure, and she was not a whore. It was of a light beam in a human form that occurred on the door, and made her pregnant. They said he was a descendant of Ali bin Abu Talib were, the Emir of the Faithful. The declaration of Alan Qo'a is underpinned by the fact that her grandchild defeated everybody” [22; 18, p. 332–333; 17].

that the clans had the right to resist and that they were able to shift away from their tyrannical rulers without any consequences and seek a new ruler for themselves. The steppe lacked the power of law that would have enabled the ruler to use force in such cases [15, p. 372]. The khan was only able to maintain his power over the chieftains through his generous gifts or by ensuring regular opportunities for booty. The khan came to be the leader of the society through the support of the chieftains but had no absolute power over them. The image of the chieftains pulling the wagon, with one of them driving the others, symbolizes this concept. The wagon represents the country here, which is ruled in tandem by the khan and *beglerbeg*⁴. Although the word *beglerbeg* does not appear in the story, there are unmistakable references to the lame *bey* filling this position, for example, the signet ring of Alango, which he requested so that he could prove that he and the other chieftains had come from Genghis' mother [12, fol. 18r]. The seal is actually the symbol of the *beglerbeg*'s power.

For the contemporary nomadic audience, the motif of the wagon mentioned above clearly symbolized the shared rule of the khan and the *beglerbeg* over the clans, which was the practice on the eastern wing of the Golden Horde as of the fifteenth century. On the eastern wing, the descendants of Edige of the Mangit clan, the head of the Nogai Horde, supplied the *beglerbegs*, who ruled together with the Jochid khans, and it was often they themselves who were the true lords of the steppe [6]. This system of exercising power in the East wing was preserved for centuries, while in the West wing it disappeared with the dissolution of the Golden Horde and was replaced with a new practice of power in the newly established khanates. If we continue reading the Genghis-name, we can also find traces of this as well.

As the story continues, Genghis and the chieftain consult. Genghis ensures the *biys* that just as the eyebrow and the eye belong together they too would form a unity⁵. Genghis redistributed the people among them and designated a territory for each chieftain, providing them with clan markers, such as trees and birds, and war cries (*uran*), such as sign of property (*tamga*). I wish to point out here that, as far as I know, the Genghis-name is the only source that preserves all the four clan markers⁶. The markers of the clans helped to distinguish themselves from the others and in addition had an everyday function too: it served as the clans' prosperity protection (*tamga*), and assisted in the survival of the clans' members, as in combat they recognized each other with their war cry (*uran*). The role of the trees and birds of the clans are beyond everyday life's usage. They are associated with the vitality and the charisma of their society.

⁴ The most cited example is the explaining of the Shirin bey about the hierarchy in the Crimean Khanate: "Are there not two shafts to a cart? The right shaft is my lord the khan, and the left shaft am I, with my brothers and children" [16]. According to a Karakalpak legend to rescue the collapsed country they wanted to call Genghis among them. They went to look for Genghis, and brought him on a car in to the country [5, c. 88].

⁵ "köz üstünde qaşı teg..." [12, fol. 26v].

⁶ For the trees of the clans see [13]. The other markers of the clans are discussed in my forthcoming book.

Name	Tree	Bird	Uran	Tamga	
Genghis Khan	<i>činar</i> <i>Platanus</i>	<i>iki baš</i> <i>qaraquš</i> double-headed eagle	<i>jān qaba</i>	<i>quš baš</i> bird's head	
Uyšin Mayqī-biy	<i>qarağaç Ulmus</i> <i>pumila</i>	<i>qaraquš</i> <i>Aquila</i> <i>chrysaetos</i>	<i>salawat</i>	<i>sergä (?)</i>	
Ming Ordač-biy	<i>qayın</i> <i>Betulaceae</i>	<i>qarčığa</i> <i>Astur</i> <i>palumbariusu</i>	Alaj	<i>quš</i> <i>qabırğa</i> bird's rib	
Qaldar-biy	<i>şandal</i> <i>Santalum</i>	<i>kögürçin</i> <i>Culumba</i>	<i>arnaw</i>	<i>jümüj</i> ladle	
Tamyān-biy	<i>tiräk</i> <i>Populus</i>	<i>qirgıy</i> <i>Accipiter</i> <i>nissus</i>	<i>tuŋya</i>	<i>irğaq</i> hook	
Qıpçaq-biy	<i>qarama Ulmus</i>	<i>börkiüt</i> <i>Aquila fulva</i>	Toqsaba	<i>taraq</i> comb	
Mutyān-biy	<i>miläş</i> <i>Sorbus</i> <i>aucuparia</i>	<i>turna</i> <i>Grus grus</i>	Bayqongrat	<i>quyuşğan</i> crupper	
Burdjan-biy	<i>imän</i> <i>Quercus</i>	<i>küçükän</i> <i>Milvus migraus</i> <i>Bodd.</i>	<i>aq toğan</i>	<i>jağalbay</i> hammer	
Jormatı-biy	<i>üyängi</i> <i>Salix</i>	<i>itelgü</i> <i>Buteo buteo</i>	<i>aq taylaq</i>	<i>sinli sinäk</i> hayfork	
Kereit-biy	<i>čökä</i> <i>Tilia</i>	<i>qaz</i> <i>Anger anser</i>	<i>ar börü</i>	<i>köz</i> eye	
Borqit-biy	<i>čağan</i> <i>Acer</i>	<i>hödhöd</i> <i>Upupa epops</i>	Buruĵ	<i>hamza</i> hamza character	
QİYAT, son of Bodončar	<i>Qarağay</i> <i>Pinus larix</i>	<i>şonqar</i> <i>Gyr-falcon</i>	<i>aru jān</i>	<i>ačamay</i> <i>/äwirnä</i> reel	
QATAY, son of Qağınčar-biy	<i>artiş</i> <i>Juniperus</i>	<i>qawdu</i> <i>Ciconia</i> <i>ciconia</i>	<i>taylaq</i>	<i>särü(?)</i>	
Sengle, son of QONGRAT	<i>älmağaç</i> <i>Zelkova</i> <i>ulmoides</i>	<i>läčün</i> <i>Accipiter</i> <i>gentilis</i>	Qongrat	<i>ay</i> Moon	

SALJUT- biy	<i>köbrüj</i> <i>Fraxinus</i>	<i>köyüldü</i> <i>Scolopax</i> <i>rusticola</i>	Barlas	öy house	
Temir Qutlu-biy	<i>ĵiriük</i> <i>Alnus</i>	<i>şayışqan</i> <i>Pica pica</i>	<i>taban</i>	<i>yarım</i> <i>taraq</i> half a comb	

Let's see now what we can read out from the table with regard to the organisation of the contemporary society. Can the clans mentioned in the Genghis story be connected to some nomadic social organisation that can be defined in terms of time? You must have noticed by now that I have attempted to avoid the terms *tribe* and *tribal alliance*. The most recent literature by Russian and American scholars does not use these, instead dividing nomadic societies into simple, complex and super complex chiefdoms (*voždestvo*) and conceding the super complex chiefdom as the forerunner of the early state [3]. This new theory can be nicely illustrated through our source. But let's first look at the list of chieftains' names [12, fols. 23r–25v]⁷. Following the name of Genghis Khan, we see the names of the ten *biys* who elected him as khan. Most of these can be accepted as ethnoanthroponyms, that is, a personal name that evolved out of a clan name, but it is more likely that in this case we are dealing with ethnonyms. In addition to each name, the title *biy* is noted next to each name. This is the Kipchak Turkic form of the well-known Turkic word *beg/bey*. One of the elements of the compound names is also the name of a clan (*Uyşin* Mayqı-biy, *Ming* Ordač-biy). There are only three exceptions: Genghis Khan, Qaldar-biy and Temir Qutlu-biy. In the story, Genghis Khan is the leader of the complex chiefdom, the clan to which Qaldar-biy belongs is debated – therefore, I will not discuss it now – and Temir Qutlu is an actual historical figure, the khan of the Golden Horde, who ruled during the last years of the fourteenth century in Astrakhan. Naturally, in this story, he cannot be called a khan since this position is held by Genghis, and this is why he is referred to as a chieftain. But the fact that his name appears supports the supposition that these are perhaps the clans of the Volga region in the late Golden Horde period during the reign of Temir Qutlu. I have marked the various clan names with different colours and used bold to mark four of them. These latter clans are those whose leaders did not accompany the others to ask Genghis to be their khan, but continued to support Genghis' tyrannical brothers. And they paid for it. Genghis had them killed. However, one son of each survived because they were each hidden in time. Why would the children of Genghis's obvious enemies have been permitted to join the newly established khanate and have been granted people and signs of clan hood, just like Genghis' supporters?

There is only one explanation for this: this part of the Genghis story preserved the so-called four-bey system⁸. The khan and the leaders of the four major clans, the *qarači-beys*, established a new khanate together on the right (West) wing of the late Golden Horde, in the successor khanates formed west of the Yaik (Ural) River, in the Great Horde [7, p. 29] and in the Crimean [20], Kazan and Kasimov Kha-

⁷ The order of the chieftains' name does not follow the source. They are grouped now by me.

⁸ First described by V.V. Vel'jaminov-Zernov [1].

nates⁹. The international literature uses the term *ruling tribes* to describe them, noting that their leaders participated in governance as well. In my view, the term *state-forming clans* would be more appropriate because their role in establishing and maintaining the state was highly significant. It was they who elected the khans, it was they who inaugurated them by raising them on a white felt rug [21; 14], or, in contrast, it was they who removed them from their position by withdrawing support. The khan and the four chieftains pre-supposed one another, they formed the state together, they exercised power together, and none of them was able to rule without the other. In the late fourteenth century, there were probably four major clans in league with Temir Qutlu Khan: the Qiyat, Qongrat, Qatay and Saljut clans. Thus, in the story, it would not have been possible for Genghis to establish a new khanate without them; this explains why these four also received clan markers.

If we now examine the ten loyal clans, we recognize among them the complex chiefdom of the Bashkir Seven Clans, the *Yete iriu* [5, p. 434 ff.], which, at the time, consisted of the Tamyān, Mutyan (Muyten), Burdžan and Qipčaq clans. The last in the list, however, formed a simple chiefdom with the Qari-Qipsaq (Qipsaq=Qipčaq), Sari-Qipsaq and Sankem-Qipsaq clans. These were independent clans; otherwise, we would not have arrived at the number seven!

Thus, we are not far from the truth if we suppose that the Genghis-name preserved the image of a nomadic society in the Volga region in the late fourteenth century, in a supercomplex chiefdom. It was led by the khan, Temir Qutlu, who, besides being the leader of his own clan, ruled in tandem with four state-forming clans, the Qiyat, Qongrat, Qatay (Qitay/Hitay) and Saldžut clans. The clans that submitted to him directly (the Uyšın, Ming, Kereit, Borqit/Burqut and Džormatı clans) fell under his rule, including the Bashkir complex chiefdom mentioned above, the *Yete iriu*.

Finally, the Genghis story also provides an answer to the question posed in 1986 in the Ph.D. dissertation by Schamiloglu, the American Turkologist of Tatar descent. In his discussion of the four-bey system, Schamiloglu pointed out that in the successor khanates of the Golden Horde the *qarači-beys* were initially everywhere that the leaders of the Širin, Barin, Argin and Qipčaq clans were, except in the Great Horde, where this office was filled by the leaders of the Qiyat, Mangit, Salčiut and Qongrat clans. He supposed that the state-forming clans of the Great Horde were so different from those of the other khanates developed along the right wing because their khans had inherited the clans of Temir Qutlu. The Genghis-name confirms his supposition. If we compare the four state-forming clans in the Genghis-name (Qiyat, Qongrat, Qatay and Saldžut) with the leading clans of the Great Horde (Qiyat, Mangit, Salčiut and Qongrat), we find only one difference: the Mangits took the place of the Qatays in the Great Horde. The Qatay clan did not disappear, however; it maintained its leading role in Astrakhan as late as the mid-sixteenth century [2, p. 66–67]. The appearance of the Mangits can be explained by the fact that they exercised a significant influence in the eastern and western wings of the Golden Horde as of the fifteenth century, first in the Great Horde and then in the Crimean khanate, but only as one of the four *qarači-beys*.

⁹ The last work on this theme: [4].

REFERENCES

1. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on Kasimov Tsars and Tsareviches]. St. Petersburg, Vol. II. 1864, pp. 411–437. (In Russian)
2. Zaitsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2004. 303 p. (In Russian)
3. Kradin N.N. Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya evolyutsiya [Nomads, World-Empires and Social Evolution]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative Ways to Civilization]. N.N. Kradin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko, V.A. Lyn-shi (eds.). Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 314–335. (In Russian)
4. Sabytov Zh.M. Klanovaya sistema Ulusa Dzhuchi: osnovnye etapy razvitiya [Clan System of the Jochid Ulus: Main Stages of Development]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik stat'ey* [Medieval Turkic-Tatar States. Collected papers]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, Iss. 4, pp. 118–121. (In Russian)
5. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2001. 752 p. (In Russian)
6. Trepavlov V.V. Beklerbek v strukture mongol'skoy i tyurkskoy gosudarstvennosti [Beglerbegi in the Structure of the Mongol and Turkic State System]. *Golden Horde Review*. 2014. No. 2(4), pp. 21–34. (In Russian)
7. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk Istorii* [The Great Horde – Takht eli. An Essay on the History]. Tula, Grif i K. Publ., 2010. 112 p. (In Russian)
8. Usmanov M.A. O tragedii eposa i tragediyakh lyudskikh [On the Epic's Tragedy and Human Tragedies]. *Ideyey. Tatarskiy narodnyy epos* [Edigu. The Tatar National Epos]. Per. S. Lipkina. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1990. (In Russian)
9. Utemish Hajji. *Chingiz-name* [Chingiz-name]. Faksimile, perevod, transkriptsiya, tekstologicheskie primechaniya, issledovanie V.P. Yudina. Pod red. Yu.G. Baranova. Kommentarii i ukazateli M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata, Gilim Publ., 1992. 296 p. (In Russian)
10. Yudin V.P. Perekhod vlasti k plemennym biyam i neizvestnoy dinastii Tukatimuridov v kazakhskikh stepyakh v XIV v. (K probleme vostochnykh pis'mennykh istochnikov, stepnoy ustnoy istoriografii i predystorii kazakhskogo Khanstva) [Power Transition to the Tribal Beys and Unknown Dynasty of the Tuqa-Timurids in the Kazakh Steppes in the 14th century (On the Problem of Oriental Written Sources, Steppe Oral Historiography and Prehistory of the Kazakh Khanate)]. Utemish Hajji. *Chingiz-name* [Chingiz-name]. Faksimile, perevod, transkriptsiya, tekstologicheskie primechaniya, issledovanie V.P. Yudina. Pod red. Yu.G. Baranova. Kommentarii i ukazateli M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata, Gilim Publ., 1992, pp. 57–66. (In Russian)
11. Esin E. Hanlar Ulaki (The succession of kings). On the illustrated genealogy, with Uyğur inscriptions, of the Mongol and Temürid dynasties, at the Topkapı library. Heissig W., Sagaster K. (hrsg.). *Gedanke und Wirkung. Festschrift zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe*. Asiatische Forschungen 108. Wiesbaden, Harrassowitz. 1989, pp. 113–127.
12. Ivanics M., Usmanov M.A. *Das Buch der Dschingis-Legende. Däftär-i Čingiz-nämä*. I. Studia Uralo-altaica 44. Szeged, Univ., Dep. of Altaic Studies, 2002. 324 p. (In German)
13. Ivanics M. Der Sippenbaum im Buch der Dschingis-Legende. *Man and Nature in the Altaic World: Proceedings of the 49th Permanent International Altaistic Conference, Berlin, July 30 – August 4, 2006*. B. Kellner-Heinkele, E.V. Boykova, B. Heuer (hrsg.). Berlin, Klaus Schwarz Verlag. 2012, pp. 179–191. (In German)

14. Ivanics M. Türk–Moğol geleneğinde han kötermek merasimi. Paper read on the conference *Ölümünün 100. Yılında Ármin Vámbéry'yi Anma Toplantısı*. Ankara, 2013. Forthcoming. (In Turkish)

15. Kradin N.N. Nomadism, evolution, and world-systems: Pastoral societies in theories of historical development. *Journal of World-Systems Research*. Santa Cruz, Calif., 2002, no. 8/3, pp. 368–388.

16. Manz Forbes B. The Clans of the Crimean Khanate 1466–1532. *Harvard Ukrainian Studies*. Cambridge, Mass., Harvard Ukrainian Research Institute, 1978, no. 2 (3), pp. 282–309.

17. Manz Forbes B. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989. xi + 227 p.

18. Nagel T. *Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters*. München, C.H. Beck, 1993. 531 p. (In German).

19. Rachewiltz I. de. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. 2 Vols. Leiden–Boston, Brill, 2004.

20. Schamiloglu U. The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1984, Is. 4, pp. 283–297.

21. Sela R. *Ritual and Authority in Central Asia: The Khan's Inauguration Ceremony*. Papers on Inner Asia, no. 37. Bloomington, 2003. 79 p.

22. Semenov A.A. „Gur-i Emir” Türbesinde Timur'un ve Ahfadının Mezar Kitabeleri. (Cev. Abdülkadir İnan) *Belleten* 24. Sayı 93, (1960), pp. 139–169. 7 resim ile. (In Turkish).

23. Togan Z.V. The Composition of the History of the Mongols by Rashīd al-Dīn. *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1962, no. 7, pp. 60–72.

About the author: Maria Ivanics – Ph.D. (History), Professor, Department of Altaic Studies, University of Szeged Hungary (Egyetem u. 2, Szeged 6722, Hungary). E-mail: res13986@helka.iif.hu

Received May 25, 2016

Accepted for publication August 17, 2016

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ДАФТАР-И ЧИНГИЗ-НАМЕ

Мария Иванович

Сегедский университет

6722, Сегед, Венгрия

E-mail: res13986@helka.iif.hu

Тюркские народы Поволжья потеряли свою государственность на протяжении веков из-за завоевания Россией Казанского и Астраханского ханств в середине XVI века. Память о государственности у этих народов была сохранена в устной историографии степи. Неудивительно поэтому, что в пост-советских тюркских республиках была предпринята попытка создания и укрепления национальной идентичности с последующей публикацией новейших редакций национальных эпосов и сборников исторических преданий.

Цели и материалы исследования: Статья анализирует одно из произведений устной историографии – Дафтар-и Чингиз-наме, – составленное и записанное неизвестным автором в конце XVII века. В главе о Чингиз хане находятся две истории, которые отражают различные формы организационной практики в кочевых государствах. Первая была характерна для Золотой и Ногайской Орды в их зените (совместное управление хана и бега), а вторая изображает отношения постордынских государств, в которых хан и четыре карачи составляли руководящую верхушку. В Чингиз-наме можно установить тип суперсложного общества, во главе которого стоял Темир Кутлу хан со своими четырьмя карачи-биями из родов Кият, Конграт, Катай, Салджут.

Результаты и научная новизна: Анализ источника позволяет дать ответ на вопрос, почему карачи-бии Большой Орды так отчетливо отличаются от карачей других постордынских государств?

Историк может почерпнуть информацию из этой истории как в отношении времени создания этого источника, так и о механизмах кочевнической администрации. То, что становится ясно из этой истории, это то, что кланы имели право сопротивляться и могли выйти из-под власти тиранического правителя в поисках нового. В степи не существовало такого закона, который мог бы позволить хану использовать силу в подобных случаях. Хан мог удерживать свою власть только путем подарков предводителям кланов и предоставления возможности регулярного получения военной добычи. Таким образом, хан был предводителем кочевнического общества только при поддержке глав кланов и не имел абсолютной власти над ними.

Ключевые слова: Поволжье, Дафтар-и Чингиз-наме, устная историографическая традиция, Золотая Орда, Большая Орда, Темир Кутлу хан, карачи-бии.

Для цитирования: Ivanics M. Memories of Statehood in the Defter-i Genghis-name // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 570–579.

Сведения об авторе: Мария Иванич – доктор исторических наук, кафедра алтаистики Сегедского университета (6722, Egyetem u. 2, Сегед, Венгрия). E-mail: res13986@helka.iif.hu

Поступила 25.05.2016 г.

Принята к публикации 17.08.2016 г.

УДК 94(470)"14"

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ХАДЖИ-ГИРЕЯ

А.В. Якушечкин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

420014, Казань, Российская Федерация

E-mail: qrim.alex@yandex.ru

Цель: в данной работе предпринята попытка уточнить обстоятельства прихода к власти хана Хаджи-Гирея. К сожалению, до нас дошло очень мало сведений об этом. Именно в силу этого важным становится тщательное изучение всех доступных нам данных, их сравнительный анализ и интерпретация.

Материалы исследования: в рамках данной работы нами сделана попытка обобщить различные доступные источники информации по этой теме: данные, содержащиеся в казначейских книгах Кафы 1441–1442 гг., сведения европейских хронистов, сообщения восточных авторов.

Результаты и научная новизна: новизной данной работы является комплексный подход к проблеме, анализ не только максимального количества источников, имеющихся в нашем распоряжении, но и критический обзор историографии.

Краткое изложение основных результатов работы.

1. Развернутый анализ историографии данной проблемы позволил выявить ошибочные предпосылки и доводы, приводившие к неверным датам прихода к власти Хаджи-Гирея.

2. Инициация Хаджи-Гирея на правление беями Крыма, прежде всего, преследовала цель борьбы с Саид-Ахмадом.

3. Решение о посылке послов к Казимиру с просьбой отпустить Хаджи-Гирея в Крым было принято вскоре после смерти Айдара. Посольство к Казимиру вышло из Крыма в районе декабря 1441 – января 1442 годов.

4. Провозглашение Хаджи-Гирея ханом произошло не позже марта 1442 года. Сразу после избрания ханом Хаджи-Гирей отправился с военным походом на Саид-Ахмада за пределы Крыма. Компания продолжалась, по крайней мере, до середины лета и закончилась победой Хаджи-Гирея.

5. В мае 1442 года в Массариях Кафы упомянут брат Хаджи-Гирея. Судя по всему, это – известный по многим источникам Джанай (Джанай-оглан). Кроме того, подтверждаются данные источников о том, что к Хаджи-Гирею прибыл воспитатель (атабек) его отца, Гийас ад-Дина, Девлет-Кельди.

Перспективным является более детальное изучение оригиналов документов – Массариев Кафы, переписки протекторов Банка Святого Георгия с кафской администрацией, возможно – архивные поиски в стамбульских собраниях документов, и изучение корпуса русских дипломатических документов XV–XVI веков, что может уточнить выводы, сделанные в данной работе.

Ключевые слова: Крым, Золотая Орда, Крымское ханство, Кафа, Казначейская книга, Массария Кафы, Улуг-Мухаммад, Айдар, Саид-Ахмад, Тегине, Хаджи-Гирей.

Для цитирования: Якушечкин А.В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 580–601.

К сожалению, в нашем распоряжении находится очень мало источников, которые бы давали информацию об обстоятельствах и времени прихода к власти Хаджи-Гирея, о его семье. Поэтому так важно тщательное изучение всех источников, которые смогли бы дать нам информацию об этом.

Целью настоящей работы является комплексный анализ дошедших до нас данных для реконструкции событий в Крыму времени прихода к власти Хаджи-Гирея. Это – бухгалтерские книги генуэзского казначейства Кафы (далее, для краткости – Массарии) периода 1441–1442 годов, сведения западных и восточных хронистов и историков.

К сожалению, как мы покажем ниже, многие авторы исторических описаний и хроник допустили в своих трудах неточности и явные ошибки. Это можно объяснить, прежде всего, тем, что практически все эти авторы не были современниками интересующих нас событий. Многие из цитируемых нами трудов писались через 100, 200 и, даже, более чем 300 лет после того, как Хаджи-Гирей пришел к власти. Конечно, это наложило свой отпечаток на достоверность сведений. Но даже несмотря на указанные недостатки, тщательное, комплексное анализирование нами источников, их сравнение с официальными документами эпохи позволяет «отделить зерна от плевел» и выявить необходимую нам информацию.

Наиболее точным источником информации, доступным сейчас для нашего изучения, являются бухгалтерские книги казначейства Кафы. Следует отметить, что изучение фонда архивных источников средневековых итальянских городов-республик имеет хорошую традицию в российской исторической школе. В качестве примера можно привести ряд прекрасных работ лаборатории истории Византии и Причерноморья Исторического факультета Московского государственного университета (Научный руководитель – Карпов С.П.). Но, к сожалению, работы в большей степени носят специализированный характер. До сих пор не издан сводный реестр-каталогизатор по Массариям Кафы, нет специальных работ именно с переводами Массариев на современные языки. Кроме того, опубликованные работы не затрагивают интересующий нас период 1441–1442 гг.

Основным источником сведений о содержании Массариев в данной работе являлся опубликованный в 1899 году румынским историком Николае Йоргой первый том его «Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle» [32], содержащий, в том числе, фрагменты записей казначейских книг Кафы. Кроме того, сравнительно недавно вышла работа Анники Штелло [36], содержащая, в том числе, большое количество выписок из Массариев Кафы.

Вначале мы кратко рассмотрим историю развития взглядов на проблему времени прихода к власти Хаджи-Гирея. Это тем более важно в связи с тем, что до сих пор, к сожалению, в литературе встречаются упоминания «ранних» правлений Хаджи-Гирея.

К середине XX века сложилось несколько научных традиций решения этой проблемы.

1. **1420–1423 гг.** – Этот период, в частности, упомянут Васильевым А.А. в его фундаментальной работе «Готы в Крыму» [38]. Васильев предполагает, что Хаджи-Гирей правил в Крыму еще во время Феодоро – Кафского конфликта 1422–1423 годов [38, p. 202].

Судя по всему [38, р. 206, nota 5], Васильев основывался на дате начала правления Хаджи-Гирея (1420 г.), приведенной в работе Стенли Лэн-Пуля «Мусульманские династии» (данная работа выдержала множество изданий на разных языках, см, например [10, с. 168]).

2. **1428 г.** – Василий Дмитриевич Смирнов в своей работе «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты» [25], исходя из ложных предпосылок о том, что хан Золотой Орды Девлет-Берди и крымский хан Хаджи-Гирей – одно и то же лицо, делает вывод о так называемом «первом правлении» Хаджи-Гирея с 1428 года [25, с. 195]. При этом для объяснения расхождения во времени упоминаний о Хаджи-Гирее и Девлет-Берди Смирнов предлагает «даты 1437 и 1443 годов подвинуть на 10 лет назад» [25, с. 195].

К сожалению, предположение Смирнова о «первом» правлении Хаджи-Гирея в Крыму с 1428 года до сих пор многими исследователями, профессионально не занимающимися именно историей XV века, считается за данность, и 1428 год фигурирует во множестве работ и книг как начало правления Хаджи-Гирея.

3. **1433–1434 г.** – Несмотря на то что многие авторы пишут о том, что Хаджи-Гирей принимал самое активное участие в конфликте между Кафой и княжеством Феодоро (1433–1434), ни в одном известном нам документе, где описываются события этого времени, не упомянуто его имя¹.

Рассмотрим очень кратко² в качестве примера несколько фундаментальных работ, где говорится именно о том, что Хаджи-Гирей правил в Крыму в указанный период. Это важно с той точки зрения, что указанные работы являются первоисточником для множества цитирований и ссылок.

Смирнов В.Д. «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.» [25].

Используя смутные указания Богуш-Сестренцевича о захвате Хаджи-Гиреем Кафы³, Смирнов датирует это событие 1434 годом, связывая с победой Солхата над войсками под управлением Карло Ломмелино [25, с. 193–194]. Таким образом, Смирнов априори считал Хаджи-Гирея активным участником конфликта 1433–1434 годов и на основе этого сделал свой вывод о его правлении в указанный период.

Васильев А.А. «The Goths in the Crimea» [38].

Описывая ход конфликта 1433–1434 годов, Васильев уверенно говорит о том, что Хаджи-Гирей был если не инициатором этого конфликта, то уж точно выступал в нем в роли союзника Алексея. При этом Хаджи-Гирей был в указанный период именно крымским ханом [38, р. 206].

Можно предположить, что все свои построения о месте и роли Хаджи-Гирея в генуэзско-феодоритских конфликтах 1422/1423 и 1433/1434 годов Васильев строит на том, что в это время он правил в Крыму. Что, как мы уже видели, необоснованно. Следует отметить, что и сам исследователь, ссылаясь

¹ Подробный свод генуэзских документов о конфликте между княжеством Феодоро и Кафой 1433–1434 годов см. в [30].

² Более полный анализ см. в [30].

³ «...Гаджи-Гирей, верный наблюдатель своих обязательств, помог Полякам и воспользовался сим случаем к объявлению себя независимым. Он напал в тоже время на Генуэзцев, союзников Кипчака: победил их на сражении и отнял у них город Кафу» [24, с. 242].

на работы Колли [9] и Бартольда [31, р. 217], пишет, что «даты Хаджи Гирея не определены однозначно»⁴ [38, р. 206, rem. 5].

Кроме того, еще раз обратим внимание на то, что при всех своих гипотетических предположениях о правлении Хаджи-Гирея в 1433–1434 гг. Васильев не привел ни одного документа, – ни генуэзского, ни восточного, – который подтвердил бы это.

Сафаргалиев М.Г. «Распад Золотой Орды» [23].

Для аргументации участия в конфликте Хаджи Гирея автор упоминает некие «генуэзские грамоты» 1433 года. При этом ссылок на эти документы исследователь не приводит [23, с. 239].

Отличный специалист по истории Золотой Орды, Сафаргалиев, как бы подчеркивая некую эфемерность гипотезы о правлении Хаджи-Гирея в этот период, говорит о его кратковременности [23, с. 239]. При этом исследователь отмечает, что у нас нет никаких источников, которые бы говорили о том, «при каких обстоятельствах Хаджи-Гирей был изгнан из Крыма и должен был удалиться ко двору Сигизмунда» [23, с. 240].

Мыц В.Л. «Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты» [14].

Исследователь опубликовал две фундаментальные работы, где подробно рассмотрел конфликт 1433–1434 годов [13; 14].

Автор отмечает, что в нашем распоряжении нет никаких документов, свидетельствующих о том, что именно Хаджи-Гирей был инициатором конфликта 1433–1434 гг. [14, с. 158]. Но в то же время он несколько не сомневается в том, что Хаджи-Гирей все же принимал участие в этом конфликте, отмечая, что нам точно неизвестно время появления Хаджи-Гирея в Крыму, и лишь приблизительно относя его к 1433 году»⁵ [14, с. 158].

При этом автор придерживается мнения о том, что на период войны княжества Феодоро с Кафой приходится «первый кратковременный, но яркий период его (Хаджи-Гирея – А.Я.) правления Крымским Улусом» [14, с. 170]. И именно Хаджи-Гирей одержал «столь убедительную победу над генуэзцами в битве у Солхата» [14, с. 170]. Хаджи-Гирей, по мнению Мыца, руководил обороной Солхата и даже «путем дезинформации сумел убедить генуэзцев либо в том, что он (Хаджи-Гирей – А.Я.) примет бой в городе, либо что он вообще бежал из города» [14, с. 166]. Далее исследователь пишет о переговорах Карло Ломеллино с Хаджи-Гиреем [14, с. 171]⁶, ссылаясь на письмо Никола де Порты, хотя в нем вообще не упомянуты имена правителя (правителей?) Солхата и Орды⁷, и более того – вообще не упомянут факт таких прямых переговоров.

В заключении данного раздела хотелось бы отметить интересную работу Владислава Гулевича [4], в которой автор, помимо всего прочего, выражает

⁴ «Hadji-Girei's dates are not definitely established».

⁵ В качестве одной из ссылок на дату начала правления Хаджи-Гирея автор приводит работу Акчокраклы, который считал, что Хаджи Гирей впервые пришел к власти в 1432 году [1, с. 166].

⁶ Интересно отметить, что помимо переговоров с Хаджи-Гиреем, Мыц приписывает Ломеллино некие «связи» с Саид-Ахмадом: «Параллельно переговорам с Хаджи-Гиреем (?) Ломмелини тайно установил через имеющуюся у генуэзцев агентуру связь с его соперником Сайид-Ахмедом...» [14, с. 178].

⁷ Подробный анализ письма Никола де Порты см. в [30].

законные сомнения в возможности правления Хаджи-Гирея в 1433–1434 гг. В частности, автор приводит убедительные аргументы, свидетельствующие о том, что Сигизмунд Кейстутович не мог помочь Хаджи-Гирею стать ханом в 1433–1434 гг. [4, с. 124–125]⁸.

4. 1443–1449 г.

Для обоснования этого периода начала правления Хаджи-Гирея исследователи отталкиваются от следующих документов:

1. Хроника Быховца [29, с. 97–98].

В контексте данного источника косвенно можно сделать вывод о том, что Хаджи-Гирей пришел к власти в 1445–1446 годах:

«А на другой год⁹ приехал из Молдавии князь Свидригайло, дядя великого князя Казимира, который был в Молдавии семь лет и пас там овец, убежав от князя Сигизмунда. И князь Казимир принял его ласково и с великой честью, и дал ему до смерти Луцк со всей землей Волынской. И в том же году приехали к великому князю Казимиру князья и уланы и все мурзы Шириновские и Баграновские и от всей орды Перекопской, прося и бия челом, чтобы дал им на царство царя Ач-Гирея, который приехал из Орды в Литву еще при великом князе Сигизмунде, и князь великий Сигизмунд дал ему Лиду. И князь великий Казимир того царя Ач-Гирея послал из Лиды в орду Перекопскую на царство, одарив, с честью и с большим почетом, а с ним послал посадить его на царство земского маршала Радзивилла. И Радзивилл проводил его с почетом до самой столицы его, до Перекопа, и там именем великого князя Казимира посадил его Радзивилл на Перекопском царстве».

Занятие Волыни Свидригайло произошло в марте-апреле 1442 года (подробнее см. [4, с. 127]).

2. Хроника Стрыйковского [37, р. 212–213], перевод [25, с. 194].

Их хроники Стрыйковского можно сделать вывод о том, что Хаджи-Гирей пришел к власти в 1443 году:

«Того же лета¹⁰ татаре перекопские, барыньские и ширинские, у которых царь умер без потомства, прислали к Казимиру, великому князю литовскому с просьбой дать им на царство Хаджи Гирея, который бежав из Орды, в то время проживал в Литве, где он владел для прокормления городом Лидою по милости панов литовских. Поэтому Казимир в назначенный день в Вильно, в приготовленном замке возвел с литовскими панами того Хаджи Гирея на царство татарское и послал его в Крымскую Орду с маршалком Радзивиллом, который смело посадил его там на трон отцовский!»

Таким образом, польские хронисты, к сожалению, не могут дать нам четкого ответа на вопрос о времени прихода к власти Хаджи-Гирея именно в силу своей противоречивости и непоследовательности в датах.

Людвиг Колянковский предполагал, что события избрания на царство Хаджи-Гирея, известные нам по Хроникам Быховца и Стрыйковского, произошли, на самом деле, в 1449 году [33, р. 264–265]. Для аргументации своей гипотезы исследователь воспользовался письмом Казимира великому магистру Тевтонского ордена от 26 августа 1449 года. В тексте письма Казимир, в част-

⁸ Именно так трактует события Колянковский, приводя фрагмент из ранее неопубликованного письма Сигизмунда Старого Саадату Гирею I [33, р. 257–258, rem. 9].

⁹ В начале данного раздела речь идет о 1445 годе.

¹⁰ До этого раздела речь идет о 1443 годе.

ности, упоминает о некоем «другом Татарине», которого он, Казимир, выдвинул в «Императоры». Этот самый «Татарин» был провозглашен в Орде Императором и вытеснил Саид-Ахмада «далеко в степь, к «Пяти Горам»»¹¹. Колянковский делает вывод, что этот самый «Татарин» Казимира и есть Хаджи Гирей, которого послы Ширинов и Барынов затем препроводили в Крым.

В связи с тем, что мы сейчас, в данной работе, делаем вывод о том, что все события, изложенные в Хронике Быховца и Хронике Стрыйковского происходили на рубеже 1441–1442 годов, возникает интересная проблема идентификации «Нового Татарина» Казимира. Но это – тема для отдельного исследования.

5. 1441 – 1442 гг.

Важнейшим свидетельством именно этого временного периода прихода к власти Хаджи Гирея является выпуск монет с его именем с датой 845 год [35, p. 244–246, Taf I, № 1–9] (845 г.х. = 22 мая 1441 г.н.э. – 11 мая 1442 г.н.э.).

Еще одним важным источником, несомненно, является записи генуэзских нотариусов – Массариев 1441–1442 годов [32, p. 35–36].

Прежде всего надо отметить, что:

Во-первых, мы работаем не с оригиналами Массарии, а с теми выписками из них, что издал Н. Йорга [32].

Судя по публикации Пономарева [22], который привел ряд неизданных до сих пор записей из Массариев 1420–1426 годов, при работе с оригиналами самих документов 1441–1442 гг. мы можем получить гораздо больше интересующей нас информации¹².

Во-вторых, до нас дошел неполный набор документов за указанные годы.

Поэтому мы должны оперировать в данном случае именно словами «нам известно».

Итак, в доступных нам опубликованных записях Массариев Кафы имя Хаджи-Гирея впервые появляется в мае 1442 г.

К сожалению, издатель Массариев, Йорга, не дает полный текст данной записи, дата – май 1442 года – дается в скобках самим издателем.

Fol 99 v⁰ [32, p. 35]

Exenium fiendum imperatori Agicarei, imperatori Tartarorum... – Item, ea die [mai 1442], pro expensis Johannis de Reynaldo et Francisci de Flischo, ambassatorum missorum ad dictum imperatorem Agicarei, cum dictis exeniis..., asp. DCCCVI.

Эксении (подарки, подношения) для императора Хаджи-Гирею, императора татар... – Также, в этот день [май 1442 г.] за расходы Джованни де Рейналдо и Франческо де Флиско, послов, отправленных к упомянутому императору Хаджи-Гирею, с указанными ценностями ... 806 аспров.

¹¹ Прочтение названия географического пункта «ku Pietyhorom» даны нами по Колянковскому. При этом сам автор приводит оригинальное немецкое написание: «gar weit ken peythor» [33, p. 265, rem. 4].

¹² Ярким примером объема информации в Массариях 1441–1442 гг. может служить следующий факт. Карпов, исследуя работоторговлю в Причерноморье, выявил в Массариях указанного периода 729 одних только упоминаний о рабах [8, с. 141]. Йорга же дал за этот же период всего 13 фрагментов записей.

Дары, преподносимые коммуной Кафы правителям Солхата и Орды, были, условно, рядовые (эксении) и специальные – новены. Новены были обязательным даром при приходе правителя к власти [22, с. 174].

С другой стороны, преподносились ли дары в виде новены исключительно только при приходе к власти получателя даров, – вопрос далеко не однозначный. Можно ли трактовать подношение даров в виде новены как доказательство того, что адресат даров стал правителем? Именно так поступил Пономарев, трактуя получение новены Девлет-Берди 16 декабря 1422 года [22, с. 174], несмотря на то что Девлет-Берди при этом назван «братом императора».

Еще одним показательным примером является приношение даров в виде новен Хаджи-Гирею в июне 1455 г. на сумму 31 000 аспров¹³ [38, р. 232, rem. 2]¹⁴:

Novene datte Agutaree, Imperatori Tartarum, de acordio in Tedoro Olobei Greci per s. d. Damianium de Leone massarium, etc. pro anno elapso de 1455, tempore consulatus magnifici d. Tome de Domoculta debet pro Teodorcha de Telicha Velacho asperos 31 000.

В нашем распоряжении, по крайней мере, сейчас нет никаких данных, которые говорили бы о том, что Хаджи-Гирей заново приходил к власти в 1455 году.

Кроме того, в записи Массарии от 15 июля 1446 года упомянут некий даруга, который прибыл в Кафу за новенами (*qui venit ad accipiendum novenas*) [32, р. 38, Fol 66].

Т.е., еще раз подчеркиваем: надо более тщательно исследовать вопрос о том, всегда ли дары в виде новен, по крайней мере, в Крыму преподносились исключительно по поводу пришествия к власти.

Так как в мае 1442 года Хаджи-Гирею преподносят рядовые эксении, а не новены, можно говорить о том, что в это период Хаджи-Гирей уже, по крайней мере, некоторое время находился у власти.

Интересен еще и следующий факт. Если мы правильно понимаем текст, то указанные 806 аспров, выданные двум послам, которые доставляют подношение – эксении Хаджи-Гирею, являются именно деньгами на их расходы, подорожные. На одного человека, тем самым, приходится чуть более чем по 400 аспров. Как отмечает Пономарев [22, с. 162, прим. 8], в первой половине 20 годов XV в. за поездку в Солхат гонец получал от коммуны Кафы 20 аспров подорожных, в Чембало и крымские степи – 80, и только поездки за пределы Крыма, в Орду, на Днепр, Дон стоили сотни и тысячи аспров. Т.е. подорожные в размере 400 аспров явно говорят о том, что гонец уезжал из Крыма. Следовательно, можно сделать вывод о том, что Хаджи-Гирей в этот момент, явно, был где-то за пределами Крыма.

Возможно, Хаджи-Гирей в это время находился в военном походе против Саид-Ахмада, о котором нам говорит следующий текст:

¹³ Примечательно, что дары-новены Хаджи-Гирею в 1455 году Кафа давала в соглашении (*de acordio*) с Олобеем, князем Феодоро.

¹⁴ Данный фрагмент из Массарий Кафы был опубликован румынским исследователем Bănescu в 1931 году (*N. Bănescu, Vechi legături ale țării noastre cu genovezii, în vol. Închinare lui Nicolae Iorga, Cluj, 1931, pp. 32–37*). К сожалению, данная публикация нам не доступна. Для цитирования мы использовали работу Васильева.

Fol 103 [32, p. 36]

«MCCCCXXXII, die XXX Jullii. Expense..., et pro mandilo uno..., exeniato cuidam nuncio Agicarei, imperatoris, qui novum portavit de Victoria per eum obtenta contra Seitacmet, qui insultum fecerat contra Lordo et dictum Agicarey»¹⁵.

«1442, 30 июля. Расходы...и за один платок (шарф) [mandilo – издатель дает пояснение, что данное слово происходит от греческого ... = mouchoir, fichu]..., был одарен вестник Хаджи-Гирея, который принес весть о победе, одержанной им (Хаджи-Гиреем) над Саид-Ахмадом, который напал на Орду и упомянутого Хаджи-Гирея».

Можно предположить, что, по крайней мере, с мая и, возможно, по июль–август 1442 г. Хаджи-Гирей предпринимал некие военные действия против своего оппонента Саид-Ахмада. Очевидно, что эти военные действия происходили за пределами Крыма¹⁶.

Многие исследователи¹⁷, в качестве ранней границы начала правления Хаджи-Гирея, указывают на март 1441 года, связывая эту дату с упоминанием в Массариях Кафы Саид-Ахмада. Рассмотрим подробно эту запись.

Fol 119 [32, p. 36]

«MCCCCXXXI, die XXVIII Marcii. Georgica Spinula Frederici debet nobis pro equis duobus presentatis per deroga nostrum Tartarorum, uno videlicet parte Saitmacmet, imperatoris, et alio parte Aydarbi».

«1441, 29 Марта. Джорджио Фредерико Спинола дебетуется за двух коней, предоставленных даругой наших татар, а именно, одну со стороны Саид Ахмада, другую – со стороны Айдара бея»¹⁸.

Стандартная запись «debet nobis» имеет в виду дебетование¹⁹ некоего счета коммуны Кафы в пользу, в данном случае, Джорджио Фредерико Спинолы за расходы, им понесенные. С другой стороны, как отмечает А.Л. Пономарев, татары приносили ответные дары коммуне Кафы и ее должностным лицам в виде скакунов, которых консул обязан был продавать с аукциона [22, с. 162]. И в этом смысле, возможно, что упомянутый Фредерико как раз и занимался продажей этих коней. Мы надеемся, что тщательное изучение оригинальных записей Массариев позволит в будущем дать уточненный перевод.

¹⁵ В [36, p. 122, rem. 457] приводится следующий текст: cuidam nuncio Agicarei imperatoris qui novella portavit de victoria per eum obtenta contra Seitacmet qui insultam fecerat contra lordo et dictum Agicarei de LXXX asp. CCCXXXXIII. При этом автор дает ссылку на Fol 103^r.

¹⁶ Еще одним аргументом «за» подобную трактовку событий может служить информация о военном походе Девлет-Берди за пределы Крыма, который продлился с весны по август 1423 года. Никола де Бассиньяно, переводчик курии, отправившийся из Кафы к Девлет-Берди 28 мая 1423 года, также получает подорожные в размере 400 дангов (асп-ров?) [22, с. 176].

¹⁷ См., например [3, с. 34, прим. 32; 4, с. 125, 126–127].

¹⁸ Написание имени в форме Айдарби можно объяснить генуэзской транскрипцией от имени и титула (звания) Айдар бей.

¹⁹ В данном случае мы избегаем прямого перевода фразы «debet nobis» как «должен нам». Подробнее см. [21, с. 333]. Массарии велись по принципу двойной записи. В зависимости от того, в правой (в дебетовой) или левой (кредитовой) части таблицы (в нашем случае – страницы Массарии) была та или иная запись, а также в каком именно счете отражается операция, возможно, как и получение денег упомянутой Персоной, так и, наоборот, его долг перед Коммуной. Подробнее см. [21].

Данная запись, с одной стороны, свидетельствует о том, что осенью 1441 года Кафа признавала Саид-Ахмада «императором», но, с другой стороны, данный фрагмент Массарии не дает нам прямое указание на то, что в указанное время Саид-Ахмад находился в Крыму²⁰.

Кроме того, упоминание в Массарии имен «императоров татар» вовсе не является доказательством того, что в данный момент они правили (находились) именно в Крыму. Покажем это на следующем примере. В записи от 6 июня говорится о событиях мая 1442 г.:

Fol 100 [32, p. 35–36]

«MCCCCXXXII, die VI Junii, et fuit VIII Madii. Expense facte pro Cassu, filio Olomahmet, imperatoris Tartarorum, qui huc accessit cum preda capitum S[arracenorum] quingentorum ..., pro alafa diei unius ... , asp. CCCL.

Item, ea die [18 mai], et fuit XXIII Madii, et sunt pro naulo sue navis, que portavit equos dicti soltani ad Matregam..., asp. V.

Item, die XXX Jullii, et sunt...; accipiente Bartholomeo de Flischo pro ejus mercede, qui accessit super navem que conduxit dictum Casum in Matrega..., asp. C».

«1442, в день 6 июня, было 9 мая. Расходы, связанные с Касимом, сыном Улуг-Мухаммада, императора татар, который приехал сюда с пятьюстами сарацинами (невольники?)²¹ ..., за алафу один день ... , 350 аспров.

– Также в этот день (18 мая), и было 23 мая, и были (произведены расходы) на (каждого) моряка своего (того) корабля²², который привез коней упомянутого султана к Матреге ..., 5 аспров.

– Также, в день 30 июля, и были ...; Бартоломей de Flischo, который пришел на корабль, доставивший упомянутого Касима в Матрегу ..., получил в свое вознаграждение 100 аспров».

Как видим, говоря о событиях мая 1442 г., в качестве титула Улуг-Мухаммада фигурирует «император татар». Данный титул является полностью идентичным титулу Хаджи Гирея в записи от того же мая 1442 года. Но упоминание этого титула в Массарии Кафы вовсе не означает, что Улуг-Мухаммад правил в это время именно в Крыму²³.

Таким образом, прямое упоминание имени Саид-Ахмада не может являться доказательством того, что в марте 1441 г. Хаджи Гирей не мог править в Крыму. Но если признать упомянутого в той же записи Айдара-бея именно Айдаром²⁴, зятем Улуг-Мухаммада, то это даст нам другую временную метку – условно, в марте 1441 года Айдар был жив²⁵. Далее мы объясним важность

²⁰ Массарии упоминают о каких-то военных действиях в Крыму летом 1441 года и о финансовом участии в них генуэзцев, Fol. 45 v⁰ [32, p. 35]: «MCCCCXXXI, die prima Jullii. Racio mutui, ossaxione guerre Surcati...». Данные события могут свидетельствовать о том, что к началу июля 1441 г. в Крыму (Солхате) уже шла борьба за власть.

²¹ Точнее, «который прибыл сюда с добычей в пятьсот голов Сарацин» (*прим. ред.*).

²² Точнее, «и были (произведены расходы) за прокат его корабля» (*прим. ред.*).

²³ С 1437–1438 гг. Улуг-Мухаммад правил в Казани.

²⁴ Об Айдаре см., например, в русских летописях: [17, с. 170; 18, с. 147; 20, с. 186] (пленение Григория Протасьева); [16, с. 15–16; 17, с. 171] (спор о Великом Княжении).

²⁵ «Условно» мы пишем в силу того, что между датой записи в Массарии отчета о событиях и самими событиями могло пройти некоторое время – до месяца и более. Так, к примеру, в вышеупомянутой записи о Касиме, сыне Улу-Мухаммеда, запись о событиях 9 мая сделана 6 июня.

этого факта для реконструкции обстоятельств прихода к власти Хаджи-Гирея.

Еще одна чрезвычайно интересная для нас запись в документе Кафы была сделана 6 июня 1442 г.:

Fol 100 [32, p. 36]

«Item, ea die [6 juin 1442], et fuit XI Madii..., pro alafa dato soltano, fratri Agicarei, imperatoris Tartarorum..., asp. CCC. – Item. Ea die, et fuit XII Madii, pro marvaxia et aliis, ac asp. C, datis fratri Agicarei imperatoris, qui huc accessit, prope tres monticulos...asp CLXVIII... – Item, die XXX Jullii, et fuit XXVIII Madii..., pro alafa dato tata imperatoris Agicarei..., asp. C».

«– Также в этот день [6 июня 1442 года], было 11 мая ..., за алафу султану, брату Хаджи-Гирея, императора татар, дано 300 аспров.

– Также в этот день, было 12 мая, за мальвазию²⁶ и другое, еще 100 аспров было выдано брату Хаджи-Гирея, императора татар, который прибыл сюда, почти до Tres Monticulos, [«Трех Горок», «Трех Холмов», и т.д.] 168 аспров.

– Также, в день 30 июня, было 28 мая, за алафу папе (лат. tata) императора Хаджи-Гирея 100 аспров».

В первой части упомянутого документа говорится о некоем брате (fratri) Хаджи-Гирея.

Следует отметить важность данного свидетельства о том, что в указанное время брат Хаджи-Гирея был жив. Ибо этот момент чрезвычайно скудно освещен в наших источниках. Так, неизвестный автор «Муизз ал-ансаб фи шаджарат салатин могул» («Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских султанов», кратко – «Муизза») дает нам имена четырех сыновей Гийас ад-Дина:

Шах-несеб (شاة نسب), Султан-несеб (□ لطان نسب), Джан Гирей и Хаджи-Гирей [26, с. 61].

Первые два указанных «брата», на самом деле, являются сестрами Хаджи-Гирея – это неточность перевода В.Г. Тизенгаузена²⁷.

Что же касается еще одного указанного здесь имени, то в нем легко узнать Джаная, известного нам прежде всего по работе Сеид Мухаммеда Ризы «Эссебу-эс-Сейяр фи ах барии мулоки татар» («Семь планет»). Однако кем именно доводился Джанай Хаджи-Гирею, мнение источников расходятся.

В «Сборнике летописей» анонимного автора, изданного Березиным в 1854 году, говорится о том, что Джан Гирей приходится Хаджи-Гирею братом, и был убит неким «кунгратским князем» [23, с. 140].

Ильми, давая комментарий к тексту «Розового куста Ханов», называет Джаная племянником Хаджи-Гирея (см. комментарии Ильми к переводу «Розовый куст ханов, или история Крыма» [28, с. 18–19]). Об этом же говорит «Краткая история» (см. в переводе Смирнова [25, с. 185–187]²⁸). Более того, из перевода, данного Смирновым, мы узнаем, что после бегства Хаджи-Гирея

²⁶ Marvaxia – мальвазия. См. [34, с. 90].

²⁷ Искренне благодарю Жаксылыка Сабитова, указавшего нам на эту неточность перевода.

²⁸ Тут надо бы отметить, что, судя по всему, два указанных нами источника не являются независимыми. Ильми брал информацию для своего комментария из книги Сеид Мухаммеда Ризы «Эссебу-эс-Сейяр фи ах барии мулоки татар» («Семь планет»). В свою очередь, «Краткая История» является сокращенным изложением указанного труда Ризы.

и Джаная из Крыма последний остался жив, но ушел с караваном в Хаджи-Тархан (в Казань – по тексту Ризы). «Когда же весть об этом (воцарении Хаджи-Гирея – А.Я.) дошла до слуха Джанай-Оглана, то он немедленно прибыл к державному трону Хаджи-Гирея и удостоился разных милостей» [25, с. 187]²⁹. Абдулгаффар Кырыми также утверждает³⁰, что Хаджи-Гирей и Джанай (в написании А. Кырыми – Джихан-Гирей) были братьями. Правда, автор пишет, что их отцом был «Девлет-Гирей», а у Гийас ад-Дина якобы «не было потомков» [12, с. 45]³¹.

На основе записи в Массарии Кафы мы можем сделать вывод о том, что Джанай приходился Хаджи-Гирею именно братом, что он был жив к моменту воцарения Хаджи-Гирея, и, таким образом, «Краткая История» в этой части своего повествования отражает реальное событие возвращения Джаная в Крым, к Хаджи-Гирею³².

Примечательно и то, что брат Императора Хаджи-Гирея наделен титулом «Султан». Вторичность этого титула по отношению к титулу «Император» можно отметить и в более ранних источниках. Так, например, этим титулом, «Султан», наделен в документах Кафы 1411 года сын Токтамыша, Джелал ад-Дин. Даже сообщая о захвате в 1411 году Джелал ад-Дином столичного Сарая, генуэзские чиновники называют его Султаном [22, с. 166, прим. 14]. Однако, несмотря на это, на монетах Хаджи-Гирея мы читаем его титул именно как «Султан», например, лицевая легенда монет 845 года «Первой Группы» по Ретовскому (Монеты № 1–5) [35, р. 244]:

السلطان / حاجی کرای بن / غیاث الدین / خان

Султан Хаджи-Гирей хан, сын Гийас ад-Дина.

В данном случае, на монете титул «Султан»³³ несет в себе смысл верховного правителя, правителя-мусульманина. Тем самым, Хаджи-Гирей продолжил традицию монетного дела Джучидов³⁴. Этот же титул, «Султан»³⁵, помещается на монетах Нур-Девлета и монетах Менгли-Гирея I 882–883 гг.х. Далее, в том числе и на ряде монет 883 г.х. Менгли-Гирея, с лицевой легенды монет Крымского ханства исчезает титул «султан» при имени хана³⁶. На наш

²⁹ К сожалению, не имея собственно переводов указанного труда Сеид Мухаммеда Ризы и (или) «Краткой Истории», мне приходилось опираться на выдержки и переводы, приводимые Ильми и Смирновым.

³⁰ См. недавно вышедший обзор сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» [12, с. 45].

³¹ Вообще говоря, анализ сведений Абдулгаффара Кырыми об истории Крымского ханства, заслуживает отдельного внимания. Нождемся издания полного русского перевода, которое, как обещают авторы Обзора, скоро увидит свет.

³² Зайцевым было высказано предположение, что Джанай является сыном Алибека (Алибея, Али-бея), брата Гийас ад-Дина [6, с. 68].

³³ Чаше на монетах Хаджи-Гирея к титулу «Султан» добавлялся эпитет «верховный»: الاعظم

³⁴ Более подробно об этом см. [15].

³⁵ В форме «Султан Верховный».

³⁶ Титул «Султан» как указатель того, что отец действующего хана сам не был ханом, вновь появляется на лицевой стороне монет Крымского ханства при Джанибеке-Гирее в период его первого правления (1019–1032 гг.х. = 1610–1623 гг. н.э.). Интересно и то, что первым ханом, чей отец не был правителем, в истории династии Гиреев был Девлет Ги-

взгляд, это связано с переходом Крымского ханства под вассалитет Османской империи. При этом титул «Султан», как верховного правителя для ханов Крыма, утратил свою легитимность³⁷. Ибо данный титул уже принадлежал правителю Османской империи³⁸.

Надо отметить, что Илья Зайцев предполагает наличие у Хаджи-Гирея еще одного брата – Мустафы, который чеканил свои монеты в Хаджи-Тархане. На аверсе этих монет – надпись: «Мустафа, сын Гийас ад-Дина» [7, с. 256]. Сам факт выпуска монеты говорит о том, что у Мустафы был реальный титул хана, как это и написано в легенде монеты:

السلطان الاعظم مصطفى خان بن غياث الدين خان

Султан верховный Мустафа хан, сын Гийас ад-Дина хана³⁹.

Кроме того, из данной монетной легенды видно, что и отец Мустафы, Гийас ад-Дин, также был ханом. Если добавить к этому и факт чеканки Мустафой монет в Хаджи Тархане, то становится понятным, что в качестве неназванного брата Хаджи-Гирея, упомянутого в Массарии, более вероятно предполагать именно Джаная, который никогда не был ханом (см. наши рассуждения о титуле «султан»), а не Мустафу⁴⁰.

Не совсем ясно, что это за географический пункт «tres monticulos», до которого «почти» добрался упомянутый брат Хаджи-Гирея? Так как коммуна Кафы выплачивается именно алафа, то следует предположить, что это некое место в окрестностях самой Кафы, (более корректно – по крайней мере, этот географический пункт относился к генуэзским колониям Крыма).

Сам издатель, Йорга, в примечании к этой записи упомянул, что договор 1381 г. между генуэзцами и татарами был заключен в некоей местности «Три фонтана (колодца)», которая располагалась между Кафой и горой Сачум («in mezo de Caffa e de la montagna de Sachim, davanti li trey pozi») [32, р. 36, rem. 2].

Судя по всему, это же место, но в форме «tres montaniolas», упомянуто в записи от 17 августа 1446 года [32, Fol 66v0, р. 38] – об отправке эксений некому Усдемороху, бывшему господину Гетов, который прибыл в «tres montaniolas»⁴¹. Мыц [14, с. 215]⁴² предлагает локализовать «tres montaniolas»

рей I (957–985 г.х. = 1550–1577 гг. н.э.). Но на монетах Девлет-Гирея I имя его отца пишется без титула.

³⁷ Стоит отметить надписи на портале Демир Капы (портал Железных дверей) в Ханском Дворце, Бахчисарай, построенном в 909 г.х. (1503–1504 г.х.). Менгли-Гирей назван в них «султаном всемилостивым» и «султаном, сыном султана».

³⁸ В истории известны случаи, когда вассальный правитель-мусульманин сохранял свой титул «Султан» на монетах. Но на это, безусловно, надо было получить согласие сюзерена-султана (подробнее об этом см. [15, с. 310]). В отношениях Крым – Османская империя, очевидно, подобного делегирования права размещать титул своих предков на монетах крымские ханы не получили.

³⁹ См, например, монету № 150818 в базе Zeno (www.zeno.ru). Прямая ссылка на данную монету: <http://zeno.ru/showphoto.php?photo=150818>.

⁴⁰ Наличие титула «хан» у Гийас ад-Дина, отца Мустафы, на наш взгляд, говорит о том, что данного Гийас ад-Дина нельзя сопоставлять с отцом Хаджи-Гирея, который, судя по дошедшим до нас источникам, никогда не был правителем. Следовательно, гипотеза о том, что указанный Мустафа приходится братом Хаджи-Гирею, нуждается в серьезной проверке.

⁴¹ MCCCCXXXVI, die XVII Augusti. Exenium unum factum Usdemoroch, olim domino Geticborum, quando venit ad tres montaniolas..., asp. CCCCLVIII.

в устье реки Черной, в районе вершины Уч-Баш. При этом единственным его аргументом является топонимическая близость названий⁴³. Для объяснения факта нахождения там, в районе устья реки Черной, Уздемороха, Мыц выдвигает гипотезу о том, что этот самый Уздеморох (точнее, по Мыцу, адыгский дворянин – уздень, по имени Морох) летом 1446 году отошел от дел (???) и отправился в монастырь Святой Софии, который находился на Уч-Баше. Именно там ему и была вручена сумма 459 аспров. Мы не беремся, в данном случае, как-то характеризовать столь оригинальную гипотезу, лишь отметим, что в контексте записи 1441 года о брате Хаджи-Гирея локализация «tres montaniolas / monticulos» в районе Уч-Баша кажется нам весьма и весьма сомнительной.

Кроме того, указанная местность, но в форме «tria montaniola», упоминается в записи от 18 июля 1446 года [32, Fol. 66, p. 38]⁴⁴.

Далее в обсуждаемой нами записи из Массарии речь идет о некоем «tata» Хаджи-Гирея. Автор издания, Йорга, предполагает, что речь идет об атабеке отца хана, Гийас ад-Дина – воспитателе, в честь которого Хаджи получил свое второе имя Гирей. В самом деле, Халим-Гирей пишет, что «Когда Хаджи-Гирей стал ханом, Девлет-Кельди, приехав к нему с поздравлениями...» [28, с.16].

Более подробно эти события описаны в «Краткой истории»:

«Во время царствования деда Хаджи-Герая, Таш-Тимура, он по их обычаю поручил воспитание сына своего Гьяс-эд-Дина одному из своих ветеранов, главе племени Герай, по имени Девлет-гэльди, и упомянутый суфи сделал дядькой в смысле атабека...Когда, со временем, Хаджи-Герай сделался ханом Крымским, добродетельный старец суфи был еще в живых...» [25, с. 187].

Таким образом, если наши предположения верны, и в данной записи нотариусов Кафы упомянуты именно Джанай и Девлет-Кельди, то мы можем приблизительно оценить тот минимальный срок, который прошел от инаугурации Хаджи-Гирея до указанной в записи даты – 11 мая.

Пусть, сразу после восшествия на престол, Хаджи-Гирей разослал гонцов с вестью о своем приходе к власти. Затем об этом должны были узнать Джанай и Девлет-Кельди. Плюс – собраться в дорогу и приехать в Крым. Судя по тому, что они фигурируют в одной записи, их посещение Кафы было совместным. Т.е. они были уже некоторое время в резиденции Хаджи-Гирея – г. Крым. О них узнала администрация Кафы, а уже после этого они вдвоем посетили Кафу⁴⁵.

⁴² Автор по какой-то причине приписал идею сравнения «tres monticulos» с «tres montaniolas» 1381 года Васильеву.

⁴³ Тюркское «Уч-Баш» в переводе означает «Три вершины (головы)».

⁴⁴ Item, die XXII Augusti ..., pro expensis factis in exenio facto domino Sulcatensi, quando venit ad tria montaniola ..., asp CCLXVII.

⁴⁵ Интересные сведения о прибытии родственников Хаджи-Гирея в Кафу за дарами упомянуты в письме кафского епископа Джакоми Кампори от 7 августа 1454 года [5, с. 201]. Так, он пишет о том, что в консульство Боруеле Гримальди (1451–1452 гг.) в Кафу дважды прибывала мать Хаджи-Гирея, его сын «в нищенском платье» (к сожалению, источник не упоминает имени этого сына). Кроме того, Кафу посетил некий родич (cognatus) Хаджи-Гирея, которому также были вручены щедрые дары. Абдулгаффар Кырымы приводит имя матери Хаджи-Гирея – Адеми [12, с. 45], упоминая при этом, что она является дочерью черкесских беков.

Думаю, мы не сильно погрешим против истины, если предположим, что на все это понадобилось бы два–три месяца.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Хаджи-Гирей стал ханом не позднее марта 1442 года. А, скорее всего, и раньше.

То есть в борьбу против Саид-Ахмада Хаджи-Гирей вступил сразу же после своей инаугурации. Но в таком случае нельзя ли предположить, что и сама инициатива беев Крыма по привлечению к власти Хаджи-Гирея имела, прежде всего, цель именно борьбы крымской элиты против Саид-Ахмада? Борьбу, которую должен был бы возглавить законный, с точки зрения обычаев, претендент на власть, но, в то же время, молодой, неопытный и, как тогда казалось беям Крыма, полностью подконтрольный им царевич Хаджи-Гирей?

Попытаемся реконструировать судьбу Хаджи-Гирея, начиная с середины 30-х и до начала 40-х годов XV века. На рубеже 1433–1434 годов к власти в Крыму приходит Саид-Ахмад⁴⁶.

Сразу после своего появления Крыму Саид-Ахмад начинает истреблять близких родственников Хаджи-Гирея. Хаджи-Гирей и Джанай бегут из Крыма.

Вот что говорят об этом наши источники.

Халим-Гирей [28, с. 21]:

«После смерти отца, Гиясэддин-хана⁴⁷, Хаджи-Гирай, спасаясь от преследований двоюродного дяди⁴⁸, хана Сеид-Ахмеда, около семи лет скитался, а затем по стечению обстоятельств сел на крымский трон».

«Краткая История» [25, с. 187]:

«Когда Улуг-Мухаммед-хан⁴⁹ умер, Крымское ханство досталось Сейид-Ахмед-хану. Новый хан, умертвив дядиных с отцовской стороны сыновей, Гияс-эд-Дина с братом его Али-беем⁵⁰, вознамерился также известить Хаджи-Герая с племянником Джаная-огланом. Двое последних, узнав об этом, с одним верным слугою бежали... Как бы то ни было, но в таком положении [беглеца – А.Я.] он прожил около шести лет».

Хаджи находит себе убежище при дворе Сигизмунда Кейстутовича. Как отмечается в хронике Быховца, Хаджи Гирей получил от Сигизмунда на прокорм город Лиду⁵¹. Следует отметить, что факт нахождения Хаджи-Гирея при дворе Сигизмунда Кейстутовича находит свое отражение в письме, которое отправил Сигизмунд I (Старый) (1506–1548) хану Саадату-Гирею I (1524–1532). В этом письме, в частности, говорится о пребывании у Сигизмунда Кейстутовича (1432–1440) Хаджи-Гирея, которого он, Сигизмунд Кейстутович, «w Ordie perekopskoj wspomożeniem swoim, nakładom i wyprawoju na carstwie posadził» [33, p. 257–258, rem. 9].

⁴⁶ Далее мы проанализируем предполагаемую связь Саид-Ахмада с семьей Хаджи-Гирея.

⁴⁷ Указание на гибель отца Хаджи-Гирея, Гияс ад-Дина, именно во время прихода к власти Саид-Ахмада требует отдельного изучения.

⁴⁸ Если принять во внимание вышеизложенную гипотезу о происхождении Саид-Ахмада, получается, что Саид-Ахмад и Хаджи-Гирей были двоюродными братьями.

⁴⁹ Явная ошибка автора «Краткой Истории». Улуг-Мухаммад скончался в 1445 г.

⁵⁰ О Али-беке (Али-бее), сыне Таш-Тимура, а, следовательно, брате Гияс ад-Дина, упомянуто, например, в Муиззе [26, с. 61].

⁵¹ Собственно, то же говорит нам и Хроника Стрыйковского.

А вот факт, что именно Сигизмунд Кейстутович и способствовал приходу к власти Хаджи-Гирея, явно, является хронологической ошибкой в источнике. Тем более что письмо писалось почти через сто лет после упомянутых событий.

Кроме того, у Саид-Ахмада складываются неприятельские отношения с некоторыми бегями Крыма, прежде всего, как это следует из «Краткой Истории», с Тегине [25, с. 187]. Через некоторое время Айдар, зять Улуг-Мухаммада, становится союзником Саид-Ахмада.

Приблизительно в 1441 году умирает Айдар, и Тегине начинает искать легитимного претендента на власть в Крыму, на которого можно было бы возложить борьбу с Саид-Ахмадом. Вот что об этом говорится в «Краткой истории» [25, с. 187]:

«...Затем могущественнейший из эмиров того времени и сторонник Сейид-Ахмед-хана Кунрат-Хайдер-мурза умер; тогда престиж перешел к Ширин-Тегене-мурзе. А так как у этого Тегене-мурзы была вражда к Сейид-Ахмед-хану, то он, чтобы, найдя одного из двух пропавших ханычей, поставить его ханом, стал делать розыски и расспросы. Один разумный человек из подданных Гыяс-эд-Дина, отца Хаджи-Гирая, знавший о Хадже-Герее, известил Тэгенэ-мурзу. Тэгенэ-мурза тотчас же отправил упомянутого человека с подводой к Хаджи-Герая. Хаджи-Герай немедленно по прибытии вошел в общество Тэгенэ-мурзы. Все мурзы, присягнув ему, сделали его ханом».

На основе приведенной цитаты, можно сделать следующие выводы.

А) Бегии Крыма рассматривали обоих царевичей как равных претендентов на власть, выбирая, кого из них – Хаджи или Джаная – сделать правителем Крыма. Как мы уже показали, Джанай и Хаджи были родными братьями, а, следовательно, оба могли претендовать на власть в Крыму (тут мы не будем рассматривать законы наследования власти в Золотой Орде – преимущественные права одного из братьев в зависимости от его возраста). Сделав выбор в пользу Хаджи-Гирея, Тегине от имени беев Крыма («князья и уланы и все мурзы Широновские и Баграновские и от всей орды Перекопской») посылает гонцов к Казимиру с просьбой вернуть Хаджи-Гирея в Крым.

Б) Мы видим, что основная цель, для чего необходим бегии Крыма новый хан – именно борьба с Саид-Ахмадом.

Еще одно упоминание о том, что приходу к власти Хаджи-Гирея предшествовала его борьба с Саид-Ахмадом, встречаем мы у Матвея Меховского: «Вслед за Тахтамисом собирался царствовать сын его Шидахет царь, но Адзикерей царь его изгнал и царствовал вместо него» [11, с. 91].

В) Примечателен тот факт, что все события начались именно после смерти Айдара⁵². И в этой связи особую значимость принимает факт того, что в марте 1441 Айдар, как мы уже говорили, упоминается в Массарии.

Вернемся еще раз к хроникам Быховца и Стрыйковского.

При всей схожести изложения событий, в хронике Стрыйковского есть важное отличие – отмечено, что смена власти в Крыму произошла из-за смерти некоего царя, у которого не осталось потомства. Данная информация может служить неким ключом к пониманию событий, происходящих в Крыму в

⁵² Надо отметить, что гибель некоего «зятя царева» упоминается в контексте событий Белевской битвы 1437 года [19, с. 260]. Как предположил Флоря [27, с. 193, прим. 20], речь идет именно о гибели Айдара.

1441–1442 гг. К сожалению, скудность информации не позволяет нам сделать более глубокие выводы о том, что за личность названа в указанном фрагменте «царем». Но в контексте анализируемого фрагмента «Краткой Истории» можно предположить, что Стрыйковский назвал «царем» именно подерживавшего Саид-Ахмада Айдара. Скорее всего, его, Айдара, Саид-Ахмад сделал своим ставленником в Крыму. Конечно, реально, Айдар, не будучи Джучидом, не мог официально носить титул «царя» («Хан», «Император»). Но вполне допустимо, что более чем через 150 лет после упомянутых событий Матей Стрыйковский называет его, Айдара, «царем» (мы отчетливо представляем всю шаткость подобного предположения, не подтвержденного аналогами из синхронных источников).

Итак, Тегине и беи Крыма делают свой выбор в пользу Хаджи-Гирея. Отправляется посольство к Казимиру. Хаджи-Гирей удостоивается почестей в Крыму, его утверждают ханом. Хаджи-Гирей, сразу же после своего утверждения, уходит в военный поход против Саид-Ахмада. За это время из Крыма рассылаются гонцы с новостью о новом правителе. Многие люди устремляются в Крым засвидетельствовать свое почтение новому хану. Среди них – брат Хаджи-Гирея, Джанай, и атабек отца хана, Девлет-Кельди.

Если учесть наше мнение, что Хаджи-Гирей был провозглашен ханом не ранее начала весны (марта) 1441 года, то посольство к Казимиру должно было отправиться, как нам видется, в конце 1441 – начале 1442 годов.

В заключении хотелось бы рассмотреть еще один интересный вопрос – а именно, как представляли себе родственные связи между Саид-Ахмадом и семьей Таш-Тимура некоторые наши источники?

Прежде всего, следует отметить, что в одном из своих писем Свидригайло называет Саид-Ахмада сыном татарского императора: «Sed-Achmatum caesaris Tartarorum filium» [33, p. 256, rem. 1].

Колянковский считает Саид-Ахмада сыном некоего Бетсуб-улана (Betsub-ulana) и внуком Токтамыша [33, p. 255]. Колянковский ссылается при этом на письмо Свидригайло великому магистру Тевтонского Ордена от 3 сентября 1432 года, в котором упоминается «Sydachmath, Bexudowitz» [33, p. 255, rem. 9]⁵³. Того же мнения придерживается и Флоря, приводя в своей работе, практически полностью, аргументы Колянковского [27, с. 183].

Иная точка зрения заключается в признании в том самом «Bexudowitz» искаженное имя «Бек-Суфи». В этом случае можно сделать вывод, что Саид-Ахмад является сыном Бек-Суфи (аргументацию смотри, например, в [2, с. 55; 4, с. 123; 22, с. 169–170]).

Учитывая вывод А.Л. Пономарева о том, что Бек-Суфи является братом Девлета-Берди⁵⁴ [22, с. 174–176], выходит, что Саид-Ахмад, расправляясь с близкими Хаджи Гирея, по сути, развязал династическую междоусобную войну.

Интересно проанализировать и точку зрения на эту проблему восточных авторов.

⁵³ Колянковский не дает даты письма, приводя лишь ссылку на публикацию письма. К сожалению, данная публикация для нас сейчас не доступна. Дату письма приводит в своей работе Флоря [27, с. 183].

⁵⁴ Данное предположение нам кажется слабо аргументированным и недостаточно убедительным.

Абдулгаффар Кырыми пишет, что Саид-Ахмад – сын Джелал ад-Дина («Джелаледин хана») – является внуком Токтамыша [12, с. 45].

В «Краткой Истории» Гийас ад-Дин и его брат Али-Бей названы «дядины с отцовской стороны сыновьями» Саид-Ахмада. В этом случае Таш-Тимур (отец Гийас ад-Дин и Али-Бея) является дядей Саид-Ахмаду. Отсюда следует, что Саид-Ахмад был сыном одного из братьев Таш-Тимура (нам известны два брата Таш-Тимура – Али и Хасан (Хасан-оглан, Ичкили-Хасан, отец Улу-Мухаммеда). Таким образом, Саид-Ахмад был двоюродным братом Гийас ад-Дина. А, соответственно, для Хаджи-Гирея Саид-Ахмад был двоюродным дядей.

Халим-Гирей называет Саид-Ахмада двоюродным дядей Хаджи-Гирея, т.е. и это говорит о том, что Саид-Ахмад является сыном брата Таш-Тимура.

Таким образом, оба источника – и Сеид Мухаммед Риза, и Халим-Гирей – дают нам идентичную реконструкцию родственных связей Саид-Ахмада и семьи Хаджи-Гирея. К сожалению, более подробной информации – кто именно из братьев Таш-Тимура был отцом Саид-Ахмада – увы, вышеуказанные авторы не приводят. Вряд ли данная реконструкция верна, скорее можно сделать предположение, что и Риза, и Халим-Гирей пользовались для описания этого факта каким-то одним источником, который мы сейчас не можем идентифицировать.

Есть надежда, что более детальное изучение документов – Массариев Кафы, переписки протекторов Банка Святого Георгия с кафской администрацией, возможно, архивные поиски в стамбульских собраниях документов, и, несомненно, изучение корпуса русских дипломатических документов XV–XVI веков – позволит уточнить те выводы, что мы сделали в этой работе. Кроме того, подобная тщательная и комплексная работа с источниками поможет нам лучше понять и осмыслить факты, изложенные в трудах хронистов и авторов-историков XV–XVIII веков, описывающих интересующие нас временные периоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О.Н. Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1928. Т. 2. С. 158–172.
2. Беспалов Р.А. Хан Улуг Мухаммад и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 53–70.
3. Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев-Бахчисарай, 2007. Т. 1. 400 с.
4. Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. №1. С. 110–136.
5. Данилова Э.В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам «Codice») // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 189–214.
6. Зайцев И.В. Семья Хаджи-Гирея // Altaica XII. М., 2007. С. 64–71.
7. Зайцев И.В. Крымское Ханство // История татар с древнейших времен. Т. IV. Казань, 2014. С. 252–261.
8. Карнов С.П. Работорговля в Северном Причерноморье первой половины XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // Византийский временник. Т. 46. М., 1986. С. 139–145.

9. Колли Л.П. Хаджи Герай и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на сношения Кафы с татарами в XV в. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. №50. С. 99–140.
10. Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. М., 2004. 311 с.
11. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. 288 с.
12. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-Ахбар» // Золотордынское обозрение. 2014. № 2 (4), С. 35–60.
13. Мыц В.Л. Война 1433–1441 гг. между Кафрой и Феодоро // Античная древность и средние века. Вып. 31. Екатеринбург, 2000. С. 330–359.
14. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. 528 с.
15. Петров П.Н., Ускенбай К.З. «Султан справедливый, величие мира и веры Токтогу хан» (690/1291–712/1312–1313 гг.). (Нумизматический источник о распространении ислама в Улусе Джучидов) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 273–332.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. 267 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 18. М., 2007. 316 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 23. СПб., 1910. 245 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л., 2004. 464 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.-Л., 1959. 415 с.
21. Пономарев А.Л. Население и топография Каффы по данным бухгалтерской книги Массарии – казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века. М.-СПб., 2000. Т. 4. С. 317–442.
22. Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Кафы // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 158–190.
23. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 278 с.
24. Сестренцевич-Богущ С. История царства Херсонеса Таврийского. СПб., 1806. 444 с.
25. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в., М., 2005. 541 с.
26. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, М.-Л., 1941. 308 с.
27. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001. С. 172–196.
28. Халим Гирай. Розовый куст ханов, или история Крыма, Симферополь, 2008. 192 с.
29. Хроника Быховца. М., 1966. 155 с.
30. Якушечкин А.В. К вопросу о возможности участия Хаджи Гирея в событиях, произошедших в Крыму в 1433–1434 гг. // Причерноморье. История, политика, культура, выпуск XVI(V), серия А. Севастополь, 2015. С. 136–144.
31. Bartold W. Hadji-Girai // Encyclopédie de l'Islam, II (1927).
32. Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Vol. I. Paris, 1899. 581 p.
33. Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego. Vol. 1, 1377–1499. Warszawa, 1930. 475 p.
34. Paganini A. Vocabolario domestico genovese-italiano. Genova, 1857. 298 p. + 37 tabl.
35. Retowski O. Die Munzen der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М., 1901. Т. 2. Вып. 3, pp. 241–308 + 6 taf.
36. Stello A. Grenzerfahrung Interaktion und Kooperation im spätmittelalterlichen Schwarzmeerraum. Trier, 2011. 251 p.

37. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, źmódska i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. II. 572 p.

38. *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.

Сведения об авторе: Александр Валентинович Якушечкин – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: qrim.alex@yandex.ru

Поступила 02.06 2016 г.

Принята к публикации 10.08.2016 г

TO THE QUESTION ABOUT THE CIRCUMSTANCES OF HAJI GIRAY'S COMING TO POWER

A.V. Yakushechkin

Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

Kazan 420014, Russian Federation

E-mail: qrim_alex@yandex.ru

Research objectives: Author of this paper has attempted to clarify the circumstances of khan Haji Giray's ascension to power. Unfortunately, very little information about this event has survived to the present day.

Research materials: For this reason, a thorough examination of all available data, its comparative analysis and interpretation acquire great importance. In this work the author attempted to summarize various available sources of information on this topic: data contained in the Treasury books of Caffa of 1441–1442, details of European chroniclers, reports of Oriental authors.

An integrated approach to the problem reflects **the novelty of this work**. The author has not only analyzed the maximum amount of sources at our disposal, but he presented a critical review of historiography as well.

A summary of **the main results of this work:**

1. Extended analysis of the historiography on this issue revealed the erroneous assumptions and arguments that led to the incorrect dates of Haji Giray's coming to power.

2. Beys elevated Haji Giray on the Crimean throne, first of all, to deal with Sayyd Ahmad.

3. The decision to send ambassadors to Casimir was taken by the Crimean beys soon after the death of Aidar. Ambassadors to Casimir left the Crimea around December 1441 – January 1442.

4. Haji Giray was proclaimed khan no later than March 1442. Immediately after this proclamation, Haji Giray went to the military campaign against Sayyd Ahmad, beyond the Crimea. The company continued, at least, until mid-summer and ended with the victory of Haji Giray.

5. Books of accounts (*massariae*) of Caffa mention Haji Giray's brother in May 1442. Apparently, this was Janai (*Janai-oglan*), well-known by many sources. In addition, the author has found confirmation of the sources' information about that Devlet-Keldi (an educator or atabeg of Haji Giray's father, Ghiyas-ud-Din) came to Haji Giray.

A detailed study of primary sources – of Massariae Caffae and of the correspondence of Bank of St. George’s protectors with the administration of Caffa – as well as archival research of the Istanbul documentary collections and the study of the corpus of Russian diplomatic documents from the 15th–16th centuries will clarify findings of this paper.

Keywords: Crimea, Golden Horde, Crimean Khanate, Caffa, treasury book, Massaria Caffae, Ulu-Muhammad, Aidar, Sayyd Ahmad, Tegine, Haji Giray.

For citation: Yakushechkin A.V. To the Question about the Circumstances of Haji Giray’s Coming to Power. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 580–601.

REFERENCES

1. Akchokrakly O.N. Novoe iz istorii Chufut-Kale [New in the History of Chufut-Kale]. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii* [Proceedings of Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography]. 1928. Vol. 2, pp. 158–172. (In Russian)
2. Bespalov R.A. Khan Ulu-Mukhammed i gosudarstva Vostochnoy Evropy: ot Beleva do Kazani (1437–1445) [Khan Ulu Muhammad and Eastern European States: From Belev to Kazan (1437–1445)]. *Golden Horde Civilization*. Sbornik statey. Is. 5. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 53–70. (In Russian)
3. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov* [Masters of the Two Continents]. Kyiv–Bakhchisaray, 2007. Vol. 1. 400 p. (In Russian)
4. Gulevich V.P. Severnoe Prichernomor'e v 1400–1442 gg. i vzniknovenie Krymskogo khanstva [Northern Black Sea Region in 1400–1442 and the Origin of the Crimean Khanate]. *Golden Horde Review*. No. 1, 2013, pp. 110–136. (In Russian)
5. Danilova E.V. Kaffa v nachale vtoroy poloviny XV v. (po dokumentam «Codice») [Caffa at the beginning of the second half of the 15th century (based on the “Codice” documents)]. *Feodal'naya Tavrika* [Feudal Taurica]. Kyiv, 1974, pp. 189–214. (In Russian)
6. Zaytsev I.V. Sem'ya Khadzhi-Gireya [The Family of Haji Giray]. *Altaica XII*. Moscow, 2007, pp. 64–71.
7. Zaytsev I.V. Krymskoe Khanstvo [The Crimean Khanate]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen*. T. IV [History of the Tatars from the Most Ancient Times. Vol. IV]. Kazan, 2014, pp. 252–261. (In Russian)
8. Karpov S. P. Rabotorgovlya v Severnom Prichernomor'e pervoy poloviny XV v. (preimushchestvenno po dannym massariy Kaffy) [Slave Trade in the Northern Black Sea Region in the first half of the 15th century (mainly according to Massariae Caffae)]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Chronika]. Vol. 46. Moscow, 1986, pp. 139–145. (In Russian)
9. Kolli L.P. Khadzhi Geray i ego politika (po genuezskim istochnikam). Vzglyad na snosheniya Kafy s tatarami v XV v. [Haji Giray and His Policy (according to Genoese sources). A Glance at Caffa’s Relations with the Tatars in the 15th century]. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii* [Proceedings of Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography]. 1913, pp. 50, pp. 99–140. (In Russian)
10. Lane-Poole S. *Musul'manskie dinastii* [Muslim Dynasties]. Moscow, 2004. 311 p. (In Russian)
11. Miechowita M. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on the Two Sarmatias]. Moscow; Leningrad, 1936. 288 p. (In Russian)
12. Mirgaleev I.M., Pashaoglu D.D. Obzor sochineniya Abdul'gafara Kyrymi «Umdet al-Akhtar» [An Overview of «Umdet ul-Akhtar» by Abdulgaffar Qirimi]. *Golden Horde Review*. 2014, no. 2 (4), pp. 35–60. (In Russian)

13. Myts V.L. Voyna 1433–1441 gg. mezhdu Kaffoy i Feodoro [The War between Caffa and Theodoro in 1433–1441]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. Is. 31. Ekaterinburg, 2000. pp. 330–359. (In Russian)
14. Myts V. L. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty* [Caffa and Theodoro in 15th century. Contacts and Conflicts]. Simferopol, 2009. 528 p. (In Russian)
15. Petrov P.N., Uskenbay K.Z. "Sultan spravedlivyy, velichie mira i very Toktogu khan" (690/1291 – 712/1312–1313 gg.). (Numizmaticheskiy istochnik o rasprostranении islama v Uluse Dzhuchidov) ["Righteous Sultan, the Greatness of the World and Faith, Toktogu Khan" (690/1291–712/1312–1313). A Numismatic Source on the Spread of Islam in the Jochid Ulus]. *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi. K 70-letiyu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo* [From the Onon to the Thames. The Chinggisids and Their Western Neighbors. On the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky]. Moscow, 2013. pp. 273–332. (In Russian)
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. St. Petersburg, 1901. 267 p. (In Russian)
17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. Moscow, 2007. 316 p. (In Russian)
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23. St. Petersburg, 1910. 245 p. (In Russian)
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. Moscow, Leningrad, 2004. 464 p. (In Russian)
20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 26. Moscow, Leningrad, 1959 g. 415 p. (In Russian)
21. Ponomarev A.L. Naselenie i topografiya Kaffy po dannym bukhgalterskoy knigi Massarii – kaznacheystva za 1381–1382 gg. [Population and Topography of Caffa according to the Treasury (Massaria) Accounting Book for 1381–1382]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages]. Moscow, St. Petersburg, 2000. Vol. 4, pp. 317–442. (In Russian)
22. Ponomarev A.L. Pervye khany Kryma: khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheystva Kafy [The Early Khans of Crimea: the Chronology of the Turmoil in the Accounts of the Genoese Treasury of Caffa, 1420s]. *Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)
23. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [Dissolution of the Golden Horde]. Saransk, 1960. 278 p. (In Russian)
24. Sestrentsevich-Bogush S. *Istoriya tsarstva Khersonesa Tavriyskogo* [History of the Kingdom of Tauric Chersonesos]. St. Petersburg, 1806. 444 p. (In Russian)
25. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoy Porty do nachala XVIII v.* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte until the early 18th century]. Moscow, 2005. 541 p. (In Russian)
26. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History]. Moscow, Leningrad, 1941. 308 p. (In Russian)
27. Florya B.N. Orda i gosudarstva Vostochnoy Evropy v seredine XV veka (1430–1460) [The Horde and Eastern European States in the mid–15th century (1430–1460)]. *Slavyane i ikh sosedi. Vyp.10. Slavyane i kochevoy mir. K 75-letiyu akademika G.G. Litavrina* [The Slavs and Their Neighbors. Iss. 10. The Slavs and the Nomadic World. On the 75th Anniversary of Academician G.G. Litavrin]. Moscow, 2001, pp. 172–196. (In Russian)
28. Khalim Giray. *Rozovyy kust khanov, ili istoriya Kryma* [Rosebush of the Khans, or History of the Crimea]. Simferopol, 2008. 192 p. (In Russian)
29. *Khronika Bykhovtsa* [Bychowiec Chronicle]. Moscow, 1966. 155 p. (In Russian)
30. Yakushechkin A.V. K voprosu o vozmozhnosti uchastiya Khadzhi Giraya v sobytiyakh, proizoshedshikh v Krymu v 1433–1434 gg. [On the Possibility of Haji Giray's

Participation in the Events That Took Place in the Crimea in 1433–1434]. *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura* [The Black Sea Region. History, Politics, Culture]. Is. XVI(V), seriya A, Sevastopol, 2015, pp. 136–144. (In Russian)

31. W. Bartold. Hadji-Girai, in the *Encyclopédie de l'Islam*, II (1927). (In French)

32. Jorga N. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle*. Vol. I, Paris, 1899. 581 p. (In Latin)

33. Kolankowski L. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Vol. 1, 1377–1499. Warszawa, 1930. 475 p. (In Polish)

34. Paganini A. *Vocabolario domestico genovese-italiano*. Genova, 1857. 298 p. + 37 tables. (In Italian)

35. Retowski O. Die Munzen der Girei. *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo obshchestva* [Proceedings of the Moscow Numismatic Society]. Moscow, 1901. Vol. 2. Is. 3, pp. 241–308 + 6 taf. (In German)

36. Stello A. *Grenzerfahrung Interaktion und Kooperation im spätmittelalterlichen Schwarzmeerraum*. Trier, 2011. 251 p. (In German)

37. Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi*. Warszawa, 1846. Vol. II. 572 p. (In Polish)

38. Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.

About the author: Alexander V. Yakushechkin – Postgraduate student, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: grim_alex@yandex.ru

Received June 2, 2016

Accepted for publication August 10, 2016

УДК 811'512.16

ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ КРЫМСКИХ СУДЕБНЫХ РЕЕСТРОВ XVII–XVIII ВВ.

О.Д. Рустемов

Ардаханский университет

75000, Ардахан, Турция

E-mail: biblos@ukr.net

Первые упоминания о крымских судебных реестрах – сиджилях – относятся к 1800-ым годам. В это время были выполнены отдельные переводы некоторых текстов, относительно подробно описано содержание этих памятников, дана оценка их исторической и филологической значимости. Однако до сих пор не были опубликованы отдельные тома представленных документов, как и не были проведены исчерпывающие лингвистические исследования, не описана терминология и стилистика текстов.

Цель: изучение крымских судебных реестров XVII–XVIII вв. Одной из проблем, лежащей на поверхности указанной области изучения истории крымскотатарского языка и права, является вопрос о составителях данных судебных материалов. Кого можно считать автором или переписчиком судебных реестров? Насколько правомочно утверждение, что эти книги являются кадиаскерскими?

Материалы исследования: судебные реестры, кадылык, казаскерские дефтеры. В статье также затронут вопрос аутентичности крымского права и двух источников всей системы правосудия этого восточноевропейского тюркского государства: Шариата и собственно Тюркского права – Тёре, реализованного впоследствии в различных законодательных сборниках, например, таких как Яса Чингиз хана. Еще одним вопросом исследования данных памятников является вопрос их содержания. Федор Лашков определил крымские записи судов Шариата как своего рода поземельные акты.

Результаты и научная новизна: При детальном исследовании выявлено, что в Крымском ханстве присутствовала своя собственная юрисдикция и собственные законы, не всегда совпадающие с законами Османской империи. Крымские судебные реестры, несмотря на историческое и филологическое значение, а также более чем столетнюю историю их изучения, заключают в себе еще много белых пятен. Это в очередной раз подтверждает необходимость скорейшего их прочтения, перевода на современный турецкий язык и публикации, которая должна быть осуществлена на крымскотатарском и русском языках.

Ключевые слова: судебные реестры, кадылык, казаскерские дефтеры, Османская Империя, Крымское ханство, ярлык.

Для цитирования: Рустемов О.Д. Проблемы в изучении крымских судебных реестров XVII–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 602–615.

Судебные реестры крымских судебных округов – кадылыков, или «каза (kaza)», как их принято называть в османской традиции, являются источником разнообразной информации исторического и языковедческого характера. С начала своего изучения эти памятники, известные сегодня также как крым-

ские сиджили¹, были названы кадиаскерскими дефтерами или «казаскерскими книгами». Такая именно надпись была сделана на обложке первого тома этих документов еще в конце XIX столетия, когда впервые была произведена попытка их прочтения и классификации. В 8, 9 и 10-ом номерах «Известий Таврической Археологической Комиссии» под рубрикой «Выписи из Кадиаскерского сакка»² были напечатаны переводы отдельных судебных решений (всего 12 записей), выполненных Муратом Биярслановым [2].

Вероятней всего, Мурат Биярсланов, возможно, совместно с Федором Лашковым, публикатором «Камерального описания Крыма» и автором «Исторического очерка Крымско-татарского землевладения» [6], дал наименование этих тетрадей, как «казаскерские книги», полагая, что эти записи выполнены кадиаскером, или секретарем из его ведомства. [6, № 21, с. 64–65]

Однако такое представление указанных документов вызывает некоторые сомнения. Чтобы внести ясность в суть этого вопроса, необходимо разобраться с понятием «кадиаскер». Институт кадиаскерства в Крыму возник в результате вхождения территории ханства вместе с населением на положении вассального государства в состав Османской Порты в XV веке и последующей унификации всей системы правосудия в пределах единой империи. Термин «кадиаскер» (в османской традиции – «казаскер» – «قاضيسكر») арабского происхождения, и буквально означает «военный судья». Подобная должность была впервые введена Халифом Омаром для разбирательства различных споров в мусульманской армии во время боевых действий в Сирии [15].

Впоследствии во многих средневековых тюрко-исламских эмиратах и бейликах – Караханиды, Газневиды, Сельджуки, Хорезмшахи, Зангиды, Сефевиды, Аккоюнлу и Каракоюнлу – существовал институт кадиаскерства, который действовал параллельно с обычным (гражданским) судопроизводством. В тюркских государствах кадиаскер поначалу продолжал свою обычную классическую функцию – сопровождал войско эмира в походе и решал всевозможные противоречия между участниками военного предприятия.

В Османской империи должность кадиаскера была «унаследована» от сельджуков Анатолии. Впервые официально она была утверждена султаном Мурадом I в период между 1361–1363 гг. Сохранилось имя первого османского казаскера – Чандарлы Халиля, бывшего до этого назначения кадием из Бурсы. При Мехмеде II Фатихе был официально определен статус кадиаскеров, и им начали выдавать жалование из казны султана [19, с. 151]. После завоевания Константинополя кадиаскеров стало два: румелийский и анатолийский; и оба они были членами Высшего государственного Совета (Диван-и Хумаюн). В тот период на них была возложена обязанность контроля над всей системой правосудия империи и работой образовательных учреждений Турции. Вне походов суд правили в Стамбуле на заседании так называемого «Иккинди дивана» – «Полуденного собрания» – в присутствии главного визиря [20; 16]. К этому времени функции кадиаскера заметно трансформировались: под его юрисдикцией теперь оказались не только споры и иски военных, но и вообще всех чиновников, находящихся на государственной службе. Подавляющая

¹ Сиджил (осм. из араб. «*sicil*» – «*سجل*») – книга юридических актов, реестр, запись. *Sicil kesmek* – вынести приговор [17, с. 877].

² Сакк (осм. из араб. «*saqq*»: «*سوقق-سقاغ-سقاغ*») – книга, свод, свидетельство, удостоверение (P.O.).

часть чиновников проживала в столице, и все дела, связанные с ними, рассматривал румелийский кадиаскер. Если дел было много, то с позволения визиря к слушаниям привлекался также и анатолийский кадиаскер. В ведении анатолийского кадиаскера были споры, возникавшие на территории Анатолии, Ирака и аравийских владений Порты. Румелийский кадиаскер отвечал за правосудие на территории Северной Африки, Балкан и других европейских землях, а также и в Крымском санджаке³ Турции [14]. В Дешт-и Кыпчаке и «виляете Крым» (как называлось Крымское ханство в период с 12-го по конец 18-го веков) изначально было тюркское правосудие, организованное по принципу системы судов в известных тюркских империях: Кёк Тюрк, Уйгурский Каганат, Империя Чингисхана, Золотая Орда и т.п. Источником права являлся правитель государства – хан. На уровне провинции, племени или рода суд правили эмиры или беки. Был также суд *яргувчы / яргуджы* (судья, выносящий *яр* – решение (отсюда *ярлык* – письмо, содержащее решение)) и коллегиальный суд, который проходил при собрании старейшин рода [3]. Высшим органом власти в государстве Чингизидов был Курултай. На нем решались вопросы войны и мира, выбор хана, объявлялись законы и разрешались споры между членами императорского дома или между знатными беками. Все перечисленные правовые институты опирались на обычное (узуальное) тюркское право – Тёре или Йосун, – которые в исламских тюркских государствах трансформировались в адат или урф [9]. Изначально ни Тёре, ни какие-либо другие формы обычного тюркского законодательства в виде отдельных сборников зафиксированы не были. Единственными письменными источниками такого права, фрагментарно сохранившимися, является Яса Чингиз хана и Кумано-кыпчакское Тёре, повторенное и адаптированное к новым реалиям в Каменец-Подольске и Львове в XVI веке армянами, выходцами из Крыма, использовавшими в разговорной практике крымский кыпчакский язык [10].

После принятия ислама в Золотой Орде появился новый источник права – Шариат, основанный на Коране и Сунне. Крымское ханство, будучи политическим и идеологическим наследником Золотой Орды, восприняло право, основанное на Шариате, однако традиции тюркского адата в нем продолжали удерживать достаточно сильные позиции. Мусульманское право стало усиливаться в Крыму после присоединения к Османской Турции. Система судопроизводства была устроена по турецкому образцу: территория Крымского ханства была разбита на 46 кадылыков⁴ или «каза», где вершили суд кадии или их помощники – наибы. Судьи назначались кадиаскером Крыма. Эта должность

³ Санджак (*sancak* – тур.) – знамя; *воен.* полк; административная единица – округ (*liva*).

⁴ Число кадылыков приводится по данным, указанным в книге Омера Быйыка «Административная и историко-экономическая жизнь Крыма (1600–1774)» [5, с. 90]. Однако Федор Лашков в «Камеральном описании Крыма» показывает другое количество кадылыков: по его сведениям, в 1783 г., после оккупации Крыма, при шести каймаканствах их было всего 42 [5, № 6, с. 38]. С учетом того, что в это число вошло также и 7 кадылыков кефинского санджака Турции, переданного Крымскому Ханству по условиям Кучюк-Кайнарджийского мира, и не указанных в книге Быйыка, разница в количестве кадылыков довольно существенна (за исключением собственно Кефе / Каффы и крепости Йени-кале). Это может быть объяснено либо утратой Крымским ханством части своих территорий еще непосредственно до аннексии 1783 года, либо этому состоянию предшествовала территориально-административная реформа, вследствие которой последовало слияние некоторых кадылыков.

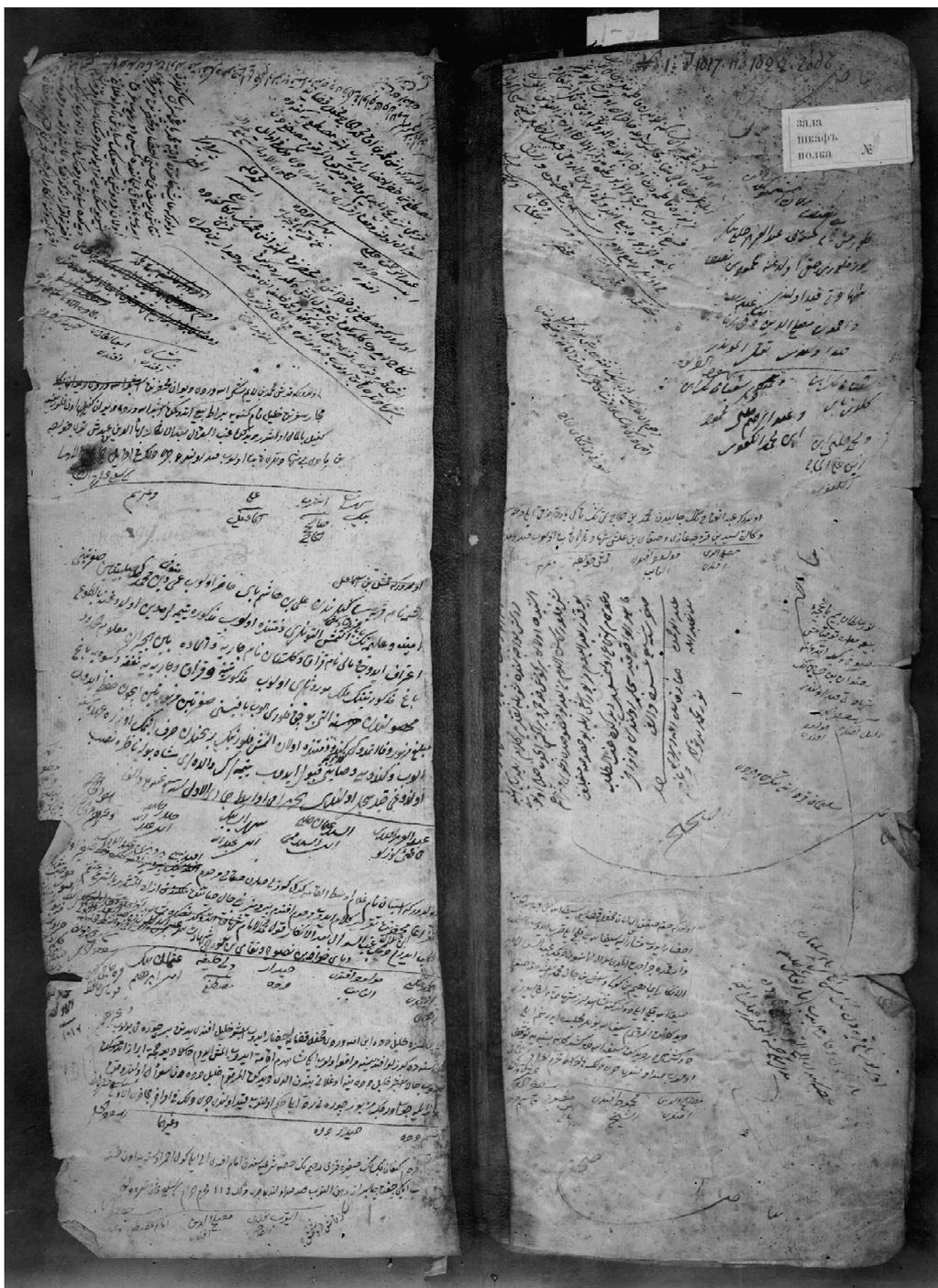
также была воспринята в Крыму вместе со всеми основными его правами и обязанностями. В идеале крымский кадиаскер тоже знаменовал собой военную прокуратуру. Однако, исходя из того, что крымское общество XVI–XVII вв. было сплошь военизированным, за исключением «райи» – немусульманского населения ханства, – формально юрисдикция крымского кадиаскера распространялась практически на каждого крымского мусульманина. Исключения составляли, возможно, лишь принцы из рода Гиреев, главы бейских родов (4 карачи) и высшее духовенство. С учетом того, что иудеи и христиане, жившие на территории государства, были подсудны суду Шариата, то де факто кадиаскер являлся едва ли не высшей судебной инстанцией, если исключить хана и заседание ханского дивана, где непременно требовалось присутствие другого высокого чиновника – крымского муфтия.

Согласно распределению функций между муфтием и кадиаскером, их можно охарактеризовать как надзирательную, в случае с главным муфтием Крыма, и исполнительную, имея в виду кадиаскера. Эти две должности были равнозначны по своему статусу. Они получали также равное жалование, которое в 1783 году, уже после падения Крымского ханства, составляло эквивалент 2400 рублей [5, № 8, с. 17–18]. Кроме того, кадиаскер обладал также правом Суда Высшей инстанции и принимал жалобы на решения кадиев в случае несогласия с ними участников судебного процесса в каком-либо крымском кадылыке. Для этого, естественно, им необходимо было явиться в столицу и подать жалобу непосредственно секретарю Дивана. В случае смертного приговора – «кысас», – вынесенного окружным судьей, для его исполнения необходимо было также дожидаться утверждения приговора кадиаскером.

Все перечисленные обстоятельства, сопутствующие должности кадиаскера и его чрезвычайно высокому социальному статусу в судебно-исполнительной иерархии Крымского государства, заставляют усомниться в том, что именно крымские кадиаскеры на протяжении известных ста восьмидесяти лет являлись составителями всех ста двадцати четырех сохранившихся судебных реестров, несмотря на утверждение Федора Лашкова и Мурата Биярслана [2; 6]. В частности, Лашков указывает, что на каждом томе этих реестров (сиджилей) написано имя кадиаскера, который вел эту книгу [6, № 21, с. 64–65]. На некоторых томах действительно присутствуют какие-то нечеткие записи, которые могут быть истолкованы как имена, хотя это также сомнительно. Так, в первом томе на первой странице (с правой стороны) (см. приложение) есть повторяющаяся, нечеткая в первом слове надпись, напоминающая «Беяз-и Сахих» (Белое правильно) [4, Т. 1, лист 1], которая означает лишь то, что незаполненное пустое по какой-либо причине не использовано и писать там больше ничего не надо. То есть, это техническая надпись, которая повторяется на других страницах этого тома. Возможно, во времена Лашкова были какие-то иные записи или они были более четкими, или там присутствовал какой-то лист, которого уже нет сейчас. Однако ни в первом, ни в последующих трех томах имен кадиаскеров обнаружить не удалось.

№ 1 – тексты ханских ярлыков по поводу налога на овец (правая сторона, сверху вниз тексты №№ 1; 2).

№ 2 – 1-я страница 1-го тома крымских судебных реестров с повторяющейся надписью – «Фейз-и Сахих» (правая сторона).

Бекир Чобан-заде в свое время уже указывал на неточности в заглавии 1-го тома этих реестров, в частности, на ошибочную запись о том, что реестры написаны на арабском языке и что они представляют собой «документы на владение землей» [13, с. 15]. В действительности реестры написаны на османском языке, и в них представлены самые разнообразные дела, в том числе и уголовные, а не только акты передачи, покупки или унаследования земель. Возможно, что указание на первой странице этих томов того, что крымские сиджили являются «казаскерскими книгами», также является ошибочным. Более того, не все сохранившиеся до сегодняшнего дня материалы принадлежат Бахчисарайскому кадылыку. Среди них есть также книги из Карасубазара и Гезлева.

С другой стороны, некоторые дела, представленные в реестрах, действительно требовали участия кадиаскера. Прежде всего, это дела, связанные с высокими сановниками Крымского государства. Например, дело о крупном долге Селямет-Гирей хана, который он не успел отдать при своей жизни, и который пришлось возвращать его преемнику – Джанибек-Гирей хану [8]. В результате был продан недостроенный корабль «Кара Мурсель», заложенный еще предыдущим ханом, а вырученные деньги были отданы в счет погашения долга займодавцу – Ибрагиму Мютефферике.

Таким образом, в настоящий момент вопрос о том, являются ли сохранившиеся крымские сиджили кадиаскерскими, все ли они таковые, или только некоторая часть их – представляется нам нерешенным и требует своего дальнейшего изучения.

Из других особенностей крымских сиджилей следует отметить то, что не только судебные или гражданские дела являлись их содержанием. В них присутствуют также большое количество ханских ярлыков, в которых можно четко наблюдать реализацию крымскими правителями своего законодательного права, что лишний раз подтверждает наличие в Крыму двух источников правосудия, о которых говорилось выше. По своей тематике переписанные в книги судебных решений ярлыки и фирманы затрагивали самые разнообразные стороны крымской жизни. Они, во-первых, касались судьбы общественных сооружений и утвержденных смет на них. Речь идет о мечетях, банях, переносе или обустройстве монетных дворов. Во-вторых, они регламентировали деятельность различных служб, в частности, таких как Суды Шариата, с предписаниями относительно моральных качеств судей и их помощников – наибов, – из-за мздоимства которых накопилось довольно много жалоб, с утверждением таксы за различные виды справок (сюрет) по судебному решению [4, Т. 1, лист 22-А]. Кроме того, ярлыки регулировали также цены на товары по случаю праздника (в данном случае имеется в виду праздник Навруз) с подробным перечислением всех видов съестных продуктов и установленной стоимости на них.

В-третьих, ярлыки касались вопросов налогов, по которым у населения также появлялись недовольства. В качестве примера можно привести два ярлыка, выданные двум сторонам конфликта. Основанием для них послужила жалоба от жителей деревень Барак и Отуз Сув, сетовавших на взимание с них поголовной подати на овец и ягнят беками местечка Сары Кая за выпас стад

вблизи их владений. В этом документе Селямет I Гирей хан⁵ разъясняет об отсутствии такого вида налога и обещает впредь наказывать за подобное своеволие. В данной публикации ярлыки переданы в латинизированной транскрипции на языке оригинала с последующим переводом.

Текст № 1

1 satır. Sarı qayalı duacılarımızdan Yaqub Şeyh, ve Hacı Mehmed Çelebi ve ğayrılarına

2 satır. İlam-ı Yarlıĝ-ı Şerif-i budur ki, Hasse-i qullarımızdan Otuz Suv efendi Abdi ağa

3 satır. ve Canım ve Ramazan ve Hamze ve Bali ve diĝer Bali ve Mehmed ve Mustafa ve Ahmed bek ve Sefer bek ve ğayrı büyük

4 satır. ve kiçik cem'an kelüb şöyle izhar-ı tazallüm itdiler ki, vilâyet-i Qırımда ve taht hükümetinde qoyun haqqı

5 satır. yoq iken. Her birümüzün bir qaç adet qoyunlarımız vardır kâhi Sarı Qaya'ya yaqın ve kâhi Qırım'a yaqın ve

6 satır. ğayrı yerlerde gezer ve kâhi Hudavendigâr topraĝında gezer hiç bunlardan berü ağa ve dede berü bizlerden qoyun haqqı

7 satır. taleb itmiş degüldir. Halâ mezburan Yaqub şeyh ve Hacı Mehmed Çelebi bizden hilâfi qanun qoyun-quzu başına bir aqça taleb ide

8 satır. yurı. Qanun üzre şişliĝe raziyüz. Hilâfe qanun zülüm ideyori ve kesin yarlıĝ verdim ve buyrdum ki, bir dahi sizler bu zikr olunan

9 satır. qullarımızdaki qoyunlarından qoyun haqqı taleb idüb rencide ve renide itmesiz. Eger yarlıĝ-ı Şerifime göre turub bunların qoyunlarından qoyun haqqı

10 satır. taleb idüb rencide idersiz, kendülerine eyü olmazdır. Ve ellerinizde yarlıĝ-ı ve ğayr-ı temessük var ise emel olunmazdır, şöyle bilesiz, yarlıĝ-ı

11 satır. Şerifime i'timâd idesiz. Ve muhalefetten hazer idesiz. Vilâyet-i Celilü'l-qadrimizde qoyun haqqı yoqdır. Murad eyledükleri yerde otlar sair otlaĝa icazet vardır. Şöyle bilesiz ğayrı da'vanız var ise beraber kelüb Şer' ile fasl olunsın deyü, yarlıĝ verildi.

Bahçasaray Mahtûm

[4, Т. 1, лист 12-А (правый разворот), текст 1].

Перевод:

Молящимся за нас (из поселения) Сары Кая Якуб Шейху, Хаджи Мехмеду Челеби и остальным (из их числа). Да будет известно вам из моего Высокочтимого Ярлыка, что слуги мои: господин (деревни) Отуз Сув Абди ага и Джаным, и Рамазан, и Хамза, и Балий и другой Балий, и Мехмед, и Мустафа, и Ахмед бек, и Сефер бек и остальные большие и малые, вкупе собравшись, пришли с жалобой. «В провинции Крым и всюду, где его правление, не было никогда платы за овец. У каждого из нас есть овцы, и всегда и всюду бродили они, будь то вблизи Сары Кая, или будь то вблизи Крыма, или других местах, а то и на землях Худавендигара (*эмир, правитель, в данном случае – Османский султан*

⁵ Ярлыки не подписаны. Перед каждым из них (а их всего два) начертаны тугры с именем хана, которые все же напоминают своими начертаниями имя Селямет. К тому же дата написания этих ярлыков совпадает со временем правления именно Селямет Гирей хана, а не Джанибека Гирей хана, как это утверждает Федор Лашков [6, № 23, с. 97].

– *P.O.*). И никто не требовал пошрины за них, ни с отцов и ни с дедов наших. Ныне же упомянутые Якуб Шейх и Хаджи Мехмед Челеби против закона требуют по одной акче с головы каждой овцы или ягненка. А на законный шишлик⁶ – мы согласны». Вы же против закона жестокость и произвол вершите, а посему строгий ярлык я дал и повелел, дабы никогда впредь вы указанным людям обиды и притеснения не творили, требуя с них пошрину за овец. А если же ярлык сей вы получив, будете и впредь, творя обиду, требовать плату с каждой овцы, то и вам тогда добра не ждать. А если на руках у вас есть какой-либо ярлык или иная долговая расписка, то пусть у вас она намерение не побуждает. Моему Высокому ярлыку доверитесь. И против моего слова поступать берегитесь. В нашем Могушественном Государстве пошрины на овец нет. А где возжелают пастись, там и дальше пусть пасутся, на то позволение мое дано. Так знайте: если у вас есть спор между собой, то совместно явившись, по Шариату пусть тяжба ваша разрешится, на то Ярлык мой дан.

Писано в Бахчисарае.

Текст № 2

1 satır. Bu yarlıĝ-ı beliĝi Saadet beliĝimi alub turĝan Amu (emce) Turĝan, Abdi aĝa ve Canım

2 satır. ve Ramazan ve Hamze ve Bali ve diĝer Bali ve Mehmed ve Mustafa ve Ahmed bek ve Sefer bek ve ĝayrı büyük ve küçük ve Ali Bek ve Baraĝ (?) köy ehalisinden ümümen

3 satır. ayeni bundan esbaqdır Saadetime gelüb Sarı Qaya sakinlerinden duacılarımızdan Yaqub Şeyh ve Hacı Mehmed Çelebi ve ĝayrı yedinden

4 satır. şikâyet idub hilâfe Şer' ve hilâfe qanun qoyunlarımızdan her quzu qoyunun qoyun başın birer aqça qoyun haqqı almaq isterler.

5 satır. Qanun üzre şişlik verdik ziyade bir nesne vermez edik. Bid'at seyyie ihdas idub bizi rencide iderler. Zaman adaletinizde

6 satır. olmasun, ref olunmasın rica ederiz. Ve illâ zülm-i sarihidir ve bid'atdır deyü izharı tazallüm etdükleri bâisinden bid'at-i seyyie olduĝı

7 satır. malûm Padişahanım olmaĝın müceddeden emri şerifim virdüm ve buyurdum ki, kadî askerlerimiz olan a'lemü'l-ülemâ ve efdalâ'l- fuzalâ

8 satır. Abdullah Efendi zîdei fazlahû işbu hükm-i Şerifimi sicil idub Şer'-i Şerif-i tarafından dahi müekked süret-i sicil idub şişlikten ziyade bil-vech ve bir hasbe bir nesne verilmiye ol babda Baraĝ (köyü) ve Otuz Suvnun qoyunlarına ve cemi' qoyunlardan ziyade qoyun haqqı taleb

9 satır. olunmaya bu diyarun qoyun haqqı olmadıĝı bizzat kendü malûmuzdır han zamanında olmış deĝildir bizim zamanımızda dahi olmazdır. Her kim ihdas iderse kendüsine eyü deĝildir bir vechle ve bir tarikle qoyun haqqı içündür Saadetimden yarlıĝ alınırsa

10 satır. amel olunmaya işbu emri şerifime amel olunsa her kim muhallefet iderse haqqından gelinür, şöyle bileler alâmet-i şerifime itimad qılalar.

Tahrir fi evaili Şehri Rebi-ül-evvel. Sene Semani aşre ve elf.

Bahçasaray Mahtum

⁶ Шишлик (от «шиш» – вертел, шампур) – «овца на вертеле», овца или ягнята, которых отдает продавец покупателю скота (коров, лошадей) по окончании сделки бесплатно, в качестве дара. Либо овцы, которых жертвуют владельцы овечьих стад бекам или правителям области за выпас своих стад.

Перевод:

Получившие ясное изложение Ярлыка Нашего Совершенства Аму Турган и Абди ага, и Джаным, и Рамазан, и Хамза, и Балий и другой Балий, и Мехмед, и Мустафа, и Ахмед бек, и Сефер бек, и остальные большие и малые, и Али бек, и все те, известные из деревни Барак (?), которые прежде приходили к Нашему Совершенству с жалобой на молящихся за нас из числа жителей Сары Кая Якуб Шейха и Хаджи Мехмеда Челеби со сторонниками, говоря, что они против Шариата и против закона требуют от нас пошлину в одну акче с головы каждой овцы. Тогда как мы отдали законный шишлик, а сверх этого ничего не давали. Но они, творя нам обиду, выдумывают какие-то новые скверные обычаи. Просим же отмены их, дабы не было такого во времена Вашей Справедливости. То, о чем узнали мы из жалобы, было нам внове, но жалобщики, уведомив своего Падишаха относительно зачинщиков этих дурных нововведений, суть притеснений сих сделали нам очевидной. И дабы не было такого впредь, принял я свое высокое решение, и повелел просвещенному и благородному кадиаскеру нашему Абдуллаху эфенди (да умножаться его знания!), зарегистрировать его (записать сиджилить). И, утвердив это решение на Высоком Суде Шариата, сделать выпись, чтобы ни под каким предлогом и поводом не требовать чего-либо сверх шишлика с овечьих стад, в том числе и с овец деревни Барак и Отуз Сув, равно как и вообще со всяких овец. Нам доподлинно известно, что во времена Ханов⁷ такого не было, и во времена наши сего быть не должно. Кто сие сотворит, не на добро ему будет. Получив этот ярлык от Моего Счастья, пошлину с овец никаким способом и ни под каким предлогом не взимать более. А кто вопреки Мне поступит – участи своей не избежит. Так знают (они) и знакам Моего Величества доверяются.

Уложено дня текущего: начало месяца Реби-уль-эввель, года 1018 (1609).

Писано в Бахчисарае.

[4, Т. 1, стр. 12-А (правый разворот), текст 2] (см. приложение).

В ярлыке отражены реалии крымской жизни, опирающейся на социально-административный уклад тюрко-монгольского государства, берущего начало в империи Чингизхана. В частности, в отношении налога на овец. Как известно, до нововведений в Османской империи в тюркских государствах ни турки, ни монголы такого налога не платили. Узаконена была лишь подать живыми овцами, которых отдавали в ханское стадо в качестве пропитания – шишлик. «При Чингисхане монголы не должны были платить каких-либо налогов. При Угэдэе был введен натуральный налог. Из каждого стада овец один годовалый баран должен был поставляться ежегодно к ханскому столу и одна годовалая овца из сотни овец в фонд поддержки нуждающихся. Дополнительные налоги могли быть введены в более поздний период» [3, с. 273]. Попытка представителей крымской аристократии взимать неустановленный налог с овец хоть и вызвала возмущение у жителей крымских деревень, все же подобная практика уже имела прецедент в законах турецких султанов. Как правило, законотворческая деятельность в Порте, там, где она выходила за границы регламентированных Шариатом сторон быта, также опиралась на традиционные тюркские обычаи. Стиль, терминология и логика установленных многими османскими правителями законов были ориентированы, прежде

⁷ Имеются в виду ханы Золотой Орды и предыдущих периодов татаро-монгольского владычества.

всего, на Ясу Чингизхана, восходящую, в свою очередь, к Тёре и Йосуну древних тюрков. «После Ильханов почти все правители, творя законы по собственной воле и разумению, будь то османцы или в тюркских государствах в восточной Анатолии или Иране, например, Аккоюнлу, называли свои сборники «Яса» или «Ясакнаме». И даже в «Тюзикяте» Тимура царствует дух Ясы (Чингиза – *Р.О.*)» [15, с. 107].

Однако в законах турецких султанов налог на овец уже присутствовал к моменту написания указанных выше ярлыков. В законах Мехмеда II Фатиха можно увидеть следующее постановление: «*Ve buyurdum ki, varub olub-gelen kâide üzre ol vilâyetün qouum(ni) sayub âdet üzre üç aqça aldura, ziyâde ta'addî etdirmeye...*» / «Так повелеваю я, что согласно установленному правилу относительно овец в том вилайете, как и по обычаю, пусть берется 3 акче с одной головы, а более не берется...» [11, с. 38]. «Тот вилайет» – это Румелия, земли к западу от Константинополя. То есть в данном случае можно предположить, что описанное правило касалось только жителей вновь приобретенных территорий, а не всей Османской империи. В этом отношении законы Селима более ясные. Мало того, они обязывают платить дополнительный налог за землю тех юруков (род туркмен), которые овец не имеют: «Отныне Закон таков: для оседлых жителей и (кочевых) юруков платить одну акче за двух овец. И хоть есть такое правило в некоторых местах, чтобы считать овцу с ягненком за одну овцу, однако, как бросил молоко сосать, так и забирать его (ягненка) в апреле месяце. А с юруков, что овец не имеют брать налог на землю по двенадцать акче (с каждого)» [18, с. 154].

Сравнивая приведенные постановления турецкого законодательства и ярлыки крымских ханов, становится очевидным наличие в Крымском ханстве своей собственной юрисдикции и собственных законов, не всегда совпадающих с законами Порты. Однако следует признать, что в конечном счете, налог на овец в Крыму все же был установлен. Об этом свидетельствует перечень доходов Шахин-Гирея в 1783 году, зафиксированный в камеральном описании Крыма Федора Лашкова [5, № 8, с. 36].

Крымские судебные реестры, несмотря на историческое и филологическое значение, а также более чем столетнюю историю их изучения, включают в себе еще много белых пятен. Это в очередной раз подтверждает вывод Ахмета Незихи Турана о необходимости скорейшего их прочтения, перевода на современный турецкий язык и публикации [19]. От себя добавим, что подобная работа должна быть проделана также на крымскотатарском и русском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдусаламов Магомед-Паши Балашович*. Административное управление шамхальства Тарковского в XVII–XVIII веках // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Вып. № 6. 2013. С. 5–9.
2. *Биярсланов М.* Выписи из кадіаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9 – 1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического Губернского Правления // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 8; 9; 10. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 1889–1891.
3. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь (Mongols and Russia) / Перевод с английского Е.П. Беренштейн, Б.Л. Губман, О.В. Строганова. Тверь: ЛЕАН, 1997. 476 с.

4. Копии крымских судебных реестров, хранящихся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе.
5. *Лашков Ф.Ф.* Камеральное описание Крыма // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8. Симферополь: Типография Таврического губернского правления. 2-ое издание, 1887–1889.
6. *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №№ 21; 22; 23; 24; 25. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 1894–1897.
7. *Почekaев Р.Ю.* Суд и правосудие в Золотой Орде // Правоведение. 2004. № 2. С. 217–232.
8. *Рустемов О.Д.* Внутренняя стилистика бахчисарайских сиджилей // Сходознавство № 64. Київ: Інститут Сходознавства ім. А.Ю. Кримського, НАН України, 2013. С. 108–116.
9. *Рустемов О.Д.* Юридическая терминология крымскотатарского языка: генезис, эволюция, перспективы. Симферополь: «Кримнавчпеддержвидав», 2014. 200 с.
10. *Төре Бимиги.* Армяно-Кыпчакский судебник 1519–1594. Кыпчакско-польская версия судебного и армяно-кыпчакский процессуальный кодекс. Львов, Каменец-Подольский 1519–1594 / Подготовка, транскрипция, русский перевод, примечания, кыпчакско-русский глоссарий и статья Александра Гаркавца. Казахский перевод и кыпчакско-казахский глоссарий Гайрата Сапаргалиева. Латинский текст, перевод на украинский язык и статья Мирона Капраля. Алматы: Дешт-и-Кыпчак, Баур, 2003. 791 с.
11. *Anhegger, Robert; İnalçık, Halil.* Kanunname-i Sultani Ber Mûceb-i ‘Örf-i ‘Osmanî. II Mehmed ve II Bayezid Devirlerine ait Yasakname ve Kanunnameler. 2 Baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2000. 97 s.
12. *Biyyık Ömer.* Kırım’ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (Административная и социально-экономическая история Крыма). İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2014. 300 s.
13. *Çobanzade Bekir.* Leningratta Qırım hatireleri // Oquv işleri (وقواشاي) - siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hüner ve Sanayü Mektebi basmahanesi. Ağustos-Sentyabr, 1925. Numara 4–5. S. 14–19.
14. *Demir Abdullah.* Türk Hukuk Tarihi. İstanbul: Yitik Hazine Yayınları 2011. 256 s.
15. *İnalçık Halil.* Osmanlı Hukukuna Giriş: Örfi-Sultani Hukuk Ve Fatih’in Kanunları // Ankara Üniversitesi Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi (AÜSBFD), С. 13 (1958). S. 2, s. 104–126.
16. *İpşirli Mehmet.* Kazasker // TDVİA (Türkiye Diyanet Vakfı İslam Araştırmaları). С. 25. Ankara, 2002. S. 140–143.
17. *Osmanlıca // Türkçe Ansiklopedik Büyük = Энциклопедический словарь османского языка / Lugat. Hazırlayan Heyet: A. Yeğın, A. Badılı, İ. Hekimoğlu, İ. Çalım.* İstanbul: Türdav, 1995. 1070 s.
18. *Özdeğer Hüseyın.* Sultan Selim Kanunnamesi ve Tahlili // Türk İktisat Tarihi Yıllığı. Sayı 1: 1987. S. 129–175.
19. *Turan Ahmet Nezihi.* Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar // Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi, 9 (2003 Güz). İstanbul, 2003. S. 1–16.
20. *Uzunçarşılı İsmail Hakkı.* Osmanlı Devletnin İlmiye Teşkilâtı. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. 350 s.

Сведения об авторе: Олег Дилияверович Рустемов – кандидат филологических наук, доцент Ардаханского университета (75000, Ардахан, Турция). E-mail: biblos@ukr.net

Поступила 07.06.2016 г.
Принята к публикации 12.08.2016 г.

**PROBLEMS OF THE STUDY OF THE CRIMEAN
COURT REGISTRES OF THE 17TH–18TH CENTURIES**

O.D. Rustemov

*Ardahan University
Ardahan 75000, Turkey
E-mail: biblos@ukr.net*

The first mention of the Crimean court registries – sijils – belong to the 1800s. At that time, translations of some texts were made, the content of these monuments was relatively minutely described and their historical and philological significance was evaluated. However, separate volumes of presented documents still have not been published. Neither comprehensive linguistic study nor description of terminology and style of these texts have not been made.

Research objectives: study of the Crimean court registries of the 17th–18th centuries. One of the problems lying on the surface of this field of study of the Crimean Tatar language history and the right is the question about the compilers of these judicial materials. Whom we can consider the author or scribe of a court registry? How competent is an assertion that these books are kadiaskers books?

Research materials: the court registries, kadylyk, kadiasker defters. The paper also raised the question of authenticity of the Crimean law and the two sources of the entire justice system of this Eastern European Turkic state: Sharia and actual Turkic law – Töre implemented subsequently in various legislative compilations, such as the Yasa of Chinggis Khan. Another issue of research of these monuments is the question of their content. Fedor Lashkov identified the Crimean records of Sharia courts as a sort of land records' acts.

Research results and novelty: As a result of a detailed study, the author found that its own jurisdiction and its own laws, which did not always coincide with the laws of the Ottoman Empire, functioned in the Crimean Khanate. Despite their historical and philological value as well as more than a century of study, Crimean court registries still contain many blank spots. This again points to the need for their early reading, translation into modern Turkish language and publication, which should be carried out in the Crimean Tatar and Russian languages.

Keywords: court registries, kadylyk, kazasker defters, Ottoman Empire, Crimean Khanate, yarlyk.

For citation: Rustemov O.D. Problems in the Study of the Crimean Court Registries of the 17th–18th centuries. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 602–615.

REFERENCES

1. Abdusalamov Magomed-Pasha Balashovich. Administrativnoe upravlenie shamkhal'stva Tarkovskogo v XVII–XVIII vekakh [Administration of Tarkovsky Shamkhalate in the 17th–18th centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya, Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2013, no. 6, pp. 5–9. (In Russian)
2. Biyarlanov M. Vypisi iz" kadiaskerskogo sakka (knigi) 1017 – 1022 khidzhry (1608/9 – 1613 g. khr. let.), khraryashchagosya v arkhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravleniya [Extracts from Kadiasker Sakka (Book) for 1017–1022 AH (1608/9 – 1613 AD) Stored in Archive of the Tauride Provincial Board]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. Nos. 8; 9; 10. Simferopol, Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya. 1889–1891. (In Russian)
3. Vernadsky G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. Perevod s angliyskogo, E.P. Berenshteyn, B.L. Gubman, O.V. Stroganova. Tver, LEAN Publ., 1997. 476 p. (In Russian)
4. *Kopii krymskikh sudebnykh reestrov, khraryashchikhsya v biblioteke im. Gasprinskogo v Simferopole* [Copies of the Crimean Court Registries Stored in Gasprinsky Library in Simferopol]. (In Russian)

5. Lashkov F.F. Kameral'noe opisanie Kryma [Cameral Description of the Crimea]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. Nos. 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8. Simferopol, Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya. 2-oe izdanie, 1887–1889. (In Russian)

6. Lashkov F.F. Istoricheskiy ocherk Krymsko-tatarskogo zemlevladieniya [Historical Sketch of the Crimean Tatar Land Tenure]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. Nos. 21; 22; 23; 24; 25. Simferopol, Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, 1894–1897 (In Russian)

7. Pochekaev R.Yu. Sud i pravosudie v Zolotoy Orde [Court and Justice in the Golden Horde]. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 2004, no. 2, pp. 217–232. (In Russian)

8. Rustemov O.D. Vnutrennyaya stilistika bakhchisarayskikh sidzhiley [Internal Style of Bakhchisarai Sijils]. *Skhodoznavstvo* [Oriental Studies]. № 64. Kyïv, Institut Skhodoznavstva im. A.Yu. Krims'kogo, NAN Ukraini, 2013, pp. 108–116. (In Russian)

9. Rustemov O.D. *Yuridicheskaya terminologiya krymskotatarskogo yazyka: genesis, evolyutsiya, perspektivy* [Legal Terminology of the Crimean Tatar Language: Genesis, Evolution and Prospects]. Simferopol, «Krimnavchpedderzhvidav», 2014. 200 p. (In Russian)

10. Tere Bitigi. *Armyano-Kypchakskiy sudebnik 1519–1594. Kypchaksko-pol'skaya versiya sudebnika i armyano-kypchakskiy protsessual'nyy kodeks. L'vov, Kamenets-Podol'skiy 1519–1594* [Armenian-Kipchak Code of Law 1519–1594. Kipchak-Polish Version of Code of Law and Armenian-Kipchak Procedure Code. Lviv, Kamenets-Podolsky 1519–1594]. Podgotovka, transkripsiya, russkiy perevod, primechaniya, kypchaksko-russkiy glossariy i stat'ya Aleksandra Garkavtsa. Kazakhskiy perevod i kypchaksko-kazakhskiy glossariy Gayrata Sapargaliev. Latinskiy tekst, perevod na ukrainskiy yazyk i stat'ya Mirona Kapralya. Almaty, Desht-i-Kypchak, Baur, 2003. 791 p. (In Russian)

11. Anhegger R., İnalçık H. *Kanunname-i Sultani Ber Müceb-i 'Örf-i 'Osmanî. II Mehmed ve II Bayezid Devirlerine ait Yasakname ve Kanunnameler*. 2 Baskı. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2000. 97 p. (In Turkish)

12. Bıyık Ö. *Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi*. İstanbul, Ötüken Neşriyat, 2014. 300 p. (In Turkish)

13. Çobanzade Bekir. Leningratta Qırım hatireleri. *Oquv işleri (وقفا شايي) - siyasiy ve terbiyevi aylıq jurnal. Qırım Maarif Qomissarlığı neşiri. Bağçasaray Hüner ve Sanayı Mektebi basmahanesi*. Ağustos–Sentyabr, 1925. Numara 4–5, pp. 14–19. (In Crimean Tatar)

14. Demir A. *Türk Hukuk Tarihi*. İstanbul, Yitik Hazine Yayınları 2011. 256 p. (In Turkish)

15. İnalçık H. Osmanlı Hukukuna Giriş: Örfi-Sultani Hukuk Ve Fatih'in Kanunları. *Ankara Üniversitesi Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi (AÜSBFD)*, C. 13 (1958), pp. 104–126. (In Turkish)

16. İpşirli M. Kazasker. *TDVİA (Türkiye Diyanet Vakfı İslam Araştırmaları)*. C. 25, Ankara, 2002, pp. 140–143. (In Turkish)

17. *Osmanlıca*. Türkçe Ansiklopedik Büyük. Lugat. Hazırlayan Heyet: A. Yeğin, A. Badılı, İ. Hekimoğlu, İ. Çalım. İstanbul, Türdav, 1995. 1070 p. (In Turkish)

18. Özdeğer H. Sultan Selim Kanunnamesi ve Tahlili. *Türk İktisat Tarihi Yıllığı*. Sayı 1: 1987, pp. 129–175. (In Turkish)

19. Turan A.N. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar. *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi*, 9 (2003 Güz), İstanbul, 2003, pp. 1–16. (In Turkish)

20. Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Devletinin İlmiye Teşkilâtı*. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. 350 p. (In Turkish)

About the author: Oleg D. Rustemov – Ph.D. (Philology), Docent, Ardahan University (Ardahan 75000, Turkey). E-mail: biblos@ukr.net

Received June 7, 2016

Accepted for publication August 12, 2016

УДК 94(=512.19)"653":930.25(560)

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В АРХИВАХ ТУРЦИИ

Ш.Э. Сейт-Маметов^{1,2}

¹ Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского
295007, Симферополь, Крым, Российская Федерация

² Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
298405, Бахчисарай, Крым, Российская Федерация
E-mail: Shukriseitmametov@gmail.com

Цель: рассмотреть современное состояние изучения источников по истории Крымского ханства в архивах Турции и определить перспективы изучения данного вопроса.

Материалы исследования: труды отечественных и зарубежных востоковедов в области изучения Крымских источников в древлехранилищах Турции.

Результаты и научная новизна: проведен анализ современного состояния проблем изучения источников по истории Крымского ханства в турецких архивах. Наибольшее внимания заслуживают работы таких крупных ученых как А. Беннигсен, О. Гокбельгин, А.Н. Курат, Ш. Лемерсье-Келькеже, В.Д. Смирнов и др. Основной причиной недостаточного использования османских источников была их крайняя палеографичность (возраст и состояние документа) и трудности с переводом. Ориенталисты в своих исследованиях представляют факсимиле оригиналов писем и их перевод, дают расшифровку значений сложных или спорных слов, решают проблемы с переводом дат на современное летоисчисление, а также производят подробную внешнюю критику документов – описывается их длина, качество бумаги, почерк, а также расшифровываются ханские печати. Это дает возможность современным исследователям познакомиться с одними из наиболее ранних источников по истории Крымского ханства. В статье выявлен ряд новых проблем, которые необходимо решить в процессе дальнейшего изучения источников по истории Крымского ханства: перевод трудов зарубежных ориенталистов на русский язык, а также обобщение и объединение работ предшественников, так как каждый отдельный труд не охватывает все интересующие современных ученых документы. Исследование источников по истории Крымского ханства остается перспективной задачей для современных исследователей, поскольку в архиве Турции хранятся неопубликованные документы, ждущие своей очереди войти в научный оборот.

Ключевые слова: Крымское ханство, источники, Дворец-музей Топкапы (Торкар), Гирей, архив, историография.

Для цитирования: Сейт-Маметов Ш.Э. Перспективы изучения источников по истории Крымского ханства в архивах Турции // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 616–625.

Для объективного освещения внешнеполитического статуса Крымского ханства особую роль играют источники эпистолярного жанра, ярлыки, фирманы, сохранившиеся в архивах Турецкой республики: в Османском архиве при премьер-министре Турции, в Архиве Дворца-музея Торкапы (Торкарі).

Корпус дипломатических документов и переписки периода Позднего Средневековья и Раннего нового времени, сохранившийся в фондах архива Торкарі, позволяет полноценно реконструировать систему внешнеполитических отношений между Крымским ханством и Османской империей, а также в Черноморском регионе в целом.

Правители и высшие чиновники османского государства придавали огромное значение сохранению официальных документов. Об этом свидетельствует факт существования особых приказов и распоряжений, согласно которым переписка различных государственных органов и разной степени важности фиксировалась и заносилась в специальные регистры – дефтеры. Благодаря такому пристальному вниманию к классификации и сохранению документов, а также постоянному надзору за их сохранностью на протяжении столетий, число единиц хранения, находящихся в настоящее время в османских архивах, по некоторым оценкам превышает миллионы документов [1, с. 35–48].

Активное изучение фондов архива Торкарі началось после образования Турецкой республики. Это связано, во-первых, с программой государства, во-вторых, с повышением интереса к истории Османской империи. В тридцатых годах XIX века была начата работа по систематизации документов, и изданы первые путеводители [15; 27].

На данный момент источники по истории Крымского ханства по материалам архива Топкапы отражены в разрозненных публикациях.

Наиболее фундаментальные исследования крымских источников в архиве Дворца-музея Торкарі относятся к середине XX века. Одно из наиболее ранних принадлежит перу турецкого историка Акдес Нимет Курата (1903–1971) – известного тюрколога, историка, литературоведа. Ученый родился в деревне Беркет, Уфимской губернии (ныне Черемшанский район Татарстана) в семье указного имама. Он окончил исторический факультет Берлинского университета. С 1928 по 1971 год – профессор Анкарского университета. Специализировался в области источниковедения истории тюркских народов мира. Автор свыше ста научных работ. Трагически погиб в автомобильной катастрофе [5; 7]. В своем труде «Торкарі Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler» он выделил из архива Дворца-музея Торкарі документы по истории Золотой Орды, Крыма и Туркестана [15, с. 23].

Книга состоит из трех частей:

I. Письма, отправленные золотоордынскими ханами правителям Османской империи.

II. Письма, отправленные Крымскими ханами и вельможами.

III. Письма ханов Туркестана.

В интересующей нас второй части автор рассмотрел один из самых старинных оригинальных документов, сохранившихся в архиве Дворца-музея, – тарханный ярлык первого Крымского хана Хаджи-Гирея, пожалованный Хеким Яхье из Анкары [16, с. 61– 81; 16, с. 67–72].

Здесь он также привел три письма Менгли-Гирея. Первое из них – адресованное султану Фатих Мехмеду. Автор считает, что оно написано на литературном языке Золотой Орды, как и ярлык Хаджи-Гирея, но с большим количеством арабских слов. А.Н. Курат относит послание к периоду до вассальной зависимости Крыма от Османской империи. Датирует 874 годом по хиджре (1469 г.) [16, с. 84–86].

Следующим историк рассмотрел письмо Менгли-Гирея, написанное через 5–6 недель после взятия Кафы османами. Адресатом он предположительно называет визиря Гедик Ахмед-пашу. В письме Менгли-Гирей говорит о своем желании быть правителем «другом для друзей и врагом для врагов», а также о положительном влиянии ислама после взятия города. Датируется 880 годом по хиджре (1475 г.) [16, с. 87–90].

Третье письмо адресовано султану Мехмеду Фатиху и датируется 881 годом по хиджре (1475/1476 г.). Его содержание позволяет судить о первых шагах Османской власти на полуострове. В послании становится заметнее турецкое влияние на Крым [16, с. 91–100].

А.Н. Курат также привел два послания Эминек мурзы султану Мехмеду Фатиху. Первое письмо связано с походами султана на Молдавские земли. Здесь мурза объяснял причину неспособности оказать должную помощь в них. Документ датируется 881 годом по хиджре (1476) [16, с. 101–107]. Из второго письма Эминек от 883 по хиджре (1478) мы узнаем, что беи и мурзы не повинуются правящему хану Нур-Девлету; в связи с этим он просит прислать Менгли-Гирея на престол, который, по его словам сможет навести порядок [16, с. 115].

Каждый документ рассмотрен в следующем порядке: сначала дается факсимиле оригинала письма, потом – печатный текст на староосманском, следом – латинская транскрипция текста. Далее автор представляет расшифровку значений сложных или спорных слов, с учетом поправок предшественников И.Н. Березина [4, с. 90–100], В.В. Вельяминова-Зернова, Хусаина Фаизхана (Хусаин Фаизхан (1828–1866) – татарский ученый, просветитель, ученик Марджани. Сначала обучался в родной деревне Сабачай (Собачий остров) Курмышского уезда Симбирской губернии. Потом отправился в Казань, где обучался во II Казанском медресе, затем в VI медресе. В 1850 году перешел на обучение к Марджани, хотя оно было недолгим (всего четыре года). С помощью Марджани Фаизханов установил творческие контакты с А. Казембеком и И.Н. Березиным – преподавателями Казанского университета. В 1853–1854 годах отправился в Санкт-Петербург, где преподавал восточные языки в Петербургском университете. Деятельность Фаизханова не ограничивалась только педагогикой. Вклад его в востоковедение еще до конца не исследован. Увидела свет лишь одна монография Фаизханова – «Краткая грамматика татарского языка», изданная в 1862 году. Знание языков ученого использовали петербургские востоковеды, такие как В.В. Вельяминов-Зернов, Д.А. Хвольсон и Будагов. Умер на 38-м году жизни в Симбирской губернии) [5] и др.

Отдельное внимание автор уделяет именам, встречающимся в письмах и ярлыках. Дает описание и расшифровку печатей. А.Н. Курат сделал огромный вклад в изучение фондов архива Торкарі, однако, как мы видим, рассмотрел только несколько интересующих нас документов.

Исследованием источников по Крыму в турецких архивах также занимался историк, османист Халил Иналджик. Он родился 26 мая 1916 года. В 1942 году он с семьей поселился в Анкаре, где окончил начальную школу. Потом продолжил свое образование в Сивасе и в Балыкесире. Халил Иналджик является основателем факультета гуманитарных наук Анкарского университета. В 1940 году он закончил исторический факультет этого же университета. В 1940 году после окончания ВУЗа начал работать на кафедре новейшей истории. Работу над докторской диссертацией закончил за два года. Эта работа нашла огромный отклик в научных кругах. «Если я стал известным историком, то этому я обязан архивам Турции. Турция имеет богатые архивные материалы», – говорит Халил Иналджик. Он хорошо владел немецким, английским, французским, арабским и персидским языками. Халил Иналджик является автором многих книг и статей, которые известны не только в стране, но и за рубежом. Он принимал активное участие в многочисленных международных конгрессах. С 1972 года по приглашению Чикагского университета работал в Америке. В 1993 году был избран членом Британской академии наук. Халил Иналджик внес неоценимый вклад в развитие исторической науки в стране [10, s. 11; 12, s. 15; 26, s. 357].

Основной причиной недостаточного использования османских источников была их крайняя палеографичность (возраст и состояние документа) и филологические трудности в переводе. С этой работой справилась группа экспертов из Школы высших исследований социальных наук в Париже. В ее состав входили Александр Беннигсен, Пертев Наили Боратав (Пертев Наили Боратав – турецкий писатель и фольклорист, исследователь турецкого фольклора и народной литературы. В 1927 году окончил Высшую школу в Стамбуле, в 1930 году – факультет турецкого языка и литературы Стамбульского университета. С 1941 по 1944 год издавал в Анкаре литературный журнал *Yurt ve dünya* (рус. «Родина и мир»). В 1941 году защитил диссертацию о турецких народных сказках и получил право преподавания в университете, в 1948 году стал профессором и возглавил кафедру народной литературы. Однако в том же году эта кафедра была закрыта правительством, а сам Боратав был обвинен в пропаганде коммунистических идей; это вынудило его эмигрировать за границу. Боратав жил в Германии, Франции и США; в США он стал основателем кафедры Турции в Стэнфордском университете. Большую часть своей эмигрантской жизни провел во Франции, работал в Центре научных исследований и умер в Париже. Собранный им материал насчитывает более 2000 народных сказок, 40 легенд, большое количество народных песен, анекдотов, описаний детских игр и так далее. За свою жизнь получил несколько премий, в том числе от Центра научных исследований Франции и министерства культуры Турции) [11, s. 56], Дилек Десаиве и Шанталь Лемерсье-Келькеже. С 1960 года в результате упорного труда этих исследователей были осуществлены публикации документов и комментариев к ним. Одна из них – «*Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*» [17] – содержит только документы, относящиеся к Крымскому ханству, которые сохранились в архиве Дворца-музея Топкапи. Подавляющее большинство этих документов – оригиналы писем крымских ханов и знати в Османскую Порту. Другие – копии крымских писем из османских книг-отчетов должностных лиц, сообщения визирей к султанам.

Отдельно отметим особый вклад в развитие данной темы французской ученой Шанталь Лемерсье-Келькеже [18, р. 480–490; 19; 20, р. 335–343].

Значимыми являются исследования Озалп Гокбильгина, посвященные политической ситуации в Крымском ханстве в 1532–1551 гг. [14]. В 1973 г. турецкий ученый издал в Анкаре сводный текст двух старейших рукописей «Истории хана Сахиб-Гирея» (с приложением французского перевода XVIII в.). Существенным недостатком этого издания стало то, что ни один из списков Института восточных рукописей Российской академии наук в нем не задействован: оно было осуществлено по принципу, когда за основу были взяты две старейшие рукописи, и на их основании составлен сводный текст, а позднейшие рукописи не учитывались. В своих работах О. Гокбильгин также опубликовал письмо принца Ислам-Гирея османскому султану Сулейману I Кануни с просьбой пожаловать ему крымский престол, послание представителей крымской знати с изложением ситуации в ханстве и др. [21; 13, р. 462–469].

К материалам архива музея Торкарı обращался В. Остапчук – доцент отделения Ближнего и Среднего востока Университета Торонто [21, р. 453–473; 22, р. 49–104; 24, р. 500–528].

На их основе он исследовал отношения между Османской империей и Крымским ханством В его работах «The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations» и «Five documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639)» представлена подробная внешняя критика документов – описываются их длина, качество бумаги, почерк, а также расшифровываются ханские печати [23, р. 247–276]. Однако в своих трудах В. Остапчук обращается лишь к отдельным документам.

В русскоязычной историографии изучению истории Крымского ханства, основываясь на документах турецких архивов, уделяется недостаточно внимания. Наиболее известными являются работы профессора Санкт-Петербургского университета Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922). Его монографии по истории Крымского ханства, вышедшие в свет в 1887 и 1889 гг. [8; 9], до сих пор остаются наиболее подробными исследованиями политической истории этого государственного образования. Они написаны, главным образом, по материалам турецких и крымскотатарских источников (сочинения Фундуклулу в четырех томах, труда турецкого историка Хусейна Гезар-Фенна и др.), которые в настоящее время являются библиографической редкостью.

Большинство крымских летописей остаются малоизвестными, в основном, из-за отсутствия хороших переводов. Одной из немногих, профессиональных в этом отношении, является работа казанского исследователя И.А. Мустакимова – заведующего сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан [3, с. 299–306].

В июне 2007 г. в рамках международного сотрудничества архивистов Татарстана состоялась командировка И.А. Мустакимова в Османский архив при Премьер-министре Турецкой Республики и архив Дворца-музея Торкарı (Стамбул). В результате чего, им было получено в дар и приобретено более сорока копий документов, большинство из которых имеют большое значение при изучении истории Крымского ханства.

В своем труде он рассмотрел документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков в архивохранилищах Турции. Подбирая источники, он отдавал предпочтение невведенным в научный оборот или не опубликованным на русском языке документам. Мустакимов отмечает большой вклад А.Н. Курата, Х. Иналджика, А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Кельеже в изучении и введении в научный оборот многих из публикуемых в первой части его сборника документов. Автор также приводит факсимиле, текст и перевод каждого документа, дает сведения о внешнем виде [2].

Таким образом, благодаря работам перечисленных исследователей, мы имеем возможность познакомиться с одними из наиболее ранних источников по истории Крымского ханства. Они представляют факсимиле оригиналов писем и их перевод, представляют расшифровку значений сложных или спорных слов, решают проблемы с переводом дат на современное летоисчисление.

Однако существует ряд проблем, которые необходимо решить:

– большинство работ изданы на различных языках (английский, французский, турецкий), что усложняет доступ к ним для русскоязычного читателя;

– необходимо обобщение и объединение работ предшественников, так как каждый отдельный труд не охватывает все интересующие нас документы.

Несмотря на указанные работы, в архиве хранятся сотни неопубликованных документов, ждущих своей очереди войти в научный оборот, что стимулирует нас к дальнейшим изучением фондов древлехранилищ Турецкой Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А.Д.* Хранение документов и архивное дело в Османской империи // Восток: Афро–азиатские общества: история и современность. 2010. № 5. С. 35–48.
2. *Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: сб. докум. / И.А. Мустакимов; под ред. Д. И. Ибрагимова.* Казань: Гасыр, 2008. 464 с.
3. *Мустакимов И.А.* В архивах Турции // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. № 2. С. 299–306.
4. *Непомнящий А.А.* Подвижники крымоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия. Симферополь, 2008. С. 90–100 (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).
5. *Очерки Марджани о восточных народах / Пер. А.Н. Юзеева.* Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. 175 с.
6. *Рахимова А.* Письмо хана Золотой Орды Махмуда в Стамбул (1466 г.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 23.
7. *Сейт-Маметов Ш.Э.* Акдес Нимет Курат – исследователь источников по истории Крымского ханства в османских архивах // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т. 27 (66). № 1. 2014 г. С. 67–72.
8. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб, 1887. XXXV, 772 с.
9. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. 252 с.
10. *Aslantaş Selim.* Halil İnalçık'ın Akademik Biyografisi // Halil İnalçık Armağanı I. – Doğu Batı Yay. Temmuz, 2009. S. 11.

11. Edebiyatımızda isimler sözlüğü / B. Necatigil 7 bs. İst., 1972. S. 56.
12. *Emine Çaykara*. Tarihçilerin Kutbu – Halil İnalçık Kitabı. S. 15.
13. *Gokbilgin Ö.* Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray, khan de Crimée (1532–1551) à Istanbul, Paris et Leningrad // Cahiers du monde russe et soviétique. 1970. T. 11. № 3. P. 462–469.
14. *Gokbilgin Ö.* 1532–1577 Yıllar Arasında Kirim Hanlığı'nın Siyasi Durumu. Ankara, 1973. S. 57–58.
15. Hakkı I. Topkapı Sarayında deri üzerine yapılmış eski haritalar. İstanbul, 1936. 203 s.
16. *Kurat A.N.* Topkapı Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. Dil ve tarih – coğrafiya fakültesi yayınlarından. Tarih serisi 1. 212 s.
17. Le khanate de Crimée des Archives du Musée du palais de Topkapı / A. Benningesen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, P. N. Boratav, D. Desai. Paris and Hugue: Mouton, 1978. 458 p.
18. Lemerrier-Quelquejay Ch. Les expéditions de Devlet Girây contre Moscou en 1571 et 1572 d'après les documents des Archives ottomans // Center for Medieval and Renaissance Studies (CMRS). 1972. Vol. 13. № 4. P. 480–490.
19. Lemerrier-Quelquejay Ch. Les Khanat de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521 d'après un document inédit des Archives du Musée du Palais de Topkapı // Cahiers du monde russe et soviétique. 1971. Vol. 12, №4. Octobre – décembre. 655 p.
20. Lemerrier-Quelquejay Ch. Une source inédite pour l'histoire de la Russie au XVIe siècle. Les registres des Mühimme Defterleri, des Archives du Baş-Vekâlet // Cahiers du monde russe et soviétique. 1967. № 2. P. 335–343.
21. Ostapchuk V. Bohdan Xmel'nyckyj and the Porte: A document from the Ottoman archives // Harvard Ukrainian Studies 8, 1984. P. 453–473 [co-authored with András Riedlmayer].
22. Ostapchuk V. Five documents from the Topkapı Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) // Journal of Turkish Studies 11, 1987. P. 49–104.
23. Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapı Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations // Turcica: revue d'études turques. 1987. T. 19. P. 247–276.
24. Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: New Sources for the History of the Black Sea Basin // Harvard Ukrainian Studies 6. 1982. P. 500–528.
25. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551) / haz. Ö. Gokbilgin. Ankara, 1973. 313 s.
26. Tok Gökhan. Dünyaca Tanınmış Tarihçimiz Halil İnalçık // Bilim ve Teknik. S. 357.
27. Topkapı Sarayı Müzesi Arsivi Kilavuzu / Topkapı Sarayı Müzesi Direktörlüğünce tertip ettirilmiş. İstanbul, 1938. 120 s.

Сведения об авторе: Шукри Энверович Сейт-Маметов – аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (295007, проспект акад. Вернадского, 4, Симферополь, Крым, Российская Федерация); младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (298405, ул. Басенко, 57«Л», Бахчисарай, Крым, Российская Федерация). E-mail: shukriseitmametov@gmail.com

Поступила 10.05.2016 г.

Принята к публикации 02.08.2016 г.

**CURRENT STATE AND PROSPECTS OF STUDYING SOURCES
ON THE HISTORY OF CRIMEAN KHANATE IN TURKISH ARCHIVES****Sh.E. Seit-Mametov**^{1,2}¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol 295007, Crimea, Russian Federation² Crimean Research Center,
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Bakhchisaray 298405, Crimea, Russian Federation
E-mail: shukriseitmametov@gmail.com

Research objectives: to consider the current state of the study of sources on the history of the Crimean Khanate in Turkish archives and determine the prospects for the study of this issue.

Research materials: works of domestic and foreign Orientalists in the study of the Crimean sources in Turkish archives.

Results and novelty of the research: the author analyzed the current state of the study of sources on the history of the Crimean Khanate in Turkish archives. The works of such prominent scholars as A. Bennigsen, Ö. Gokbilgin, A.N. Kurat, Ch. Lemerrier-Quelquejay, V.D. Smirnov and others deserve the most attention. Sophisticated paleography (age and conditions of documents) of the Ottoman sources and difficulties with their translation were the main reason for their insufficient use. In their studies, Orientalists presents facsimiles of the originals of letters and their translations, give the transcript values of complex or controversial words, solve problems with the translation of dates into the modern chronology and also produce a detailed external criticism of documents: they describe their length, quality of the paper, handwriting and also decode the khans' seals. This enables modern researchers to get acquainted with some of the earliest sources on the history of the Crimean Khanate. The author has revealed a number of new challenges that need to be addressed in the further study of sources on the history of the Crimean Khanate: translation of foreign **Orientalists'** works into Russian as well as synthesis and integration of predecessors' works, since each individual work does not cover all the documents of interest to modern scholars. The study of sources on the history of the Crimean Khanate remains a promising challenge for modern researchers, since in Turkish archives are stored unpublished documents waiting for their turn to enter into scholarly circulation.

Keywords: archive of the Topkapı, Crimean Khanate, sources, Giray, historiography.

For citation: Seit-Mametov Sh.E. Current State and Prospects of Studying Sources on the History of Crimean Khanate in Turkish Archives. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. . 616–625.

REFERENCES

1. Vasil'ev A.D. Khranenie dokumentov i arkhivnoe delo v Osmanskoy imperii [Document Storage and Archiving in the Ottoman Empire]. *Vostok, Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [Orient: Afro-Asian Societies: Past and Present]. 2010, no. 5, pp. 35–48. (In Russian)
2. *Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI–XIX vekov iz drevlekhranilishch Turtsii: sb. dokum.* [Documents on the History of the Volga-Ural Region of the 16th–19th centuries from Turkish Archives: collection of documents]. I.A. Mustakimov; pod red. D. I. Ibragimova. Kazan, Gasyr Publ., 2008. 464 p. (In Russian)

3. Mustakimov I.A. V arkhivakh Turtsii [In Turkish Archives]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of the Ages]. 2007, no. 2, pp. 299–306. (In Russian)
4. Nepomnyashchiy A.A. Podvizhniki krymovedeniya [Devotees of the Crimean Studies]. Vol. 2: *TAURICA ORIENTALIA*. Resp. komitet ARK po okhrane kul'turnogo naslediya. Simferopol, 2008, pp. 90–100 (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; is. 12). (In Russian)
5. *Ocherki Mardzhani o vostochnykh narodakh* [Marjani's Essays on the History of Oriental Peoples]. Per. A.N. Yuzeeva. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2003. 175 p. (In Russian)
6. Rakhimova A. Pis'mo khana Zolotoy Ordy Makhmuda v Stambul (1466 g.) [A Letter of the Golden Horde Khan Mahmud to Istanbul (1466)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of the Ages]. 1996, no. 3/4, p. 23. (In Russian)
7. Seyt-Mametov Sh.E. Akdes Nimet Kurat – issledovatel' istochnikov po istorii Krymskogo khanstva v osmanckikh arkhivakh [Akdes Nimet Kurat: A Researcher of Sources on the History of the Crimean Khanate in the Ottoman Archives]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Tauride National University]. 2014. Vol. 27 (66), no. 1, pp. 67–72. (In Russian)
8. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte until the early 18th century]. St. Petersburg, 1887. XXXV. 772 p. (In Russian)
9. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoj Porty v XVIII veke* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte in the 18th century]. Odesa, 1889. 252 p. (In Russian)
10. Aslantaş Selim. Halil İnalçık'ın Akademik Biyografisi. *Halil İnalçık Armağanı I.* – Doğu Batı Yay. Temmuz, 2009. P. 11. (In Turkish)
11. *Edebiyatımızda isimler sözlüğü*. B. Necatigil 7 bs. İst., 1972. P. 56. (In Turkish)
12. Emine Çaykara. *Tarihçilerin Kutbu* – Halil İnalçık Kitabı. P. 15. (In Turkish)
13. Gokbilgin Ö. Quelques sources manuscrites sur l'époque de Sahib Giray, khan de Crimée (1532–1551) à Istanbul, Paris et Leningrad. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1970. Vol. 11, no. 3, pp. 462–469. (In French)
14. Gokbilgin Ö. 1532–1577 Yıllar Arasında Kirim Hanlığı'nın Siyasi Durumu. Ankara, 1973, pp. 57–58. (In Turkish)
15. Hakki I. *Topkapı Sarayında deri üzerine yapılmis eski haritalar*. Istanbul, 1936. 203 p. (In Turkish)
16. Kurat A.N. *Topkapı Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler*. Istanbul, 1940. Dil ve tarih – coğrafiya fakültesi yayınlarından. Tarih serisi 1. 212 p. (In Turkish)
17. *Le khanate de Crimée des Archives du Musée du palais de Topkapı*. A. Benningesen, Ch. Lemerrier-Quelquejay, P. N. Boratav, D. Desai. Paris and Hugué: Mouton, 1978. 458 p. (In French)
18. Lemerrier-Quelquejay Ch. Les expéditions de Devlet Girây contre Moscou en 1571 et 1572 d'après s les documents des Arshives ottomans. *Center for Medieval and Renaissance Studies (CMRS)*. 1972. Vol. 13, no. 4, pp. 480–490. (In French)
19. Lemerrier-Quelquejay Ch. Les Khanat de Kazan et de Crimée face à la Moscovie en 1521 d'après un document inédit des Archives du Musée du Palais de Topkapı. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1971. Vol. 12, no. 4. Octobre – decembre. 655 p. (In French)
20. Lemerrier-Quelquejay Ch. Une source inédite pour l'histoire de la Russie au XVIe siècle. Les registres des Mühimme Defterleri, des Archives du Baş-Vekâlet. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1967, no. 2, pp. 335–343. (In French)
21. Ostapchuk V. Bohdan Xmel'nyc'kyj and the Porte: A document from the Ottoman archives. *Harvard Ukrainian Studies* 8, 1984, pp. 453–473 [co-authored with András Riedlmayer].

22. Ostapchuk V. Five documents from the Topkapi Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639). *Journal of Turkish Studies* 11, 1987, pp. 49–104.

23. Ostapchuk V. The publication of documents on the Crimean khanate in the Topkapi Saray: The documentary legacy of Crimean-Ottoman relations. *Turcica: revue d'études turques*. 1987. Vol. 19, pp. 247–276.

24. Ostapchuk V. The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Sarayi: New Sources for the History of the Black Sea Basin. *Harvard Ukrainian Studies* 6. 1982, pp. 500–528.

25. *Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551)*. Haz. Ö. Gokbilgin. Ankara, 1973. 313 p. (In Turkish)

26. Tok Gökhan. Dünyaaca Tanınmış Tarihçimiz Halil İnalçık. *Bilim ve Teknik*. S. 357. (In Turkish)

27. *Topkapi Sarayi Muzesi Arsivi Kilavuzu*. Topkapi Sarayi Müzesi Direktörlüğünce tertip e'ttirilmiş. Istanbul, 1938. 120 p. (In Turkish)

About the author: Shukri E. Seit-Mametov – Post-graduate student, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Academician Vernadsky Prospect, Simferopol 295007, Crimea, Russian Federation); Research Fellow, Crimean Research Center, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (57«L», Basenko Str., Bakhchisaray 298405, Crimea, Russian Federation). E-mail: shukriseitmametov@gmail.com

Received May 10, 2016

Accepted for publication August 2, 2016

УДК 930.22

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ
КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVI ВЕКЕ (1515–1596):
К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПУБЛИКАЦИИ**

А.В. Виноградов

*Институт российской истории РАН
117036, Москва, Российская Федерация
E-mail: avinogradov1957@yandex.ru*

Цель: изложить основные проблемы современного состояния публикации дипломатической документации Крымского ханства по связям с Русским и Польско-Литовским государствами периода 1515–1596 гг.

Материалы исследования: крымская дипломатическая документация и послания крымских ханов Мухаммед-Гирея I, Сеадет-Гирея I, Ислам-Гирея I, Сахиб-Гирея, Девлет-Гирея I, Мухаммед-Гирея II, Ислам-Гирея II и Гази-Гирея II московским государям и польским королям, зафиксированные в архивах и библиотечных рукописных собраниях России и Польши.

Результат исследования: в процессе исследования был введен в научный оборот составленный автором общий перечень посланий крымских ханов польским королям и московским государям за период 1515–1596 гг. (как опубликованных, так и неопубликованных), хранящихся в архивах и библиотечных рукописных собраниях России и Польши.

Научная новизна состоит в том, что впервые поднимается проблема публикации дипломатической документации Крымского ханства в составе Крымских посольских книг, сосредоточенных в фонде 123 РГАДА «Сношения России с Крымом».

Ключевые слова: Крымское ханство, дипломатическая документация Крымского ханства, посольские послания крымских ханов, крымские посольские книги, «Литовская метрика»

Для цитирования: Виноградов А.В. Дипломатическая документация Крымского ханства в XVI веке (1515–1596): к вопросу о современном состоянии публикации // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 626–647.

Как известно, архив крымских ханов после пожара в Бахчисарае 1736 г. в целом виде утрачен. Вся дипломатическая документация Крымского ханства в отношении стран Восточной Европы, за немногими исключениями, в настоящее время дошла до нас в виде переводов документов в материалах делопроизводства Русского государства, Великого Княжества Литовского (ВКЛ), Короны Польской, Речи Посполитой, и, в минимальной степени, Молдовы¹. Количество подлинников дипломатических документов, относящихся к XVI веку достаточно ограничено. Абсолютное большинство документов представлено переводами. Проблемы крымской дипломатики требу-

¹ Автор ограничивает рассмотрение крымской дипломатической документации только в отношении Русского и Польско-Литовского государств.

ют специального рассмотрения (по выражению А.Л. Хорошкевича – «еще ждут решения» [9, с. 20]).

Дипломатическая документация Крымского ханства по связям с Русским государством в основном сосредоточена в фонде 123 РГАДА «Сношения России с Крымом» в составе т.н. крымских посольских книг. Крымские посольские книги имеют четкую структуру. Документация в них вносилась в хронологическом порядке. Крымская дипломатическая документация является важнейшей частью крымских посольских книг.

Как известно, невосполнимые потери в русской посольской документации по связям с Крымом конца 30-х – начала 60-х гг., конца 70-х – середины 80-х гг. и конца 90-х гг. XVI в. означают и фактическую потерю огромных «пластов» дипломатической документации Крымского ханства этих периодов. Многочисленные описи Посольского приказа XVII столетия, к сожалению, дают только приблизительную картину масштабов утрат крымских документов.

Дипломатическая документация Гиреев по связям с Польско-Литовским государством с конца XV века по 80-е годы XVI века в основном сосредоточена в фонде 389 РГАДА «Литовская метрика» (далее ЛМ). Дипломатические документы Крыма в этом своде документов канцелярии Великого княжества представлены переводными кириллическими текстами². Транскрибированные латиницей XVIII века (латинским языком польской транскрипции), крымские дипломатические документы эпохи Менгли-Гирея I и, отчасти, Мухаммед-Гирея I представляют собой составную часть отдельного свода документов – варшавских копий пятой и, частично, седьмой «книг записей» ЛМ, в настоящее время хранящихся в составе фонда *Metryka Litewska Archiwum Głowne Akt Dawnych w Warszawie* (AGAD). Дипломатическая документация Крымского ханства периода правления хана Менгли-Гирея I (до 1515 г.), находящаяся в составе этого фонда, была опубликована в 1881 г. польским историком Казимиром Пуласки [20].

А.Л. Хорошкевич отметила, что «литовские посольские материалы в целом являются однотипными с русскими крымскими посольскими делами» [10, с. 21]. Подобное утверждение, на наш взгляд, применимо (с оговорками) к концу XV – началу XVI столетий. Сама А.Л. Хорошкевич одновременно признает, что «в силу особенностей ведения посольских дел, основанного на хронологическо-канцелярском принципе и их позднего хранения в архиве Литовского княжества и Речи Посполитой, посольская документация с Крымом не образовала особых книг» [10, с. 21]. В книгах ЛМ крымские посольские дела теряют компактность уже на рубеже XV – XVI столетий и в дальнейшем действительно представляют собой, по выражению А.Л. Хорошкевича, «отдельные вкрапления». При этом следует подчеркнуть, что в «книги записей» ЛМ попадает в основном переписка крымских ханов и польских королей – великих князей литовских. Эта тенденция сохраняется и в нескольких отдельных «посольских книгах» ЛМ, содержащих только дипломатические документы – 591, 592, 593 и 594. В рассматриваемый период (1515–1596) дипломатическая документация Гиреев в относительно компактном

² Вопрос о структуризации всей дипломатической документации Гиреев с последней четверти XV в, содержащейся в настоящее время в 389 фонде РГАДА «ЛМ», рассмотрен Д. Колодзейчиком [13, р. 256–259].

виде представлена только в седьмой книге записей ЛМ (до 1529 года). С 40-х гг. значительный «пласт» посланий крымских ханов польским королям и великим князьям литовским содержится в пятьсот девяносто первой «посольской книге» ЛМ. В конце 50-х – начале 60-х гг. дипломатическая переписка ханов и польско-литовских монархов окончательно теряет компактность и действительно представляет собой отдельные вкрапления в различные «книги записей» и даже «книги судебных дел» ЛМ. При этом в них попадают в основном послания польско-литовских монархов в Крым. В дальнейшем, после 1569 года материалы посольских сношений Речи Посполитой с Крымом представляют собой также «вкрапления» в целом в компактный и хронологически последовательный материал пятьсот девяносто второй, пятьсот девяносто третьей и пятьсот девяносто четвертой «посольских книг» ЛМ. Такие же «вкрапления» содержатся в т.н. «Вольских книгах» ЛМ. В целом количество переведенных кириллических текстов дипломатических посланий крымских ханов в различных книгах ЛМ в 60–90-х гг. минимально. Однако документы, вышедшие непосредственно из Крыма и хранящиеся в составе т.н. «Татарских дел» «Архива Коронного Варшавского» – Archiwum Koronne Warszawskie (AKW) dz. Tatarskie AGAD, более компактны. В подавляющем большинстве – это подлинники. Правда, в основном эта крымская документация – посольская документация, относящаяся к XVII столетию.

Материалы дипломатической документации Крымского ханства по связям с Польско-Литовским государством XVI века представлены в этом собрании AGAD в основном периодом 1572–1578 гг. Некоторые документы, относящиеся к периоду правления Менгли-Гирея I, причем отсутствующие в «Литовской метрике», по мнению Ф. Шамбульдо, ранее находились в «Архиве Коронном Краковском» (Archiwum Koronne Krakowskie), а затем уже были переданы в «Архив Коронный Варшавский». [11, с. 251]. При этом договорные акты, составленные в ханской канцелярии, были еще и скопированы для «Тек Нарушевича» – собрания документов XVIII в (об этом ниже), что было отмечено Д. Колодзейчиком при их публикации [16, р. 594–597]. Единственный документ из этого собрания AGAD, относящийся к правлению Мухаммед-Гирея I, – датированный октябрём 1520 г. подлинник договорного акта хана Мухаммед-Гирея I в отношении Короны Польской [14, AKW Dz. tat. Karton 65 teska 2 no. 577]. Интересно, что кириллический перевод этого документа находится в составе седьмой «книги записи» ЛМ [17, nr. 203.2, s. 385–387] 389 фонда РГАДА, а латинский перевод – в составе фонда Metryka Litewska AGAD. Документ опубликован – как подлинник, так и все копии – Д. Колодзейчиком [16, р. 652–655]. Однако кроме этого уникального документа в составе фонда «Татарских дел» нет дипломатической документации правления ханов Сеадет-Гирея, Ислам-Гирея I, Сахиб-Гирея и большей половины правления Девлет-Гирея I. Правление хана Мухаммед-Гирея II представлено только документацией конца 70-х гг. Документация периодов правления Ислам-Гирея II и первого правления Гази-Гирея II также отсутствует. В конечном итоге, дипломатическая документация Крымского ханства рассматриваемого периода в этом собрании ограничивается 70-ми годами XVI века. Во всяком случае, там имеются значительное количество посланий крымских ханов, членов их семей, политической элиты, отправленные в Речь Посполитую летом 1572 г., летом 1574 г., весной и летом 1578 г.

Крымская дипломатическая документация до 1596 г. в составе фонда «Посольские книги» Метрики Коронной – Libri Legationum Metryka Koronna (LL MK) AGAD, где постепенно с 90-х гг. сосредотачивалась польско-литовская посольская документация по связям с Крымом, – достаточно фрагментарна.

В настоящее время в польской историографии существует точка зрения о том, что в различных польских архивах и рукописных собраниях библиотек находятся значительное количество не введенных в научный оборот крымских дипломатических документов [16, р. 245–248, 259–265; 21, s. 17–21]³. Это подтверждают итоги многолетнего исследования Д. Колодзейчика по выявлению различных списков составленных в Крыму текстов договорных актов почти всех правивших в XVI веке ханов с Польско-Литовским государством.

Сравнительный анализ крымских дипломатических документов, содержащихся в посольских книгах Русского и Польско-Литовского государств, за исключением раздела работы А.Л. Хорошкевич, посвященного договорным актам ханов Менгли-Гирея I и Мухаммед-Гирея I, в отечественной историографии не проводился.

Между тем, некоторые общие черты содержащейся в 123 и 389 фондах РГАДА крымской посольской документации бросались в глаза исследователям.

Во-первых, это последовательность размещения и в крымских посольских книгах, и в различных книгах ЛМ посланий крымских ханов, представителей дома Гиреев и крымской знати.

Во-вторых, общая структура посланий крымских ханов московским и польско-литовским государям.

В-третьих, наличие в числе отправителей посланий одних и тех же лиц из числа наиболее влиятельных представителей крымской знати и бюрократии.

Обозначим основные виды крымской дипломатической документации.

I. Послания-ярлыки (мохаббат-наме) крымских ханов⁴.

Как справедливо отметила А.Л. Хорошкевич, «крымские грамоты – послания-ярлыки как бы объединяют несколько видов русских грамот» [10, с. 24].

Действительно структура посланий-ярлыков крымских ханов состоит из следующих частей:

– «историческая часть» – изложение хода обмена гонцами, посольских разменов и переговоров за предшествующий период, как правило, за время, истекшее с момента отправления предшествующего послания;

– верительная часть объясняет полномочия посланца;

– «претензионная часть» – перечень претензий крымской стороны;

³ Автор намеренно не касается вопроса о наличии крымской посольской документации в Государственном Архиве Швеции, с фондами которого он не имел возможности ознакомиться.

⁴ Наименование посланий крымских ханов в отечественной историографии неопределенно. Ряд исследователей именуют их мохаббат-наме [8, с. 10], другие – ярлыками [10, с. 24]. Впрочем, С.Ф. Фаизов иногда называет послания одновременно и мохаббат-наме, и ярлыками [8, с. 14]. Автор в дальнейшем будет использовать наименование «ярлыки» как термин, которым обозначались послания в КПК и книгах ЛМ.

– «уверительная часть» – обещание «дружбы и любви» при выполнении выше перечисленных претензий;

– «деловая часть» – конкретные предложения по организации посольских разменов, иногда с именем назначенного посла, желательный срок отпуска направляемого гонца;

– «запросная часть» – материальные «просьбы» (в большинстве случаев выделяются в отдельные ярлыки, но присутствуют в «главных» посланиях).

Присутствие различных пластов содержания в документах придают посланиям крымских ханов особый характер.

По замечанию А.Л. Хорошкевич, «Грамоту (так А.Л. Хорошкевич именует послания крымских ханов), в которой идет речь и о полномочиях посла, и об итогах предшествующих переговоров, и о размере и формах «запроса», можно длинно и неуклюже назвать «верительно – известительно – запросной» [10, с. 24].

Впрочем С.Ф. Фаизов, не вполне разделяя точку зрения об эволюции крымского делопроизводства в XVI–XVII вв., пишет, что годовые (? – А.В.) крымские послы (до XVI ст. включительно) или посланники (в XVII ст.) при отправлении в Москву получали от своих непосредственных сюзеренов лишь короткие аккредитационные послания для великого князя и царя» [8, с. 11]. С точки зрения автора, применимо к рассматриваемому периоду (1515–1596) это мнение С.Ф. Фаизова не выдерживает критики.

Отдельная проблема – послания крымских ханов монархам сопредельных стран, в которых они принимали на себя в отношении них определенные военно-политические обязательства. Ф. Шамбульдо классифицирует этот вид посланий как «ярлыки-докончания» [11, с. 251]. Граница между ними и «обычными» посланиями весьма размыта. Д. Колодзейчик также классифицировал этот тип документов как «докончальные ярлыки» [16, р. 279] и включил их в общий перечень договорных актов Крыма Польско-Литовского государства при их публикации. При этом в самой польско-литовской посольской документации этот тип документов, судя по всему, специально не выделялся. Русская посольская документация классифицировала этот тип документов как «тайные грамоты», которые не вручались на аудиенциях, а передавались специальными эмиссарами крымских ханов московским Посольским дьякам или доверенным лицам государя. Ф.Ф. Лашков еще в конце XIX в. включил такой тип документов в свой перечень договорных актов Крыма и Русского государства при публикации в ИТУАК (Известия Таврической ученой архивной комиссии).

II. Послания младших «царевичей». Имеют аналогичную структуру, что и послания хана. В ряде случаев послания калги (первого наследника престола) имеют свою специфику, т.к. отражают его «особую» позицию⁵.

⁵ Б.Р. Рахимзянов склонен преувеличивать степень самостоятельности политической позиции ряда Гиреев, что проявлялось в их переписке с Москвой, в частности калги Менгли-Гирея I Ахмада, чему был посвящен его доклад на V научных чтениях памяти У. Боданинского в Бахчисарае осенью 2013 г. (материалы конференции пока не опубликованы). Однако проблему надо самостоятельно рассматривать в каждом отдельном случае и отделять реальные политические амбиции каждого Гирея от «дипломатической игры» хана.

Ш. «Речи» на аудиенции у государя. Произносились только гонцом непосредственно от хана. В случае его смерти или гибели в пути его заменял гонец от калги. Структура их в принципе идентична доставляемым ярлыкам, за исключением особых ситуаций, когда ханы позволяли своим эмиссарам «импровизировать». Например, гонец Ших Али во время знаменитой аудиенции у Ивана Грозного в Братошине в 1572 г. позволил себе передать мнение хана о причинах его похода в гораздо более резкой форме, чем в письменном послании самого Девлет-Гирея I московскому государю. При этом гонец в начале аудиенции явно зачитывал «речь» по подготовленному тексту, затем после своего «отпуска» направился к выходу из помещения, но внезапно начал новую «речь»: «и пошел был царев гонец да поворотился да почал говорить» [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 14 л. 154]. Устные «речи» гонцов во время аудиенций, внесенные в крымские посольские книги, вероятно, переводились толмачами Посольского приказа и уже далее стенографировались подъячими с их слов. Несомненно, что часть произносимых «речей» искажались при переводах. То, что подъячие фиксировали на бумаге именно устные переводы толмачами «речей» крымских гонцов, т.е. уже русскую речь, в очередной раз проявилось при подготовке публикации автором и его коллегами четырнадцатой крымской посольской книги. Это показывает и лексически более правильный по сравнению с переводом крымских ярлыков русский язык записей «речей» гонцов – как их собственные слова, так и пересказ произносимых ими письменных текстов. В то же время достаточно примитивный язык этих записей по сравнению с языком записей «речей» русской стороны, особенно многочисленных знаменитых «выступлений» царя Ивана Васильевича Грозного, указывает на определенные проблемы толмачей, особенно при живом устном переводе – обеднение и упрощение используемых лексических форм языка. Отметим, что при публикации ранних крымских посольских книг в XIX веке эти проблемы в ряде случаев усугублялись не до конца правильной передачей самого внесенного в книги письменного текста.

«Речи» «больших послов» более объемны, но в принципе имеют такую же структуру, что и «речи» гонцов. Они могли представляться в письменном виде, однако в отличие от практики, сложившейся в сношениях Крыма с Польско-Литовским государством, такая форма не получила в русско-крымских «ссылках» широкого распространения.

В польско-литовской посольской документации в составе ЛМ иногда встречаются крымские посольские документы, обозначенные как «наказы» (инструкции). В действительности это зафиксированные в письменном виде «речи» крымских послов. В отличие от крымских посольских «речей» в русской посольской документации они имеют более четкую структуру, максимально приближенную к ханским посланиям. Отметим, что никаких описаний аудиенций крымских послов и гонцов в польско-литовской посольской документации в XVI веке не встречается, и произносимые там «речи» фиксировались там только в форме передачи письменных текстов, которые после перевода вносились в различные книги ЛМ.

IV. Послания крымской знати.

Важным компонентом крымской дипломатической документации, формально находящейся за пределами официального делопроизводства, являются послания «ближних царевых людей», адресованные московскому

государю, а с конца 80-х гг. – и Б.Ф. Годунову. Эти послания доставлялись с гонцами отправителей. Количество таких посланий колебалось в зависимости от интенсивности русско-крымских «ссылок». В посольские книги вносились далеко не все послания представителей крымской политической элиты, доставляемые в Москву. В большинстве своем послания однотипны и кратко излагают содержание ханских посланий. Однако следует отметить, что наряду с официальными посланиями от крымской знати передаваемых Посольскому дьяку вместе с посланиями от младших Гиреев существовали особые «тайные послания», которые вручались гонцами наиболее влиятельных «ближних царевых людей» – претендентов на «амиатство» (посредничество в осуществлении дипломатических «ссылок» с Москвой) – «неофициально» по личной просьбе, «озвученной» ими приставам. В ряде случаев, в зависимости от статуса отправителя, такие послания изымались также Посольскими дьяками. В переписке крымской знати с польскими королями – великими князьями литовскими – существовала аналогичная традиция. В различные книги ЛМ также вносились послания только наиболее видных фигур политической элиты крымского ханства⁶.

Необходимо различать послания, составлявшиеся в ханской канцелярии, представляющие собой «слепок» с посланий ханов и затрагивающие те же проблемы двусторонних отношений, и послания составлявшиеся только адресатами, зачастую лично, в которых отражена политическая позиция данного конкретного лица или группы лиц. Широко распространены «комплексные послания», в которых содержится как официальная позиция хана, так и конкретные позиция данного лица. В любом случае послания знати только условно могут быть отнесены к дипломатической документации Крымского ханства и должны являться предметом самостоятельного изучения.

Отдельную проблему представляет вопрос о разрабатывавшихся в Крыму текстах договорных актов с Русскими и Польско-Литовскими государствами, доставлявшихся затем туда послами. Если в отношении Польско-Литовского государства разработка таких договорных актов именно в Крыму неоднократно имела место, что убедительно доказано в исследовании Д. Колодзейчика, то в отношении Русского государства в XVI веке имеются только единичные случаи (например, шертъ, принесенная ханом Сеадет-Гиреем перед послом И. Колычевым в феврале 1525 г.). Данная проблема, впрочем, требует специального рассмотрения, и в данном случае автор не будет ее затрагивать, кроме специально оговоренных случаев.

Основной массив дошедшей до нас дипломатической документации Крымского ханства в XVI веке представляют собой послания крымских ханов монархам сопредельных государств.

Абсолютное количество данных посланий за рассматриваемый период представлено в русской и польско-литовской посольской документации в виде переводов.

А.Л. Хорошкевич вслед за М.А. Усмановым подняла вопрос о степени адекватности московских переводов крымской посольской документации, прежде всего ханских ярлыков, но констатировала при этом, что они «явля-

⁶ В «делах татарских» AGAD за 70-е гг. XVI в. послания польским королям (подлинники) от всех представителей крымской политической элиты, направлявших гонцов в Речь Посполитую, содержатся в полном объеме.

ются вполне надежным источником сведений о русско-крымских отношениях» [10, с. 19]. Вместе с тем исследовательница сделала вполне обоснованное замечание о том, что передача некоторых терминов («калек») нуждается в дополнительном исследовании. Автор разделяет данную точку зрения. Д. Колодзейчик, со своей стороны, признал наличие проблемы адекватности польско-литовских переводов и договорных актов и посланий крымских ханов как на кириллицу и латинский язык в польской «транскрипции», так и на «старопольский» язык [16, р. 232–234]. Тем не менее, есть все основания утверждать, что полное искажение смысла крымских посольских документов в канцеляриях всех сопредельных Крымскому ханству государств Восточной Европы при переводе не имело места.

Вопрос о формах обращения крымских ханов к монархам сопредельных стран не разработан в полной мере. Различные формы обращения крымских ханов к польским королям – великим князьям литовским – рассмотрен Д. Колодзейчиком преимущественно в отношении договорных актов [16, р. 342–345]. Вопрос о титуле хана Менгли-Гирея I, используемом им в посланиях московским государям, рассмотрен А.А. Горским, который совершенно справедливо выявил основную форму его обращения: «Великое (Великие) Орды великого царя Менгли-Гирея царево слово» [1, с. 124]. В ряде случаев и ханы, и их калги использовали форму обращения: «Силы находца и победителя»; что, по мнению И.В. Зайцева, представляет собой перевод титула «Абу-ль Фатх валь-гази» – дословно с арабского: «Отец победы за веру» («гази»)⁷. Такое обращение крымских ханов к монархам сопредельных государств неоднократно встречается в крымской посольской документации. М.А. Усманов полагает, что эту форму обращения ввел Сахиб-Гирей во время своего казанского правления [7, с. 189].

К данной форме обращения неоднократно прибегал хан Ислам-Гирей I: «Великие Орды великого царя победителя и силы находца Ислам –Гиреево царево слово» [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 8 л. 33 об., л. 365 и др.]. Наряду с этим часто встречается более простое обращение. При хане Сахиб-Гирее превалирует обращение: «Великие Орды великого царя Сахиб-Гиреево царево слово» [5, л. 344 об., л. 346, л. 348, л. 349 об. л. 415, л. 419]. Затем, после обострения русско-крымских отношений, Сахиб-Гирей прибегает к форме обращения: «Великие Орды великого царя победителя и силы находца Сахиб-Гиреево царево слово» [5, л. 419, л. 487 об., л. 531]. Хан Девлет-Гирей I в большинстве случаев прибегал к выражению: «Великие Орды великого царя Девлет-Гиреево царево слово» [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 13 л. 71 об. ед. хр. 14 л. 37, л. 303], иногда – просто «Девлет-Гиреево царево слово» [5, л. 155 об., л. 183 об.]. Немаловажно, что вторая форма обращения стала превалировать после разгрома Крымской Орды при Молодях летом 1572 г. Интересно, что в четырнадцатой крымской посольской книге к обращению к Ивану Грозному «силы находца и победителя» прибегает единственный раз калга Мухаммед-Гирей [5, л. 45]. В кириллических переводах посланий хана Девлет-Гирея I польским королям – великим князьям литовским – встречаются различные формы обращения. Отметим также, что форма обращения к королю Стефану

⁷ Подробное рассмотрение этой проблемы будет опубликовано И.В. Зайцевым в составе комментариев к тексту готовящейся к публикации четырнадцатой крымской посольской книги.

Баторию – «Великой Орды, вольного царя Перекопского слово» [3, №8 с. 13] – ненавязчиво подчеркивает статус хана как «суверенного правителя». Газигирей II в ряде случаев прибегал к более развернутой форме обращения: «Силы находца и победителя царя великого улуса правой и левой стороны и многих неисчислимых тысяч войска великого поля государя от Казы Гирея» [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 20 л. 31].

Составление полного перечня всех посольских посланий крымских ханов в Русское и Польско-Литовское государства в 1515–1596 гг., как опубликованных, так и неопубликованных, требует долговременной исследовательской работы. Ниже автор даст только те суммарные сведения, которые он зафиксировал лично, и, естественно, не могут считаться полными и окончательными.

Посольские послания хана Мухаммед-Гирея I (1515–1523).

В правление хана Мухаммед-Гирея I в крымских посольских книгах с период с августа 1515 г. по март 1519 г. зафиксировано 14 фактов прибытий крымских гонцов, доставлявших послания хана государю Василию III. Количество посланий варьировалось. В августе 1515 г. было доставлено одно послание [6, с. 150–151], в августе 1515 г. – пятнадцать [6, с. 155–161], в феврале 1516 г. – одно [6, с. 239–240], затем тогда же с другим гонцом – пять [6, с. 244–247], в апреле 1516 – шесть [6, с. 295–303], в октябре 1516 г. – одно [6, с. 380–381], в ноябре 1516 г. – восемь [6, с. 386–391], в июне 1517 г. – три [6, с. 442–445], в феврале 1518 г. – одно [6, с. 504–505], а августе 1518 г. – четыре [6, с. 514–515], в январе 1519 г. – два [6, с. 607–609], в марте 1519 г. – одно [6, с. 614] и, наконец, в том же марте 1519 г. с посольством бека Аппака Яшлавского – десять [6, с. 633–640]. Большая часть посланий не датирована. Также не всегда указывается место отправления. Большей частью в качестве него фигурирует «Фаряг-Кермань» (в восемнадцати посланиях).

С 1519 г. по 1522 г. в составе седьмой «книги записей» ЛМ имеются десять посланий хана Мухаммед-Гирея I королю Жигимонту (Сигизмунду) I. Все они опубликованы в литовском издании седьмой книги записей 2011 года [17, nr. 177.1 s. 337–340, nr. 182.1 s. 346, nr. 187.1 s. 353–354, nr. 204.1 s. 387–389, nr. 205 s. 391, nr. 208 s. 392–393, nr. 209 s. 393, nr. 211 s. 393–394, nr. 226 s. 415–417]. Кроме того, как уже говорилось, из состава седьмой «книги записей» ЛМ Д. Колодзейчиком был опубликован договорный акт (ярлык-докончание) Мухаммед-Гирея I в отношении Короны Польской [16, p. 652–655] и аналогичный акт в отношении ВКЛ [16, p. 642–645]. Оба документа опубликованы и в литовском издании 2011 г. [17, nr. 203.1 s. 383–385, nr. 203.2 s. 385–387].

Таким образом, абсолютное большинство известных посольских посланий хана Мухаммед-Гирея I в составе русской (московской) и польско-литовской дипломатической документации опубликовано.

Посольские послания хана Сеадет-Гирея I (1524–1532).

В правление хана Сеадет-Гирея I объем посланий, зафиксированных в русской посольской документации, остается на прежнем уровне.

С июня 1524 по март 1532 в шестой Крымской посольской книге зафиксировано 13 фактов прибытия крымских гонцов и посольств, доставивших послания хана Сеадет-Гирея I государю Василию III. Кроме того, одно по-

слание было доставлено с отпущенным из Крыма послом Н. Мясным. Количество доставляемых посланий варьируется: в июне 1524 г. доставлено пять посланий [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 6 лл. 52 об.–58], в апреле 1525 г. – два [5, лл. 85 об.–88 об.], в ноябре 1525 г. – четыре [5, лл. 112 об.–116], затем тогда же с другим гонцом – три [5, лл. 124 об.–129 об.], в марте 1528 г. с отпущенным послом Н. Мясным – одно [5, лл. 165–167] в апреле 1528 г. – пять [5, лл. 167–171 об.], в августе 1529 г. – восемь [5, лл. 202–207], в декабре 1529 г. – снова восемь [5, лл. 220–224 об.] в марте 1530 г. – девять [5, лл. 264 об.–266 об.], в марте 1530 г. – шесть [5, лл. 267–278], в июне 1530 г. – четыре [5, лл. 273 об.–276 об.], в ноябре 1530 г. – одно [5, лл. 288–291], в июне 1531 г. – два [5, лл. 321–324], и в марте 1532 г. – четыре [5, лл. 341 об.–343 об.]. Ни одно из шестидесяти двух посланий не опубликовано. Естественно, что реальное значение для развития русско-крымских «ссылок» имеет примерно половина посланий. Тем не менее, в течение всего правления Сеадет-Гирея I мы имеем непрерывный хронологический ряд обмена посланиями между Москвой и Бахчисараем.

С 1524 г. по 1529 г. в составе седьмой «книги записей» ЛМ содержится одиннадцать посланий хана Сеадет-Гирея I королю Жигимонту (Сигизмунду) I. Все они опубликованы в литовском издании ЛМ 2011 г. [17, нр. 231.1 s. 423–424, нр. 234.1 s. 427–428, нр. 234.2 s. 429, нр. 235.1 s. 429–430, нр. 235.2 s. 430, нр. 364.1 s. 582–586 (ярлык-докончание), нр. 364.6 s. 588–591, нр. 364.7 s. 591, нр. 279.1 s. 491, нр. 279.2 s. 492, нр. 279.3 s. 492]. Одно послание – ярлык-докончание, – датированное сентябрем 1526 г., опубликовано Д. Колодзейчиком [16, по. 22 р. 665–669]. Кроме того, в составе седьмой книги записей имеются четыре послания хана Сеадет-Гирея I панам-радным ВКЛ [17, нр. 231.2 s. 424, нр. 235.10 s. 432–433, нр. 235.11 s. 424, нр. 279.6 s. 493]. Интересно, что в отличие от почти всегда «безадресных» посланий крымских ханов «литовским панам и бискупам» послания хана Сеадет-Гирея I в двух случаях имеют детальный ряд адресатов с точным указанием занимаемых ими урядов, что демонстрирует отличную информацию о персональном составе политической элиты ВКЛ.

Четко соблюдается иерархия панов радных, в полном соответствии с порядком утверждения литовско-крымских договорных актов в кириллических текстах седьмой книги записей ЛМ.

Посольские послания хана Ислам-Гирея I (1532, оспаривал престол в конце 20-х – начале 30-х гг. и в 1533–1537гг.).

Ислам-Гирей позиционировал себя как крымский хан и в период своей борьбы за престол с Сеадет-Гиреем I, и в период своей борьбы за престол с Сахиб-Гиреем.

В период «двоецарствия» конца 20-х – начала 30-х гг. – борьбы за престол между Сеадет-Гиреем I и Ислам-Гиреем – в Великое княжество наряду с посольствами от «законного» хана неоднократно прибывали посольства и от претендента на престол, В своих посланиях королю Жигимонту (Сигизмунду) I он именовался «царем». Всего в составе седьмой «книги записей» ЛМ имеются шесть посланий Ислам-Гирея королю, опубликованные в литовском издании 2011 г. [17, нр. 252.1 s. 456–457, нр. 364.2 s. 586–587, нр. 265 s. 478–479, нр. 266 s. 479, нр. 268 s. 480–481, нр. 268.1 s. 481]. Одно послание – ярлык-

докончание, – датированное сентябрем 1526 г., опубликовано Д. Колодзейчиком [16, по. 23 р. 678–680].

Таким образом, по насыщенности посольской документации Гиреев с Польско-Литовским государством седьмая «книга записей» ЛМ не имеет себе равных, за исключением 591 «посольской книги».

Краткое правление Ислам-Гирея I после отказа Сеадет-Гирея I от престола в течение нескольких месяцев 1532 года ознаменовалась попыткой налаживания им отношений с Москвой. В седьмой крымской посольской книге зафиксировано два случая доставления в Москву посольских посланий хана Ислам-Гирея I. Летом 1532 г. прибыл гонец Мумуш с посланием, в котором хан извещает Василия III о своем воцарении [5, ф. 123 оп. 1 ед.хр. 7 л. 1]. Осенью 1532 г. прибыл гонец Будулай-мурза с известием, что Ислам-Гирей сведен Портой с престола и «учинился калгою» при Сеадет-Гирее [5, л. 2]. Характерно, что оба послания Ислам-Гирея не были внесены в посольскую книгу, несомненно, в связи с дальнейшим развитием событий в Крыму. Имеются только аннотации посланий.

В период династического кризиса в Крыму 1534–1537 гг. Москва поддерживала дипломатические связи и с Сахиб-Гиреем и с Ислам-Гиреем. Ситуация развивалась весьма динамично, и в восьмой крымской посольской книге имеются многочисленные послания обоих претендентов на престол.

С лета 1534 года, после захвата Ислам-Гиреем русских гонцов в Крыму, он «монополизирует» вплоть до 1537 г. дипломатические связи Крыма с Русским государством. Правда, летом 1536 г. правительство государя Ивана Васильевича предприняло попытку установить контакты с Сахиб-Гиреем, но она окончилась безрезультатно: русские гонцы были перехвачены в Перекопе.

Всего с июля 1534 г. по август 1537 г. в восьмой крымской посольской книге отмечено 13 случаев доставления в Москву посольских посланий Ислам-Гирея на имя государя Ивана Васильевича. В июле 1534 г. с гонцом Будалом-мурзой было доставлено шесть посланий [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 8 лл. 33 об.–48]. Три из них были опубликованы в приложениях к изданию 1903 г. «Истории Российской» кн. М.М. Щербатова [12, №V стлб. 14–16]. В октябре 1534 г. было доставлено три послания [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 8 лл. 96–105], из которых одно также было опубликовано в 1903 г. [12, №IX стлб. 33–35]. В дальнейшем интенсивность доставления посланий не снижалась. В декабре 1534 г. доставлено шесть посланий [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 8 лл. 142 об.–150], в январе 1535 г. – три [5, лл. 160 об – 169 об.], в августе 1535 г. – одно [5, лл. 201 об. – 204 об.], в декабре 1535 г. – одно [5, лл. 226 об.–228], в июле 1536 г. – четыре [5, лл. 284–289], в августе 1536 г., январе, апреле, июле и августе 1537 г. было доставлено по одному посланию [5, лл. 299 об. – 301 об., 307–308 об., 316 – 320 об., 337 об. – 340 об., 342–342 об.]. Последние послания были доставлены в августе 1537 г. [5, лл. 365–367], когда Ислам-Гирея, очевидно, уже не было в живых.

Необходимо отметить изменения титулатуры Ислам-Гирея. Когда в 1536 г. наметилось его «примирение» с Сахиб-Гиреем, и он вновь «учинился» при нем калгой, в своих посланиях в Москву он именуется не как «царь», а как «Ислам-Кирей-салтан».

Важно отметить, что в ни в составе 389 фонда РГАДА «Литовская метрика», ни в фондах польских архивов нет (во всяком случае пока не обнару-

жено) посольских посланий Ислам-Гирея королю Жигимонту (Сигизмунду) I после 1532 г.

Посольские послания хана Сахиб-Гирея (1532–1551).

До «монополизации» Ислам-Гиреем, в ходе борьбы за престол, дипломатических «ссылок» с Москвой гонцы от Сахиб-Гирея побывали там только два раза в июне и в ноябре 1533 г. В июне 1533 г. было доставлено два послания [5, ф. 123 оп. 1 ед.хр. 7 лл. 5–6, л. 9 об.] в ноябре 1533 г. – три [5, лл. 64–72]. Как уже говорилось, в дальнейшем дипломатические «ссылки» Сахиб-Гирея с Русским государством установились только после 1537 г. В виду пробелов в русской посольской документации часть посольских посланий хана утрачена. Всего в восьмой крымской посольской книге с июля 1537 г. по апрель 1539 г. зафиксировано 7 фактов получения в Москве посланий от хана.

В июле 1537 г. с гонцом Бакмой было доставлено четыре послания [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 8 лл. 344 об.–350 об.], в ноябре 1537 г. с гонцом Дербышем Алеем – два послания [5, лл. 416 об.–421 об.], в мае 1538 г. с гонцом Токелом – одно послание [5, лл. 487 об.–493], в августе 1538 г. с гонцом Аксеитом – одно послание [5, лл. 525 об.–526 об.], в сентябре 1538 г. с посольством Дивин-мурзы – четыре послания [5, лл. 531–541], в феврале 1539 г. с гонцом Ази-Ферганой – также одно послание [5, лл. 559 об.–534 об.], в апреле 1539 г. с гонцом Кутлушем – четыре послания [5, лл. 566 об.–569 об.].

Из семнадцати содержащихся в восьмой крымской посольской книге посланий два, доставленные в ноябре 1537 г. и в мае 1538 г., опубликованы Б.Н. Флоря [9, с. 237–239].

Несомненно, что до 1550 г. интенсивность обмена посланиями Сахиб-Гирея с Москвой не теряла интенсивности, о чем свидетельствуют многочисленные сообщения различных русских летописных сводов о неоднократном прибытии туда его гонцов. Однако восполнить этот пробел, исходя из современного состояния источниковой базы, вряд ли реально.

Известные в настоящее время посольские послания Сахиб-Гирея в Польско-Литовское государство немногочисленны, но компактны. Все они являются кириллическими текстами в составе пятисот девяносто первой «посольской книги» ЛМ и опубликованы в XIX веке. Это – четыре послания хана великому князю литовскому (с 1544 г.) и королю польскому (с 1547 г.) Жигимонту (Сигизмунду) II Августу (из них одна аннотация), доставленные в 1545 г. [2, №18 с. 21–22, №19, с. 22–23, №20 с. 23], и одно послание, доставленное в сентябре 1548 г. [2, №28 с. 40–43]. Другое послание приведено в виде аннотации [2, с. 43].

Недостаточность посольских ханских посланий в Польско-Литовское государство не означает, что «ссылки» между Сахиб-Гиреем и Ягеллонами были недостаточно активными. За этот период известно по крайней мере два текста договорных актов Крыма и Польско-Литовского государства, явно изготовленных в ханской канцелярии в 1539 и 1542 гг. и опубликованных Д. Колодзейчиком [16, по. 28, р. 712–716, по. 31, р. 732–735]. Оба документа переведены на польский язык в транскрипции XVIII в.

Посольские послания хана Девлет-Гирея I (1551–1577).

Посольские послания хана Девлет-Гирея I в Москву до 1563 г. не сохранились ввиду утраты русской посольской документации по связям с Крымом. В составе десятой, одиннадцатой, двенадцатой, тринадцатой и четырнадцатой крымских посольских книг с сентября 1563 г. по октябрь 1576 г. отмечено 13 случаев доставления государю Ивану IV его посланий, причем в большинстве случаев зафиксирована дата вручения на аудиенции у государя. В двух случаях (в сентябре 1571 г. и в сентябре 1572 г.) послания отправлялись при отходе Крымской Орды за Оку после крупноформатных столкновений с вооруженными силами Русского государства. В сентябре 1563 г. было доставлено послание с гонцом Джан-Муххамедом (Ян-Магметем) [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 10 лл. 171–176], в феврале 1564 – с гонцом Ашибашем Фрухом [5, лл. 348 – 351 об.], в июне 1565 г. с гонцом Акинчеем – три послания (два «запросных») [5, ед. хр. 11 лл. 348–323], в марте 1566 – вновь с гонцом Джан-Муххамедом (Ян-Магметем) [5, ед. хр. 12 лл. 81 об.–87], в сентябре 1567 – с гонцом Куремши [5, лл. 252–258], в январе 1567 – с гонцом Елюшкой [5, лл. 346–348], в ноябре 1567 – с гонцом Чавуш Али [5, ед. хр. 13 лл. 71 об.–75 об.], в декабре 1568 г. – с гонцом Девлет-Килдеем [5, лл. 179–183], в декабре 1570 г. – два послания с гонцом Б. Черкашениным [5, лл. 309–312 об.] (одно «запросное»), в июне 1571 г. – вновь с гонцом Девлет-Килдеем [5, лл. 406–409 об.], в декабре 1571 г. – три послания вновь с гонцом Джан-Муххамедом (Ян Магметем) [5, ед. хр. 14 лл. 36 об.–45], в сентябре 1572 г. – с гонцом Ших Али (Шигалеем) [5, лл. 155 об.–161 об.], в январе 1574 г. – с гонцом Мустафой [5, лл. 183 об.–184 об.] и, наконец, в октябре 1576 г. – вновь с гонцом Девлет-Килдеем [5, лл. 303–308 об.]. Из всех этих многочисленных посланий опубликовано до настоящего времени только одно – ханский ярлык, доставленный в июне 1565 г. гонцом Акинчеем [13, стлб. 47–51]. Большинство посланий датировано. Датировка традиционна для московского делопроизводства, сочетавшего мусульманское и православное летоисчисление – «писан сентября в 16 день лета 979-го», «писан августа в 23 день лета 980-го» и т.д. При переводе отмечаются многочисленные неточности в передаче мусульманских и тюрко-татарских имен и терминов, что показала подготовка к публикации четырнадцатой крымской посольской книги, в составе которой находятся шесть посланий Девлет-Гирея I Ивану Грозному, доставленных четырьмя гонцами. В целом, послания хана, внесенные в пять крымских посольских книг, являются важнейшим источником для истории русско-крымских отношений. Перед нами не часто встречающийся случай непрерывной, без временных «лакун», переписки двух правителей за более чем десятилетний период.

Посольские послания хана Девлет-Гирея I в Польско-Литовское государство (с 1569 г. – Речь Посполитая) рассредоточены по различным архивам как в Польше, так и в России. В составе 389 фонда РГАДА – «Литовской метрике» – находится двадцать девять посланий хана королю Сигизмунду II Августу, отправляемые с 1552 г. по 1567 г. Это пятьсот девяносто первая («посольская») книга ЛМ. Первое послание датировано маем 1552 г. Все эти послания опубликованы в XIX веке [2, № 38 с. 60–63, №39 с. 63–64, №47 с. 78–79, №61 с. 98, №62 с. 99–101, № 63 с. 101, №64 с. 101, №65 с. 101–102, №66 с. 103, №71 с. 110, №72 с. 110–111, №74 с. 112, №81 с. 128, №82 с. 129–130, №84

с. 131, №98 с. 153–155, №99 с. 155–156, №102 с. 161–163, №110 с. 173–174, №133 с. 201–202, №145 с. 220–221, №146 с. 221–222, №147 с. 222, №148 с. 223, №149 с. 223–224, №150 с. 224–225, №151 с. 225, №172 с. 226–227]. Послания являются кириллическими текстами (переводом). Кроме того, кириллические тексты – два послания и посольские «речи» – сравнительно недавно обнаружены К.Ю. Иерусалимским в Библиотеке Чарторыжских [Bcz – 2893 Zbior akt trybunalskich I wojskowycj dotycz ziem ruskich z lat 1554–1790 A 31 Fasc 4 Publicznych Ob cara tatarskiego s. 31–36]. Это документация посольства Ардыбердея, прибывшего после успешного похода хана на Москву в составе «Татарских дел» AGAD имеются подлинники трех посланий хана королю Сигизмунду II Августу, отправленные в июне 1572 г. из Фарах-Кермана в момент выступления хана в поход на Москву [14, АКВ Karton 62 teska 8 no. 584, teska 50, no. 626, teska 51 no. 627]. Тогда же, в июне 1572 г., ханом были отправлены послания коронным сенаторам и литовским панам – радным, что, помимо следования традициям отдельной переписки с «епископами и панами польскими» и «епископами и панами литовскими» [14, Karton 62 teska 82 no. 658, teska 80 no. 656]⁸, является доказательством того, что Девлет-Гирей I не рассматривал Речь Посполитую как монолитное государственное образование. В составе фонда АКВ содержатся послания, которые были отправлены ханом коронным сенаторам и литовским панам – радным – в марте 1574 г. [14, Karton 62 teska 103 no. 679, teska 102 no. 678]. Наконец, в составе этого фонда имеется послание хана, датированное июнем 1574 г., королю Генриху Валуа (Валезию) [14, Karton 62 teska 115 no. 691].

После водворения на польско-литовском престоле короля Стефана Батория процесс изъятия из ведома Литовской канцелярии функций дипломатических связей с Крымом ускорился. В результате, переписка польских королей и великих князей литовских «рассредоточилась» по различным сводам документов, хранящихся в разных архивах как в Польше, так и в РФ – «Волынских книг» ЛМ, «посольских книг» ЛМ, «посольских книг» Метрики Коронной. Это, главным образом, послания королей крымским ханам [16, р. 241–244, 277–278]. Послания ханов также оказались в составе различных сводов документов. В настоящее время автору известно только одно послание хана Девлет-Гирея I королю Стефану Баторию, доставленное в Торунь в ноябре 1576 г. Оно находится в составе 389 фонда «Литовская метрика» РГАДА и относится к пятисот девяносто первой «посольской книге» ЛМ. Этот кириллический текст опубликован в XIX веке [3, №8 с. 13–15].

Таким образом, дипломатическая переписка хана Девлет-Гирея I сохранилась со значительными временными «лакунами». Тем не менее, в целом она охватывает весь долгий период его правления.

Посольские послания хана Мухаммед-Гирея II (1577–1584).

Ввиду утраты части русской посольской документации по связям с Крымом послания хана Мухаммед-Гирея царю Ивану Грозному немногочисленны. В составе пятнадцатой крымской посольской книги зафиксировано только пять фактов получения ханских посланий: в декабре 1577 г. с гонцом Халилем-Челеби было доставлено два послания [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 15 лл. 72 об.–77, 78–79 об.], в сентябре 1578 г. было доставлено сразу четыре послания

⁸ Именованье документов в описи AGAD.

хана с посольством Араслана-мурзы Яшлавского (фактически, это посольские «речи») и с прибывшими одновременно с ним тремя гонцами Куремши, Есенчей и Айдаром [5, лл. 371–373 об., 374–375 об., 375 об.–376 об.]⁹. С конца 1578 г. до конца 1584 г. в русской посольской документации по связям с Крымом существует временной разрыв, лишь частично восполняемый материалами «столбцов» 1579 и 1580 гг. К сожалению, при многочисленных зафиксированных в «столбцах» фактах прибытия крымских гонцов в Москву сами послания в них отсутствуют.

Не лучше и ситуация с посланиями хана в Речь Посполитую. В составе «Татарских дел» имеется только одно послание хана королю Стефану Баторию [14, АКВ Karton 62 teska 113 no. 689], составленное между 9 февраля и 9 марта 1578 г.

Таким образом, посольские послания хана Мухаммед-Гирея II в последние годы его правления как в Русское государство, так и в Речь Посполитую не сохранились. Правда, автором был обнаружен польский перевод послания хана королю Стефану Баторию, доставленный в Краков в январе 1583 г. и хранящийся в составе свода документов «Тек Нарушевича» – собрание копий различных государственных и частных документов сформированным в XVIII веке [15, Teka Naruszewicza t. 90 nr. 5 k. 13–14]. Однако установить, к какому именно собранию документов Речи Посполитой XVI века относится подлинник документа, не представляется возможным.

Как известно, старший сын Мухаммед-Гирея II Сеадет-Гирей (II) в ходе «ссоры великой в Крымском юрте» сумел на несколько месяцев водвориться в Бахчисарае. Однако уже с осени 1584 г. он находился вне Крыма, в т.ч. и на территории Русского государства. К сожалению, его послания в Москву не сохранились. В составе столбцов 127 фонда РГАДА А.В. Беляковым было выявлено только два послания (точнее фрагментов посланий) Сеадет-Гирея (II) брату Мурад-Гирею [5, ф. 127 оп. 1 1586 ед. хр. 1 л. 114, 1586 ед.хр. 13 л. 79, л. 88]. Многочисленные послания самого Мурад-Гирея в Москву из Астрахани, адресатами которых являются царь Федор Иванович, Б.Ф. Годунов и Посольский дьяк А.Я. Щелкалов, сохранились в достаточно значительном объеме, но, естественно, не могут быть отнесены к делопроизводству Крымского ханства.

Посольские послания хана Ислам-Гирея II (1584–1588).

Первые послания хана Ислам-Гирея II, отправленные в Москву сразу же после воцарения, утрачены. В составе шестнадцатой крымской посольской книги сохранились лишь три послания, адресованные царю Федору Ивановичу и доставленные гонцами Джан-пашой-мурзой в июле 1585 г. [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 16 лл. 34–36], беком Исеем в октябре 1586 г. [5, лл. 79–81] и Асаном-мурзой в январе 1588 г. [5, лл. 147–150]. Из них в приложениях к Истории кн. М.М. Щербатова опубликовано послание, доставленное Исеем [13, №5 стлб. 614–116].

Посольских посланий Ислам-Гирея II в Речь Посполитую, судя по всему, не сохранилось. В «Татарских делах» AGAD они отсутствуют. В составе 389 фонда РГАДА имеются только датированные январем 1586 г. три послания

⁹ Гонцы были отправлены ханом ранее, но намеренно задерживались по приказу царя в Путивле в ожидании прибытия посольства Араслана-мурзы.

калги Алп-Гирея королю Стефану Баторию, которые опубликованы в Литве в составе Посольских книг ЛМ 593 и 594 [18, s. 27–28; 19, s. 18–19]. Интересно, что в феврале 1586 г. в Москву был доставлен перевод послания Алп-Гирея влиятельному ногайскому мурзе Сеид Ахмеду [5, ф. 127 оп. 1 1586 ед. хр. 5 лл. 1–2, 8–9]. Это, конечно, не случайно. Алп-Гирей в это время являлся ключевой фигурой в Крыму.

Посольские послания хана Гази-Гирея II (1588–1596) (первое правление)

После возобновления дипломатических контактов с Москвой сразу же по прибытии в Бахчисарай хана Гази-Гирея II, они развивались с большой интенсивностью. С 1588 по 1594 гг. в составе 17, 19, 20 и 21 крымских посольских книг содержится тридцать три послания хана, адресованных царю Федору Ивановичу. Структура посланий Гази-Гирея II в Москву достаточно сложна: наряду с «официальными» ярлыками, вручавшимися при аудиенциях, доставлялись т.н. «тайные послания», вручавшиеся неофициальными эмиссарами хана Посольскому дьяку А.Я. Щелкалову. Наконец, Гази-Гирей II состоял в постоянной переписке с «государевым шурином» Б.Ф. Годуновым, также и «официальной», и «тайной». Количество «запросных» посланий, доставлявшихся ханскими гонцами в Москву, было столь значительным, что в ряде случаев они даже не вносились в посольские книги. Так, при прибытии в сентябре 1589 г. гонца Кедреша в семнадцатую крымскую посольскую книгу были внесены краткие аннотации содержания семи «запросных грамот» [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 17 лл. 355 об.–357 об.]; при прибытии в декабре 1593 г. гонца бека Баубека Киятского в двадцать первую крымскую посольскую книгу – четырех «запросных грамот» [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 21 лл. 538–542]; наконец, при прибытии феврале 1586 г. гонца Махмуда Челеби – одной «запросной грамоты» [5, лл. 566 об.–567].

Соотношение «официальных», «тайных» и «запросных» посланий хана царю Федору Ивановичу было различным при прибытии каждого его дипломатического представителя. В августе 1588 г. с гонцом Апсоллом Моллою было доставлено три послания – «официальное», [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 17 лл. 76 об.–80], «запросное» [5, лл. 80–84] и «тайное» [5, лл. 84–85]; в декабре 1588 г. с гонцом Казан-агой – только одно «официальное» послание [5, лл. 190–193 об.]; в сентябре 1589 г. с гонцом Кедрешом – одно «официальное» [5, лл. 348 об.–355 об.] и семь «запросных», не внесенных в полном объеме в посольскую книгу; в ноябре 1589 г. с гонцом Аллаш Богатыром – одно «официальное» [5, лл. 401 об.–407]; в январе 1591 г. с гонцом беком Иссем – одно «официальное» [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 19 лл. 23 об.–26 об.] и шесть «запросных» [5, лл. 26 об.–31 об.]; в январе 1593 г. с гонцом Джан-пашой-мурзой – одно «официальное» [5, лл. 324 об.–330 об.] и шесть «запросных» [5, лл. 330 об.–337 об.]; в июле 1593 г. с посланником Ямгурчеем-аталыком – единственное, опубликованное из всех посланий хана в Москву [4, №27 с. 38–40], «тайное» послание [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 20 лл. 30 об.–35 об.], которое представляет собой «ярлык-докончание», содержащее наряду с предложениями «добраго дела» конкретные односторонние обязательства хана о прекращении нападений на «московские украины». Следует отметить, что ряд «тайных» посланий хана на имя московского царя в эти переломные для русско-крымских отношений 1591–1593 годы в крымские посольские книги

не вносился. В период подготовки посольского съезда под Ливнами в Москву в октябре 1593 г. было доставлен только один ханский ярлык, своеобразный «гибрид» «официального» и «тайного» послания [5, лл. 273 об.–275]. Послание, между прочим, было не вручено на аудиенции, а передано лично в руки Посольского дьяка А.Я. Щелкалова при переговорах с ним 28 октября [5, л. 273 об.]. Послание, доставленное посольством бека Ен-Маметя Ширинского в декабре 1593 г., по существу представляло собой крымский эквивалент «верительной грамоты», подтверждающей полномочия посла [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 21 лл. 107–108], т.к. вся политическая информация содержалась в «посольских речах». С гонцом Казаном агой в июне 1594 г. было доставлено только пять «запросных посланий» [5, лл. 352 об.–355 об.]. С гонцом Ен Моллой в июне 1595 г. – одно «официальное» и одно «запросное» послания [5, лл. 518 об.–521 об.]. Наконец, в феврале 1596 г. с гонцом Махмудом Челеби было доставлено два формально «официальных» послания хана, которые ввиду содержащейся в них важнейшей политической информации (просьба о помощи у Москвы в случае смещения Портой с престола) фактически являлись «тайными» [5, лл. 546 об.–554 об., 556–558]. Послания были вручены 6 февраля в Посольском приказе при переговорах с Посольским дьяком А.Я. Щелкаловым [5, л. 546].

Послания хана к Б.Ф. Годунову вносились в восемнадцатую крымскую посольскую книгу – в настоящее время отдельную единицу хранения 123 фонда РГАДА. Всего в ней содержится более двадцати пяти посланий – «тайных», «официальных» и «запросных». Пять посланий содержится в двадцать первой крымской посольской книге. Вопрос о структуризации и содержании переписки хана Гази-Гирея II с Б.Ф. Годуновым требует специального рассмотрения и должен являться объектом специального исследования, которое невозможно осуществить в рамках настоящей работы.

В целом послания хана Гази-Гирея II в Москву содержат огромные пласты ценнейшей информации, до сих пор не введенной в полном объеме в научный оборот. Переписка хана с Москвой является «стержнем» содержания пяти единиц хранения 123 фонда РГАДА – КПК 17, КПК 18, КПК 19, КПК 20, КПК 21.

К сожалению, переписка с хана с Москвой, относящаяся к его второму правлению (1597–1608) почти не сохранилась ввиду утраты русской посольской документации по связям с Крымом этого периода.

Посольские послания хана Гази-Гирея II в Речь Посполитую периода 1588–1596 гг. в научный оборот практически не введены. В составе свода документов «Литовская метрика» они отсутствуют, так как дипломатические связи с Крымом в это время окончательно переходят в сферу деятельности Коронной канцелярии.

Тем не менее в составе «посольских книг» «Метрики коронной» посольские послания хана этого периода также практически отсутствуют. Во время работы автора в AGAD им было обнаружено единственное посольское послание хана сенату Речи Посполитой, не датированное, предположительно относящиеся к периоду от 1593 до 1596 г. [14, МК LL no. 27 k. 103–105]. После 1597 г., при втором правлении хана, его посольские послания королю Сигизмунду III сосредотачиваются, главным образом, в Архиве Замоиских

(AZ) AGAD. Переписка Гази-Гирея II с королем конца 90-х гг. частично введена в научный оборот Д. Скорупой [21, s. 66, 76].

Публикация крымской дипломатической документации, сохранившейся в настоящее время в РГАДА, может осуществляться в РФ только в рамках публикации крымских посольских книг как таковых. Русская посольская документация по связям с Крымом представляет собой четко структурированный комплекс документов. Послания крымских ханов являются ее органической частью. Как правило они вносились в крымские посольские книги после описания аудиенции крымских дипломатов, на которых они вручались. В частности, в четырнадцатой крымской посольской книге сначала следует описание приема царем Иваном Грозным крымских гонцов 4 сентября 1572 г. в селе Лучинском [5, ф. 123 оп. 1 ед. хр. 14 лл. 153 об.–155], затем следуют переводы внесенных в книгу посланий хана Девлет-Гирея I [5, лл. 155 об.–161 об.], калги Мухаммед-Гирея [5, лл. 162–163 об.], «царевичей» Адыл-Гирея [5, лл. 164–164 об.], Сеадет-Гирея [5, лл. 164 об.–165 об.], после чего приводится описание «расспросов» гонцов 8 сентября приставом Ю. Темиревым [5, лл. 165 об.–171], и, наконец, следует изложение содержания царского указа о задержании обоих гонцов и высылке их в Доробуж, где содержались ранее прибывшие крымские гонцы и посольство Джан-Болды (Ян-Болдуя) [5, лл. 171–171 об.]. При этом «расспросы» гонцов, судя по характеру вопросов, происходили явно после ознакомления царя и его ближайшего окружения с содержанием доставленных посланий и несли на себе отпечаток поведения одного из них (Ших Али) на аудиенции. Дело по приему крымских гонцов представляет собой законченный и компактный свод различных типов документов, и «вычленив» из него только послания хана и Гиреев для самостоятельной публикации не представляется целесообразным.

Публикация дипломатической документации Крымского ханства по связям с Русским государством может быть успешно осуществлена только в рамках публикации крымских посольских книг в полном объеме. Это не исключает публикацию в качестве приложений отдельных текстов посланий Гиреев ногайским мурзам или посланий крымских ханов польским королям и великим князьям литовским, хронологически соотносимых с содержанием данной крымской посольской книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский А.А. О названии «Большая Орда» // Золотоордынское обозрение. 2014. №1 (3). С. 123–127.
2. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.) / Издана по поручению императорского Московского общества истории и древностей российских кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. М., 1845.
3. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) / Изд. М. Погодин, Д. Дубенский. М., 1843.
4. Лаишков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI в., Хранящихся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. № 9 (год четвертый). Симферополь, 1890. С. 38–40.

5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 123 (Сношения России с Крымом) Оп. 1 Ед. хр.: 6 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21; Ф. 127 (Сношения России с Ногайской Ордой) Оп. 1 1586 (столбцы) Ед. хр.: 1, 13.
6. Сборник русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. 804 с.
7. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 318 с.
8. *Фаизов С.* Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатических контекстах. М.-Бахчисарай: Изд-во «Древнехранилище» 2002. 100 с.
9. *Флоря Б.Н.* Две грамоты Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 2001. С. 236–240.
10. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
11. *Шамбульдо Ф.* Ярлыки (докончания) Крымского хана Магмет Гирея // Lietuvos Didziosios kunigaikštystės istorijos saltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija / Lietuvos istorijos institutas; [redakcine kolegija: Artūras Dubonis (pirmininkas)...[et. al.]. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. P. 247–284.
12. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 5. Ч. 1, ч. 4. СПб., 1903.
13. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 6. Ч. 2. СПб., 1904.
14. Archiwum Głównie Akt Dawnych w Warszawie (AGAD) Archivum Koronne Warszawskie (AKW) Dz. tatarskie Karton 62 Libri Legationum Metryka Koronna.
15. Biblioteka Muzeum Narodowego im. Czartoryskich w Krakowie (Bibl. Czart.) Teka Naruszewicza t. 90 (Stefan Batory) Zbiór akt trybunalskich I wojnowycy dotyczą ziem ruskich z lat 1554–1790.
16. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. Leiden., Boston, 2011.
17. Lietuvos Metrika Knyga Nr 7 (1505–1539): Užrašymų knyga 7 / Parengė I Pariente, L Karalius, d Antanavicius. Vilnius, 2011. 1012 p.
18. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 593: (1585–1604). Diplomatinių reikalų knyga / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2009. 300 p.
19. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 594: (1585–1600) / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Baliulis. Vilnius, 2006. 298 p.
20. Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarow perekopskich. Krakow, 1881.
21. *Skorupa D.* Stosunki polsko-tatarskie, 1595–1623 / Dariusz Skorupa. Warszawa, Neriton, Inst. historii PAN, 2004. 294 p.

Сведения об авторе: Александр Вадимович Виноградов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Поступила 03.06.2016 г.
Принята к публикации 22.08.2016 г.

**DIPLOMATIC DOCUMENTATION OF THE CRIMEAN KHANATE
IN THE 16TH CENTURY (1515–1596): TO THE QUESTION
ABOUT THE CURRENT STATE OF PUBLISHING**

A.V. Vinogradov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow 117036, Russian Federation
E-mail: avinogradov1957@yandex.ru*

Research objectives: to outline the key issues of the current state of publication of diplomatic documents containing information about the Crimean Khanate's relations with Russian and Polish-Lithuanian states during the period of 1515–1596.

Research materials: the Crimean diplomatic documents and letters of the Crimean khans Muhammad Giray I, Saadet Giray, Islam Giray I, Sahib Giray, Devlet Giray I, Mohammed Giray II, Islam Giray II and Gazi Giray II to the Moscow princes and Polish kings preserved in the archives and library manuscript collections in Russia and Poland.

Research results: as a result of research the author has introduced into scholarly circulation a generic list of (both published and unpublished) messages of the Crimean khans to the Polish kings and princes of Moscow for the period of 1515–1596 preserved in the archives and library manuscript collections in Russia and Poland.

Research novelty: the author is the first to consider the problem of the publication of diplomatic documents of the Crimean Khanate being a part of the Crimean ambassadorial books in the fund 123 ("Russian relations with the Crimea") of Russian State Archive of Ancient Acts.

Keywords: Crimean Khanate, diplomatic documentation of the Crimean Khanate, ambassadorial messages of the Crimean khans, Crimean ambassadorial books, "Lithuanian Metrica".

For citation: Vinogradov A.V. Diplomatic Documentation of the Crimean Khanate in the 16th century (1515–1596): To the Question about the Current State of Publishing. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 626–647.

REFERENCES

1. Gorskiy A.A. O nazvanii «Bol'shaya Orda» [On the Name of "Great Horde"]. *Golden Horde Review*, 2014, no. 1(3), pp. 123–127. (In Russian)
2. *Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomaticheskie snosheniya Litvy v gosudarstvovanie korolya Sigizmunda Avgusta (s 1545 po 1572 g.)* [Ambassadorial Book of Metrica of the Grand Duchy of Lithuania Containing the Diplomatic Relations of Lithuania during the Reign of King Sigismund Augustus (from 1545 to 1572)]. Izdana po porucheniyu imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh kn. M.Obolenskim i prof. I.Danilovichem. Moscow, 1845. (In Russian)
3. *Kniga posol'skaya Metriki Velikogo knyazhestva Litovskogo, sodержashchaya v sebe diplomaticheskie snosheniya Litvyv gosudarstvovanie korolya Stefana Batoriya ((s 1573 po 1580 god)* [Ambassadorial Book of Metrica of the Grand Duchy of Lithuania Containing the Diplomatic Relations of Lithuania during the Reign of King Stefan Batory (from 1573 to 1580)]. Izd. M.Pogodin, D.Dubenskiy. Moscow, 1843. (In Russian)

4. Lashkov F.F. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVII Khranyashchikhysya v Moskovskom Glavnom Arkhive Ministerstva Inostrannykh del [Written Monuments of Diplomatic Relations of the Crimean Khanate with Moscow State in the 16th century Stored in the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii* [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. №9 (god chetvertyy). Simferopol, 1890, pp. 38–40. (In Russian)

5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 123 (Snosheniya Rossii s Krymom) [Russian Relations with the Crimea] Op. 1 Ed. khr.: 6 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21; F. 127 (Snosheniya Rossii s Nogayskoy Ordoy) [Russian Relations with the Nogay Horde] Op.1 1586 (stolbtsy) Ed.khr. 1, 13. (In Russ.)

6. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Russian Historical Society]. Vol. 95. St. Petersburg, 1895. 804 p. (In Russian)

7. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Acts of the Jochid Ulus of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan State Universitety Publ., 1979. 318 p. (In Russian)

8. Faizov S. Tugra i Vseennaya [Tugra and the Universe]. *Mokhabbat-name i shert-name krymskikh khanov i printsev v ornamental'nom, sakral'nom i diplomaticheskikh kontekstakh* [Mohabbat-name and Chert-name of the Crimean Khans and Princes in the Ornamental, Sacred and Diplomatic Contexts]. Moscow, Bakhchisaray, «Drevnekhranilishche», 2002 100 p. (In Russian)

9. Florya B.N. Dve gramoty Sakhiv-Gireya [Two Charters of Sahib Giray]. *Slavyane i ikh sosedi*. Is. 10. *Slavyane i kochevoy mir. K 75-letiyu akademika G.G. Litavrina* [The Slavs and Their Neighbors. Is. 10. The Slavs and the Nomadic World. On the 75th Anniversary of Academician G.G. Litavrin]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 236–240. (In Russian)

10. Khoroshkevich A.L. *Rus' i Krym: ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv.* [Russia and the Crimea: From the Union to the Confrontation. The end of the 15th – beginning of the 16th centuries]. Moscow, Editorial URSS, 2001. 336 p. (In Russian)

11. Shambul'do F. Yarlyki (dokonchaniya) Krymskogo khana Magmet Gireya [Yarlyks of the Crimean Khan Magmet Giray]. *Lietuvos Didziosios kunigaikstystes istorijos saltiniai*. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Lietuvos istorijos institutas; [redakcine kolegija: Artuas Dubonis (pirmininkas)...[et. al.]. Vilnius, Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007, pp. 247–284. (In Russian)

12. Shcherbatov M.M. *Istoriya Rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [Russian History from the Ancient Times]. Vol. 5, Part. 1, Part 4. St. Petersburg, 1903. (In Russian)

13. Shcherbatov M.M. *Istoriya Rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [Russian History from the Ancient Times]. Vol. 6, Part. 2. St. Petersburg, 1904. (In Russian)

14. *Archiwum Glowne Akt Dawnych w warszawie* (AGAD) Archivum Koronne Warszawskie (AKW) Dz tatsrskie Karton 62 Libri Legationum Metryka Koronna. (In Polish)

15. *Biblioteka Muzeum Narodowego im. Czartoryskich w Krakowie* (Bibl. Czart.) Teka Naruszewicza t. 90 (Stefan Batory) Zbior akt trybunalskich I wojskowycy dotycz ziem ruskich z lat 1554–1790. (In Polish)

16. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania*. Leiden, Boston, 2011.

17. *Lietuvos Metrika*. Knyga Nr. 7: (1505–1539). Užrašymų knyga 7 / Parengė I Ilariante, L Karalius, d Antanavicius. Vilnius, 2011. 1012 p. (In Lithuanian)

18. *Lietuvos Metrika*. Knyga Nr. 593: (1585–1604). Diplomatinių reikalų knyga / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2009. 300 p. (In Lithuanian)

19. *Lietuvos Metrika*. Knyga Nr. 594: (1585–1600) / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Baliulis. Vilnius, 2006. 298 p. (In Lithuanian)

20. Pulaski K. *Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarow perekopskich*. Krakow, 1881. (In Polish)

21. Skorupa D. *Stosunki polsko-tatarskie, 1595–1623*. Dariusz Skorupa. Warszawa, Neriton, Inst. historii PAN, 2004. 294 p. (In Polish)

About the author: Aleksander V. Vinogradov – Cand. Sci. (History), Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Received June 3, 2016

Accepted for publication August 22, 2016

ДИСКУССИЯ

УДК 94(47).04

СТЕНОГРАММА

Круглого стола «Право Казанского ханства»¹

(Казань, 20 ноября 2015 г.)*

20 ноября 2015 года в Центре исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории АН РТ прошел Круглый стол, посвященный вопросам развития права в Казанском ханстве. Модератором мероприятия был И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова. С докладом на тему «Право Казанского ханства» выступил Р.Ю. Почекаев, д.ю.н., профессор НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург).

В обсуждении доклада приняли участие: И.Л.Измайлов, к.и.н., гл.н.с. Института археологии АН РТ; И.А. Мустакимов, к.и.н., заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при КМ РТ; сотрудники Центра: к.и.н., с.н.с. А.В. Аксанов, к.и.н., с.н.с. Т.Ф. Хайдаров, к.и.н., с.н.с. Э.Г. Сайфетдинова, к.и.н., с.н.с. Б.Р. Рахимзянов, к.и.н., с.н.с. Л.Ф. Байбулатова.

В результате обсуждения удалось не только обозначить ключевые проблемы и наметить перспективы дальнейших исследований, но и выдвинуть оригинальные гипотезы и выработать некоторые методики по их верификации.

Ключевые слова: круглый стол, Казанское ханство, участники, дискуссия.

Для цитирования: Стенограмма Круглого стола «Право Казанского ханства» (Казань, 20 ноября 2015 г.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 648–667.

Миргалеев И.М. Добрый день, уважаемые коллеги. Мы продолжаем наши Круглые столы, дискуссии с приглашенными специалистами. И сегодня тема Круглого стола – «Право Казанского ханства». С основным докладом выступит известный питерский специалист по праву Золотой Орды и тюрко-татарских государств Роман Юлианович Почекаев. Спасибо, Роман Юлианович, что откликнулись на наше предложение. По этой теме мы с Романом Юлиановичем уже говорили года два назад и я рад тому, что он согласился взяться за эту тему. Роман Юлианович уже написал две книги по праву Золотой Орды. Тем более, право в Казанском ханстве по сути и есть золотоордынское право; понятно, оно трансформировалась, но все это происходило на базе именно золотоордынского права. Поэтому в этом аспекте взгляд юриста-исследователя нам очень важен. Доклад Романа Юлиановича называется: «Право Казанского ханства: проблемы и перспективы изучения». Коллеги, вы

¹ Под редакцией И.М. Миргалеева, А.В. Аксанова.

* Место проведения: Конференц-зал Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

уже все заранее получили тезисы его доклада, также в программе выделены нижеследующие вопросы, которые мы предлагаем для обсуждения.

1. Можно ли говорить об особом праве Казанского ханства, или же оно – продолжение права Золотой Орды?

2. Элементы правовой системы:

- правовое наследие Золотой Орды;
- мусульманское право.

3. Основные отрасли и институты права Казанского ханства.

4. Источники права и источники о праве Казанского ханства:

- акты материалы;
- посольские дела;
- свидетельства современников;
- летописи и исторические сочинения;
- шежере, эпос, фольклор;
- нумизматика и эпиграфика;
- правовые обычаи тюрко-монгольских кочевников и народов Поволжья.

5. Нормы и принципы права Казанского ханства в «Казанском царстве».

Вот такие вопросы. Прошу вас, Роман Юлианович.

Почекаев Р.Ю. Спасибо, Ильнур Мидхатович, за приглашение. Тема действительно интересная, я попытаюсь в своем докладе в тезисной форме озвучить проблемы и перспективы ее изучения.

1. Проблемы правоотношений в Казанском ханстве не так часто привлекали внимание исследователей. Отчасти вопросы, относящиеся к данной тематике, затронуты в работах М.Г. Худякова, Ш.Ф. Мухамедьярова (в т.ч. и в статье в соавторстве с И. Вашари), М.А. Усманова, Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, некоторых статьях И.А. Мустакимова, Б.Р. Хисматуллина и некоторых других. Немногочисленность работ, в которых хотя бы отчасти рассматриваются вопросы права Казанского ханства, связана, вероятно, с двумя основными причинами:

1) с тем, что цели его исследования изначально не ставилось вышеназванными специалистами;

2) с отсутствием необходимых источников.

Автор доклада полагает, что следует хотя бы отчасти восполнить этот пробел и предпринять попытку изучения права Казанского ханства. В связи с этим озвучиваются ряд проблем и возможностей.

Безусловно, главная проблема – это вышеупомянутое отсутствие источников, в первую очередь, собственно правовых. До нашего времени сохранился весьма немногочисленный актовый материал эпохи Казанского ханства, из которого к юридическим источникам может быть отнесено фактически лишь два ханских ярлыка (Ибрахима и Сахиб-Гирея).

Однако в распоряжении исследователей имеется немало других исторических источников неюридического характера, которые также при углубленном исследовании могут предоставить информацию, позволяющую сформировать определенное представление об отдельных нормах, принципах, институтах права Казанского ханства.

В первую очередь – это свидетельства современников, в т.ч. дипломатическая переписка, посольские книги и пр. Можно вспомнить мнение В.Е. Сыроечковского, что именно из дипломатических документов можно почерпнуть наиболее объективную информацию о структуре управления того или иного татарского государства, о персональном составе высших сановников и т. п.

Также нередко ценная информация правового характера содержится в летописях и исторических сочинениях. Конечно, следует учитывать, что в большинстве случаев эту информацию нужно использовать с оговорками, поскольку летописные сведения – это субъективная интерпретация событий, содержащая немало искажений и «подгонок» фактов. Однако в ряде случаев в летописях могут приводиться и даже цитироваться (частично или даже полностью) официальные документы, оригиналы которых не сохранились до нашего времени. Естественно, в случае с Казанским ханством это чаще всего – акты дипломатических отношений; однако и они, как отмечено выше, могут содержать ценную информацию правового характера.

Следует уделить большое внимание актам, относящимся ко второй половине XVI в. и более позднему времени, эпохи т. н. «Казанского царства» – преимущественно землевладельческого характера (Д.А. Мустафина, Р.Г. Галлямов). Во-первых, они зачастую отражают основания приобретения и принципы распоряжения землевладениями еще ханского времени; во-вторых (как и в случаях с летописями) в случае земельных споров землевладельцы часто ссылаются на документы, подтверждающие их права на землю также со времен Казанского ханства.

Более специфическим источником являются произведения, относящиеся к эпосу и фольклору. Специфика заключается в том, что по отношению к ним исследователь казанского права не может использовать тот же «позитивистский» подход, который возможен по отношению ко всем вышеназванным типам источников. Прежде всего, нельзя не учитывать, что эпические и фольклорные сюжеты, даже относящиеся к эпохе Казанского ханства, могли возникнуть намного раньше и фактически содержать сведения об особенностях отношений (в т.ч. и правовых) гораздо более ранних периодов истории. Тем не менее, эти произведения нередко содержат весьма ценные сведения, позволяющие понять и реконструировать особенности правосознания и правовопонимания населения Поволжья, в т.ч. и в эпоху Казанского ханства (в частности, пословицы и поговорки, назидательные истории и т. п.).

Специфическим источником являются шежере – традиционные родословные народов Поволжья, также нередко содержащие важную информацию правового характера: о статусе представителей того или иного рода, связанных с ними льготах, привилегиях, владениях и т.п. Однако и эту информацию, как правило, следует оценивать критически, учитывая позднее время версий шежере, дошедших до нашего времени. С учетом особенностей стиля изложения информации, автор сомневается, можно ли выделять такие родословные в самостоятельную категорию источников или же причислить к той же категории, что и произведения эпоса и фольклора.

Еще один особенный источник – сведения этнографического характера о быте населения Поволжья, которое ранее входило в число подданных казан-

ских ханов. Эта информация может пролить свет на такую составляющую правовой системы Казанского ханства как обычное право.

Наконец, не стоит сбрасывать со счетов также и источники, изучение которых осуществляется с помощью специальных исторических дисциплин – данные археологии, нумизматики, эпиграфики. Автору доклада удалось (по его мнению, небезуспешно) использовать подобные сведения в процессе изучения права Золотой Орды; соответственно, есть основания считать, что они могут оказаться полезными и при изучении казанского права – по меньшей мере для уточнения или проверки информации, полученной из источников других типов.

Таким образом, в распоряжении исследователей имеется довольно широкий спектр источников, содержащих определенные сведения о праве Казанского ханства, в т.ч. в источниках, нормах, принципах, особенностях правового понимания и правосознания народов, населявших ханство. Конечно, нужно отдавать себе отчет, что это не означает, что на основе их глубокого изучения исследователи смогут восстановить (реконструировать) правовую систему Казани во всех ее аспектах, в равной степени по отношению ко всем отраслям права и сферам правоотношений. Безусловно, о каких-то из них информации больше, о каких-то меньше, о некоторых – вообще можно лишь строить предположения и гипотезы.

Тем не менее, сам процесс сбора и систематизации информации правового характера из всех вышеназванных источников возможен, более того – представляется важной и актуальной задачей.

Другая возможность в процессе изучения права Казанского ханства (кстати, также отчасти позволяющая решить проблему нехватки юридических источников) – это сравнительно-правовой подход. Есть основания экстраполировать на Казанское ханство наши знания о праве других тюрко-татарских государств, начиная с Золотой Орды (прямым наследником которой являлась также и Казань) и заканчивая Сибирским (в меньшей степени) и Крымским (в большей степени) ханствами. Основание для подобной экстраполяции – тесные связи Казанского ханства с Сибирским и в особенности Крымским (вплоть до правления в Казани представителей их династий).

Еще одно возможное направление исследований – соотнесение выявленных сведений о праве Казанского ханства с канонами мусульманского права, учитывая глубокое влияние ислама на все сферы жизни населения Казани и народов из числа подданных казанских ханов. Соответственно, возникает вопрос о степени взаимодействия права Казанского ханства, унаследованного от Золотой Орды и других чингизидских ханств, с мусульманским правом, вплоть до выяснения, можно ли считать мусульманское право (его нормы, принципы, институты) составной частью правовой системы Казани, как это было, в частности, в Золотой Орде.

В каком-то смысле аналогичным двум предыдущим направлениям представляется и еще одно – изучение влияния на правовое развитие Казанского ханства Московского великого княжества (в первую очередь – получение ответа на вопрос, было ли в принципе такое влияние в правовой сфере подобно политическому влиянию, сомневаться в котором с 1480-х гг. нет оснований).

Важным представляется найти в процессе исследования казанского права ответ на вопрос, можно ли его рассматривать как самостоятельную правовую систему, или же это – просто прямое преемство (использование) права Золотой Орды, всего лишь подвергнувшегося некоторым «адаптациям» с учетом социально-политических изменений в позднем Средневековье и географических особенностей региона. Предварительная наша гипотеза: право Казанского ханства все же является самостоятельной правовой системой, поскольку и географические особенности региона, и политическая ситуация (равно как этническая и религиозная) имели довольно сильное отличие от золотоордынских реалий, и прямое преемство ордынского права, скорее всего, оказалось бы неэффективным.

В заключение следует особо отметить, что такая работа не может быть сведена к индивидуальному исследованию, поскольку требует конструктивного взаимодействия представителей историко-правовой науки и различных исторических дисциплин, в т.ч. востоковедения, архивоведения, возможно – исторической филологии (лингвистики), а также этнологии и религиоведения (исламоведения). Обеспечение единого направления в исследовании столь многочисленных и разноплановых источников возможно лишь в рамках коллективного исследовательского проекта под эгидой специализированной научной организации или ее подразделения. Наиболее подходящим видится именно Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова.

Миргалеев И.М. Спасибо, Роман Юлианович, за интересный доклад и за то, что в нас видите координаторов таких серьезных исследовательских направлений. Издана новая книга Анвара Аксанова именно по Казанскому ханству, в планах есть провести несколько научных мероприятий, также посвященных татарским ханствам, в том числе и Казанскому вилаету. Я думаю, по поднятым сегодняшним вопросам полный список произведения Утемиша-хаджи также даст некоторые сведения. Особенно интересным выглядит сюжет с «поднятием» на трон хана Улуг Мухаммада и его диалог с теми, кто предложил стать ему правителем; вообще, в полном списке Утемиша-хаджи большое место уделено Улуг Мухаммаду. Перевод на русский язык полного списка уже завершён, так что скоро и по правовым сюжетам можно будет использовать этот источник. Коллеги, давайте перейдем к обсуждению и выступлениям.

Хайдаров Т.Ф. Проведенные на сегодняшний момент времени исследования в основном концентрируются вокруг небольшого круга дошедшего до сего дня письменных источников. Между тем, произошедший в последние десятилетия в европейской историографии качественный переход к осмыслению средневекового права позволяет начать уже сегодня переосмысливать накопленный отечественными исследователями опыт в осмыслении данной тематики и начать поиск новых источников для более глубинного понимания. Одним из главных аспектов в понимании законодательства Средних веков и раннего Нового времени, по мнению современных западных историков права, является юридическое закрепление к тому или иному государственному образованию. Подверженное очень сильному изменению не только через несколько поколений, но и на протяжении одной человеческой жизни, средневековое право являлось своеобразным свидетельством культурных измене-

ний того или иного народа, общества, этноса. Исходя из этого можно говорить, что право Золотой Орды прошло как минимум три этапа развития. На первом этапе, хронологически определявшимся серединой 1360-х гг. – 1440 гг., в праве сначала Булгарского улуса и позднее раннего Казанского ханства доминировал местный вариант обще-ордынского закона. На втором этапе (1440–1521), при приходе к власти Улуг-Мухаммада и его потомков, скорее всего, на казанское законодательство стали оказывать влияние традиции Крымского ханства. И наконец, в третий период (1521–1552) большую роль стал играть рецепция османского права. Это было вызвано тем, что, во-первых, казанские правители стремились подчеркнуть принадлежность к исламскому миру. Именно османские султаны, начиная с Сулеймана I, считались халифами. Во-вторых, стремление казанских ханов построить более эффективную систему государственного управления, базировавшуюся, по примеру Османской империи, на большом слое служилой знати и мусульманском духовенстве. Это, в свою очередь, привело к углублению внутривнутриполитического кризиса в ханстве, так как местная татарская верхушка увидела в ханах из династии Гиреев угрозу своим земельным владениям. Восстановлением прав татарских феодалов в соответствии со старым ордынским законодательством при Иоанне Грозном объясняется закрепление русского владычества в Казанском крае.

Миргалеев И.М. Я бы был осторожен с османским влиянием, так как связи с Османской империей все-таки происходили через Крым. В самом Крымском ханстве также не все османское воспринимали. Особенно до середины XVI века. По крайней мере, во время правления активного хана Сахиб Гирея, возможно, на мой взгляд, одного из последних стратегов всетатарского масштаба, османское влияние еще не было таким сильным. Да и сами крымские татары развивались не только под османским влиянием, было влияние и других татарских ханств и даже Сибирского ханства, и даже Ирана. Их тесные связи с кавказскими народами также оставляли некий отпечаток.

Почекаев Р.Ю. В принципе согласен с хронологией существования Казанского ханства и готов распространить ее также и на историю его правового развития. С той только оговоркой, что последний период охарактеризовал бы, скорее, как «крымский», а не османский. В Казани правила крымская династия Гиреев, несомненно, привнесшая в Поволжье некоторые правовые традиции с полуострова. Насчет же влияния османского права согласен с Ильнуром Мидхатовичем: вряд ли оно было сильно в Казанском ханстве. Во-первых, есть сомнения, что оно когда-либо находилось в зависимости от Османской империи (у И.В. Зайцева есть даже специальное исследование на эту тему, причем он использовал весьма красноречивый термин – «мнимый протекторат»). Во-вторых, даже если допустить, что представители крымской династии и могли быть носителями османской правовой традиции, то в самом Крыму она получила распространение гораздо позже. Если не ошибаюсь, широкие рецепции в сфере административного управления и правового регулирования из Османской империи начались в Крыму не ранее, чем при Ислам-Гирее II, т.е. в 1580-е гг., а это – уже после падения Казанского ханства.

Аксанов А.В. Действительно, одними из самых информативных источников при изучении права в Казанском ханстве являются дипломатические

документы. И это, прежде всего, крымские и ногайские посольские книги. К примеру, в письмах ногайских правителей к Ивану IV находим факты, указывающие на попытку внедрения Гиреями новой системы государственно-правовых отношений. Речь идет о послании ногайских мурз 1551 г., где повествуется о действиях Сафа-Гирея, вызывавших протест казанцев. «Год другой спустя», после второго воцарения в Казани (то есть в 1536–1537 гг.) Сафа-Гирей привел «Крымских голодных и нагих» людей и «над Казанскими людьми учал насильство делати»: «У ково отца не стало и он отцова доходу не давал. А у ково брата большого не станет, и он тово доходу меньшому брату не давал». Возможно, здесь говорится о нарушении наследственных прав казанской аристократии и о попытке ввести новые нормы правоотношений, предполагавшие жалование «доходами» только на время службы, без права наследования. При этом, открытым остается вопрос об источниках таких норм: какое это было влияние – крымское или османское – пока сказать сложно. Это можно прояснить с помощью установления соответствий между действиями Сафа-Гирея и правовыми практиками, принятыми в Крыму и в Стамбуле. В тоже время в нашем распоряжении пока нет данных о том, что правовые изменения начались с правления в Казани Сахиб-Гирея, который правил не долго.

Что касается усиления русского влияния на правовую систему Казанского ханства, то не совсем корректно это связывать с событиями 1487 года. Данные официальных летописей и русских дипломатических документов о подчиненном положении Казанского ханства, начиная с этого времени, не согласуются с сообщениями провинциальных общерусских летописей (Новгородская и Устюжская), демонстрирующих независимое положение Казанского ханства в статьях от 1487–1505 годов. Не говорят о зависимом положении Казанского ханства и русско-крымские, казанско-крымские и казанско-литовские дипломатические документы. Нам не известны и указания на существование особых договоров между Иваном III и «казанскими людьми».

Впервые летописи и дипломатические документы указывают на заключение особого договора между великим князем и «казанскими людьми» в 1519 г., при воцарении Шах-Али. Причем о содержании этих грамот ничего не известно; возможно, они оговаривали какие-то особые права Василия III в политической жизни ханства. Впрочем, эти договоренности соблюдались только до 1521 г. Вероятнее всего, эти нововведения и действия Сафа-Гирея вызвали протест у казанской элиты и привели к политическим потрясениям.

Почекаев Р.Ю. Спасибо за ценное дополнение. Я надеюсь, что при более подробном изучении этого вида источников, и в самом деле, удастся обнаружить какие-либо примеры московского влияния на правовое развитие Казанского ханства. Пока же можно сказать, что оно имело место преимущественно в политической и, в крайнем случае, в международно-правовой сфере, тогда как о московских элементах во внутреннем праве ханства сведений не имеется. Кроме того, большой проблемой является то, что до нас дошли лишь русские документы, а акты казанских «контрагентов» по переговорам – также в русском переводе, – и их подлинники не сохранились. Соответственно, очень трудно порой понять, являлись ли какие-то термины и категории (в т.ч. и относящиеся к юридической сфере) новациями для Казанского ханства, или же русские дипломаты и переводчики всего лишь обозначали вполне

традиционные для татарских ханств правовые институты терминами, более понятными для московской «целевой аудитории».

Что же касается изменений в системе правоотношений Казанского ханства, проявившихся при Сафа-Гирее, я бы не стал связывать их исключительно с крымским или османским влиянием в целом, а учел бы и личностный фактор. Например, его решения об изменении права наследования вполне могли быть связаны с тем, что сам он наследовал трон от своего предшественника Сахиб-Гирея, не будучи ему ни сыном, ни братом, а всего лишь племянником. Можно допустить, что, принимая подобное решение, он стремился подчеркнуть и легитимность собственного пребывания на казанском троне. По крайней мере, мне известны аналогичные прецеденты в политико-правовой жизни ханств Средней Азии, также относящиеся к XVI в.

Мустакимов И.А. Доклад Романа Юлиановича по сути представляет собой проект концепции изучения права и правовой системы Казанского ханства. В этом качестве считаю необходимым в целом ее одобрить и поддержать. Несколько частных замечаний и дополнений.

Как справедливо отмечено в выступлении Романа Юлиановича, одной из больших проблем при исследовании истории Казанского юрта является чрезвычайная малочисленность источников. В связи с этим первейшей необходимостью является поиск и введение в научный оборот новых источников по истории Казанского ханства и других татарских юртов. Объективно, прежде всего, это будут русские источники. В первую очередь надо интенсифицировать изучение актового материала, хранящегося в РГАДА и других древлехранилищах.

При публикации источников большое внимание следует уделять их полноценной внешней и внутренней критике, позволяющей установить степень аутентичности, следовательно – информативный потенциал каждого публикуемого документа. К сожалению, в наших казанских изданиях этому аспекту не всегда уделяется должное внимание.

Что касается вопроса о том, следует ли рассматривать право Казанского ханства как самостоятельную правовую систему, или оно являлось простым преемником права Золотой Орды, подвергшегося некоторой адаптации к местным условиям и традициям, то я, в отличие от Романа Юлиановича, считаю более правильным второй ответ. «Казанское право», на мой взгляд, является региональной разновидностью «золотоордынского права». Пожалуй, в Казанском юрте было «больше» шариата ввиду более древнего распространения здесь мусульманства и его большей укорененности в сравнении с теми золотоордынскими регионами, где преобладало кочевое население. В связи с этим мусульманское право безусловно являлось составной частью (может быть, правильнее считать его основой) правовой системы Казани (это мое мнение по поводу еще одного вопроса, поставленного в докладе).

Что касается затронутого Тимуром Хайдаровым вопроса об османском влиянии на правовую систему Казанского ханства, то говорить о таковом, даже учитывая развитость правовой системы государства османов, его мощь и вассальную зависимость от Высокой Порты Крымского ханства (представители династии которого в XVI веке неоднократно занимали казанский престол), вряд ли приходится. Как установлено М.А. Усмановым, османское влияние на делопроизводство Крымского ханства начинает заметно усили-

ваться лишь в период правления Девлет-Гирея I (1551–1577). Едва ли иначе обстояло дело с османским влиянием в сфере права. Тем более, вряд ли это влияние могло доходить до Казани. Конечно, этот вывод не относится к сфере культуры в широком смысле слова.

Почекаев Р.Ю. Спасибо за рекомендацию, хотя, как уже отмечалось, при работе с русскими документами, пусть даже и составленными в эпоху существования Казанского ханства, порой бывает трудно оценить степень аутентичности перевода ряда специальных терминов. Окончательно же дать ответ на вопрос о том, насколько право Казани являлось разновидностью «золотоордынского», можно будет после более тщательной работы с источниками. Мне представляется, что все же отличия были весьма существенны – в первую очередь потому, что Золотая Орда являлась государством имперского типа, и система права была направлена на регулирование отношений и обеспечение равновесия между различными регионами империи. Казанское же ханство на имперский масштаб не претендовало, поэтому многие правовые нормы, принципы, институты и даже целые отрасли, необходимые и широко применявшиеся в ордынских правовых реалиях, просто-напросто оказались невостребованными в Казанском ханстве и «отмерли» сами собой.

Миргалеев И.М. Имперскость в Казанском ханстве думаю была, и была она как продолжение политики золотоордынских ханов. Возьмем хотя бы такие факты: в Казанском вилайете продолжалось золотоордынское право, и его наследие было незыблемым. Казань до конца своего падения продолжала получать часть выхода с Московии, казны-хараджа (поминки). И еще, такие ханы как Улуг Мухаммад, Махмутек, Ибрагим, Сахиб и Сафа Гирей вели активную внешнюю политику, безусловно, со ссылкой в своих притязаниях, в том числе и на золотоордынское наследие.

Рахимзянов Б.Р. У меня к докладчику есть вопросы:

1. На какие единицы в правовом отношении делилась территория Казанского ханства?
2. Какое место в правовой системе Казанского ханства занимали женщины?
3. Можно ли говорить о сословности правовой системы Казанского ханства?
4. Назовите, пожалуйста, прослеживающееся по источникам соотношение мусульманского права, «Ясы» Чингиз-хана и местных правовых норм в Казанском ханстве.

Относительно доклада могу сказать следующее. Представленный доклад – это, на мой взгляд, скорее обзор потенциальных источников, нежели абрис проблематики, причем источников в целом по истории татарских ханств, а не только Казани. Рекомендую в источниковом плане сосредоточить внимание на актовом материале второй половины XVI – XVII вв. Интересным было бы проследить распространение системы права Казанского ханства на иностранных представителей, например, русских послов. Думаю, произведения, относящиеся к эпосу и фольклору, вряд ли помогут автору в раскрытии темы. Напротив, сведения этнографического характера о быте населения Поволжья, которое ранее входило в число подданных казанских ханов, на мой взгляд, могут быть весьма продуктивными при реконструкциях. Возможно, следует использовать сообщения путешественников, если они есть, как источник по

праву Казанского ханства. Если они отсутствуют, то следует задуматься над причинами такового положения вещей.

У меня есть добавление к пункту 15 – «Изучение влияния на правовое развитие Казанского ханства Московского великого княжества». Полагаю, уместно рассмотреть то, как статус Казанского ханства позиционировался в правовом поле Восточной Европы в целом, как его наполнением «играла» Москва, в частности. В этой связи могу сказать следующее.

После 1487 г. Иван III мог непосредственно вмешиваться во внутренние дела Казани и осуществлять определенный контроль над ее внешней политикой. Однако, несмотря на то что баланс сил между двумя государствами стал перевешиваться в сторону Москвы, еще не было свидетельств того, что Казань потеряла свой статус автономного государства. Правильнее будет говорить о колебаниях между независимостью Казани и иногда успешными попытками Москвы установить свое господство над ханством.

Тем не менее, начиная примерно с 1520-х гг., прецедент с Мухаммед-Амином 1487 г. стал рассматриваться московской стороной как точка отсчета для времени, когда Москва приобрела (в ее собственных глазах) право возводить казанских ханов на престол по своему усмотрению. В версии Москвы, с 1487 г. казанские ханы превратились в вассалов московских великих князей и могли всходить на престол только с их согласия. Данная теория, как отмечает Ярослав Пеленски, широко использовалась в отношениях только с третьими государствами (Великое княжество Литовское, Османская империя, Габсбурги). Это неудивительно – татарский позднезолотоордынский мир никогда не принял бы такой трактовки казанской истории. Москва также знала, что это всего лишь дипломатический конструкт, но его длительное практическое использование привело к тому, что в дальнейшем она сама поверила в него.

Само военное завоевание Казани в 1487 г. стало для московских идеологов позже правовым основанием для претензий на ханство как на свой «юрт». Причем прямая ссылка на покорение Казани «саблею» обычно применялась в переговорах с мусульманскими правителями, так как в мусульманском мире прямое военное объяснение не было бесчестным, но, напротив, являлось добродетельным и уважаемым. Однако эти необоснованные претензии противоречили действительности московско-казанских отношений. Их выдвижение свидетельствует лишь о сознательном стремлении Москвы приуменьшить статус Казанского ханства в своих отношениях с соседями. Москва пыталась низвести статус Казани до уровня московского владения, однако на внешнеполитической сцене это не было признано. Имея перед своими глазами пример Касимовского ханства, распространив его опыт на свои «внутренние юрты» (такие как Кашира, Серпухов и др.), Москва стала использовать дипломатические уловки и искусную демагогию для того, чтобы подвести под этот статус «внутренних московских юртов» целые независимые татарские государства. Первым в этом списке появилась Казань – географически она была ближе всего к Московскому государству, и к тому же не обладала впечатляющей военной мощью.

Почекаев Р.Ю. Булат Раимович, не совсем понял первый вопрос: имеется в виду правовое закрепление административно-территориального устройства Казанского ханства или же то, что в разных частях (регионах) ханства могли в большей степени быть востребованы разные источники права?

Рахимзянов Б.Р. Да, я имел в виду второе.

Почекаев Р.Ю. Тогда я трансформирую вопрос в рекомендацию и рассматриваю его как еще одно возможное, интересное и перспективное направление в изучении права Казанского ханства: как в разных частях этого государства доминировали, соответственно, те или иные источники («ханское» право, шариат, обычное право и т.п.).

Насчет роли женщин пока также у нас нет достаточно внятного представления. Источники донесли информацию о статусе представительниц правящего рода – ханш Нур-Султан и Суюн-бике, царевны-регентши Гаухаршад (Горшадна, Ковгоршад). Но это – что касается политической сферы. О месте же женщин в частноправовых отношениях сведений вообще нет. Но поскольку оно регулировалась обычаями и мусульманским правом, в качестве «рабочей гипотезы» могу сослаться на В.В. Бартольда, который в одной из своих работ писал, что имущественные права женщин в мусульманском мире даже в период раннего ислама регламентировались и защищались весьма четко и скрупулезно – в отличие от их личных и социально-политических прав.

Насчет сословности: Вы имели в виду сословный характер правовых норм? Также пока ничего нельзя сказать с полной уверенностью. Поэтому ограничусь, опять же, гипотезой, что просто представители различных сословий и социальных групп в целом были задействованы в достаточно различных сферах правоотношений, соответственно, и правовые нормы, касавшиеся их, существенно отличались. Впрочем, также рассматриваю Ваш вопрос как предложение еще одного возможного направления в рамках предлагаемого исследовательского проекта.

Что касается степени соотношения различных источников, то могу сказать следующее. Мусульманское право, несомненно, формально являлось доминирующим источником права Казанского ханства, хотя степень соответствия декларируемого приоритета и реального его применения еще предстоит выяснить. Яса Чингиз-хана (если понимать под ней совокупность имперских правовых норм, поскольку я уже неоднократно говорил, что не считаю Ясу неким кодифицированным актом) в Казани однозначно не применялась – по причине уже упомянутого ранее отсутствия имперских претензий со стороны казанских ханов. Обычные правовые нормы, несомненно, применялись в повседневных правовых отношениях в различных регионах и, возможно, даже отдельных населенных пунктах ханства – включая адат, обычаи оседлого населения, обычное право кочевых подданных казанских ханов.

Вопрос о том, с какого момента и в какой степени право Казанского ханства распространялось на иностранцев, в т.ч. и на дипломатов, представляется интересным, тем более, что у нас есть аналогичные сведения о Монгольской империи и Золотой Орде, так что появляется возможность проследить преемственность если не конкретных правовых норм, то, хотя бы, принципов в этом направлении.

Что же касается статуса Казанского ханства на международной арене, думаю, что это направление, Булат Раимович, относится в большей степени к Вашей сфере исследований, хотя если удастся выявить какие-либо международно-правовые аспекты, я был бы рад их рассмотреть – с Вашей помощью.

Миргалеев И.М. Думаю на право как-то могло влиять и военное дело, особенно привлечение ногайцев на военную службу; возможно, именно такая ситуация вывела на первый план ногайских принцесс, Сююмбике, например.

Почекаев Р.Ю. Да, согласен, помимо «постоянных» подданных казанских ханов нельзя не упомянуть и ногайцев, периодически поступавших к ним на службу и оставлявших ее: несомненно, их правовой статус имел свои особенности и регламентировался специальными правовыми нормами.

Сайфетдинова Э.Г. Рассматривая вопросы в отношении права Казанского ханства нужно прежде всего заметить, что статус хана не всегда передавался по наследству от отца к сыну, в ряде случаев, ханом становился избранник элиты; в произведении «Чингиз наме» Утемиша хаджи описывается, что происходил процесс поднятия (выбора) хана (хан күтәру): «Прогнал он Мухаммад-хана и поднял ханом Сеид-Ахмеда, сына Джаббарберди-хана. Мухаммад-хан хитростью взял у Асбай Алтунбая вилайет Казань и стал там ханом. По этой причине до сих пор в казанском вилайете продолжается его род. Сыном Улуг Мухаммад хана был Махмуд хан, его сыном был Халиль хан, его сыном был Ичим хан, Габдуллатиф хан, Мухаммад амин хан» (лист 71). Сам процесс так называемого «поднятия», избрания хана был описан в анонимном «Сборнике летописей», в котором описывался этот процесс избрания хана. Самую существенную часть церемонии составляло поднятие хана вверх, на руках знатнейших чиновников, эта традиция пришла из Монголии, при этом М. Худяков отмечал что она имеет и более древние корни: «Согласно римскому обычаю императора возводили посредством поднятия его вверх (на щите) под возгласы присутствующих» [Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства, с. 185].

Как известно, многие из казанских ханов вообще были слабо связаны с местным краем как по происхождению, так и по воспитанию, поэтому говорить о том, что передача власти осуществлялась строго от отца к сыну, не приходится. Важным было сохранение двух формальных условий: 1) происхождение из рода Чингиз-хана; 2) принадлежность к исламу.

Как нам кажется, огромное влияние на государственные дела имели жены и матери властвующих ханов, да и на избрание ханов (пример – царевна Ковгоршад (династия Улуг Мухамада) была поставлена регентшей Джан-Али). Такая традиция, возможно, исходила из ясы Чингиз-хана, согласно которой жены и матери участвовали во всех крупных государственных событиях, особенно при избрании правителей.

Однако большую важность в изучении права Казанского ханства представляют источниковедческие материалы, которых недостаточно. Художественные литературные произведения Мухамадьера, Кул Шерифа не несут какой-то конкретной информации, касающейся правотворчества в Казанском ханстве. Содержание литературных сочинений может лишь раскрыть нам атмосферу, царившую внутри ханства, поскольку подобные религиозно-дидактические сочинения назидательного характера творились в беспокойное для государства времена, как и «Нахдж ал-Фарадис», и «Джум-джума султан» в период Золотой Орды.

При включении в список возможных источниковедческих материалов по истории права Казанского ханства важно обратиться к коллекциям рукописных книг, в частности к произведениям по фикху (мусульманскому праву) (в

коллекциях сохранились рукописи XVI – начала XVII вв., составители – ал-Кари (1605), ал-Баркави (1573), ал-Кухистани (1543) и др.). Изучение данных религиозных книг позволит составить более полное представление о базовых источниках мусульманского права, применявшегося в Казанском ханстве.

Миргалеев И.М. Шариат является универсальной системой, и она допускает то, что, если какие-то вопросы не разработаны в шариате и если другие законы не противоречат религии и продиктованы здравым смыслом, то их можно использовать и применить. Поэтому какие-то моменты из Ясы и из обычного права, особенно, скажем, других народов Поволжья, таких как черемисы, могли быть использованы в правоприменительной политике.

Почекаев Р.Ю. Насчет прав на трон, думаю, что Казанское ханство – один из ярких примеров действия на практике принципа о том, что любой Чингизид имел право на трон в любом из улусов бывшей Монгольской империи. Пусть даже в Улусе Джучи этот принцип и распространялся только на самих Джучидов (впрочем, и этот род был достаточно многочисленным и разветвленным).

Я бы очень осторожно говорил об «огромном влиянии» жен и матерей ханов на политические дела. В том же самом Казанском ханстве (как, впрочем, и в других бывших улусах Монгольской империи) нам известны лишь единичные случаи подобного влияния, во многом объяснявшиеся либо личной энергичностью и амбициозностью ханш, либо их родовыми связями с крупнейшими кланами ханства и т.п. У нас слишком мало и информации, и примеров, чтобы трансформировать эти отдельные яркие случаи в общую правовую тенденцию.

Безусловно, я признаю роль мусульманского права в Казанском ханстве и в связи с этим считаю очень важным исследование источников по фикху, тем более относящихся к эпохе Казанского ханства. Однако я намеренно не уделил им достаточно внимания, поскольку сам специалистом по мусульманскому праву не являюсь и ни в коей мере не планирую заниматься его изучением в связи со сложностью и специфичностью темы и отсутствием знания соответствующих языков. Именно поэтому я сразу же отметил необходимость взаимодействия в рамках такого проекта специалистов по истории, источниковедению, истории права, а также и специалистов-исламоведов, без которых составить четкое представление о мусульманском праве в Казанском ханстве (именно как некоем его специфическом «региональном» варианте) совершенно не представляется возможным.

Миргалеев И.М. Искандер Лерунович, вы хотели выступить последним и терпеливо ждали своего часа.

Измайлов И.Л. Следует сказать, что поставленная проблема весьма интересна и требует серьезного внимания. В последний раз этой проблемы исследователи касались системно достаточно давно. Но к чести исследователей Казанского ханства можно сказать только то, что источниковедческая база за последние полстолетия увеличилась отнюдь не в разы. Фактически мы имеем дело с тем же источниковедческим материалом, что и Ш.Ф. Мухамедьяров, чьи взгляды на проблемы земельно-правовых отношений в Казанском ханстве не отвергнуты, а более того сохраняют свою актуальность.

В этой связи хотел бы подчеркнуть, что автор доклада, к сожалению, не владеет источниковедческой и историографической ситуацией относительно

истории изучения Казанского ханства. Это подчеркивают некоторые его замечания: например, он не упоминает в числе ведущих специалистов прекрасного источниковеда, знатока писцовых и посольских книг, замечательного публикатора этих источников, Д.А. Мустафину. Это еще более заметно в связи с тем, что автор все поминает вклад Р.Ф. Галлямова, у которого никакой новизны и авторского анализа в его трудах не было и нет.

Нельзя не сказать, что сама идея обратиться к источникам, несомненно, верная. Но насколько другие виды и типы источников могут заменить собственно юридические документы? У нас есть уже весьма негативный опыт, когда непрофессионал, человек, не имеющий должной источниковедческой и юридическо-правовой подготовки, взялся раскрыть правовую систему Волжской Булгарии на основе косвенных и разновременных источников, используя модель советских учебников по истории государства и права. В результате получилась неудобоваримая каша из обрывков советских мифов о феодализме и бытовых представлений о шариате. При этом вся система получилась ровно по лекалам 50-х гг. XX в., теоретическим паттерном которых она и является. Никакого отношения ни к Булгарскому государству и его правовой системе, а также к современным представлениям об этом средневековом обществе эти штудии не имеют.

В этом смысле следует приветствовать подход Р.Ю. Почекаева, который главное внимание уделил именно источниковедческому оснащению своего труда. Но это условие необходимое, но никак не достаточное. Получился некоторый разлад между заявленной темой и тем введением в нее, которое продемонстрировал автор. Не говоря уже о том, что у меня есть большие сомнения, что все заявленные виды источников одинаково ценны и имеют достаточное обоснование в рамках допустимого. Например, есть сомнения в том, что фольклор, особенно шутки, прибаутки и прочие паремиологические изречения, а также сказки и легенды сильно продвинули нас в этом вопросе. Это все равно, что изучать правовую систему Московской Руси на основе сочинений типа «Шемякин суд» или «Повесть о Ерше Ершовиче». Забавно, интересно, но как эта, с позволения сказать, «правовая культура» коррелирует с реальной судебной-правовой системой Московии – это большой вопрос. У нас уже был негативный опыт, когда некоторые поговорки татарского народа позволяли выстраивать правовую систему Волжской Булгарии. Пока не будет проведено строгое источниковедческое исследование в отношении всей этой паремиологии, говорить о ней, как об источнике для изучения права, бессмысленно, глупо и безответственно. Поскольку, выхватывая отдельные слова, некоторые ретивые авторы выстраивают на основе паремий уже целую систему, не утруждая себя никаким источниковедением.

Точно тоже можно сказать и об этнографии, как пишет наш эксперт, «о быте населения Поволжья». Вопрос, как сведения о жизни и быте татар XIX – начала XX в. позволят судить об обычном праве Казанского ханства, остается без ответа. Неужели автор считает, что, например, жизнь и быт крепостного русского крестьянства отражает русское обычное право эпохи Ивана III? Тогда хотелось бы узнать, какие источниковедческие приемы и методики позволили это сделать? Иными словами, объявить источником для изучения права какого-либо средневекового общества – это, прямо скажем, не бином Ньютона. Но вот провести такое исследование и изучить какую-то систему

источников и получить результат – это, простите, другая проблема, и между ними, как мы все понимаем, «дистанция огромного размера».

Понятно, что в условиях, когда практически отсутствует источниковедческая база, сравнимая с той, что была у исследователя относительно Улуса Джучи, возрастает нагрузка на другие виды источников и на реконструктивную часть исследования. Фактически необходимо выстроить определенную модель государства и права, а потом под эти лекала искать источники, которые бы подтверждали или опровергали ее элементы. Во многом эта работа уже начата и продолжается. Но проблем пока гораздо больше, чем решений. В этом смысле данное выступление весьма показательно – оно фактически подтвердило со стороны, так сказать, независимой экспертизы и человека, ранее несколько далекого от этой темы, что прежние наши исследования имели верную направленность, но упирались, как и наш эксперт, в проблему источников. Но и на этом пути Р.Ю. Почекаев, будучи известным и признанным специалистом по правовой культуре Улуса Джучи и его политической системы, не высказал новых мыслей и не предложил путей, как нам снять наш корабль скептицизма с источниковедческой мели.

Комплексный и системный подход, предложенный экспертом, уже давно освоен и применяется нами, как это было продемонстрировано в целом ряде книг и статей. В нем самом нет ничего нового и прорывного, что не было бы освоено уже казанской наукой. Некоторые пути решения, например, земельно-правовых вопросов были успешно предложены Ф.Ш. Мухамедьяровым и Д.А. Мустафиной. Ничего другого, более интересного и доказательного пока продемонстрировано не было. К сожалению, ситуация не изменилась и после интересного и поучительного доклада Р.Ю. Почекаева. Он продемонстрировал большую эрудицию и источниковедческую подготовку, но пока не предложил новых путей выхода из кризиса.

В этом смысле, выход, думается, есть, но лежит он в плоскости создания новых объяснительных и сравнительных моделей от системы, выстроенной на материалах Улуса Джучи, к местным условиям. Но это, как справедливо подчеркнул в своем заключении автор – предполагаемый коллективный исследовательский проект, т.е. дело весьма далекого будущего.

1. Можно ли говорить об особом праве Казанского ханства, или же оно – продолжение права Золотой Орды?

Ответ на этот вопрос лежит в плоскости понимания того, что было источником права в Улусе Джучи и Казанском ханстве. С одной стороны, мне представляется, что главным источником права в Золотой Орде являлась Яса Чингиз-хана, а с 60-х гг. XIII в. – еще и шариат. Относительно Ясы в Казанском ханстве ничего не известно. Отсюда можно сделать вывод, что правовая система этих государств имела определенные различия. Но, с другой стороны, это, несомненно, была одна общая система, насколько можно судить по единообразию ярлыков Улуса Джучи, как это доказал М.А. Усманов. Иными словами, интерпретировать эту ситуацию можно, по крайней мере, двояко. Вся проблема в недостаточной источниковедческой базе. Отсюда следует, что прежде чем строить догадки о системе права, следует выстроить эту самую систему.

Для этого следует поставить не только источниковедческие вопросы, а еще и методологические и методические. В настоящем выступлении, совер-

шенно справедливо, упор был сделан на источниковедческих проблемах. Но без понимания историографии и сделанных уже предшественниками наработок сделать это будет довольно трудно и даже, допуская, невозможно. Например, проблемы государственного и социального устройства уже нашли отражение в современной литературе. То есть, этот вопрос в определенной степени понятен. Если автор имеет какое-то свое мнение на этот счет, то хотелось бы его выслушать. Это был бы не просто абстрактный, а вполне конкретный разговор. Пока же нам представлен некий абрис серьезного комплексного изучения Казанского ханства в целом. Но без оценки достигнутого, без понимания современного этапа, его сравнения с предшествующими двигаться далее нельзя. В этом смысле, полагаю, что отсутствие серьезного историографического очерка в «Истории татар с древнейших времен. Т.IV. Тюрко-татарские государства XV–XVII вв.» является большим упущением.

2. Элементы правовой системы:

– правовое наследие Золотой Орды

Очевидно, что правовое наследие Улуса Джучи не просто было, но было определяющим. Культура делопроизводства и оформление ярлыков, – все это прямое и недвусмысленное наследие золотоордынской цивилизации, которая, к слову, во многом обогатила и русскую делопроизводственную и государственно-правовую культуру. О чем, кстати, в представленном докладе нет ни слова. Другое дело, формы этого влияния могли быть, и были некие региональные особенности. Но понять и выявить мы их сможем только тогда, когда изучим с одной стороны, источники по теме, а с другой – выясним особенности государственной и социальной структуры Казанского ханства.

– мусульманское право

Мусульманское право в Поволжье имеет долгую историю, начавшись еще в конце IX в., а с X в. став основой болгарской государственности и его права. К сожалению, от этого периода у нас остались довольно отрывочные сведения, скорее косвенного, чем прямого характера. Но и они позволяют говорить о том, что Булгария являлась страной классического ислама с соответствующими институтами, в том числе и шариата. Если судить по комплексу источников, включая выразительные археологические сведения, в обрядовой практике царило полное единообразие и строгость. Относительно Улуса Джучи у нас есть также серьезные основания для того, чтобы считать население Среднего Поволжья в подавляющем своем большинстве мусульманским и констатировать существование типичных правовых институтов. Нет оснований полагать, что в Казанском ханстве было не так. Более того, сам ислам в условиях противоборства с Московией, в том числе и идеологического, не мог не стать более жестким и цельным. Роль сеййидов в Казанском ханстве говорит об этом прямо. Но детали этого процесса скрыты от нас особенностями источников.

3. Основные отрасли и институты права Казанского ханства.

Полагаю, что в Казанском ханстве имелись все основные институты и отрасли права, что и в других средневековых мусульманских государствах. Возможно, что не все правовые нормы были кодифицированы и были скорее государственно-политической традицией, чем писанным правом. Но подобное положение и для развитых стран Европы – Англии и Франции – было предметом дискуссий, а в странах ислама между собой соревновались раз-

личные государственно-правовые традиции. Поэтому отсутствие четко определенных правовых норм никак не свидетельствует о неразвитости или незрелости татарской государственности. Скорее это своего рода традиция и вопрос консенсуса элит и толкования властных прерогатив в пользу того или иного института власти. Здесь требуется конкретный анализ, который должен стать результатом изучения, источников, а не априорных утверждений.

4. Источники права и источники о праве Казанского ханства:

– акты материалы

Актовый материал требует нового серьезного анализа с учетом достижений тюркологии и изучения мусульманского права. В этом анализе нет места для релятивистского, сугубо буквалистского подхода. Требуется серьезное изучение и новая публикация с учетом новейших достижений науки.

– посольские дела

Посольские дела, к сожалению, отнюдь не секрет, изданы плохо и не системно. Требуется новое издание. К сожалению, состояние дел таково, что переиздание всего комплекса источников, особенно Ногайских, Крымских и иных посольских книг, пока не предвидится. Хотя именно это и должно было бы стать основным направлением деятельности Института истории.

– свидетельства современников

Они есть и их много. Но требуются новые усилия по их систематизации и осмыслению.

– летописи и исторические сочинения

Понятно, что это важный и безусловно первостепенный источник в отношении изучения политической культуры и межгосударственных отношений. Проблема только в том, что отечественная историография еще только отходит от ранкенианского и позитивистского подхода к этим источникам. Даже в Москве эти подходы еще не стали определяющими. В этой связи нам нужно говорить о более серьезной проработке методологии летописного источниковедения, а не пускаться в изучение сложной темы, требующей серьезного и системного анализа на грани текстологии, литературоведения и лингвистики. Пока, представляется, что у нас нет такого количества специалистов, чтобы приступить к разработке данной проблемы.

– шежере, эпос, фольклор

– нумизматика и эпиграфика

Свод эпиграфического материала XV–XVII вв. – это насущнейшая проблема, но возможности, к сожалению, очень невелики.

– правовые обычаи тюрко-монгольских кочевников и народов Поволжья

Не совсем понимаю, что такое «правовые обычаи», особенно тюрко-монгольские, и как они могут пригодиться для изучения права Казанского ханства. Но, если они есть, то их следует изучать, объяснив предмет и объект изучения и определив, какие есть допущения в их использовании.

5. Нормы и принципы права Казанского ханства в «Казанском царстве».

К сожалению, данная проблема – это не предмет нашего рассмотрения, а задача будущих исследований. Сначала необходимо определиться с институтами права и их источниками, а затем уже перейти к нормам и принципам. Пока нет единого понимания сущности власти, организации управления, структуры власти и социальной структуры всего татарского общества, нет оснований говорить о таких абстракциях, как принципы и нормы права. По-

лагаю, что в стремлении дать какой-то быстрый результат мы упускаем из виду гораздо более серьезные и фундаментальные проблемы. В первую очередь, это власть, ее структура, организация, ритуалы и символы. Для средневекового государства – это гораздо более важные и серьезные проблемы. Приведу только один пример. Относительно властной структуры Казанского ханства еще десять лет назад было высказано предположение, что хан не являлся ее ключевой фигурой в плане властных полномочий и правил, отнюдь, не как абсолютный владыка, а был сильно ограничен в своих правах правящими кланами, и именно они вершили судьбу ханства. Этот тезис не был опровергнут, но и не стал общепринятым. Скорее наоборот. По традиции, историки, не обременяя себя анализом, продолжают рисовать схемы власти в ханстве, ставя во главу угла хана, как единоличного самодержца. Анализ всей политической истории Казанского ханства показывает, что это совсем не так. Между тем, все известные ярлыки выдавались именно ханами. Что это, дань традиции или есть какое-то противоречие между реальной и символической властью? От ответа на этот вопрос будет зависеть и вся конфигурация правовой системы в этом государстве. Но для ответа на него следует рассмотреть сам институт ханства и его полномочия.

Во вторую очередь, это сама социальная структура общества. Собственно, это для любой средневековой страны краеугольный камень анализа. Понять ее, выяснить ее структуру, означает понять, как функционировало общество и посредством каких механизмов оно самоорганизовывалось.

В третьих, это конфессиональная структура и институты религиозной власти, а также их взаимодействие с государством. Полагаю, что без решения их невозможно будет ни понять, ни изучить все остальные. Тем более такие сложные и производные во многом элементы этой структуры, как право, соотношение обычного и кодифицированного права, соотношение государственного (светского) и религиозного права и т.д. Все эти вопросы пока только поставлены, но не нашли еще должного решения. Поэтому сама постановка проблем изучения правовой культуры Казанского ханства кажется несколько несвоевременной, неким «забеганием вперед», далеко от конкретного материала.

Миргалеев И.М. Искандер Лерунович подготовился. Пожалуйста, Роман Юлианович, есть наверное, что ответить и что прокомментировать.

Почекаев Р.Ю. Искандер Лерунович, как всегда, все очень четко и обоснованно разъяснил и подверг вышесказанное конструктивной критике. В целом, могу лишь согласиться практически со всеми его замечаниями и, в свое оправдание, лишь отметить, что мое выступление представляло собой некий прорыв в изучении права Казанского ханства, а лишь постановку проблемы.

Абсолютно согласен, что со времени выдающихся исследователей Казанского ханства, в т.ч. и правовых аспектов его истории – таких как Ф.Ш. Мухамедьяров и М.А. Усманов – мало что изменилось в отношении источниковой базы, равно как и методов исследования. Однако определенные новые источники все же вводятся в оборот (пусть и не столь многочисленные как хотелось бы!). Кроме того, всегда же можно и на хорошо известные источники взглянуть под новым углом и увидеть в них то, что прежде не казалось

исследователям столь очевидным. Именно в этом я и вижу цель коллективной работы в рамках предлагаемого проекта.

Также полностью разделяю мнение Искандера Леруновича относительно того, что надо понимать, от чего нам следует отталкиваться в изучении права Казанского ханства, какие именно его основы следует изучить.

Соответственно, представляется, что для его успешной реализации необходимо решить две первичные задачи:

1) Тщательно изучить работы предшественников, чтобы четко представлять, что уже сделано и не «изобретать велосипед»;

2) Представить некоторое гипотетическое представление о правовой системе Казанского ханства, выделив наиболее существенные ее структурные элементы. И затем работать с целью, либо подтвердить, либо опровергнуть данное гипотетическое построение – полностью или частично.

Единственное уточнение, которое хотел бы сделать, это – насчет «классического ислама» Поволжье: все-таки, в наиболее распространенном понимании этого термина ислам в Волжской Булгарии классическим являлся лишь на момент его принятия, в первой половине X в. А далее, как раз в этот период, завершался процесс складывания разных мазхабов, формирования автономных или даже фактически независимых региональных государств. Поэтому после этого времени в Поволжье, скорее всего, сложился собственный «региональный» вариант ислама и мусульманского права. Впрочем, это несколько не препятствовало местным государствам активно взаимодействовать с остальным мусульманским миром – и с этой точки зрения, возможно, и есть основания говорить о классическом исламе (уже не с точки зрения точного соблюдения догматов раннего ислама, а в том отношении, что остальные мусульманские страны не сомневались в мусульманстве государств Поволжья и их населения).

Относительно критики источников: конечно же, я в полной мере отдаю себе отчет, что далеко не все источники, упомянутые мной ранее, одинаково ценны и несут информацию, одинаковую с точки зрения отражения права Казанского права. Какие-то содержат более важную и аутентичную информацию, какие-то – более скудную и нуждающуюся в верификации. Тем не менее, в условиях скудного освещения права Казанского ханства, как мне кажется, не стоит пренебрегать никакими из них. Естественно, следствием этого (наверное, это тоже стоило отметить в моем первоначальном выступлении) является то, что мы, скорее всего, не сможем в полной мере осветить все отрасли права Казани – государственное, административное, уголовное, гражданское, процессуальное право. Более того, даже эти термины для обозначения отраслей права и сфер правоотношений я использую весьма условно, поскольку специфика традиционной правовой семьи, к которой в полной мере относилось и право всех тюрко-татарских ханств (включая Казанское), не предполагает столь четкого разделения правовых норм по отраслям и институтам.

Именно для того, чтобы представление о праве Казанского ханства было четким, всесторонним и объективным, и необходимо тесное взаимодействие представителей различных наук и специальных дисциплин, которые бы сотрудничали в рамках единого проекта с общей концепцией.

Миргалеев И.М. Спасибо Роман Юлианович, спасибо коллеги. Думаю тему мы смогли обсудить с разных сторон. Надеюсь, кроме стенограммы мы еще сможем прочитать и статью Романа Юлиановича. Всем удачи.

Поступила 10.06.2016 г.

Принята к публикации 19.08.2016 г.

**TRANSCRIPT OF THE ROUND-TABLE
“LEGAL SYSTEM OF THE KAZAN KHANATE”²**

(KAZAN, NOVEMBER 20, 2015)*

November 20, 2015, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates held a round-table dedicated to issues of law development in the Kazan Khanate. I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates acted as a moderator of this event. Roman Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of Department of Theory and History of Law and State of the National Research University, Higher School of Economics in St. Petersburg, made a presentation on the theme of the “Legal System of the Kazan Khanate”.

The discussion of presentation was attended by: I.L. Izmailov, Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences; I.A. Mustakimov, Cand. Sci. (History), Head of the Academic Use of Archival Documents and International Relations of the Main Archival Administration under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan; as well as by Center staff: A.V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow; T.F. Khaidarov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow; E.G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow; B.R. Rakhimzyanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow; L.F. Baibulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow.

The participants of the discussion not only managed to identify the key issues and outline prospects for further research but also put forward the original hypotheses and developed some methods for their verification.

Keywords: round-table, Kazan Khanate, participants, discussion.

For citation: Transcript of the Round-table “Legal System of the Kazan Khanate” (Kazan, November 20, 2015). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 648–667.

Received June 10, 2016

Accepted for publication August 19, 2016

² Edited by I.M. Mirgaleev, A.V. Aksanov.

* Venue: Conference Hall of Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences.

НАСЛЕДИЕ

УДК 929.522(470)"1238/1480"(093)

РАШИД АД-ДИН. ШУАБ-И ПАНДЖГАНА.

2. МОНГОЛЫ И ТЮРКИ (1)¹

Предлагается перевод раздела 2 из генеалогического сочинения Рашида ад-дина «Шуаб-и панджгана» – «Монголы и тюрки». Перевод генеалогии монголов и тюрков разделен на 4 части, здесь приводятся генеалогии от Дубун баяна и до Чингиз хана. Курсивом выделен текст, отсутствующий в рукописи, но необходимый для более адекватного отображения информации в оригинале.

С частью данных, полученных при изучении рукописи, можно познакомиться в статьях И.М. Миргалеева и Ч.И. Хамидовой [1; 2; 6]. С оригинальным текстом рукописи можно ознакомиться в Музее Топкапы (Стамбул) [7], либо посредством недавно изданного факсимиле [5].

В части, касающейся генеалогии Чингиз хана от его предка Дубун баяна, данные «Шуаб-и панджгана» в основном повторяют информацию «Джами ат-таварих» [3], хотя дополнительные данные тоже имеются. Сопоставление «Шуаб-и панджгана» и кратких генеалогических таблиц в «Джами ат-таварих» показывает, что, с одной стороны, «Шуаб-и панджгана» – это приложение к «Джами ат-таварих», а с другой стороны, таблицы в «Джами ат-таварих» – это некий черновой вариант генеалогического древа Чингиз хана в «Шуаб-и панджгана».

Ключевые слова: Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана, Джами ат-таварих, Сборник летописей, Чингиз хан, генеалогия Чингиз хана, монгольские генеалогии, персидская рукопись.

Для цитирования: Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (1) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 668–680.

[Описание Дубун баяна и ветвей его потомков]

Сыновья:

Буку нутай

Балку нутай

Некоторые люди считают, что эти два сына относятся к племени нирун, поскольку их матерью была Алан-Гоа, однако это высказывание неверно.

[Описание Алан Гоа и ветвей ее потомков]

Сыновья:

Бусун салджи. Племена салджиут полностью являются уругом этого Бусунсалджи.

Букан Катаки. Племена катакин полностью являются его уругом.

Бодончар

¹ Начало статьи. Перевод с персидского языка, предисловие и комментарии Ч.И. Хамидовой.

Весь уруг этих трех сыновей определенно называют нирун, указывая на чистые чресла Алан Гоа, и этим племенам оказывается полное уважение.

[Описание Бодончара и ветвей его потомков]

Ветви Чингиз хана в действительности восходят к Бодончару

Букатай, *его сын* – Наджин

Бука

[Описание Бука и ветвей его потомков]

Дутум-манан

[Описание Дутум-манана и ветвей его потомков]

Этот Дутум-манан – дутакун Чингиз хана, то есть его предок в седьмом колене. Существует и другое утверждение о том, что этот Дутум-манан является сыном Бодончара, что является невозможным, и правильно то, что он был сыном Буки, по этой причине мы поместили его сюда.

Кайду хан –

8 квадратов для сыновей. Имена этих восьми сыновей не были известны, поэтому они не записаны.

Имя матери этих сыновей было Негане-Муноулун хатун. Также звали Муноулун-Тургун, то есть «полная». Однажды племена джалаир убили ее с семью сыновьями по причине, упомянутой в истории, а Кайду, который был младшим, спасся лишь потому, что Наджин – двоюродный брат отца – спрятал его под посудой для кумыса. Часть племен джалаир из-за этого греха стали их рабами.

[Описание Кайду хана и ветвей его потомков]

Этот Кайду – буути Чингиз хана, то есть предок в шестом колене

Среди сыновей и внуков Чараке-лингкума, сына Кайду-хана, из племен тайджиут было много эмиров, некоторые были до Чингиз хана, а некоторые и при нем. Они не ладили меж собой. Их имена встречаются в рассказах из разных списков, и они везде встречаются в летописи, которую мы написали, но так как достоверно стало ясно, кто есть кто из сыновей, то стало возможным написать для каждого отдельную ветвь, чтобы выяснить, кто были старейшинами тайджиутов.

Эмиры Кайду хана:

Адал хан – был до времени Чингиз хана, его сын – Таркутай-Кирилтук – был во время Чингиз хана, и с Чингиз ханом был во вражде, был плохим человеком. «Кирилтук» – значит «завистник», и со своими родственниками так же много враждовал.

Джуджи – он с войском, которое имел, вместе с другими объединился в союз.

Каджимун-Бики – был заодно с Унак ханом, был против Чингиз хана.

Удур-Байан – был во время Чингиз хана.

Бегаджи – был во время Чингиз хана.

Курил-бахадур – был во время Чингиз хана.

Анкгу-хекуху – был во время Чингиз хана.

У племени тайджиут было много эмиров, но те, что стали известны и были записаны в списках, были упомянуты здесь.

Сыновья Кайду хана:

Ветви Байсангкура, сына Кайду

Джухин хуркан

Племена хуртукан произошли из его рода, и племя менкгатан также из этого рода появилось. Некоторые из его потомков носили имена – кто-то йесутуд, кто-то дуруйту. И Буктай, который этих двух сыновей в дороге бегущими по дороге, при этом из их носов исходил звук, по этой причине их и их потомков прозвали кунгтан. Подробное их описание было приведено там, где писалось о народе кунгтан. Народ кунгтан многочисленен, большинство из них верны и преданны Чингиз хану и его потомкам.

Джарака линкгум

В некоторых рукописях говорится, что этот Джараке является сыном этого Наджина, однако более правильным считается то, что он был сыном Кайду хана, потому что он включен в их родословное древо, так как он взял себе в жены невестку, жену Байсангкура, и у него от нее родилось двое сыновей: один – Канду-чене, и один – Ункибин-чене. Отсюда следует, что он должен быть младшим братом Байсангкура, поскольку будь он сыном Наджина, то приходился бы Байсанкуру племянником, а жена Байсангкура была бы для него снохой, и Чараке не мог бы взять ее в жены по монгольскому обычаю. По этой причине более правильным считается, что он – сын Кайду. Тайджиуты принадлежат к его племени, и этот вопрос так запутался, что потомки и род Наджина также относятся к тайджиутам. Сейчас нет необходимости называть тайджиутами только прямых потомков Чараке, поскольку они были предводителями и государями того племени, то из их родственников и относящихся к ним каждого, кто с ним объединится, называют тайджиут, так же, как любое племя, смешавшееся с монголами и перенявшее их природу, объединившееся с ними, хотя и они не являются монголами, их все равно зовут монголами.

Сыновья Джарака линкгума – Улкеджин Чене, Кинду Хине, Сурка Дуку Чене

Сын Сурка Дуку Чене – Хамсекай хан

Этот Хамсекай хан имел двух сыновей, поскольку старшим был Кедан Тайши, именно он занял его место. И Кедана Тайши схватили племена татар, после того как его прибили к ослу, сделанному из дерева. Правителем стал его брат Туда. По этой причине возникла распря, и союза не получилось, он не смог стать правителем. И по причине раздора тайджиуты никогда не имели правителей и военачальников, потому и погибли.

Сыновья Хамсекай хана – Тудай, Кедан Тайши

[Описание Байсангу хана и ветвей его потомков]

Тумбине хан

[Описание Тумбине хана и ветвей его потомков]

Этот Тумбине хан был будети Чингиз хана, то есть его предком в четвертом колене, в некоторых преданиях монголов так и есть.

Джаку – Бурун – Джухие – Миркитай – Хуке бики
 Племена нуйакан и уруут и менкгут относятся к уругу (роду) этого Джаку

Барим Ширату Кабуджу – Урум – Джарнихбер – Байджу – Шибан

Качуни – Ардемдже Баруле – Тудан – Джухисе – Булукан Келджи
 Племя барулас произошло от него.

Хемкаджийун – Адар миркан – Наукун – Суку – Бураджу
 Племя бердекин произошло от него.

Ветвь Кабул хана, сына Тумбине хана

Бат калки – Кулкан мекан – Таркутай – Куридай – Чиркитай
 Племя бурат произошло от него.

Удур байан – *квадрат для сына*

Бурулджар дуклан – *квадрат для сына.*

Племя дуклат произошло от него.

Хетаки – *квадрат для сына.*

Племя хесут произошло из его рода.

[Описание Кабул хана и ветвей его потомков]

Этот Кубул хан был элинчигом Чингиз хана, то есть предком в третьем колене.

Укин баркак – Укин значит «девушка», он был очень чист лицом, поэтому его так называли. Когда случилась вражда с племенами татар, его схватили и отправили к Алтан хану в Хитай, где его прибили к «ослу», сделанному из дерева, гвоздями.

Ветвь Бартан бахадура, сына Кубул хана

Кутуку Мункакар – некоторые из кийатов из его потомства, он также имел много потомков, но они неизвестны и не записаны.

Кадан бахадур

Кутуле Каан – был выдающимся человеком и великим бахадуром.

Тудакан Утджагин

Сыновья Укин баркака – Шукаду йурки – кийат-юркин относятся к его роду

Саче бики – некоторые кийаты-юркин относятся к его роду, у него было много потомков и родичей, но они неизвестны и не записаны.

Сыновья Кадан бахадура – Тайджу, Джуджи хан

Сыновья Кутуле Каана – *пустой квадрат*, Алтан

[Описание Бартан бахадура и ветвей его потомков]

Этот Бартан бахадур был абуке Чингиз хана, то есть дедом.

Мункуду кийат – все кийаты происходят от этого Мункуду кийата. Ему дали это имя, поскольку он был великим бахадуром, т.к. слово «кийат» по-монгольски значит «стремительно несущийся поток».

Сыновья Мункуду кийата – Куки бахадур нойон, Мукду бахадур, Чанкишут

Такунтайши – его потомков и род называют хойин-иркан, то есть «лесное племя», их йурт был вблизи от леса.

Сыновья Такун тайши – Кучар (он был отличным стрелком), Бакун Джуйет

Сын Бакун Джуйета – пустой квадрат

Ветвь Йесукей бахадура, сына Бартан бахадура

Даритай Утджакин – Танийал йайа

[Описание Йесугай бахадура и ветвей его потомков]

Этот Йесукей бахадур – отец Чингиз хана

Ветвь Чингиз хана, сына Йесукей бахадура

Джуджи Касар – потомков этого Джуджи Касара много, и в этой стране все находятся при каане.

Сыновья Джуджи Касара – Курикчи, Каралджу, Бакулдаз, Баке, Йесутекке, Туку, Йаку.

Этого Каралджу Укадай каан отправил к Чагатаю.

После Аркасуна его место занял он (*Йесу текке*)

Йаку занял место отца.

Сыновья Бакулдаза – пустой квадрат, Джиркитай

Сыновья Баке – Амракан, Абукан

Сын Йесу текке – Амакан; *сын Амакана* – Шиктур; *сын Шиктура* – Миша

Сын Туку – Абукан

Сыновья Йаку – Йанкедак, Аркасун

Аркасун занял место отца

Качи Йун

Сын Качи Йуна – Илмеджидай нойон (был очень великим)

Сын Илмеджидай нойона – Чакуле; *сын Чакуле* – Уклатур; *сын Уклатура* – Кадкан; *сын Кадкана* – Шинкилкар; *сын Шинкилкара* – Алчил нойон.

Улус Илмеджидая состоит при каане.

Тамука Утджи

Сын Тамука Утджи – Джибу; *сын Джибу* – Тагачар; *сыновья Тагачара* – Аджул, пустой квадрат. *Сын Аджула* – Найа нойон; *сын Найа нойона* – Туктай нойон. *От пустого квадрата идет линия* – Ширбики.

Этот Ширбики бежал с несколькими тысячами людей и направился к Кайду. Он находился в пути в течение года. Из этого войска с ним дошло до места не более тысячи, остальные рассеялись в пути. Теперь он очень стар и остался на том месте.

Селкутай нойон

Сыновья Селкутай нойона: Джавуту, Незке, Йесубука, Дузедджу, Дарбай, Саджа, Каткан, Килан Бука

Сын Джавуту – пустой квадрат; от пустого квадрата – Шади, Кункгирдай, Джинкгур

У этого Джавуту было сто жен и сто сыновей, поэтому его называли Джавуту.

Этот Кункгиртай в настоящее время находится при каане, улусом Селкутая ведаёт он.

Оба эти брата (*Шади и Джинкгур*) находятся в улусе Кайду.

Сын Незке – Дукуз; *сыновья Дукуза –* Кудуктар, Кутуку, Сертакул, Дурату.

Сыновья Дарбая – Амкаджин, Тамурас, Шираси, Йесун тура

Сын Шираси – Суланкегадай; *сын Йесун-туры –* Суле-некегадай; *сын Суле-некегадая –* Келкай

Сыновья Саджи – Йесудар, Джалу, Кутуктай, Салар

Сыновья Кутуктая – Байду, Кара Тамур, Тайку Тимур, Туламиш, Джаранлекай, Мамакудже, Буралги, Балтуджак, Буку, Тамур, Манкгур

Сыновья Салара – Найматай, Кункегирдай, Алмикатай, Маркетай, Керайтай, Килакай

Сыновья Каткана – Чакуту, Бураку

Сыновья Чакуту – Бари Йал, Уйкин, Макутай

Сыновья Бураку – Бубин, Ашиган, Гашигтимур, Амбу

Сыновья Килан-Буки – Сартак, Найак

Сыновья Найака – Туктимур, Кандже, Туктака

Улус Джуджи Касара находится при каане.

Сыновья Абукана, сына Баке, сына Джуджи Касара:

Судун

Сыновья Судуна – Тукук, Тугкур Туркан, Али ходже

Сын Али ходже – Туклук шах

Тимур

Сыновья Тимура – Хуркудак, Улкадай, Улджайту

Бабаджадер

Биклемиш

Кунджи

Сын Кунджи – Куртка

Такурин Бука

Уруктимур шейх

Кутлуг худже

[Ветви Джиркитайа]

Кипчак

Сыновья Кипчака – Тайху, Хулкуту

Суйту

Куйке

Сын Куйке – Тукта

Тудакан

Тукал

Сыновья Тукала – Баба, Буралги, Пулад

[Ветви Карайджу]

Тимур
 Сали
 Мукур
Сыновья Мукура – Букератай, Курумши, Саки
 Кутуку
Сын Кутуку – Арслан
 Салинтук
Сыновья Салинтука – Джамуджи, Турджакан
 Мундар
Сын Мундара – Уруктимур
 Куртке

[Описание Чингиз хана и ветвей его потомков]

Сначала Чингиз хан был Темуджином, и ему было тринадцать лет, когда его отец умер, и большинство его родичей и подданных отвернулись от него. И до 28 лет его дела были плохи, после чего его государство восстановилось, так как он подчинил себе Онг хана, правителя кераитов. Его назвали Чингизом, то есть «великим правителем». Потом, так как он подчинил Тайанк хана, правителя найманов, и правителей мусульман, одолел Туктайа и получил прозвище Чингиз хана. Ясно также, что был Тэб-Тингри, сын Минкилик-атчека, его звали Кукджу, а Тэб-Тингри – это прозвище.

Эмиры гола (*центра*)

[Пояснение об эмирах, бывших в его время]

Джаган нойон – из племени тангут, был очень влиятельным эмиром. Чингиз хан очень ценил его и относился как к сыну. Он возглавлял тысячу.

Джамал ходжэ – брат Кулан-хатун, жены Чингиз хана, из племени меркит, эмир одной сотни.

Кенкетадай старший – из орды Йесулун-хатун, возглавлял собственную сотню.

Кери нойон из племени мангут, из числа великих эмиров, все племена курлаут были под его руководством и сейчас под руководством его потомков. Был из самых старших эмиров правого крыла.

Бала нойон из джалаир из числа эмиров правого крыла.

Тудай-хуки – был эмиром эмир гола, из племени сунит, эмир тысячи.

Айликер-баурджи из племени албат-кераит, из старших орды Буртекуджин, старшей жены Чингиз хана, возглавлял собственную сотню.

Йесун туа из племени татар, владел собственной сотней.

Кескетай нойон из племени улкунут, из великих эмиров, владел собственной сотней.

Аргай-касар нойон – из племени джалаир, был эмиром правого крыла.

Дукуне-бусан из племени вурнан, эмир правого крыла.

Баритай-курджи нойон из племени баарин, их было 10 тысяч человек, их знал он.

Мукур-куран из племени хадаркин, эмир правого крыла.

Ил-тимур из племени сунит, брат упомянутого Тимура, из эмиров баурджин, владел собственной сотней.

Буре нойон из племени манкгут, эмир сотни Чингиз хана. Когда Джагана отправили с тысячей, его место занял он.

Йугурджи нойон – был эмиром правого крыла, из племени арлат, был эмиром эмиров, также стал эмиром тумана.

Тулун-черби из племени кункетай, великий эмир, из эмиров правого крыла.

Тугрел из племени сулдус, из числа эмиров правого крыла.

Менкгал-куркан из племени баарин, из эмиров правого крыла.

Балуган-калджи из племени барулас, из эмиров правого крыла.

Тайджу из племени улкунут, был великим эмиром, сосватал себе дочь Чингиз хана.

Йесун Актаджи из племени татар, был эмиром актаджи четырех подразделений, возглавлял свою сотню.

Йурки из племени дузйан, был из эмиров баурджин, и был связан с ордой старшей жены – Бурте-уджин, владел своей сотней, был дедом Пулад-ака.

Йуркун нойон из племени хушин, занял место Бугурджи нойона и перешел за его уровень, в войсках правой руки старше его никого не было.

Сукету-черби из племени конкотан, был эмиром правого крыла.

Шедун нойон – сын Джелавукан бахадура из племени сулдус, был старшим эмиром правого крыла.

Кутуке-бики из племени ойрат, эмир тысячи, всего ойрат было четыре тысячи человек, и из одной тысячи лишь немногие...

Кутуке нойон из племени татар, его звали Кутуке-шеки, был очень великим.

Кутуму нойон из племени татар. Его звали Биги-Куту, был очень влиятельным. Звал Чингиз хана отцом, а его старшую жену Борте-уджин матерью. Его история в подробностях приведена в истории.

Тукуму нойон из племени татар, его звали Биги-Тукуми. Был очень известным, Чингиз хан и его старшая жена Борте-уджин звали его сыном. Подробности о нем приведены в истории.

Кадан-кабтаул из племени сунит, был из эмиров правого крыла.

Йесун-бука-джаракай из племени урянкут, эмир тысячи правого крыла Чингиз хана. Был предводителем лучников.

Мухел-гуйан – великий эмир из племени джалаир, известен как предводитель всей армии левого крыла Чингиз хана.

Беки-Кутукун из племени татар, эмир тысячи левого крыла.

Байака-нойон из племени баарин, великий эмир и приближенный. Из эмиров тысячи левого крыла.

Амрауки из племени джалаир, из эмиров тысячи левого крыла.

Шинку-куркан из племени кунгират, из числа эмиров левого крыла, у него было четыре тысячи людей.

Кушавул и его брат **Джусук** из племени хурмат, оба были великими эмирами. Чингиз хан отправил их с войском на территории Хитай и Джурдже, назначив эмирами тысячи левого крыла.

Кутус-Калджа из суганут баарин, великий эмир, из эмиров левого крыла.

Даджи из племени урянкат, эмир тысячи левого крыла.

Ката нойон из племени кунгират из эмиров тысячи левого крыла.

Атука из племени унгут из эмиров тысячи правого крыла.

Нурагул нойон из племени хушин, великий эмир. Был другом и приближенным Чингиз хана. Сначала был букаулом, потом баурджи, затем стал эмиром войска и эмиром-темником. Затем был великим эмиром правого крыла, был уважаем.

Йесун-Бука-Тайши из племени урманкагут, занял место отца, был из числа эмиров левого крыла.

Алджи нойон – сын Дай нойона из племени кунгират, также из эмиров тысячи левого крыла.

Туку из мункган из эмиров тысячи левого крыла.

Субанай из племени урманкагут, был великим эмиром, из эмиров войска, которое прибыло в Иран и завоевало его.

Укер-Калдже из суганут баарин, был великим эмиром, был эмиром левого крыла.

Мунгка-Калджа – из племени манкагут, был сыном Кубулда-Саджана. Из эмиров тысячи левого крыла.

Мана нойон из дурбан из эмиров левого крыла, его также звали Сутуку-Йесун.

Дай нойон из племени кунгират, из эмиров левого крыла.

Нукур, сын Дарсай нойона из племени кунгират, был из эмиров левого крыла.

Бука-Куркан из племени татар, великий эмир, эмир тысячи левого крыла.

Миклик-Алджеки из племени кунгкан, великий эмир, фаворит Чингиз хана, Чингиз хан собственную мать отдал за его отца. Был эмиром тысячи правого крыла.

Курджи нойон из племени баарин, эмир тысячи правого крыла.

Кехатай нойон из племени урут. Великий эмир, из эмиров тысячи левого крыла.

Кубулдар-Саджан из племени манкагут, из тысячи левого крыла.

Джалаиртай-Йесуур из племени джалаир, из числа эмиров тысячи левого крыла.

Удаджи из племени урасут и тикут и бумат, эмир тысячи левого крыла Чингиз хана.

Укле-Джерби из племени сунит, из эмиров тысячи левого крыла.

Уйар-Вайши из племени кара-хитаев. Был одним из старших эмиров. И был эмиром тумана кара-хитаев.

Каба – эмир левого крыла, из племени баарин, был также эмиром тумана.

Кудар нойон, сын Даритай нойона из кунгират, также из эмиров левого крыла.

Тайсун, брат Мугули-Курмака, из джалаир, из числа эмиров тысячи левого крыла.

Другие эмиры, которые не были определены, будут записаны позже.

[Пояснение о его женах]

Бургэ уджин хатун – дочь Мета хана, потомки которого сейчас эмиры кункгират. Она была самой старшей и почтенной из всех жен и матерью четырех сыновей, которые были известны как «четыре столпа».

Мекулун хатун

Ахмесе-биги – дочь Хамкебу, брата Онг хана, правителя кераит. Этой жене приснилось имя эмира из племени урут – мелтеги, в ту ночь этот упомянутый эмир был на дежурстве.

Кулан хатун – дочь Таир-усуна, предводителя племени ухар-меркит. Куркан родился от нее. После Чингиз хана ее взял Укетай каан.

Мукай хатун

Курйасу хатун. Эта жена сначала была женой Тайанк хана, правителя найманов, и была самой старшей и любимой из его жен, и поэтому Тайанк хан дал ей монгольский яд.

Йесукар хатун из племени татар.

Кунджу хатун – дочь Алтан хана, правителя Хитая. Известно, что она не обладала красотой, но так как ее отец был великим правителем, ей придавали значение и чтили. У нее не было потомков. В орде этой жены была дочь Армуки, который был ее стольником. Впоследствии она стала очень влиятельной и известной.

Курелсе хатун

Йесулун хатун – сестра Йесукат хатун, которая также была из жен Чингиз хана, из племени татар.

Чингиз хан имел очень много жен и наложниц, поэтому из четырехсот упомянуты только те, которые были уважаемы, и поэтому имена других не были выяснены и записаны.

[Пояснение о его наложницах]

У Чингиз хана было много наложниц, поэтому их имена не выявлены и не записаны.

[Потомки Чингиз хана]*Сыновья Чингиз хана:*

ветви Тулуя, четвертого сына Чингизхана –

ветви Укадая, третьего сына Чингизхана –

ветви Джадай хана, второго сына Чингизхана –

ветви Джуджи, первого сына Чингизхана –

Поскольку эти четыре сына были великими и известными, и их называли «дурбан кулук», то есть «четыре столпа», и стороны каждого из них составили четыре ветви, по этой причине род каждого из них описан там, и также каждый, кто стал правителем, из рода Чингиз хана идет отдельно.

Кулакан

Сыновья Кулакана:

Худже

Бука

Кутлукан

Кугуктай

Туман

Сын Ходже:

Урукудай – кархане (мастерская), которое построено в Тебризе, приписывают ему

Дочери Ходже:

Тура

Нукулун

Сыновья Урукудая:

Эбукан

Амкан

Кедай

Нуме

Дочери Уркудая:

Букдаикан

Амкаджикан

Сын Эбукана:

Тучур кадже

Сыновья Кеда:

Тукуз Тимур

(пустой квадрат)

Сын Тукуз Тимура:

Тимур

Сургаду

Чакур

Джурджитай

Урхикан

Эти три сына (*Чакур, Джурджитай, Урхикан*) умерли в детстве и потомков не имели.

Дочери Чингиз хана:

Кубджин-биги – ее отдала сыну Некуна Буту-куркану из племени икирас.

Джеджикан – ее отдала Туралджи-куркану, сыну Куртке-биги, правителя племени ураут.

Улакай – ее отдала Дженкизи-куркану, сыну правителя племени ангут.

Тумалун – ее отдала Куркану, сыну правителя племени кунгерат.

Алталун – ее отдала сыну Тайджу-куркана из племени улкунут. Чингиз хан дал ему прозвище Джаур-Саджан и очень любил его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миргалеев И.М.* «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. Казань. № 1/2013. С. 57–64.

2. *Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И.* Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация / Ред. издания и составитель И.М. Миргалеев. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 22.

3. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Книга вторая. М., Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. 60 с.

4. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. М., Ленинград: издательство АН СССР, 1960. 316 с.

5. *Рашид ад-дин*. «Шуаб-и панджгана». Факсимиле / Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 460 с.

6. *Хамидова Ч.И.* Генеалогии Джучидов в сочинениях Рашид ад-дина и Хафиза Аbru // Золотоордынская цивилизация / Ред. издания и составитель И.М. Миргалеев. Вып. 9. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 22.

7. Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapu Saraye Muzeye Kitapkhane, shifr A. III 2937.

Сведения об авторе (переводчике): Чулпан Ильдаровна Хамидова – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: zahragizza@gmail.com

Поступила 07.06.2016 г.

Принята к публикации 12.08.2016 г.

RASHID AL-DIN. SHU'AB-I PANJGANAH. 2. THE MONGOLS AND TURKS (1)²

Research objectives and materials: The “Shu’ab-i panjganah” is a Persian manuscript of Rashid al-Din’s works – the medieval historian who lived in Persia and worked at the Ilkhanid court at the end of the 13th – beginning of the 14th centuries. The manuscript is a largely genealogical work written on the basis of a more comprehensive historical work of Rashid al-Din – “Jami al-Tawarikh”. “Shu’ab-i panjganah” contains genealogies of the prophets of Abrahamic religions, the rulers of the Arab Caliphate until the conquest of Baghdad by the Mongols, the Chinese dynasties and rulers of the Holy Roman Empire, as well as a list of the Popes. The greatest interest for this study is spurred by the fifth part, dedicated to the Chinggisids. The article presents a part of the translation of the 2nd chapter of the manuscript. This part contains a genealogical tree of Chinggis Khan (from his ancestor Dubun bayan, but without his descendants). The results of translation and analyses of the text of the manuscript could serve to various purposes: study of Rashid al-Din’s heritage, Great Horde history, genealogical history of Chinggis Khan and his descendants. The translation of the manuscript has never been published neither partly nor fully.

Research results and novelty: The genealogy of Chinggis Khan’s ancestors contained in “Shu’ab-i panjganah” mainly repeats the information from “Jami al-Tawarikh”, although additional data is also available. Comparison of “Shu’ab-i panjganah” with brief genealogical tables in “Jami al-Tawarikh” shows that, on the one hand, “Shu’ab-i panjganah” is an addition to “Jami al-Tawarikh”, and on the other hand, the tables in “Jami al-Tawarikh” is a kind of rough version of the genealogical trees contained in “Shu’ab-i panjganah”.

Keywords: Rashid al-Din, Shu’ab-i panjganah, Jami al-Tawarikh, Compendium of Chronicles, Chinggis Khan, Chinggis Khan’s genealogy, Mongol genealogies, Rashid al-Din’s heritage, Persian manuscript.

² Beginning of the article. Translation from Persian, foreword and comments by Ch.I. Khamidova.

For citation: Rashid al-Din. Shu'ab-i panjgana. 2. The Mongols and Turks (1). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 668–680.

REFERENCES

1. Mirgaleev I.M. «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-Dina: perspektivy izucheniya [Rashid al-Din's "Shuab-i Pandjghana": Research Perspectives]. *Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 57–64. (In Russian)
2. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. Genealogiya predkov Uzbek-khana po dannym «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-dina [The Genealogy of Uzbek Khan's Ancestors according to the Rashid al-Din's "Shuab-i pandzhgana"]. *Golden Horde Civilization*. Red. izdaniya i sostavitel' I.M. Mirgaleev. Is. 6. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. P. 22. (In Russian)
3. Rashid al-Din. Sbornik letopisey. Vol. I. Kniga vtoraya [Compendium of Chronicles. Vol. I. The Second Book]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 60 p. (In Russian)
4. Rashid al-Din. Sbornik letopisey [Compendium of Chronicles]. Vol. II. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 316 p. (In Russian)
5. Rashid al-Din. "Shuab-i pandzhgana". Faksimile. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 460 p. (In Russian)
6. Khamidova Ch.I. Genealogii Dzhuchidov v sochineniyakh Rashid ad-dina i Khafiza Abru [Juchids' Genealogy in the Writings of Rashid al-Din and Hafiz Abru]. *Golden Horde Civilization*. Red. izdaniya i sostavitel' I.M. Mirgaleev. Is. 9. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. P. 22. (In Russian)
7. Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-I Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Tupkapu Saraye Muzeve Kitapخانه, shifr A. III 2937. (In Persian)

About the author (translator): Chulpan I. Khamidova – Post-graduate student, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); zahragizza@gmail.com

Received June 7, 2016

Accepted for publication August 12, 2016

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94

«КЫПЧАКСКОЕ» НАСЛЕДИЕ. О НОВОМ ИЗДАНИИ А.Н. ГАРКАВЦА

И.М. Миргалеев

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: dilnur1976@mail.ru*

В 2015 году в Алмате известным исследователем «кыпчакского» письменного наследия А.Н. Гаркавцом был переиздан перевод Чарльза Фрейзера на татарский язык «Musaniç ilk kitabı» («Первая книга Мусы») [3], которая была опубликована в Астрахани Джоном Митчелом в 1819 году. Это издание А.Н.Гаркавца является продолжением его изданий переводов христианских книг на татарский язык при поддержке шотландского миссионерского общества [2].

Благодаря кропотливому труду на протяжении многих лет А.Н. Гаркавец известен как самый авторитетный исследователь и активный издатель «кыпчакских» письменных памятников. Зная лично уважаемого Александра Николаевича, могу с уверенностью подтвердить – он исследователь с большой буквы, который без устали до сих пор занимается поиском новых источников.

Необходимо отметить, в 70-х годах прошлого века «кыпчакскими» документами в свое время активно занимался и казанский исследователь И.А.Абдуллин. К сожалению, его двухтомный труд «Әрмән язугы XVI гасыр кыпчак теле ядкярләре корпусы» (Корпус кыпчакоязычных документов армянской графикой XVI века) до сих пор не издан. И.А.Абдуллин изучил эти документы и обоснованно показал, что они написаны на татарском языке [1].

Татарский язык формировался издревле, но решающими были времена Золотой Орды [6; 4]. Как известно, центральные степные территории Золотой Орды раньше принадлежали кыпчакам, и поэтому часто язык золотоордынских татар по традиции продолжали называть кыпчакским. Однако под кыпчакским воспринимали именно татарский язык. Например, в «Кодексе куманикус» куманский (кыпчакский) язык назван татарским: «татар тил, татарча» [7, с. 45]. На Руси, начиная с XIII века, составлялись словари «Се татарский языкъ», «Толкование языка половецкого» [5, с. 27], где ясно говорилось: «се половецкий язык» = «се татарский язык», т.е. для русских средневековых авторов, как показал авторитетнейший лингвист А.Н.Кононов, половцы и татары были идентичны [5, с. 29].

Поэтому не удивительно, что на татарском языке еще долгое время продолжали говорить не только тюрко-татары, но и другие народы, которые жи-

ли среди тюрко-татарского населения Золотой Орды и татарских ханств, в данном случае армяне. Несмотря на то, что они были ассимилированы татарами, глубокие письменные традиции армян позволяли им сохранить свою культуру на протяжении нескольких веков, правда она уже была татароязычной.

Значение изучения этого огромного наследия, которую проводит А.Н. Гаркавец, трудно переоценить. Надеемся, это еще не последнее его издание.

Ключевые слова: перевод, татарский язык, Золотая Орда, документы, Кодекс куманикус.

Для цитирования: Миргалеев И.М. «Кыпчакское» наследие. О новом издании А.Н. Гаркавца // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 681–684.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин И.А.* Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 3. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. С. 166–185.

2. *Гаркавец А.Н.* Кыпчакское Евангелие. Перевод Чарльза Фрейзера. Карас, Астрахань, Оренбург, 1803–1819. Напечатано Джоном Митчелом. Шотландское Миссионерское Общество. Астрахань, 1820. Алматы: Баур, 2013. 556 с.

3. *Гаркавец А.Н.* *Musanıj ilk kitabı.* Кыпчакское Бытие. Перевод Чарльза Фрейзера. Карас, Астрахань, Оренбург, 1803–1819. Напечатано Джоном Митчелом. Шотландское Миссионерское Общество. Астрахань, 1819. Алматы: Баур, 2015. 140 с.

4. *Зэкиев М.З.* Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977. 208 б.

5. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. 359 с.

6. *Хаков В.Х.* Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше. Казан: Казан университеты нәшрияты, 1972. 224 б.

7. *Radloff W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. SPb., 1887. 133 s.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Поступила 19.05.2016 г.

Принята к публикации 30.07.2016 г.

**THE “KIPCHAK” HERITAGE.
ON THE NEW PUBLICATION OF A.N. GARKAVETS**

I.M. Mirgaleev

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: dilnur1976@mail.ru*

In 2015 in Almaty renowned researcher of the “Kypchak” written heritage A.N. Garkavets republished Charles Frazier’s Tatar translation of the book “Musany ilk kitabı” (“The First Book of Musa”). John Mitchell was first to publish this book in 1819 in Astrakhan. This reissue represents a continuation of a series of publications of his translations of Christian books in the Tatar language, under the auspices of the Scottish Missionary Society.

Through painstaking work, A.N. Garkavets is for years known as authoritative scholar and active publisher of the “Kypchak” written monuments who still continues to seek out new sources.

Tatar language was formed from ancient times, but the times of the Golden Horde were decisive. As is known, the central steppe territory of the Golden Horde previously belonged to the Kypchaks. So often the language of the Golden Horde Tatars traditionally continued to be called the Kypchak one. However, it was exactly the Tatar language that was understood under the Kypchak one. For example, the Cuman (Kypchak) language is named the Tatar one in the “Codex Cumanicus”. Since the 13th century, such dictionaries as “This is the Tatar language”, “Polovtsian language’s interpretation” had been compiled in Rus. In these dictionaries, it was clearly stated: “This is the Polovtsian language” = “This is the Tatar language”. Thus, not only the Turko-Tatars continued to use the Tatar language for a long time, but also other peoples who lived among the Turkic-Tatar population of the Golden Horde and the Tatar khanates.

Keywords: translation, Tatar language, Golden Horde, documents, Codex Cumanicus.

For citation: Mirgaleev I.M. The “Kypchak” Heritage. On the New Publication of A.N. Garkavets. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 681–684.

REFERENCES

1. Abdullin I.A. Armyano-kypchakskie rukopisi i ikh otnoshenie k dialektam tatarskogo yazyka [Armenian-Kypchak Manuscripts and Their Relation to the Dialects of the Tatar Language]. *Materialy po tatarskoy dialektologii* [Materials on the Tatar Dialectology]. Is. 3. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1974, pp. 166–185. (In Russian)
2. Garkavets A.N. *Kypchakskoe Evangelie*. Perevod Charl'za Freyzera (Karas, Astrakhan', Orenburg, 1803–1819. Napechatano Dzhonom Mitchelom. Shotlandskoe Missionerskoe Obshchestvo. Astrakhan', 1820 [The Kypchak Gospel. Translated by Charles Frazier. Karas, Astrakhan, Orenburg, 1803–1819. Published by John Mitchell. Scottish Missionary Society. Astrakhan, 1820]. Almaty, Baur, 2013. 556 p. (In Russian)
3. Garkavets A.N. *Musany ilk kitabı. Kypchakskoe Bytie*. Perevod Charl'za Freyzera. Karas, Astrakhan', Orenburg, 1803–1819. Napechatano Dzhonom Mitchelom. Shotlandskoe Missionerskoe Obshchestvo. Astrakhan', 1819 [Musany ilk kitabı. The Kypchak Genesis. Translated by Charles Frazier. Karas, Astrakhan, Orenburg, 1803–1819. Published by John Mitchell. Scottish Missionary Society. Astrakhan, 1819]. Almaty, Baur, 2015. 140 p. (In Russian)
4. Zäkiev M.Z. *Tatar khalky teleneñ barlykka kilye*. Kazan, Tatarstan kitap nashriyaty, 1977. 208 p. (In Tatar)

5. Kononov A.N. *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii* [History of the Study of Turkic Languages in Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 359 p. (In Russian)

6. Khakov V.Kh. *Tatar milli әдәби теленә барлыкка килә һәм үсешә*. Kazan, Kazan universiteti nәshriyatı, 1972. 224 p. (In Tatar)

7. Radloff W. *Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus*. St. Petersburg, 1887. 133 p. (In German)

About the author: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (5 entrance, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Received 19 May, 2016

Accepted for publication 30 July, 2016

УДК 94

**О КНИГЕ А.Н. КУРАТА «ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА И ГОСУДАРСТВА
В ПОВОЛЖЬЕ И СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В IV–XVIII ВВ.»
(СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. КНИГА 2)¹**

А.В. Аксанов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
420014, Казань, Российская Федерация
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ продолжил издание трудов известного татарско-турецкого историка Акдеса Нигмета Курата. Вышла в свет вторая книга из собрания сочинений А.Н. Курата «Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв.». Этот труд – результат многолетних научных изысканий и исследований А.Н. Курата. Несмотря на то, что книга была издана в Турции в 2002 году, данное русскоязычное издание станет большим подспорьем в исследованиях современных отечественных историков, поскольку книга написана с привлечением большого круга восточных и западных источников, которые недоступны для российских исследователей.

Книга охватывает большой период истории, от древней, в которой автор попытался реконструировать историю тюрков до времен формирования и функционирования постордынских татарских ханств. Книга состоит из 14 глав, в которых подробно рассматриваются народы Северного Причерноморья, западные хунну и империя Атиллы, европейские авары, Хазарский каганат, печенеги, узы (тюрки-огузы), куманы. Отдельно автор останавливается на истории Волжской Булгарии, в частности на происхождении болгар, их городах. В этой главе также рассказывается о других народах, таких как чирмыши, мокши, ары, башкиры.

Большой пласт исследований посвящен истории Золотой Орды, А.Н. Курат называет эту главу «Каганат Золотая Орда». В этом разделе анализируются, пожалуй, самые важные и наиболее волнующие вопросы вокруг истории золотоордынского государства. Автор попытался разъяснить ошибочность понятия «татарское иго», рассмотреть «распространение этнонима «татары» в отношении тюркских народов, проанализировать общественно-политические проблемы.

В главе «Казанское ханство» большое внимание уделяется политической истории этого государства, взаимоотношениям с Москвой. Одной из главных причин падения Казанского ханства автор называет недостаточную самооборону и удаленность от сильных исламских государств, а также недооценива-

¹ Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 2. Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв. / Перевод с турецкого Ю.Н. Каримова, Л.Б. Балтаева, М.Р. Исмагилова; ответственные редакторы: И.М. Миргалеев, Д.М. Гайнутдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 416 с.

ние казанцами возрастающего могущества Московской Руси. Значимость Крымского ханства автор связывал с активной позицией первых ее ханов Хаджи Гирея и Менгли Гирея, которые содействовали стремительному развитию этого государства. При этом А.Н. Курат отмечает и сильное влияние Османской империи, что повлекло за собой постепенное вхождение Крымского ханства под протекторат османов-турков, которое также отразилось и на быте, и языке крымчан.

Книга подкреплена впечатляющим приложением, в которое вошли не только хорошо известные путевые заметки Ибн Фадлана, отрывки русских летописей, заметки Ибн Баттуты, но и документальные материалы переписки между крымскими ханами и султанами Османской империи. В заключении также прилагается генеалогия династий: «Ханы Волжской Булгарии», «Ханы Золотой Орды», «Казанские ханы», «Крымские ханы», «Астраханские ханы».

Нужно отметить, что А.Н. Курат попытался рассмотреть достаточно большой круг вопросов, касающихся истории татарского народа, что еще раз подтверждает необходимость изучения трудов этого видного ученого, историка, широко известного в научных трудах Турции и Европы.

Ключевые слова: книга, тюркские племена, Османская империя, «Ханы Волжской Булгарии», «Ханы Золотой Орды», «Казанские ханы», «Крымские ханы», «Астраханские ханы».

Для цитирования: Аксанов А.В. О книге А.Н. Курата «Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв.» (Собрание сочинений. Книга 2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 685–687.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация). E-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 01.07. 2016 г.

Принята к публикации 31.08. 2016 г.

**ON THE BOOK BY A.N. KURAT “TURKIC TRIBES AND STATES
IN THE VOLGA AND NORTHERN BLACK SEA REGIONS
IN THE 4TH–18TH CENTURIES” (COLLECTED WRITINGS. BOOK 2)**

A.V. Aksanov

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan 420014, Russian Federation
E-mail: aksanov571@gmail.com*

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences continues to publish the works of the famous Tatar-Turkish historian Akdes Nigmat Kurat. There has been published the second book “Turkic Tribes and States in the Volga and Northern Black Sea

Regions in the 4th–18th centuries”. This work is the result of years of academic study and research by A.N. Kurat. Despite the fact that the book had been published in Turkey in 2002 this Russian edition will be of great help in the studies of modern Russian historians since the book is written with the use of a large number of Eastern and Western sources inaccessible to Russian researchers.

The book covers a great period of history since the ancient one where the author tried to reconstruct the history of the Turks before the times of formation and functioning of the post-Horde Tatar khanates. The book consists of 14 chapters and appendixes containing not only the well-known travel notes by Ibn Fadlan, excerpts from Russian chronicles, notes by Ibn Battuta, but also documentary materials of correspondence between the Crimean khans and sultans of the Ottoman Empire. In conclusion, the author also applies the genealogies of dynasties: “khans of Volga Bulgaria”, “Golden Horde khans”, “Kazan khans”, “Crimean khans”, “Astrakhan khans”.

It should be noted that A.N. Kurata tried to consider the relatively wide range of issues relating to the history of the Tatar people, which again confirms the need to study the works of this outstanding scholar and historian well-known in the academic works of Turkey and Europe.

Keywords: book, Turkic tribes, Ottoman Empire, “khans of Volga Bulgaria”, “Golden Horde khans”, “Kazan khans”, “Crimean khans”, “Astrakhan khans.

For citation: Aksanov A.V. On the Book by A.N. Kurat “Turkic Tribes and States in the Volga and Northern Black Sea Regions in the 4th–18th centuries” (Collected Writings. Book 2). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 685–687.

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation). E-mail: aksanov571@gmail.com

Received July 1, 2016

Accepted for publication August 31, 2016

ХРОНИКА

УДК 94

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
«РОССИЯ И ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ»
(ЕЛАБУГА, 21–22 АПРЕЛЯ 2016 Г.)**

М.С. Гатин

*Казанский федеральный университет
420008, Казань, Российская Федерация
E-mail: marat_gata@mail.ru*

21–22 апреля в г. Елабуге (Республика Татарстан) состоялись Международный научный симпозиум «Россия и тюрко-мусульманский мир: историко-культурные связи» и VIII международная тюркологическая конференция «Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии».

Организаторами международного симпозиума и конференции выступили кафедра татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения и Елабужский институт Казанского федерального университета.

В международном научном мероприятии приняли участие около 150 ученых и исследователей из России, США, Литвы, Казахстана, Кыргызстана, Армении, Грузии и других стран. Основной целью мероприятия было обсуждение научных проблем истории, культуры, языка и литературы тюркских народов, роли и места ислама в их исторической судьбе.

Работа международного симпозиума проходила по девяти тематическим направлениям. Среди которых была и секция «Средневековая история и археология тюркских народов». С докладами выступили ведущие ученые и исследователи средневековой татарской истории, среди них профессор Висконсинского университета Юлай Шамильоглу (США), член-корреспондент АН РТ, заместитель директора по развитию Института археологии АН РТ Ф.Ш. Хузин, профессор КФУ Х.Ю. Миннегулов, ведущий научный сотрудник Института истории АН РТ Д.М. Исхаков, профессор НИУ ВШЭ в С.-Петербурге Р.Ю. Почекаев, доцент КФУ А.З. Нигамаев, старший научный сотрудник Института истории АН РТ Б.Р. Рахимзянов, доцент КФУ М.С. Гатин, старший научный сотрудник Института истории АН РТ Т.Ф. Хайдаров и многие другие.

Ключевые слова: Международный научный симпозиум, исследователи, ислам, доклад, история.

Для цитирования: Гатин М.С. Международный научный симпозиум «Россия и тюрко-мусульманский мир: историко-культурные связи» (Елабуга, 21–22 апреля 2016 г.) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 688–689.

Сведения об авторе: Марат Салаватович Гатин – кандидат исторических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: marat_gata@mail.ru

Поступила 27.05.2016 г.

Принята к публикации 15.07.2016 г.

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC SYMPOSIUM
“RUSSIA AND THE TURKIC-MUSLIM WORLD: HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS”
(YELABUGA, APRIL 21–22, 2016)**

M.S. Gatin

*Kazan Federal University
Kazan 420008, Russian Federation
E-mail: marat_gata@mail.ru*

April 21–22, in the city of Elabuga (Republic of Tatarstan) there have been held International Scientific Symposium “Russia and the Turkic-Muslim World: Historical and Cultural Relations” and VIII International Turcologists’ conference “Islam and the Turkic World: Issues of Education, Language, Literature, History and Religion”.

The organizers of the International Symposium and the conference were the Department of Turkology and Tatar studies of the Institute of International Relations, History and Oriental studies and the Yelabuga Institute of Kazan Federal University.

The international academic event was attended by about 150 scholars and researchers from Russia, the US, Lithuania, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia, Georgia and other countries. The main purpose of the event was to discuss the research issues of history, culture, language and literature of Turkic peoples, the role and place of Islam in their historical destiny.

Keywords: International Scientific Symposium, researchers, Islam, talk, history.

For citation: Gatin M.S. International Scientific Symposium “Russia and the Turkic-Muslim World: Historical and Cultural Relations” (Yelabuga, April 21–22, 2016). *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 688–689.

About the author: Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Docent at the Department of Turkology and Tatar studies of the Institute of International Relations, History and Oriental studies of the Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation). E-mail: marat_gata@mail.ru

Received May 27, 2016

Accepted for publication June 15, 2016

Издание подготовлено и осуществлено в рамках
Распоряжения Кабинета Министров Республики Татарстан
№ 2561-р от 12.11.2015 г.

This publication has been prepared and carried out according to the decree
№ 2561 on November 12, 2015
of the Cabinet of Ministers of Republic of Tatarstan

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of
Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder of
exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this
publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without
permission of the rights holder is prohibited.

Правила для авторов смотрите на сайте журнала: <http://goldhorde.ru>

Instructions to authors look at the website of the journal: <http://goldhorde.ru>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2016. Т. 4, № 3
GOLDEN HORDE REVIEW. 2016. Vol. 4, no. 3

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 15.09.2016 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 14,0 Тираж 500 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство «Центр инновационных технологий»
420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231–05–46, 231–08–71
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

Федеральное государственное унитарное предприятие "ПОЧТА РОССИИ"
Бланк заказа периодических изданий

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на газету
журнал
ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
(наименование издания)

31999

(индекс издания)

Количество комплектов

на 2017 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		X			X			X			X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

31999

(индекс издания)

пв место литер

На газету ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
журнал (наименование издания)

Стоимость	подписки	2124 руб.	коп.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	коп.	
	переадресовки	руб.	коп.	

на 2017 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		X			X			X			X

(почтовый индекс)					
код улицы					
дом	корпус	квартира			

город

село

область

район

улица

Фамилия, и., о.

